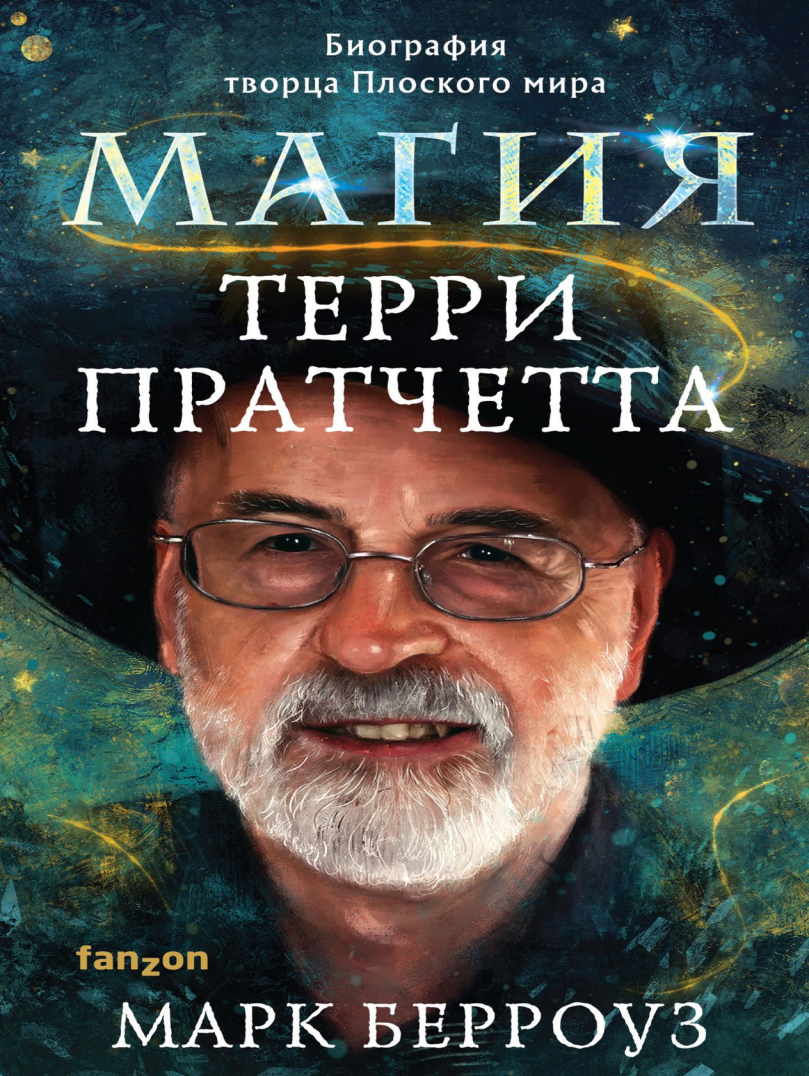
Биография
творца Плоского мира

МАГИЯ ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА



fanzon

МАРК БЕРРОУЗ

Магия Терри Пратчетта. Биография творца Плоского мира

Марк Берроуз

Аннотация
Марк Берроуз. Магия Терри Пратчетта. Биография творца Плоского мира
Благодарности
Предисловие
Вступление
Глава 1. Однажды
Глава 2. Молодой писатель
Глава 3. Ученик журналиста
Глава 4. «Люди ковра» и другие рассказы
Глава 5. Туда и обратно
Глава 6. Темные стороны и Плоские миры
Глава 7. «Цвет волшебства»
Глава 8. Запуск «Безумной звезды»
Глава 9. Над землей
Глава 10. Когда мы вновь увидимся втроем?
Глава 11. Детский писатель
Глава 12. Сатанинские стихи: создание культовой классики
Глава 13. Поговорим о Кевинах
Глава 14. Девяностые и мания Плоского мира

Глава 15. Немного уважения
Глава 16. Крысы, кошки, мел и сыр
Глава 17. Препятствия
Глава 18. История рыцаря
Глава 19. Долго и счастливо
Эпилог. Сигареты
Библиография
Вкладка

Аннотация

Перед вами уникальная и полная биография сэра Терри Пратчетта. Сэр Терри был самым успешным из ныне живущих писателей Великобритании – по всему миру продано более 100 000 000 экземпляров его книг. Романы из цикла о Плоском мире переведены на 38 языков и представлены в виде фильмов, сериалов, пьес, компьютерных и настольных игр.

Марк Берроуз погружается в историю Терри Пратчетта – одного из самых любимых писателей Великобритании. Детство в маленьком городке, работа журналистом и путешествие длиной в более чем 60 бестселлеров, которое привело к Ордену Британской Империи, рыцарскому званию и статусу национального достояния.

«Магия Терри Пратчетта» – результат кропотливых архивных исследований, а также интервью с друзьями и современниками, которые знали настоящего человека под знаменитой черной шляпой и помогли собрать воедино полную историю одной из самых за-

мечательных и любимых фигур британской литературы.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Марк Берроуз
Магия Терри Пратчетта. Биография творца Плоского мира

© Гольдич В.А., Оганесова И.А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается сэру Терри, чье имя никогда не забудут

Благодарности

Эта книга — результат целого года напряженной работы, и она вышла в свет только благодаря поддержке, щедрости и доброй воле небольшого количества людей.

Прежде всего, я бы хотел поблагодарить Колина Смайта, многолетнего агента и первого издателя книг Терри. Хотя мы так и не организовали официальное интервью, он с бесконечным терпением отвечал на мои вопросы, а его превосходный веб-сайт, colinsmythe.co.uk, — настоящий ключ к карте жизни Терри Пратчетта. Без него я бы не сумел проложить путь в лесах и горах Плоского мира. Также я бы хотел поблагодарить персонал библиотеки Сената, где сейчас находится большая часть архива Колина, и прежде всего Марию Кастрилло и ее команду, которые неизменно оказывали мне огромную помощь.

Книга не представляла бы интереса без вклада тех, кто в течение многих лет знал или работал с Терри. Эти люди помогли мне увидеть человека за шляпой. Огромное спасибо Дэвиду Лэнгфорду, Роджеру Пейтону, Робу Хансену, Чарльзу Платту,

Кристоферу Присту, Роберту Рэнкину, Найджелу Плейнеру, Эду Джеймсу, Джулиусу Уэлби, Ивану Спэрроу, Дженис Рейкрофт (а также Хелен Кларк), Мартину Уэйнрайту, Джеральду Уокеру, Тони Бушу, Барбаре Штайнберг, архиву Джоша Кирби и замечательной Джо Флетчер, каждый из которых добавил щепотку (в некоторых случаях пригоршню, а то и целый вагон) столь необходимых специй для данного блюда.

Моя огромная признательность Джейсону Ринсвинду Энтони-Роуландсу и в особенности Рейчел Энтони-Роуландс из невероятно разностороннего Ежемесячника Плоского мира (DiscworldMonthly.co.uk), ставшими совершенно неоценимым источником в данном предприятии. Я буду навсегда благодарен за их помощь, и за мной остается выпивка на DWCon.

Я также хотел бы сказать спасибо Нилу Гейману, Рианне Пратчетт, Робу Уилкинсу, Стивену Бриггсу, Полу Кидби, Бернарду и Изабелле Пирсон и в особенности фонду сэра Терри Пратчетта за их участие в этой работе.

Книга никогда бы не увидела свет без энтузиазма и терпения моего редактора (и охотника за талантами) Кейт Богданович, которой пришлось разбираться с множеством нервных и нетер-

пеливых посланий по электронной почте. Она также заслужила бутылку чего-то хорошего за то, что позволила мне сохранить больше шуток, чем я рассчитывал, среди прочего, о помощниках редактора. Спасибо всем из Pen and Sword, в особенности Лори, Эйлин, Джонатану, Лауре и Алисе.

Я хотел бы поблагодарить Аманду Ангус за ее орлиный глаз при чтении корректуры и вовремя сделанные замечания, которые помогли мне больше, чем она могла представить. Неужели прошло так много времени? Я бы также хотел сказать спасибо Эндрю, Энди и Джез за то, что помогали мне отвлечься — иногда это было совершенно необходимо.

И, наконец… без моих родителей и деда, которые в 1992 году вручили одиннадцатилетнему мне романы «Цвет волшебства» и «Стража! Стража!», я бы никогда не пустился в столь рискованное путешествие. Вот почему за это и миллион, нет, миллиард других вещей я буду вечно говорить вам спасибо.

Если вам понравилась книга, вы можете поблагодарить указанных людей. Если нет, это лишь моя вина.

Марк Берроуз
Декабрь 2019 года, Лондон.

Предисловие

Трудно должным образом оценить Терри Пратчетта. Поначалу может сложиться впечатление, что он этакий Санта-Клаус. Белая борода, запоминающаяся шляпа, доставка подарков (по меньшей мере) раз в году, обычно на Рождество. Но он гораздо сложнее, чем этот святой, и куда незауряднее своего аналога, Санта-Хрякуса, и неважно, как сильно вы любите колбаски. Пратчетт знал, что добро далеко не всякий раз вознаграждается, а зло не всегда получает уголек в новогодний чулок. Он не сомневался, что добродетель уже сама по себе награда, и никто другой не станет вас особенно благодарить. Он знал, что люди, по сути своей, не являются плохими или хорошими, и желание приписать их действиям что-то еще приведет лишь к безумию. Он научил меня — всех нас — гораздо большему, чем Санта-Клаус за все долгие годы своей деятельности. Вот почему значение Терри Пратчетта не следует преуменьшать до веселого портрета Санты.

Как и большинство книжных червей моего поколения, я не помню, когда в первый раз увидела

книгу Терри Пратчетта. Они словно всегда были со мной, а яркие цвета и изощренные рисунки Джоша Кирби[1] зазывали меня, хотя отсутствие картинок внутри указывало, что книги предназначены для более взрослых читателей. Наконец, я взяла в местной библиотеке «Мора, ученика Смерти» и моментально влюбилась в интонации и язык этого проклятого Плоского мира. В течение нескольких лет я поглощала все произведения Пратчетта, до которых могла добраться, а потом перечитывала снова с самого начала (я и сейчас иногда так поступаю, когда мне требуется поднять настроение). В возрасте 17 лет я решила сдавать вступительный экзамен в Оксфордский университет и обратила внимание на то, что в экзаменационных листах по английскому языку всегда имеется вопрос: «Включить в список любого не указанного здесь писателя». Ага! Значит, у меня будет шанс целыми днями читать книги про Плоский мир и называть это учебой, вместо того чтобы корпеть над еще одним эссе по Шекспиру. Я так и не узнала, помог или помешал мой ответ, но мне всегда нравилось думать, что помог

[1] Примечания: 1

Джош Кирби (1928–2001) — художник обложек многих научно-фантастических книг, в том числе романов серии «Плоский мир» Терри Пратчетта. (*Примеч. пер.*)

(экзамен я, кстати, прошла). В конце концов, все уважаемые журналисты сравнивают Терри Пратчетта с Чарльзом Диккенсом (не самая лучшая похвала, на взгляд меня-подростка), поэтому я считала, что неплохо справилась.

Я никогда не писала Пратчетту восторженных писем, и, с одной стороны, не хотела тратить его время, а с другой — сомневалась, что мне есть что сказать, кроме: «О, Господи, почему вы такой великий? Давайте дружить?» Возможно, мне и сейчас нечего добавить, если не считать того, что я последовала по его стопам и стала журналисткой и писательницей. Но когда Марк Берроуз попросил меня представить эту с любовью написанную книгу, на которую было потрачено столько усилий, у меня появился шанс восполнить потерю, потому что книга Марка — дань любви и уважения. В ней рассказывается, как парень по имени Терри Пратчетт стал *сэром* Терри Пратчеттом, как он оттачивал свое писательское мастерство с самых ранних произведений, пока не научился писать по нескольку блистательно остроумных историй каждый год. Так возник детальный, законченный портрет человека, который «вовсе не веселый эльф», как выразился Нил Гейман, но и не старый скряга,

коим иногда Пратчетт любит представляться. Жизнь, описанная Марком, в своей обычности и экстраординарности не может не вдохновлять.

Дело в том, что Терри Пратчетт всегда забавен, неизменно умен, далеко не равнодушен, но еще и полон ярости, и именно сочетание всех этих компонентов заставляет его работы петь. Я сравнительно начитанный человек, но фразы и теории из его книг эхом повторяются у меня в голове чаще, чем чьи-то другие, именно благодаря наполняющему их бурлящему озорству. Экономическая теория «сапог» Ваймса — чрезвычайно полезный инструмент, объясняющий дороговизну бедности. Эксцентричное сострадание и справедливое уважение его Смерти есть вдохновляющая альтернатива религии. А «головология» матушки Ветровоск исследует человеческие слабости лучше, чем любые философские учебники. И совсем не случайно она появляется и в «Пастушьей короне», последней книге Пратчетта. В матушкиных способностях и проницательности несгибаемой убежденности в том, что правильно, много от самого Терри Пратчетта. Но он присутствует и в ее старательно спрятанном добром сердце.

Многие из самых запоминающихся персонажей

Пратчетта в конце развиваются в одном и том же направлении. Ваймс становится семейным человеком и неподкупным гражданином, который, сидя за своим письменным столом, бросает пронзающие насквозь взгляды на весь мир (как фирменные пирожные «буравчики» в гномьей кулинарии на Цепной). Матушка становится в большей степени наставницей молодой ведьмы Тиффани Болен, чем главной героиней романа. По мере того как болезнь Пратчетта ограничивала его физические возможности, у главных персонажей также начали возникать сложности, во всяком случае, в том, что касалось их тел. Но в последние годы и в последней книге есть еще и Тиффани. И его самая юная героиня обретает силу, становится лидером в постоянно меняющемся ландшафте Мела, и мир остается в надежных руках. И это не случайность. Даже в самом конце Терри Пратчетт смотрел вперед, выказывая надежду, вопреки опыту, он верил, что новое поколение может оказаться мудрее и лучше предыдущего.

Его неизменный оптимизм сдерживал гнев на несправедливости и глупость мира и сиял вместе с его юмором. Вот почему сравнение с Санта-Клаусом не *совсем* абсурдное. Человек, которого

Марк открывает нам, под маской цинизма и осторожности, как мне кажется, верил в людей, ведь он писал книги, делающие нашу жизнь лучше. И за это я всегда буду ему благодарна.

«Человек не умирает до тех пор, пока звучит его имя».

ГНУ Терри Пратчетт.

***Хелен О'Хара*[2],**
2020 год.

---

[2] Примечания: 2

Хелен О'Хара — писатель и журналист, главный редактор журнала Empire.

Вступление

Я упустил свой единственный шанс встретиться с Терри Пратчеттом. Он был моим любимым писателем с одиннадцати лет, в начале девяностых, но меня никогда не привлекала идея стоять в очереди, чтобы подписать книгу или участвовать в конвентах. Меня вполне устраивало почитание автора у себя в спальне посредством маниакального чтения его произведений, ну и еще я регулярно допекал своих друзей цитатами.

В 2010 году Терри пригласили в качестве гостя на передачу BBC Radio 4 «Музей любопытства» (The Museum of Curiosity), созданную моим другом Дэном. Дэн знал, что я большой любитель книг Пратчетта, и позвал меня на запись, но по какой-то причине — теперь, через десять лет, я уже не в силах ее вспомнить, — я не смог принять в ней участия. На следующий день Дэн рассказал, как после шоу они с Терри Пратчеттом и его ассистентом Робом Уилкинсом замечательно провели время в баре, обменивались шутками и болтали о различных проблемах мира. Я пришел в ужас. Так я упустил шанс свободного общения со своим

самым любимым автором всех времен. И тогда я решил, что должен с ним подружиться, взять интервью или хотя бы похитить Терри Пратчетта — иными словами, любой ценой добиться с ним встречи.

Но, как это ни печально, такого шанса мне больше не представилось. Я попал на конвент Плоского мира в 2012 году, но мне не удалось взять интервью, а Терри, по мере того как его здоровье ухудшалось, существенно сократил свои появления на публике. В общем, я так и не познакомился с Терри Пратчеттом. Быть может, оно и к лучшему — все, кто его знал, часто повторяли, что Терри не переносил глупцов. Так как я считаю себя совершенно неизлечимым глупцом, возможно, даже в мои лучшие дни наша встреча прошла бы не лучшим образом.

Я заговорил об этом за чашкой чая с Джо Флетчер, приятельницей Терри, которая одно время была его редактором, и спросил, не согласится ли она дать мне интервью для моей книги. И она задала встречный вопрос, который раньше не приходил мне в голову. Если я не знал Терри Пратчетта, если никогда *не встречал* Терри Пратчетта, почему я хочу написать о нем книгу? Я ушел с той встречи, размышляя над ответом. И

вот что придумал.

Моя книга — единственный для меня шанс встретиться с Терри Пратчеттом. Кстати, как и ваш. Это *наш* шанс изучить его бесконечно завораживающую и долгую (хотя и недостаточно) жизнь, его ум, его колючий характер и, если уж быть честным до конца, невероятную дотошность, все, что имеется в каждой из его книг, начиная от «Людей ковра» и заканчивая «Пастушьей короной».

Увы, Терри Пратчетта гораздо больше, чем я способен вместить в эту биографию. Наверное, следовало написать эссе на каждый из его романов, а также отдельную книгу о деяниях поклонников. Один только форум alt.fan.pratchett мог бы занять целый том. Я старался придерживаться наиболее значительных фактов и событий жизни Терри Пратчетта, повлиявших на его работу, а также примеров из книг, основанных на его жизненном опыте.

И тут я должен кое о чем вас предупредить. Не верьте всему, что читаете. Одним из самых любимых авторов Терри Пратчетта был Марк Твен, величайший американский сатирик, рассказчик небылиц и приключенческих историй. Твен известен тем, что он тщательно шлифовал свои

истории; а работы, которые он представлял как автобиографические, имели лишь минимальную опору на исторические факты. Намек на это — часто совершенно непреднамеренно — можно найти и в воспоминаниях самого Терри. Многие из доведенных им до совершенства историй — если вам удавалось докопаться до настоящих событий — оказывались куда занимательнее, чем способна преподнести нам реальность. Он рассказывал их так много раз, что потерял границу, за которой заканчивались факты и начиналось их приукрашивание. Как он сам однажды сказал во время вступительной речи в колледже «Тринити» в Дублине, где получил должность почетного профессора, «мое подсознание автора и в прошлом журналиста, вероятно, верит, что каждая цитата только выиграет от легкой, но искусной полировки. Как однажды говорил Дуглас Адамс — если я правильно помню, — «после того, как ты так часто рассказываешь о себе, то уже и сам не очень уверен, что произошло на самом деле».

Я постарался выделить истории с возможными преувеличениями или подчеркнуть места, о которых существуют иные точки зрения. Где-то я почти уверен в излагаемых фактах, в других случаях лишь догадываюсь об этом, о чем и сооб-

щаю, а порой рисковал и верил автору, но ведь он вполне мог быть ненадежным свидетелем. К тому же, кто мы такие, чтобы утверждать, какая из версий является истинной? Более того, в бесконечной вселенной, на квантовом уровне, *каждая* версия истинна и правомерна. Вопрос в том, чтобы выбрать удобную вам «штанину времени». И, если вы не в состоянии сами принять решение, всегда можно получить удовольствие, задержавшись в области перед штанинами.

Однажды, в будущем, ассистент и друг Терри Роб Уилкинс, которого Нил Гейман называл «представителем Терри на Земле», наконец допишет его биографию, основанную на записях Терри и собственном опыте. Быть может, тогда мы и получим ответы на некоторые вопросы или — кто знает? — возможно, и нет. Терри учился на журналиста, но также рассказывал самые разные истории, что далеко не всегда одно и то же. Вы получаете ту правду, какую он сам хотел до вас донести.

Год, который я провел, работая над этой книгой, был одним из самых счастливых в моей профессиональной жизни. У меня возникало ощущение, будто я каждый день встречал Терри, *мою* версию Терри, и получал удовольствие, проводя с ним

время. Надеюсь, вы испытаете такие же чувства.

Глава 1
Однажды

Давайте начнем так, как мог сделать Терри…

Мы видим вселенную, усеянную звездами, расчерченную хвостами комет.

Здесь нет черепах, но вид все равно впечатляет.

Смотрим.

Позволим диковинному сферическому миру неуклюже вкатиться в поле зрения, подобно бильярдному шару после неудачного удара в снукере. На нем видны континенты, и океаны, и шапки ледников, и вы готовы поклясться, что они стали немного меньше с тех пор, как вы в последний раз на них глядели.

Смотрим…

…на промокший от дождей остров на верхней правой части шара и зеленое пятно посреди стальной голубизны и…

…смотрим…

…на юго-восток острова. Находим самый большой город, этот расползшийся туманный клубок серого цвета, затем позволяем глазам скользнуть

немного левее и выше; туда, где заметно больше зеленого между серыми кусочками, и…

…смотрим…

…на большую деревню или маленький городок (кому как), окруженный лесами и холмами, и…

…смотрим…

…на крошечную библиотеку, точнее, две комнаты, заполненные книгами. Не слишком большие комнаты. И все же это библиотека. И…

…смотрим…

…на маленького для своего возраста мальчика, пытающегося засунуть слишком много книг в школьный ранец. Это Теренс Дэвид Джон Пратчетт, возвращающийся домой в расположенный неподалеку Форти-Грин, чтобы погрузиться в мир слов. Его ногам потребуется лишь несколько минут, чтобы туда добраться, но слова унесут его очень, очень далеко.

На самом деле Форти-Грин в Бакингемшире, Англия, уже давно должен был перестать существовать. Это одна из тех крошечных деревушек, простоявших на своем месте так долго, что они остаются на карте исключительно по привычке. Согласно переписи 1881 года, там было десять домов, а семьдесят лет спустя их число едва-едва удвоилось в количестве. Соседний городок

Беконсфилд постепенно разросся и полностью поглотил деревушку вместе с ее соседями — Нотти-Грин и Холтспур.

Форти-Грин — это место, где заканчивается Беконсфилд, точно листок, приставший к игрушечной лодочке. За его границами на многие мили тянутся холмы, поросшие лесом, пруды, ручьи и рощи. Терри Пратчетт вырос вместе с Чилтерн-Хилс, сыгравшим в его детстве роль садика на заднем дворе. Идеальный ландшафт для приключений мальчика, вооруженного необузданным воображением и велосипедом. Шир начинался от самого порога его дома.

Терри родился 28 апреля 1948 года в родильном доме в Кинеллане, Беконсфилд. Его родители, Дэвид и Эйлин, поженились в соседнем Эмершеме в 1942 году, но решили подождать, прежде чем заводить детей. В их жизнь, как позднее рассказывал Терри в передаче BBC Radio 4 «Диски Необитаемого острова» (Desert Island Discs), ворвалась Вторая мировая война. Дэвиду было ровно 19 лет, когда она началась, и он пошел добровольцем в *ВВС Великобритании,* как только ему исполнился 21 год. Он воевал рядом с Карачи, в стране, которая тогда называлась Британской Индией, а теперь — Пакистан, вернулся в послевоенную Англию,

пережившую бомбежки и нормирование продуктов и отчаянно желавшую рожать детей. Тем не менее в отличие от многих других представителей их поколения, немедленно приступивших к восстановлению количества населения, прошло три года, прежде чем Эйлин забеременела. Терри также не спешил явиться в мир, родившись на несколько дней позже положенного срока.

Семья жила не богато, но и не бедствовала. В течение всего детства Пратчетта Дэвид и Эйлин работали, отец — автомехаником[3], а мать — секретаршей. Оба прекрасно подходили для своих профессий. Дэвид был мастером на все руки, он делал самые разные вещи и чинил их, возился с радиоприемниками и постоянно занимался реализацией множества проектов. Между тем Эйлин отличалась практичностью и организованностью, любила книги. Они жили в небольшом коттедже без электричества, и им приходилось делить один водопроводный кран (с холодной водой) с семьей из соседнего дома. Через день Дэ-

[3] Примечания: 3

Во многих очерках о Пратчетте его отца называют более высоким словом «инженер», что технически не совсем верно. Дэвид Пратчетт не строил паровые машины и не конструировал мосты; он чинил автомобили, что само по себе являлось серьезной работой, требующей мастерства, так что нет нужды заниматься преувеличениями. Миру пришлось бы очень непросто без механиков. (*Примеч. авт.*)

вид брал шланг и наполнял для домашних нужд цистерну на кухне. Освещался дом газовыми лампами и свечами, и Эйлин покупала огромные батареи для работы радиоприемника. Кроме того, они пользовались передвижной туалетной кабинкой — сиденьем с резервуаром, стоявшим в сарае, — его опорожняли раз в неделю вручную, чтобы удобрять помидоры, росшие в глубине сада. По современным стандартам такая жизнь представляется тяжелой, но в конце сороковых в Британии подобная ситуация считалась вполне нормальной для семей рабочего класса. Терри говорил, что в те годы после «Лондонского блица»[4] следовало радоваться, что у тебя вообще есть дом.

Пратчетты были самой обычной британской семьей тех времен, а Дэвид и Эйлин — хорошими родителями, пусть внешне и не очень нежными. Внучка, Рианна, описала их в 2018 году в очерке для The Guardian как добрых, но суховатых людей, не склонных к демонстрации чувств[5]. Они выра-

---

[4] Примечания: 4

Бомбардировка Великобритании авиацией гитлеровской Германии в период с 7 сентября 1940 года по 10 мая 1941 года. (*Примеч. пер.*)

[5] Примечания: 5

Это многое объясняет в книгах Пратчетта. Если честно, кого из его персонажей можно назвать любителями «обнимашек»? (*Примеч. авт.*)

жали любовь через творческое начало в ремесле. Дэвид помогал сыну делать тележки и строить домики на деревьях, они вдвоем мастерили собственные коротковолновые радиопередатчики и даже вступили в Чилтернский клуб радиолюбителей, где получили позывной «Самогон R1155». Большая часть карманных денег Терри уходила на покупку батареек, конденсаторов и прочих электрических деталей. Дэвид ужасно гордился сыном, когда тот оборудовал электричеством садовый сарай и, используя магнитный генератор, получил удар током, когда коснулся рукояти.

Эйлин же часто общалась с Терри, поощряя того к чтению, и старалась развивать его воображение. У нее были ирландские корни, и она рассказывала сыну разные легенды, знакомила с фольклором, обращаясь к воспоминаниям, сохранившимся у нее в памяти от общения с собственной бабушкой. Умная и образованная женщина, знавшая множество забавных историй, Эйлин обладала необычным чувством юмора — к примеру, назвала домашнего любимца черепаху Фидиппидом в честь греческого героя, пробежавшего от Марафона до Афин после сражения. Терри рос, познавая иронию, когда гулял в домашнем саду, поедая салат-латук. Эйлин

любила «придать блеск» истории, и привила эту привычку сыну, который часто корректировал собственные анекдоты, чтобы сделать их более эффектными. Она же первой поддержала Терри, когда он решил заняться писательством.

Но попытки написания первых рассказов и даже чтение пришли в мир Терри довольно поздно. Сначала его творческие способности проявлялись в мечтательности, любопытстве и склонности к самоанализу. Он часто описывал людей, используя понятие цвета, говорил, что ему кто-то нравится, потому что он «пурпурный» или «коричневый», но это не имело отношения к цвету кожи. В детстве его воображение меняло мир, создавало возможности и сценарии, далекие от приземленной реальности, которая его окружала. Он вспоминал, как однажды возвращался из школы домой через старую каменоломню и представил диковинную доисторическую рыбу, плавающую по стенам и полу мелового карьера, как в воде. Старый железный остов кровати в саду превращался в пиратский корабль, летающую тарелку или замок, как в тот момент требовало его воображение. В пять лет мать привела его в универмаг «Геймаджес» в Лондоне, чтобы показать Санта-Клауса. Ошеломленный рядами

игрушек на полках, ярким светом и мерцанием огней, Терри потерялся и бродил по магазину один. Запаниковавшая Эйлин нашла его на эскалаторе, погрузившимся в мир грез. Для юного Терри магазин стал вселенной безграничных возможностей. Этот опыт навсегда остался с ним и вдохновил на написание детского романа «Угонщики». Позднее, в 2005 году, он рассказал на конвенции в Блумингтоне, штат Миннесота, что многие идеи, которые легли в основу Плоского мира, родились у него именно тогда.

Терри вырос в системе англиканской церкви, но лишь из-за того, что к ней принадлежало большинство. Он посещал церковь в школе, ходил в воскресную школу в жестяном шатре[6] (в 2012-м он рассказал в интервью The Scotsman, что, возможно, воскресная школа являлась лишь поводом для родителей заняться в его отсутствие чем-то личным). Как и родители, он женился в англиканской церкви. Много позднее он расскажет Telegraph, что, хотя в течение всей своей писательской карьеры он открыто критиковал организованную религию, англиканская церковь нравилась ему тем, что она прекрасно подходит

[6] Примечания: 6

Общее название для церковных зданий, сделанных из рифленого железа, прежде всего в Великобритании. (*Примеч. пер.*)

английскому национальному характеру. Оба его родителя исполняли все необходимые обряды для видимости, и вера в бога едва ли влияла на их семейную жизнь. Когда местный викарий нанес им неожиданный визит, он заметил фигурку Будды, которую Дэвид Пратчетт привез с войны. Он тут же объявил ее «языческой иконой», за что Эйлин тотчас выставила его за дверь.

Среди предков Эйлин имелись католики, но влияние католицизма мгновенно исчезло, как только один из благочестивых членов семьи не одобрил ее брак в лоне англиканской церкви и объявил, что ее дети будут внебрачными[7]. Единственным упоминанием о католических корнях Эйлин в доме Пратчеттов было старое распятие, которое она хранила до самой смерти. Терри обратил на него внимание в шесть лет и, к удивлению матери, пришел к выводу, что Христос, так похожий на живого человека, висит на кресте, точно воздушный гимнаст. Религия так мало значила в его жизни, что он просто ее не признавал. Ее образ появится позднее в науч-

[7] Примечания: 7

Пратчетт вспоминал эту историю в 2013 году, когда участвовал в мероприятии Live at the House в Сиднейском оперном театре, где сказал бравшему у него интервью писателю Гарту Никсу, что, фигурально, так и оказалось. (*Примеч. авт.*)

но-фантастическом романе «Страта».

Тем не менее базовое христианское послание сумело проникнуть в его сознание в варианте «облегченного Иисуса», как он сказал в 2013 году в Сиднейском оперном театре, «люди знают, что сказал Иисус, — в основном то же самое говорят Билл и Тед, — просто будьте добры друг к другу, а больше ничего и не надо. Это хорошее начало, вам не требуется ходить в церковь, нужно лишь принять «золотое правило». Духом его слов будут пронизаны все книги, где законы элементарной порядочности станут постоянной темой.

Когда Пратчетт говорил о своем раннем детстве, он чаще всего использовал слово «идиллическое». Бесконечные поля, окружавшие Форти-Грин, словно были созданы для бесконечных приключений, прекрасно знакомых всякому, кто жил в сельской местности Англии. Множество деревьев, на которые так здорово забираться, ручьи, идеальные для возведения запруд, леса и рощи, отлично подходящие для строительства берлог и шалашей. В качестве своего вклада в книгу 1996 года «Воспоминания знаменитостей о детских играх и детстве» (Playground Memories), собрание детских воспоминаний знаменитостей, Терри объяснил, как он и банда из четырех или пяти

детей с грязными, разбитыми коленками собирались в Пуританском лесу, небольшой роще, окружавшей меловой карьер, и он превращался — в их воображении — в древний лес или любое другое место, которое требовалось для их игр. Там они сражались с чудовищами, устраивали драки и предавались любимому занятию мальчишек: безумным прыжкам с высоты. В данном случае идея состояла в том, чтобы взобраться на молодой бук, перепрыгнуть с него на соседний и соскользнуть вниз по гладкому стволу, удачно избежав объятий веток с шипами кустарника падуба. Детство Терри, как он сам сказал The Times в 2005 году, было похоже на бесконечный летний день.

В отличие от большинства людей послевоенного поколения у Терри не было ни братьев, ни сестер. Позднее он скажет, что хоть и был единственным ребенком, но не чувствовал себя одиноким. Эта тема возникнет в его работах множество раз. Будучи писателем для взрослых, Пратчетт создал множество юных персонажей, от тревожного и склонного к созерцанию Джонни Максвелла из «Только ты можешь спасти человечество» до Адама из «Благих знамений», Эскарины из «Творцов заклинаний» и Тиффани Болен, едва ли не лучшего его творения, из

«Маленького свободного народца». Все они либо единственные дети, либо имеют братьев и сестер, но те не играют существенной роли в их жизни. Все они благоразумные дети, вполне удовлетворенные компанией друзей и своей собственной. На самом деле, единственный случай, когда Пратчетт пожалел об отсутствии братьев или сестер, произошел тогда, когда старший брат мог бы защитить его от хулигана на детской площадке. В остальном он смотрел только вверх: получал больше внимания родителей, семья не напрягалась, чтобы находить деньги для подарков, и ему никогда не приходилось делиться с кем-то игрушками.

Существует множество печальных историй о единственном ребенке из нищей семьи, который стал знаменитым писателем. На этих идеях, основанных на несчастьях, построено целое поколение литературы. Ничего подобного не присутствовало в жизни юного Терри Пратчетта. Его любили родители, к нему прекрасно относились друзья. У него было идеальное детство, если бы не один решающий фактор — со временем ему пришлось идти в школу.

Формально образование Терри началось в 1953 году, на день позднее, чем у всех его однокласс-

ников. Пратчетты уехали в отпуск, и конец их путешествия пришелся на начало учебного года. Семейный отдых означал долгие месяцы экономии, поэтому они не пожелали сокращать его даже на один день. Типичное поведение Дэвида и Эйлин, которые всегда предпочитали качественно проведенное семейное время любым земным обязательствам.

Терри появился у ворот школы на второй день занятий и обнаружил, что другие дети уже образовали в классе дружеские группы и иерархию, распределили места и все самые удобные крючки для одежды. (Терри достался крючок с парой вишенок, все остальные вешали свои вещи под солдатами и космическими ракетами. Эти скучные вишни стали блестящим алым знаком его статуса аутсайдера.) В общем, школьная карьера Терри началась самым неудачным образом.

Он посещал начальную школу в графстве Холтспур, расположенную на Черри-три-роуд, совсем близко от его дома в Форти-Грин. Холтспур была типичной деревенской школой, где училось около ста учеников. Она открыла свои двери всего за два года до появления в ней Пратчетта и размещалась в современных зданиях из красного кирпича, а также там имелась огромная спор-

тивная площадка. Школой управлял директор Генри Уильям Тейм, известный как Г.У. Тейм. Неформально его называли Билл. Опытный и энергичный педагог, принимавший участие в создании новой школы, оставался ее директором в течение следующих тридцати лет. Тейм оказал такое огромное влияние на юного Терри Пратчетта, что тот до конца жизни не доверял учителям и официальному образованию.

Во многих отношениях Тейм был первооткрывателем. Он опубликовал две книги по сексуальному образованию «Время взрослеть» (Time To Grow Up) в 1966 году и «Питер и Памела выросли» (Peter and Pamela Grow Up) в 1969-м, которые противоречили консервативным взглядам того времени, сочинил школьный гимн и придумал — и часто в ней участвовал — школьную пантомиму. Многие дети, оказавшиеся в заботливых руках Тейма, его обожали, а после его кончины в 2002 году местные жители вспоминали его с огромной любовью. Среди множества выражений признательности в местной прессе странным образом отсутствовало имя «Терри Пратчетт». Но в этом не было ничего удивительного. Когда Терри исполнилось шесть, Тейм поставил на нем крест, посчитав, что Пратчетту

не удастся добиться успеха в жизни.

Закон об образовании, принятый в 1944 году, требовал от учеников Англии и Уэльса сдавать экзамен во время последнего года обучения в начальной школе — знаменитый «Одиннадцать плюс» — после которого дети переходили в среднюю школу (те, кто обладал способностями), технический колледж (для практического обучения) или в среднюю современную школу (для всех остальных), и их дальнейшая жизнь определялась полученными отметками. В теории, они вступали в критическую стадию образования в обстановке, где их учили в соответствии с академическими потребностями преподаватели, которым не приходилось ориентироваться на тех, чьи способности выше или ниже среднего уровня. Такая практика, известная как «трехсторонняя система образования», давно вызывала споры, и многие политики и учителя утверждали, что она запирает социальные структуры. Дети, больше других нуждавшиеся в помощи, как правило, жили в бедных семьях и лишались возможности попасть в серьезные учебные заведения; а более способные дети, нередко из обеспеченных семей, имели доступ к качественному образованию — их куда чаще поддерживали в стремлении

учиться дома, и они получали шансы на лучшее будущее. Система потеряла поддержку, когда в шестидесятых к власти пришло правительство лейбористов, и в течение ряда лет были проведены исследования, поставившие под сомнение эффективность разделения детей по результатам достижений в начальной школе. Тем не менее многочисленные версии трехсторонней системы образования входили в моду и теряли популярность при различных послевоенных правительствах вплоть до 2010-х.

От дошкольных учреждений и начальной школы не требовали делить классы по способностям, однако многие так и делали. Обычно процесс начинался на ранних этапах, и детей часто распределяли в группы по способностям с шестилетнего возраста. Многие учителя считали, что оценка ребенка в возрасте шести лет способна точно предсказать их успехи в обучении в течение всей жизни. Г.У. Тейм также принадлежал к этой категории учителей.

Ученик Холтспура, Джулиус Уэлби, который поступил в школу на несколько лет позже Терри, дает четкую характеристику Тейма:

«Он мыслил прогрессивно, в особенности когда речь шла о сексуальном образовании, но с удиви-

тельно отсталым эмоциональным восприятием реальности. Казалось, он думал, что ребенок должен развиваться единственным способом, двигаясь в соответствии с определенными вехами — как физическими, так и ментальными — и только в утвержденном направлении. Если ребенок удовлетворял схеме, мистер Тейм оказывал на него огромное положительное влияние и становился прекрасным учителем. Если нет, тебя оставляли позади, как Терри, предоставляя самостоятельно бороться с трудностями, болью и сомнениями».

В 1963 году книга учительницы Холтспура Джоан Голдман «Избранные в шесть» (Selected at Six) описывает год в начальной школе, подозрительно похожей на Холтспур, с директором, подозрительно похожим на Тейма[8]. В ней рассказывается о директоре «Мистере Коллинзе»: «Уже в пять с половиной лет он мог сказать, кто из [учеников] поступит в начальную школу… а кто

[8] Примечания: 8

В предисловии к статье о школе Холтспура в сборнике документальной прозы «Опечатки: Избранные истории» (A Slip of the Keyboard) Терри упоминает книгу о школе Холтспура «Избранные в шесть». Возможно, он имел в виду совершенно другую книгу, но мне не удалось отыскать ее следов, поэтому мы можем сделать вывод, что Терри имел в виду именно творение Голдман и что она изменила имена и детали, чтобы защитить невинных. Или так, или Терри что-то перепутал. (*Примеч. авт.*)

— нет». Голдман писала, что «Коллинз» разделял самых младших школьников на группы А и Б, носившие название «желающие» и «не желающие», или грубее: на «овец» и «козлищ». «Коллинз» свободно использовал эти слова в присутствии детей. Подобная практика представляется чересчур жестокой по современным стандартам. И то, что в различных воспоминаниях Терри то и дело возникают эти понятия, позволяет сделать вывод, что он был хорошо знаком с «мистером Коллинзом».

Терри был склонным к рефлексии маленьким мальчиком, появившимся в школе на день позже, чем все остальные, и сразу оказался шагающим не в ногу со своими одноклассниками, к тому же он обладал невероятным воображением, из чего следовало, что он предпочитал придумывать собственные истории, а не изучать чужие. Тейм, как заметил Джулиус Уэлби, высказывал свое мнение «с полнейшей сокрушительной уверенностью»; он видел в Терри классического «козлища», или «ребенка с задержками в развитии», о чем говорил совершенно прямо. Для Тейма «козлищи» являлись особым видом. Уэлби, также отнесенный к группе Б, пишет: «В то время казалось, что его мнение в большей степени определялось не

столько твоими успехами, сколько природой. Козлища — это вовсе не овцы, у которых выдался неудачный день, они существа совершенно иного вида».

То, что Терри оказался среди козлищ, повлияло на него как в хорошем, так и в плохом смысле. В любом случае это не стало результатом разделения на группы. Терри никогда не получал особого внимания учителей, которое предполагало такое деление. Кроме того, уроки обычно не соответствовали его уровню, и он часто оказывался либо впереди класса, либо позади. Тейм фанатично придерживался теории, утверждавшей, что образование зиждется на трех китах: чтении, письме и арифметике. Как замечала Голдман в своей книге, он привык игнорировать мнение родителей и учителей по данному поводу, а Терри всегда противился отношению типа «колесики-винтики» и реагировал куда позитивнее, когда включалось его воображение. Несколько лет спустя, когда чтение и письмо стали его страстью, арифметика плелась где-то позади.

Впрочем, выяснилось, что статус козлища имеет определенные преимущества: он сблизил мать и сына. Эйлин Пратчетт не собиралась допустить, чтобы ее единственный ребенок зачах в группе

Б только из-за того, что так сказал надменный директор школы. Она была полна решимости доказать, что Тейм был неправ. Эйлин взяла обучение Терри в собственные руки и в самом начале проявила бесконечное терпение талантливого от природы учителя, а позднее — когда им стала мешать привычка Терри отвлекаться — прибегла к подкупу, обещая платить ему пенни за каждую страницу книги, прочитанной им вслух для нее[9]. Она также нашла местную учительницу, которая занималась с ним по программе, которую не изучали ученики группы Б Холтспура.

Несмотря на то что уроки в школе вызывали у Терри одну лишь скуку (и, соответственно, были достаточно приземленными), талант Эйлин к сочинению разных историй помогал удерживать его интерес. Он полюбил учебу, и эти занятия стали первыми снежинками в лавине знаний, которыми он овладел за время бесконечных исследований в течение всей своей жизни. Им двигало исключительно желание познать что-то новое. Впрочем, дополнительные занятия школь-

[9] Примечания: 9

Позднее Терри указывал, что эти финансовые вложения оказались для его родителей удачными, ведь он сумел купить для них комфортабельный дом в Хей-он-Уай, когда они вышли на пенсию. Если вы вдохновляете собственного сына на чтение, в будущем, когда он становится мультимиллионером, это приносит свои плоды. (*Примеч. авт.*)

ными предметами имели и свои минусы. Эйлин делала свою работу слишком хорошо. Однажды случилась ужасная история: в школе учитель задал классу вопрос: откуда берется дождь? «Из моря», — уверенно ответил Терри, а другие дети, знавшие *очевидный* ответ: «с неба», принялись смеяться. Однако на учителя познания Терри, знавшего о циклах испарения и извержения воды с небес, не произвели никакого впечатления, и, вместо того чтобы его похвалить, он присоединился к всеобщему веселью. Многолетняя ненависть Терри к плохим учителям уходит корнями к этому эпизоду, как и предсказанию Тейма. Благодаря ему у Терри появился интерес к соревнованию. По мере того как шли занятия, Терри все чаще оказывался впереди других козлищ: да, он был мечтательным и вдумчивым ребенком, однако обладал умом, и ему нравилось быть лучшим в классе, хотя едва ли удалось бы стать первым среди овец.

По мере того как развивалась школьная карьера Терри, у него появились два новых интереса, которые занимали почти все его свободное время. Во-первых, ночное небо и любовь ко всему, связанному с астрономией, во-вторых, он читал уже для удовольствия. Одно прекрасно допол-

няло другое, а сочетание этих увлечений стало причиной цепочки событий, определивших всю его дальнейшую жизнь.

Сначала была астрономия. Терри отмечал, что интерес к изучению звезд появился у него в возрасте девяти лет. Компания Brooke Bond tea по давней традиции вкладывала коллекционные карточки в свои упаковки с чаем и выпустила серию под названием «В открытый космос», стараясь извлечь выгоду из состязания между Советской Россией и Соединенными Штатами. В прежние серии входили полевые цветы или птицы Британии, что не вызывало у Терри особого интереса, но тут все получилось иначе. Первой Терри попалась карточка номер девять: «Планеты и их луны». На картинке были изображены разноцветные сгустки, но текст под ними показался Терри завораживающим. Он впервые прочитал слова «Ганимед», «Каллисто» и «Титан» и попытался представить, на каком расстоянии они находятся от Земли и их размеры относительно Юпитера и Сатурна. Это его заворожило.

Следующим шагом стало желание собрать оставшиеся одиннадцать карточек, и вся семья начала активно пить чай, чтобы поскорее получить полную серию. На каждой карточке имелись

скверные иллюстрации и солидные научные факты: фазы Луны, порядок, сравнительные размеры и орбиты планет, вращение Земли и так далее. Терри находился в полном восторге и решил, что его манит карьера астронома. Родители купили ему самый дешевый телескоп с мутноватыми линзами, но небо над Чилтерном было ясным, а в остальном телескоп оказался вполне приличным, и у Терри появилась возможность изучать кольца Сатурна, луны Юпитера и поразительные лунные ландшафты.

Но только в возрасте десяти лет, после долгих лет терпения и взяток матери, Терри прочитал книгу сам, по собственному желанию. Это был «Ветер в ивах» Кеннета Грэма, классическое произведение про говорящих животных, сидевших за рулем автомобилей, одевавшихся как прачки, к тому же они постоянно влипали в разные приключения. Особенно важным оказалось то, что книга попала к Терри от друга семьи, известного как «дядя Дон», во время их поездки в Лондон; ее не рекомендовал учитель, а мама не платила денег за чтение. «Ветер в ивах» подарили ему небрежно, не навязывая, и у Терри не возникло отвращения или обязательств. Он проглотил ее за один присест, на заднем сиденье старенькой

отцовской Jowett Javelin, в свете придорожных натриевых фонарей, стараясь не потерять нить, когда машина оказывалась в тени. Когда Терри закончил, он вернулся к началу и стал читать снова. Его околдовала диковинная реальность Грэма — некоторые животные в книге разговаривали и пили чай, другие оставались немыми, и их запрягали в повозки. Прямая линия пролегла от этой поездки через посещение универмага «Геймаджес» к будущей карьере писателя. Так, за один вечер, Терри стал ненасытным читателем. Он глотал все подряд, часто не понимая текста: художественные и научные произведения, даже справочные материалы… все, что попадало в руки. Никто не позаботился о том, чтобы объяснить ему, что некоторые книги предназначены для детей, а другие — для взрослых. Годилось все.

Он прочитал «Госпожу Мэшэм» (Mistress Masham's Repose), роман Т.Х. Уайта, и решил, что все написанное там — правда. И с радостью обнаружил нечто похожее, когда ему попались «Приключения Гулливера» Джонатана Свифта — он и здесь не сомневался, что автор рассказал реальную историю. Затем были «Этот Вильям!» (Just William), «Муми-тролли» и «Дживс и Вустер». Полка любимых книг его бабушки стала насто-

ящим сокровищем — Терри открыл для себя Диккенса и Г.К. Честертона, а когда книги там закончились, отправился в недавно открывшуюся публичную библиотеку.

В справочнике «Кто есть кто», регулярно обновляемом путеводителе по влиятельным британцам, Терри указывает местом своего образования публичную библиотеку Беконсфилда. И это не преувеличение. Много лет спустя на фасаде здания открыли мемориальную доску, посвященную Терри Пратчетту. Его дочь, Рианна, сделала заявление на ее открытии: «Папа родился в Беконсфилде, но писатель Терри Пратчетт появился на свет в библиотеке Беконсфилда. Именно там он получил образование». Терри входил в библиотеку с энтузиазмом голодного орангутанга, получившего ключи от банановой плантации. Он читал все подряд — от детских книжек до словарей, поглощая факты и вымысел, постоянно запоминая новую информацию, так он начал строить картину мира куда более яркого, чем тот, которому его учили в школе Холтспура.

Едва ли не первой его остановкой стала полка с книгами по астрономии, где он быстро пополнил скудные знания, полученные из чайных карточек. Почти все книги о космосе содержа-

ли вступительную главу, где рассказывалось о различных мифах возникновения вселенной, от которых отказались благодаря доказанным научным теориям. В одной из таких книг Терри наткнулся на древнюю легенду, общую для многих культур: мир представляет собой плоский диск, движущийся в пространстве на спине огромной черепахи. В версии этой идеи, принятой в индийской мифологии, появлялись четыре гигантских слона, стоящих на панцире черепахи и удерживающих диск мира на своих плечах.

Как-то кинокритик Марк Кермод высмеял биографический фильм «Истории Карен Карпентер» (The Karen Carpenter Story)[10] и небрежную фразу о том, что избыточный вес певицы в будущем приведет к анорексии фильма. Вот и в дешевой киноверсии жизни Терри Пратчетта *это* именно такой момент. Над его головой должна была зажечься лампочка или появиться кадр с изображением мальчика, глядящего вдаль и задумчиво потирающего подбородок.

На самом деле древний мир в форме диска был еще одним фактом, еще одной мелочью, которую следовало тщательно запомнить для дальнейше-

---

[10] Примечания: 10

Он указывает на Джона Ронсона, как автора этих слов, хотя популярными их сделал именно Кермод. (*Примеч. авт.*)

го употребления, но тогда маленький Терри об этом особо не задумывался.

Но самым большим открытием, которое Терри сделал после чтения книг по астрономии, явилось то, что изучать звезды без сложной математики невозможно, и Терри отказался от профессии астронома. Наблюдение за звездами, однако, привело его к научной фантастике, а та, в свою очередь, к фэнтези. Через годы Терри заинтересуется мифологией и древней историей, затем на его пути возникнет новая история, а далее последует возвращение к науке. Каждая книга, каждая история добавляла что-то новое к накопленной им груде знаний. В романе 1992 года «Мелкие боги» есть эпизод, когда неграмотный персонаж по имени Брута, обладающий фотографической памятью, «спасает» от уничтожения информацию, достойную библиотеки, просто просматривая книги, пока не обретает знания веков, дрейфующих в его голове, чтобы позднее быть записанными. Опыт, пережитый Терри в библиотеке Беконсфилда, был менее драматичным, но не менее важным.

Со временем читательские интересы Терри переросли возможности библиотеки: ему разрешалось брать только две книги зараз, а этого явно

не хватало. Решение оказалось простым — он попросился туда в помощники и в возрасте десяти лет стал субботним мальчиком, работавшим бесплатно. В его обязанности входили расстановка книг, заполнение карточек и многое другое — и все только для того, чтобы иметь возможность самому заниматься своей библиотечной карточкой. Регистрационная система библиотеки состояла из двух ящиков: в одном хранились карточки книг, которые выдали читателям, а в другом — те, что взял Терри Пратчетт. В 2004 году, давая интервью журналу Science Fiction Review, Пратчетт сказал, что в какой-то момент у него дома находилось аж сто сорок три библиотечных книги.

Г.У. Тейм списал Терри Пратчетта как неудачника к тому моменту, когда ему исполнилось шесть лет, после чего обеспечил школьной программой, которая должна была доказать его правоту. Несмотря на ненасытное чтение Терри и тщательную работу Эйлин, Пратчетт провел всю начальную школу в классе Б, и Тейм не собирался менять свое мнение.

В 1958 году, примерно в то время, когда семья перебралась в муниципальный дом в Холтспуре — на этот раз там имелись такие приятные

современные вещи, как электричество и водопровод, — Терри и другие козлищи сдавали экзамен «Одиннадцать плюс». Результаты сообщал сам Тейм, расхаживая по классу, поочередно останавливаясь у парты каждого ученика. Когда он добрался до Терри, его комментарий встретила полная тишина в классе. Терри оказался единственным ребенком в этом году, который доказал, что директор ошибся. Терри сдал экзамен.

Глава 2
Молодой писатель

Летом 1959 года Терри готовился к следующему этапу своего обучения. Он отказался от мысли поступить в местную среднюю школу и вместо этого подал документы в техническую школу, находившуюся в соседнем городке Хай-Уиком. Несмотря на то что Терри с достаточным запасом сдал экзамен «Одиннадцать плюс», он *ненавидел* уроки в Холтспуре. И, хотя в последнее время он всерьез увлекся чтением об окружающем мире, он делал это на своих собственных условиях. Терри обладал практическим умом и не имел склонности к академической учебе. Он любил мастерить с отцом, и они почти постоянно занимались каким-то общим проектом. Он также был искусным художником, рисовал карандашом и красками и мог стать чертежником или графическим дизайнером. Так что практическое образование привлекало его больше, чем академическое.

В технической школе для мальчиков Хай-Уикома преподавали такие же дисциплины, что и

в большинстве школ: английский, математика, естествознание, история, спортивные игры и так далее, но если в начальной школе дети изучали античную литературу и латынь, то в технической специализировались на практических предметах: столярное дело, работа по металлу, черчение и рисование. Ученики здесь также носили школьную форму (в том числе обязательную фуражку и галстук, который запрещалось снимать до возвращения домой), но кроме стандартного блейзера, школьного галстука и формы для регби требовался еще и рабочий комбинезон.

Несмотря на упор на практические навыки, средняя техническая школа Хай-Уикома являлась типичным образовательным заведением конца пятидесятых годов двадцатого века: сухие строгие уроки и жесткая дисциплина. И, хотя телесные наказания были разрешены только в кабинете директора, где провинившиеся мальчики получали «шесть горячих»[11], любой учитель мог влепить ученику, который плохо себя вел, первым попавшимся под руку предметом, будь то кусок дерева или металлическая линейка, а во время уроков физкультуры даже тапка на

[11] Примечания: 11

Шесть ударов палкой — вид наказания в некоторых частных школах, существующий и в настоящее время. (*Примеч. пер.*)

резиновой подошве.

Линейки обычно ломались, и тогда ученик несколько дней оставался после уроков, чтобы сделать новую. Особенно жестко вели себя с мальчиками учителя физкультуры. Если врач давал освобождение от урока, ученику приходилось целый час таскать уголь в котельной. Один бывший ученик школы, Стюарт Руксби, вспоминал на веб-сайте выпускников, как он давал Терри шестипенсовик, чтобы тот работал за него в котельной.

Директор Гарри Уорд, занявший должность в 1958 году, очень серьезно относился к дисциплине. Тяжелый опыт, полученный во время службы в армии, сделал его несдержанным и бескомпромиссным. Как и Билл Тейм, Уорд быстро проникся неприязнью к Терри Пратчетту.

Карьера Терри в технической школе Уикома также началась не самым удачным образом. Пратчетты проводили летний отпуск в одно и то же время, из чего следовало, что их сын вновь пропустил первый день занятий в новой школе. И во второй раз в жизни он начал важную фазу своего образования не с той ноги. С первого

дня[12] и до окончания школы его преследовало ощущение, что ему нужно кого-то догонять.

Терри довольно быстро показал себя как средний ученик; слишком способный, чтобы болтаться в конце класса, и слишком незаинтересованный, чтобы оказаться среди лидеров. Он был, по его собственному признанию, «странным ребенком», более того, нарушителем спокойствия и классным клоуном; Терри мог дать быстрый ответ, достаточно остроумный, чтобы быть забавным, но ему не хватало ума держать рот на замке. Периодически он раздражал окружающих. На фотографии 1961 года хорошо виден его характер: Терри сидит, скрестив ноги, рядом с другими невысокими мальчиками и кривляется перед объективом, да так, что его чувство юмора и неспособность сохранять спокойствие буквально исходят от фотографии[13].

Из-за подобных выходок у него случались неприятности как с учителями, так и со школьными хулиганами. На спортивной площадке его

---

[12] Примечания: 12

Точнее, со второго. (*Примеч. авт.*)

[13] Примечания: 13

В романе «К оружию! К оружию!» есть строка, где говорится, что на школьной фотографии всегда найдется один ребенок, который корчит рожи. Ему ли не знать: обычно это был он. (*Примеч. авт.*)

сразу записали в жертвы; остроумные маленькие мальчики никогда не пользовались любовью крупных парней, которые приметили его низкий рост и небольшое заикание. Один из таких громил начал регулярно над ним издеваться, и так продолжалось до тех пор, пока Терри не потерял терпение — и с разбегу врезался головой ему в живот. Хулиган оказался на полу, и у него пошла кровь, когда он ударился головой о железный камин. С тех пор Терри оставили в покое.

Школьное образование проходило без особых успехов. Терри от всей души ненавидел математику и не смог овладеть алгеброй и уравнениями, не слишком старался на английском и, если удавалось, избегал спортивных игр, где его всегда выбирали в команду одним из последних (впрочем, он любил играть в хоккей, к которому пристрастился его отец в Индии во время войны — проворность и умелое обращение с клюшкой делали его опасным противником). Плохой и временами неудачливый спортсмен, Терри однажды провел два месяца с гипсом на обеих руках после несчастного случая на батуте.

Предметы, которые могли вызвать у него интерес, — естествознание и история — пали жертвами на алтаре плохих учителей. Он узнал о

«Хлебных законах» 1815 года, но запомнил лишь, что правительство каким-то образом устроило неприятности беднякам.

Настоящее образование Терри продолжалось вне школьного расписания. Мать платила ему, чтобы он учился печатать вслепую, решив, что интерес к чтению может привести его к канцелярской работе. Большая часть книжного образования Терри основывалась на самостоятельном выборе книг для чтения в библиотеке Беконсфилда, где он продолжал работать по субботам. Терри на бреющем полете проносился по библиотечным книгам с такой скоростью, которая сильно удивила бы его учителей английского языка. В те ранние годы он поглощал произведения П.Г. Вудхауса, Жюля Верна и Артура Конан Дойла. Однажды одновременно читал «Рабочие и бедные Лондона» (London Labour and the London Poor) Генри Мэйхью — подбор викторианских статей о социальных реформах — и детскую серию о муми-троллях Туве Янссон.

Одним из авторов, которого Пратчетт полюбил и который позднее оказал на него огромное влияние, — был Г.К. Честертон, любимец его бабушки по отцовской линии. В двадцать первом веке влияние Честертона стало слабеть, и

сейчас популярны лишь его рассказы о патере Брауне, полные притч истории про католического священника, раскрывавшего уголовные преступления. Однако после Первой мировой войны Честертон считался интеллектуальным тяжеловесом[14]; знаменитый остряк и эссеист, прославившийся своими статьями, поэмами и романами.

В годы перед смертью в 1936 году Честертон жил в Беконсфилде и был очень известен в тех местах. «Бабушка Пратчетт», так ее называл Терри, в то время проживала на Честертон-Грин и видела, как великий писатель прогуливался по городу, это был огромный мужчина с тонким голосом. Любовь Терри к Честертону началась с книг, найденных им у Бабушки Пратчетт: «Наполеон Ноттингхиллский» (Napoleon of Notting Hill) и «Человек, который был четвергом» (The Man Who Was Thursday). (В 1991 году Терри Пратчетт скажет журналу Interzone, что эти два романа содержат едва ли не самые волнующие сюжетные идеи столетия, а в интервью The New York Times в

[14] Примечания: 14

В буквальном смысле. В период пика его популярности он весил 20 стоунов (1 стоун равен примерно 6,35 кг). П.Г. Вудхаус однажды описал внезапный шум, назвав его звуком упавшего на жестяной лист Г.К. Честертона. (*Примеч. авт.*)

2014 году заявил, что вторая из книг должна стать обязательным чтением для любого президента и премьер-министра.) Очень скоро он прочитал все книги Честертона, которые имелись в библиотеке. Так Честертон стал первой творческой фигурой, превратившей Пратчетта из почитателя в то, что мы теперь называем «фанат».

Влияние Честертона на Терри невозможно переоценить. Терри проникся сочными афоризмами и сатирическими репликами Честертона, а его связь с Беконсфилдом показывала, что хоть писатели и удивительные люди, но живут они в обычных городах[15]. На Терри огромное впечатление произвела история, рассказанная бабушкой о направлявшемся в Лондон экспрессе, специально задержанном на станции Беконсфилд, чтобы Честертон смог завершить свою статью для журнала The Strand. Терри поразило, что писатель может оказывать такое влияние и пользоваться столь огромным уважением. Но что еще важнее, Честертон научил Пратчетта силе, прочности и важности воображения.

Интерес Пратчетта к фантастической сто-

[15] Примечания: 15

Беконсфилд был также родиной Энид Блайтон. На Пратчетта не особенно повлияли ее работы, однако он безжалостно пародировал их в поздней части своей карьеры. (*Примеч. авт.*)

роне литературы на самом деле возник еще при чтении «Ветра в ивах», доставившего ему невероятное удовольствие. Но впервые девятилетний Терри столкнулся с фантастикой, когда мальчик, с которым он познакомился на каникулах, дал ему почитать комикс «Супермен». В течение следующих нескольких дней он бегал быстрее, чем разогнавшийся шезлонг, и одним прыжком перелетал через песчаные замки, повязав красное полотенце поверх рубашки и надев трусы на брюки. Он купил свежий выпуск на дорогу домой — на что у него ушли почти все карманные деньги, выданные на неделю, — но комикс украла девочка (он познакомился и привязался к ней во время путешествия), — разбив тем самым ему сердце. Тем не менее факел уже был зажжен. Супермен привел к легкому флирту с Бэтменом и другими супергероями золотого века комиксов, вместе с играми и конструкторами.

Но по мере того как Терри взрослел, его интерес к американизированным комиксам слабел — он находил Супермена слишком скучным, а Бэтмена — нереальным. Однако что-то они все-таки заронили в его воображение: стремление к бегству, вызванное чем-то сверхъестественным. Теперь лишь оставалось ждать, когда любовь к

фантастике столкнется с интересом к ночному небу, рожденному чайными карточками Brooke Bond. Так уж получилось, что это произошло перед полками с научной фантастикой библиотеки Беконсфилда. Научная фантастика — любители обычно сокращают ее до НФ — стала его всепоглощающей страстью.

Если бы чтение Терри ограничивалось возможностями публичной библиотеки, процесс его превращения в полноценного фаната НФ занял бы куда больше времени. Однако в двух небольших комнатах фантастики было совсем мало. Конечно, там имелись произведения Г.Дж. Уэллса, Жюля Верна, Роберта Э. Хайнлайна, Джона Уиндема и Эдгара Райса Берроуза. Возможно, книги Айзека Азимова, Рэя Брэдбери, Л. Рона Хаббарда, Артура Кларка и Э. Э. «Дока» Смита. Едва ли что-то еще.

Неожиданное открытие, сделанное Терри после школы, изменило все. Он случайно наткнулся на незаметное строение рядом с тем местом, куда упала бомба, в районе Фрогмор в Хай-Уикоме; на дверях висела табличка: «Маленькая библиотека». Терри никогда не упускал шанса разжиться парой новых книг, поэтому он туда зашел. Вход в магазин был занавешен украшенной

стеклярусом шторой, а владелицей оказалась маленькая пожилая леди, которая в перерывах между вязанием и чаем зарабатывала на жизнь продажей высококачественной порнографии — она отдавала товар смущенным мужчинам, регулярно посещавшим магазинчик, в плотных коричневых конвертах. Чтобы сохранить внешнюю респектабельность, она также покупала и продавала солидную коллекцию американской и английской фантастики. Книги она по большей части получала от солдат расположенной неподалеку американской базы ВВС. Терри — в то время ему уже исполнилось 12 лет — не проявил никакого интереса к тому, что он называл «розовыми полками», но его невероятно заинтересовало собрание загадочных удовольствий, хранившихся в стоявших на полу ящиках. Очень скоро он стал единственным юным посетителем «Маленькой библиотеки».

«Маленькая библиотека» наконец дала Терри доступ к глубинам материала, который мог удовлетворить настоящего фаната. Здесь он обнаружил дешевые книги в мягких обложках Фрица Лейбера, А. Э. ван Вогта и Генри Каттнера, а также горчично-желтые или агрессивно пурпурные обложки книг издательства Victor Gollancz,

выпускавшего романы Хола Клемента, Альгиса Будриса и Гарри Гаррисона. Терри с благодарностью в них погрузился и оказался в мире черных дыр, утраченных цивилизаций и покорения новых планет. Всякий раз, когда он отправлялся в «Маленькую библиотеку» — примерно три раза в неделю, — там находилось что-то новое. Скорее всего, хозяйка магазинчика регулярно обновляла свои запасы, а еще она прониклась любовью к невысокому и неуклюжему мальчику, который не демонстрировал никакого интереса к ее основному товару, но испытывал восторг, стоило ему увидеть роман Гарри Гаррисона, еще не попадавший ему в руки.

Возможно, еще более важными — совершенно точно более доступными, чем романы, — были антологии, журналы и любительские фэнзины, которые публиковались в Великобритании или приходили по почте из США. Субкультура любителей НФ появилась в Англии в тридцатых годах двадцатого века и основывалась на периодических изданиях, а также недолго живущих ассоциациях и сообществах. В послевоенные годы снова начался ее бурный рост. Терри выбирал журналы с такими названиями, как New Worlds, Science Fantasy, Astounding, Galaxy и Analog. В

них печатали новости, редакционные статьи, но большую часть занимали короткие рассказы. Здесь Терри нашел новое поколение писателей, в том числе Майкла Муркока, Брайана Олдисса и Джеймса Балларда. В этих публикациях появлялись рекламные предложения для подписки на фэнзины, которые создавали любители и обычно набирали вручную, а потом размножали. Пратчетт заказывал Aporrhēta, Zenith и New Frontiers, в каждом печатались новые рассказы начинающих писателей, а также свежие рекламные объявления. Фэнзины и рассказы появлялись постоянно, и со временем возникла Британская ассоциация научной фантастики. Терри не только обнаружил огромное количество новых книг, он познакомился с субкультурой, к которой, как ему казалось, мог принадлежать. Много позднее, в романе про Плоский мир «Держи марку!», Терри перенес свой опыт открытия фэндома на Стэнли, маниакального собирателя булавок[16] и специальный магазин собирателей булавок, находившийся под массажным салоном, где также продавали испачканные краской и плохо напечатанные журналы для фанатов.

---

[16] Примечания: 16

Или Пинхеда (булавочноголового): ссылка, которая порадует фанатов книг «Восставший из ада». (*Примеч. авт.*)

Чтение Терри не ограничивалось исключительно книгами про космические приключения, добытыми в порнографическом магазине. Отец рассказал ему о магазине подержанных книг, расположенном в соседней деревушке Пенн[17]. Здесь он обнаружил настоящий клад, и с этого момента часто возвращался домой на велосипеде, с руля которого свешивалась большая сумка, набитая книгами.

Сборники фантастики были хорошими, но еще больше Терри привлекли юмористические рассказы, которые он, уже знакомый с творчеством Честертона и Диккенса, поглощал в огромных количествах. Одной из самых удачных находок стала подшивка нескольких выпусков сатирического журнала Punch, основанного Генри Мэйхью в сороковых годах девятнадцатого века. Позднее Пратчетт признался, что, будучи подростком, прочитал все выпуски Punch с 1841-го до 1960 года, наслаждаясь редакционными статьями и рассказами Джеффри Уилланса, Марка Твена, Джерома К. Джерома и Алана Корена. Они присо-

[17] Примечания: 17

На самом деле семья совсем недолго прожила в Пенне, сейчас трудно определить, когда именно, но совершенно определенно не слишком долго, поскольку они жили в Холтспуре к тому моменту, когда Терри исполнилось тринадцать, а в Форти-Грин он провел большую часть детства. (*Примеч. авт.*)

единятся к Честертону, создавая его собственное сухое, сатирическое, а иногда и глупое чувство юмора, а также неизменный интерес к Викторианской эпохе — и прежде всего викторианскому Лондону — он останется с ним до конца жизни.

В школе Терри, по всеобщему мнению (в том числе и его собственному), был непримечательным учеником, но из этого вовсе не следовало, что он ничему не учился — как раз наоборот, учился он постоянно и быстро. Его версия образования заключалась в полном самообучении, и он выбирал информацию в форме имевшихся под рукой фактов и мелочей, а не из школы, где царствовал одобренный всеми метод запоминания дат и определений. Каждая прочитанная им книга что-то добавляла к его знаниям или оттачивала вкус и интересы. И хотя он сам этого не осознавал, чтение также помогало ему развивать творческий голос, который, однажды спущенный с привязи, будет невозможно остановить. Множество книг, написанных разными поколениями, растворились в тигле его развивавшегося интеллекта; крупицы золота, добытые из земли, уже были готовы для переплавки в бруски. Или, вполне

возможно, в кольцо. Потому что одна книга[18], по крайней мере на время, перечеркнет все.

Конечно, Терри слышал о «Властелине колец» Дж. Р.Р. Толкина. В 1961-м книга произвела фурор в издательском мире. До появления в Сан-Франциско граффити «Фродо жив!» оставалось еще около года, но человек, который совершит этот акт вандализма, в то время уже наверняка приступил к первой главе. Несколько мальчиков из школы уже прочитали этот шедевр и говорили о нем, но Терри никак не мог добыть экземпляр книги.

В последнюю субботу года, добравшись по холодной зимней декабрьской погоде на работу в библиотеку, Терри удостоился позднего рождественского подарка. Библиотекарь, зная, как будет радоваться юный волонтер, пододвинул к нему через стойку три толстые книги, связанные между собой шпагатом. Это был «Властелин колец». На следующий день наступил канун Нового года, и Терри, которому исполнилось тринадцать, провел вечер, присматривая за ребенком друзей семьи. Он решил оставить последний подарок до того момента, когда взрослые отправятся на вече-

---

[18] Примечания: 18
Технически — три книги. (*Примеч. авт.*)

ринку или в паб, чтобы встретить 1962 год, а дети — в постель. Устроившись поудобнее, он начал читать… «Немало страниц этой книги отведено хоббитам»[19]…

Этот вечер, как и последовавший за ним день, стали одним из самых глубоких впечатлений в жизни Терри. Он читал до тех пор, пока мог держать глаза открытыми, и заснул с книгой на коленях. Он быстро разобрался с «Братством кольца» и сразу перешел к «Двум твердыням». К следующему вечеру он уже добрался до конца «Возвращения короля» вместе со всеми дополнениями. Потом без паузы взял «Братство кольца» и вернулся к первым главам… «Немало страниц этой книги отведено хоббитам»…

Мальчикам его возраста нередко случалось входить в глубокий резонанс с Толкином. Это впечатление знакомо всякому, кто сталкивался с фэнтези в юном возрасте. «Властелин колец» при всех своих недостатках — а у книги их множество — запоминающееся и захватывающее произведение. Толкин, профессор-англосакс, который всю свою юность посвятил изучению древних языков и мифологии и находивший Шекспира слишком

---

[19] Примечания: 19
Перевод В.А. Маториной.

современным, использовал в своем творчестве ранние литературные образцы. Он очистил этот опыт и вплел его в собственную работу, и его книга без малейших усилий присоединилась к древу рассказчиков, уходящему на тысячу лет назад. Это придает «Властелину колец» мистический вес, притягательный и впечатляющий, в особенности для тех, кто никогда прежде не сталкивался с эпическим фэнтези. Открытие «Властелина колец», подобно открытию экстремальной музыки, религиозному фундаментализму и сексу, оказывает огромное влияние на впечатлительных подростков.

Терри уже доводилось читать фэнтези, но «Властелин колец» не просто «какое-то фэнтези». Во многих отношениях это *главное* фэнтези всех времен и народов. «Властелин колец» для фэнтези подобно The Beatles для поп-музыки: переключение передач в культуре. Нулевой год. Для Пратчетта книга стала таким же откровением, как «Ветер в ивах» несколькими годами ранее; он сразу почувствовал родство с миром Толкина. Темные леса и идиллические ландшафты Средиземья показались знакомыми мальчику, выросшему в Чилтерн-Хилс, — в чем нет ничего удивительного, ведь образцом для создания ро-

дины хоббитов Шира послужил Уэст-Мидлендс — сельская местность детства Толкина, находившаяся всего в 80 милях. Позднее Пратчетт описывал первое чтение книги, как многоканальное воздействие. В тот вечер деревья Фангорна начинались на краю ковра в его комнате, а свет приобрел оттенок зеленой лесной листвы.

Терри стал фанатичным поклонником Толкина, из тех, кто на школьных уроках радостно рисовал руны гномов и записывал слова из эльфийского языка в тетрадях для упражнений. Вплоть до 2014 года Пратчетт повторял, что Толкин остается его самым любимым автором фэнтези, и в течение большей части своей жизни раз в год, весной, перечитывал «Властелина колец». В 1967 году, в возрасте 19 лет, он написал великому человеку, чтобы поблагодарить его за недавно вышедший рассказ «Кузнец из Большого Вуттона», необычную волшебную притчу, которую Толкин создал, когда должен был работать над правками к переизданию «Властелина колец» в США. Рассказ выделяется среди других его обычно отстраненных работ. Толкин, которому уже исполнилось 75 лет, рассказал историю старика, полную предчувствия тяжелой утраты. Несмотря на то что Терри был намного моложе,

он ощутил связь с этой историей, родственную той, что пережил, читая «Властелина колец» в первый раз. Профессор Толкин невероятно обрадовался, когда получил его письмо, и ответил через несколько дней, что это первая реакция на «Кузнеца» и что Терри «понял его так, как я сам. И мне нечего больше добавить».

У Терри появилась неодолимая тяга к героическому фэнтези, сравнимая с его стремлением к космическим путешествиям. Пройдут годы, прежде чем он сумеет удерживаться от чтения любой книги с драконом на обложке. Он купил все семь романов серии «Нарния» К.С. Льюиса, моментально прочитал их (и нашел слишком сухими и полными поучений), а потом продолжил, погрузившись в трилогию «Зимиамвиан» (Zimiamvia) Э.Р. Эддисона, «Короля золотой реки» (The King of the Golden River)[20] Джона Раскина и произведения Джорджа Макдональда, Л. Фрэнка Баума и Г.Ф. Лавкрафта, среди дюжин других авторов фэнтези Викторианской эпохи и начала двадцатого столетия.

Именно любовь к «мечу и магии» привела Терри к изучению древней истории и мифологии.

---

[20] Примечания: 20

Название, которое он много лет спустя позаимствует для имени одного из персонажей Плоского мира. (*Примеч. авт.*)

В конечном счете он искал все новые книги о мечах, армиях и королях. В лучших из них имелась еще и магия. Все они стимулировали его воображение и уводили образование за пределы обычных уроков, которые оставались скучными и не стоили затраченного на них труда. В сентябре 1963 года Терри даже отправил статейку с напыщенной тирадой о полном отсутствии интереса к школе и предпочтении куда более значимых в жизни вещей (он имел в виду книги о космических кораблях и волшебниках). Свое письмо Терри подписал «Мастер Терри Пратчетт», что показалось редактору Роджеру Пейтону несколько архаичным, но его напечатали на страницах Vector, официального журнала Британского общества научной фантастики.

Возможно, было неизбежно, что мальчик, одержимый *чтением* историй о других мирах, однажды захочет сам описать один из них. Одним из первых образцов его творчества стала опередившая свое время смесь Средиземья Толкина и «Гордости и предубеждения» Джейн Остин, где на злополучного приходского священника мистера Коллинза напали орки[21].

---

[21] Примечания: 21

Увы, мы не знаем, что сказала по этому поводу леди Кэтрин де Бер. (*Примеч. авт.*)

Согласно Пратчетту, его произведение ходило по классу и пользовалось успехом у мальчиков, которым ужасно хотелось хоть как-то оживить изысканную, но спертую атмосферу Англии Остин. Данная работа Пратчетта утеряна, но, к счастью, благодаря одному заботливому учителю, следующие истории Терри прославились куда лучше; более того, три из них, даже спустя пятьдесят лет после написания, до сих пор можно найти в печати.

Джанет Кэмпбелл-Дик, единственная женщина-учитель в технической школе Хай-Уикома, преподавала черчение и художественное творчество. Однако в 1962 году в школе возникла нехватка учителей английского языка, и она стала преподавать его в классе Терри и с удивлением обнаружила, что стандартной программы не существует. Ей предложили взять книгу для изучения, ориентируясь на количество экземпляров в школьной библиотеке. Однако Кэмпбелл-Дик такой вариант не устроил, и она сама выбрала книгу и начала работать с огненной страстью. Особенно ей нравилась традиционная шотландская эпическая поэзия, например баллада «Сэр Патрик Спенс», которую она читала с родным

шотландским акцентом[22]. «Миссис КД» стала едва ли не самой популярной учительницей в школе, одной из немногих, способных вдохнуть жизнь в преподавание своего предмета и неизменно подчеркивавшей необходимость находить эмоциональную составляющую в любых видах искусства.

Именно Кэмпбелл-Дик задала классу на дом сочинить короткий рассказ. Терри написал «Деловых конкурентов», остроумную историю о рекламном менеджере, которого дьявол попросил улучшить репутацию Ада и увеличить количество посетителей. На миссис Кэмпбелл-Дик его творчество произвело впечатление, она поставила ему двадцать баллов из двадцати и выбрала рассказ для публикации в школьном журнале Technical Cygnet. «Деловые конкуренты» пользовались популярностью у других учеников, но это лишь еще больше ухудшило отношение к Терри директора Гарри Уорда, которому не понравился подрывной тон рассказа, о чем он сообщил на собрании, сделав наилучшую рекламу из всех, что были возможны, в результате чего

[22] Примечания: 22

Ее муж считает, что отголосок прочтенных ею стихов живет в персонажах шотландского происхождения Пратчетта — таких, как Нак-мак-Фигли. (*Примеч. авт.*)

весь тираж журнала полностью раскупили.

Успех «Деловых конкурентов» оказал вдохновляющий эффект на юного Терри, подтвердив довольно давно появившуюся у него мысль: он может писать и у него *неплохо* получается. Он сочинил еще несколько рассказов для Technical Cygnet — хотя «Деловые конкуренты» так и остался лучшим, — экспериментируя с различными стилями и жанрами. Из тех, что сохранились, в «Посмотрите на маленького дракона?» вновь возникает персонаж Тигель из «Деловых конкурентов», это любопытная, рассказанная от первого лица история о появлении дракона в лондонском военном министерстве, что было либо злой пародией, либо знаком уважения Артуру Конан Дойлу и его рассказам о Шерлоке Холмсе. В «Исследователе», появившемся в том же номере журнала, говорилось о человеке, который расследовал происхождение необычных историй и в результате сам оказался участником одной из них. «Разгадка»[23] — короткий детективный рассказ о крушении самолета; в то время как еще более короткий — «Картина»[24] — рассуждения

[23] Примечания: 23
Перевод М. Сороченко.

[24] Примечания: 24
Перевод М. Сороченко.

о безумии и искусстве. Во многих в последнем предложении возникал неожиданный поворот, и это, если уж быть честным до конца, показывало, что автор слишком гордится собственным умом — это качество характерно для многих талантливых подростков. И все же пять рассказов следует считать многообещающим началом, в особенности если учесть, что Терри было 13 и 14 лет, когда он их написал[25]. Перед нами возникает молодой писатель, который играет с новыми формами и идеями и пытается найти свой стиль. Пройдет еще двадцать лет, прежде чем он его обретет.

Успех вселил мужество в Терри, и он переписал и расширил «Деловых конкурентов», впрочем, не особенно изменив сюжет. Он дал новое название рассказу — «Предприятие Аида» и убедил тетку напечатать его на машинке — Терри готовился к необычно раннему шагу для четырнадцатилетнего автора: попытке первой публикации. После нескольких лет безумного увлечения фэндомом НФ он знал, куда его следует послать.

Джон «Тед» Карнелл являлся редактором од-

---

[25] Примечания: 25

Три из которых, «Деловые конкуренты» (они были переписаны и вышли под названием «Предприятие Аида»), «Решение» и «Картина», будут опубликованы в оригинальном виде в «Мерцании экрана» в 2012 году, в сборнике рассказов Терри Пратчетта. (*Примеч. авт.*)

новременно двух журналов — New Worlds и Science Fantasy, которые регулярно читал Терри. Оба журнала выпускала Nova Publications, компания, созданная любителями НФ, к которой принадлежал и Джон Карнелл, а его адрес имелся в каждом выпуске. Для Терри это стало очевидным решением. На Карнелла его рассказ произвел впечатление, и он опубликовал его в августе 1963 года в выпуске Science Fantasy, написав в редакционной статье, что «Предприятие Аида» далеко не идеальный рассказ со всех точек зрения, но «для четырнадцатилетнего автора он просто великолепен». Не говоря уже о том, что он на семьдесят процентов превосходил все то, что ему обычно присылали. В предисловии он отметил, что у молодого писателя огромный потенциал. Карнелл станет первым в длинной цепочке профессионалов, увидевших талант у Терри Пратчетта. Обычно — в отличие от предсказаний учителей — такие многочисленные утверждения оказываются верными.

Science Fantasy был менее популярен, чем два других журнала Nova, но его тираж составлял пять тысяч экземпляров, и он пользовался уважением в среде любителей НФ. Терри заплатили 14 фунтов за публикацию, и он вложил деньги

в свою будущую карьеру, купив пусть и подержанную, но надежную пишущую машинку Imperial 58 у своего учителя машинописи[26]. Он также приобрел на сэкономленные деньги «Брюэровский фразеологический словарь», который считал важнейшим источником для писателя, и последний выпуск «Ежегодника писателей и художников». И не важно, что ему было всего 14 лет, он уже стал автором опубликованного в журнале рассказа. Пришло время вести себя соответствующим образом.

Публикующиеся авторы НФ должны были обязательно принимать участие в конвентах. Терри побывал на первом конвенте НФ в 1964 году после короткого разъяснения родителям, какую «образовательную ценность»[27] имеют подобные события. «Истеркон» был (и до сих пор есть) ежегодным собранием фанатов НФ и писателей, который проводится в пасхальный уик-энд где-нибудь в Великобритании. «Истеркон» 1964

---

[26] Примечания: 26

Позднее, когда он понял истинную ценность вещей, у него возникли подозрения, что его родители незаметно внесли в покупку свою лепту. (*Примеч. авт.*)

[27] Примечания: 27

Главной образовательной ценностью подобных конвентов стало для Терри то, что он узнал вкус пива, но и это тоже, в некотором роде, образование. (*Примеч. авт.*)

года состоялся в отеле «Булл», в Питерборо. Город уже во второй раз принимал конвент и получил дополнительное название с юмором, типичным для фанатов НФ: «Повторкон».

Конвенты НФ в двадцать первом веке — это серьезный бизнес, который вместе с «КомикКоном» привлекает огромное внимание во всем мире, они собирают десятки тысяч фанатов и часто становятся стартовыми площадками для запуска гигантских кинофраншиз. Британские конвенты по сравнению с теми, что проводятся в США, выглядят довольно скромно, хотя лондонская ежегодная MCM может похвастаться весьма приличным числом посетителей, не говоря уже о культовых знаменитостях и тысячах участников в фантастических костюмах. В 1964 году конвент проходил гораздо спокойнее, и на «Повторкон» приехал всего 151 участник, если считать с гостями (у Пратчетта был номер восемьдесят пять).

«Повторкон» и последующие события, в том числе «Брамкон» и «Яркон»[28], произошли во времена, скажем так, смены караула в британском фэндоме НФ. У Nova Publications, которой

[28] Примечания: 28

Читателю предоставляется самостоятельно расшифровать хитрый код, за которым скрывается место проведения этих двух конвентов и их время. (*Примеч. авт.*)

управляли фанаты-энтузиасты, а не расчетливые бизнесмены, возникли проблемы как с Science Fantasy, так и с New Worlds, которые теперь возглавляли другой издатель и редакторы. На сцене появились новые имена, не только Терри, но еще Эд Джеймс, Кристофер Прист, Майкл Муркок и Джеймс Баллард. Возникло ощущение, будто у британских авторов настал «момент», что подтвердилось выбором Лондона в качестве места проведения Всемирной конвенции научной фантастики 1965 года или «Ворлдкона». Конвент впервые проводился не на территории США.

Для Терри конвенты стали откровением. Он оказался среди равных себе, людей с такими же энциклопедическими познаниями, например Олдисс и Гаррисон. Он завел новых друзей, в том числе и среди писателей: Эд Джеймс, Роджер Пейтон и Дейв Басби, которые станут частью его жизни в следующие пятьдесят лет, а также не раз с ними выпивал (несмотря на свой возраст) и участвовал в больших шумных застольях. Позднее Терри вспоминал, как кто-то пытался выбросить пьяного Чарльза Платта, молодого издателя фэнзина Beyond, из окна на конвенте в Бирмингеме. Участники того конвента, подростки-фанаты Берил Хенли и Арчи Мерсер,

рассказали, что «Терри Пратчетт делал что-то очень смешное в углу, вот только мы никак не можем вспомнить, что именно».

Но из этого отнюдь не следует, что Терри пользовался на конвентах популярностью. Платт вспоминает, что «Терри был забавным, ироничным и немного нервным. С ним было нелегко разговаривать». Примерно то же самое говорили о нем одноклассники и учителя: Терри избыточно компенсировал смущение юмором, и порой его замечания бывали обидными.

Но даже среди этих необычных, а иногда странных людей Терри казался чужим и держался в стороне от мелких споров и попыток раскола, без которых не могут существовать сообщества фанатов. Старая гвардия с подозрением относилась к новичкам, лондонские писатели новой волны думали, что более ранние поколения фэндома провинциальны и скучны, а участники из Бирмингема и с севера считали представителей новой волны претенциозными и наводящими тоску[29].

---

[29] Примечания: 29

Лондонцы между тем считали своих кузенов с севера придурковатыми и некультурными и называли конвент в Бирмингеме «Дурконом». Возможно, именно по этой причине там и пытались выкинуть лондонца Чарльза Платта из окна. (*Примеч. авт.*)

«Терри Пратчетт не имел ни малейшего отношения к этим глупостям, — говорит Платт. — Он просто наслаждался чтением книг, и его лишь слегка удивляла дурная кровь в нашем микрокосме. Я полагаю, что ироническая отстраненность была его стилем по умолчанию».

Тем не менее имя Терри до некоторой степени было на слуху, и он начал вызывать интерес, хотя пока еще не заслужил уважения своих коллег. «Предприятие Аида» стал широко известен в НФ-сообществе, частично благодаря тому, что это была достойная и оригинальная работа, а также из-за того, что Терри в столь юном возрасте сумел опубликовать рассказ в одном из самых почитаемых изданий поколения. Он даже начал тревожиться, что его звезда взошла слишком рано и он навсегда останется «четырнадцатилетним писателем», а потому демонстрировал смесь самонадеянности и неуверенности, уникальную для творческих подростков. Его участие в «Брамконе»[30] в 1965 году было даже прорекламировано в известном информационном бюллетене НФ Skyrack вместе с такими знаменитыми писателями, как Брайан Олдисс и Тед

---

[30] Примечания: 30

Теперь и вы считаете его «Дурконом», не так ли? (*Примеч. авт.*)

Табб. Во время «Истеркорна» 1966 года, который проходил в Грейт-Ярмуте, его, как гласят слухи, пригласили занять место рядом с другими известными людьми, в том числе Гарри Гаррисоном под псевдонимом. Таким образом формировался собственный образ писателя Терри, и это становилось частью его личности.

Кристофер Прист, прославившийся после выхода книги «Престиж», которая получила множество наград, — это он в конечном счете написал некролог Пратчетта в The Guardian, — вспоминает, как встретился с ним в Лондоне на следующий год и первым обратил внимание на его некоторую неуверенность и одновременно растущую популярность:

«Редактор из Америки, Джудит Меррил, посетила Лондон с миссией открыть и понять “Новую волну” научной фантастики, которую она каким-то необъяснимым образом связывала с шумным Лондоном. Тут она категорическим образом ошибалась, и изданная ею со временем антология вызвала множество вопросов. Однако она была приятной женщиной и много общалась с молодыми писателями, вместо того чтобы работать. Я был одним из них, Терри — другим. Однажды мы встретились с Джуди за ужином, а потом продол-

жили разговор на ее съемной квартире. Терри привел с собой приятеля, который опубликовал один рассказ (и с тех пор ничего)[31]. Я помню, как он и его приятель сидели рядом и щебетали, как воробьи, выдавая бесконечный поток глупых шуток и приколов. Совершенно безобидных, очевидно, Джуди находила их очаровательными, но, как по мне, — пустая трата времени. Я всегда с огромной серьезностью относился к писательскому ремеслу. Мы тогда были очень молодыми».

Самые значительные и неожиданные встречи Терри случились годом ранее, в 1965-м, на «Ворлдконе» в Лондоне. Во-первых, с американским автором Джеймсом Блишем Терри, охваченный трепетом, обсуждал качество английских завтраков. Гиганты научной фантастики, такие как Г.К. Честертон, не просто расхаживали среди обычных людей, а даже жаловались на отсутствие вафель, как будто ты им ровня. Эта мысль закрепилась после случайной встречи с легендой английской научной фантастики Артуром Ч. Кларком в туалете. В течение всей жизни Терри многократно рассказывал эту историю, в одних версиях Кларк стоял у писсуара, в других — крях-

[31] Примечания: 31
Весьма вероятно, что это был Дейв Басби. (*Примеч. авт.*)

тел в кабинке. Так или иначе, но Терри сумел пожать руку человеку, которого прежде считал недостижимым символом жанра.

«Ворлдкон» проходил за две недели до возвращения в школу после летних каникул, весной Терри удалось получить вполне приличный уровень O[32] по пяти предметам, и он собирался остаться в технической школе Уикома еще на один год, где намеревался изучать английский язык, историю и искусство на уровне A. Однако Терри Пратчетт вернулся в Хай-Уиком уже не тем молодым человеком, который сдавал экзамены весной. Новый Терри Пратчетт побывал среди гигантов и, хотя на следующие несколько лет отказался от посещения конвентов — мешали учеба, работа и девушки, начал понимать, что должно существовать место, где он мог и сам встать рядом с титанами.

---

[32] Примечания: 32
Обычный или средний уровень. (*Примеч. пер.*)

Глава 3
Ученик журналиста

Терри вернулся в техническую школу Уикома после летних каникул 1965 года, еще не зная, что впереди у него последние несколько полных недель обучения. Неприязнь к школе превратилась в медленно кипящее негодование, хотя мысль о том, что он может закончить академическое образование и полностью окунуться в реальный мир, еще не рассматривалась всерьез. Терри не знал, что его ждет по другую сторону А-уровней, но ему даже в голову не приходило, что он может их не брать. И все же у него начали формироваться идеи относительно будущего. Официально опубликованный рассказ и еще несколько в школьном журнале, а также уроки слепой машинописи, оплаченные матерью, придали ему уверенность в собственных возможностях. У него хорошо получалось не просто писать, как он позднее заявит во время интервью BBC[33], а *очень* хорошо, что позволяло

[33] Примечания: 33

Не совсем так: он был умелым художником и искренне любил и хорошо разбирался в технике. (*Примеч. авт.*)

сосредоточиться на главном. Ну а все остальные не слишком внятные стремления, вроде астрономии и электроники, оказались на обочине. Терри видел себя в будущем только писателем.

Терри принялся изучать карьеру в мире словесного творчества и прочитал несколько книг по данному вопросу[34]. К счастью, его умение обращаться со словами открывало перед ним еще один возможный путь: в сентябре он написал редактору местной газеты Bucks Free Press, оптимистично утверждая, что станет выпускником с тремя А-уровнями[35], и спросил, не найдется ли для него работы следующим летом. В романах Плоского мира Терри много раз возвращался к идее «штанов времени» — моментам, когда открываются два возможных варианта будущего, и ты вынужден выбрать один из них. История делится на два потока: пойдешь одним путем, и твоя жизнь сложится совсем не так, как если бы выбрал другой. До сих пор юный Терри лишь однажды оказался перед «штанами времени», когда

[34] Примечания: 34

Таким был ответ практически на любой вопрос: найти и прочитать соответствующую книгу. (*Примеч. авт.*)

[35] Примечания: 35

«Я практически не сомневался, что справлюсь с историей и английским», — сказал он позднее. (*Примеч. авт.*)

пошел учиться в техническую школу Хай-Уикома, а не в местную среднюю. Он всегда утверждал, что это его первая настоящая ошибка. Теперь он стал на шесть лет старше и приближался к взрослению. «Штаны» стали заметно больше, а ставки — выше. Вопреки биологическим и метафизическим ожиданиям вот-вот могла появиться другая штанина. Артур Черч, уважаемый редактор Bucks Free Press, ответил почти сразу: он не знает, появится ли должность через несколько месяцев, но прямо сейчас газета ищет начинающего репортера. Хочет ли он пройти собеседование? Терри моментально ухватился за эту возможность.

Собеседование проходило днем в субботу. Терри, всегда склонный приукрашивать, рассказывал, что явился в редакцию в школьной форме. Забавная деталь. В конце концов, Пратчетты были не настолько бедны, чтобы Терри не имел возможности одолжить галстук у Дэвида, к тому же в субботу он никак не мог прийти из школы. Тем не менее многие действительно надевали на собеседование школьную форму — просто у них не было другой приличной одежды. Работавшая в Free Press Дженис Рейкрофт, которая будет проходить обучение у Терри в начале семидесятых, вспоминает, что сама отправилась

на будущую работу в юбке и галстуке, которые носила в школе.

Но, вне зависимости от того, как он оделся, молодой писатель произвел хорошее впечатление и получил предложение занять вакантную должность. Терри с гордостью повторял слова своего нового босса: «Мне нравится твой прикид!», а затем добавлял, что это был «последний известный случай использования данной фразы в Британии», или «последний случай, когда кто-то произнес эти слова и его не арестовали». Сорок пять лет спустя, во время лекции в колледже «Тринити» в Дублине, Терри признался, что уже не помнит, действительно ли Черч произнес эти слова, или он сам их придумал, чтобы сделать историю более яркой. Конечно, со временем его рассказ обрастал разными деталями. Так часто случалось с историями Терри Пратчетта.

И возникла новая «штанина времени»: следовало ли провести еще один год в школе и спокойно закончить обучение к лету, получив три А-уровня[36], или бросить кости, а с ними и техническую школу Уикома и посмотреть, сможет ли он стать репортером?

---

[36] Примечания: 36
Или, что более вероятно, два. (*Примеч. авт.*)

Решение далось ему заметно легче, чем он полагал, благодаря последнему оскорблению, полученному от директора Гарри Уорда. Терри назначили главой библиотеки со стороны учащихся. Это была неоплачиваемая должность, но он рьяно выполнял свои обязанности, оставаясь после уроков каждый четверг, чтобы приводить в порядок и чинить книги. Традиционно главного библиотекаря делали префектом, а иметь в резюме должность префекта было очень полезно, так ученик доказывал, что достоин доверия и может достичь успехов в академической карьере. Эта запись могла положительно повлиять на шансы получить хорошую работу или место в университете. Директор твердо заявил, что Терри Пратчетт, ученик, пишущий такую странную прозу, однажды пойманный при попытке украсть старую энциклопедию из урны, а также приносивший в школу журналы Mad и Private Eye, никогда не будет префектом во вверенном ему учебном заведении. Он помешал Терри стать префектом, тот посчитал это отвратительным поступком и так и не простил директора.

В своей речи в 2010 году в колледже «Тринити» Терри рассказал, что в первый понедельник после собеседования вернул все учебники и не без

некоторого удовлетворения вышел из школы через отдельный вход для учителей и префектов[37]. В этой истории прослеживается замечательная симметрия, подчиняющаяся закону, который в Плоском мире называется «повествовательная обусловленность»[38]. Истина, как правило, оказывается немного не такой причесанной. Для начала, Дэвид и Эйлин Пратчетт находились в отпуске, а их сын слишком уважал родителей, чтобы принять решение без их одобрения. Кроме того, в 17 лет по закону требовалось их разрешение, чтобы он мог устроиться на работу в газету. Когда они вернулись, Терри невероятно удивился, когда его разумные и практичные родители почти сразу согласились. Дэвид просто испытал облегчение, когда понял, что его сын не будет всю жизнь изучать шасси автомобилей[39], а у Эйлин появилась мечта, что ее сын однажды станет редактором The Times.

Пратчетт начал свое трехлетнее обучение

---

[37] Примечания: 37

Ну, вероятно, еще и для гостей. (*Примеч. авт.*)

[38] Примечания: 38

В ней реальность повинуется правилам рассказа, а не стесняющей логике реального мира. (*Примеч. авт.*)

[39] Примечания: 39

Не совсем верно, Терри сам чинил свой автомобиль даже после того, как стал богатым человеком. (*Примеч. авт.*)

журналистике в сентябре 1965 года, получая по восемь фунтов и десять шиллингов в неделю. В свободное время он работал над получением сертификата Национального совета по подготовке журналистов[40] и уровнем А по английскому. И в то время как директор школы с радостью смотрел в его удаляющуюся спину, ученики испытывали грусть. Глава дискуссионного клуба написал в Technical Cygnet: «К сожалению, преждевременный уход Пратчетта означал для нас потерю одного из самых ярких товарищей». Bucks Free Press стала важной деталью местного ландшафта с момента своего основания в 1856 году. Каждый четверг почтальоны протискивали толстую газету в почтовые ящики по всему Южному Бакингемширу, она отправлялась из здания в Хай-Уикоме в соседние города Амершам, Принсес-Рисборо, Беконсфилд и дюжины деревень, расположенных поблизости, — места, которые Терри хорошо знал. Это была обычная газета; около двадцати статей на странице, часто не более пятидесяти слов в каждой, где речь шла обо всем, от убийств до успехов футбольной команды Wycombe Wanderers, с рассказами о

[40] Примечания: 40

Терри утверждал, что получил самые высокие оценки в стране. (*Примеч. авт.*)

цветочных выставках, деревенских торжествах, автомобильных катастрофах и всех свадьбах за неделю. Как правило, половину страницы отдавали объявлениям и рекламе и всему, что обеспечивало существование газеты. Журналисты получали по определенному участку на странице, а молодым полагалось следовать за кем-то из опытных коллег. При поступлении на работу Терри прикрепили к репортеру, которого звали мистер Алан, и он честно ходил за ним повсюду с блокнотом в руках.

Обычно в первый день работы большинству людей показывают, где стоит чайник, а далее новичку приходится придумать способ запомнить имена двенадцати новых знакомых. А Терри в свой первый день видел труп. Во всяком случае, так звучит история, которую он повторял множество раз. День мистера Алана начался с обнаружения тела; бездомного нашли в месте дефекации животных на ферме, и он утонул в свином дерьме. Совсем не безмятежная и мирная смерть, и им наверняка досталось ужасно выглядевшее мертвое тело. Его вид научил Терри сразу трем вещам: смерть бывает недостойной, человеческое тело может приобретать невероятное количество самых разных цветов, и объему

рвоты, изрыгаемой семнадцатилетним юношей в первый же день на работе. Трудно представить более запоминающийся первый день для юного журналиста.

Узнать детали этой истории оказалось весьма непростым делом. Изучая выпуски Free Press за сентябрь 1965 года, я сумел отыскать только одну статью, подходившую под воспоминания Терри: смерть пожилого туриста из Гламоргана, которого нашли в поместье Абботсвуд, Бурн-Энд. К сожалению, даты не сходятся — о теле написали в номере от третьего сентября, но нашли его за неделю до этого, прежде, чем, по словам самого Терри, он начал обучение. Более того, поместье Абботсвуд далеко не ферма, а турист не «бродяга», как Терри часто описывал несчастного.

В газете от двадцать третьего июля сообщалось, что некое тело обнаружила в реке семья, но это был состоятельный государственный служащий, к тому же Free Press начала давать объявление о том, что им нужен молодой журналист, только тринадцатого августа. В выпуске от двадцать девятого октября упоминалось женское тело, найденное в сточной канаве, но вновь находка не соответствовала тем фактам, на которые ссылался позднее Терри. Мало того, в Bucks Free Press

в течение всего 1965 года не было упоминаний о смертях, отчетах коронера или других подобных деталей. Возможно, это еще одна история, которая со временем претерпела изменения. Отвратительное тело наверняка существовало, как и рвота, одолевшая юного журналиста, но «первый день» — превосходная деталь — очевидно, была придумана Терри для большего эффекта. С другой стороны, история могла произойти вне юрисдикции Free Press, или о ней сообщили, существенно подработав факты. Произошло это в первый день обучения Терри или нет, но вид несчастного, нашедшего столь ужасную смерть, навсегда запечатлелся в сознании Терри, периодически всплывая в его книгах в виде смутных намеков. Позднее, когда его занимали мысли о смерти, увиденное им тело стало примером того, какой ужасной может быть внезапная гибель по сравнению с другими, более мирными альтернативными вариантами.

В то время как библиотека Беконсфилда была тем местом, где Терри получил свое настоящее образование, в Bucks Free Press он стал доктором философии[41]. Терри добрым словом упоминал

[41] Примечания: 41

В фигуральном смысле. Как говорилось выше, он получил НСПЖ и уровень А. (*Примеч. авт.*)

нескольких наставников из газеты, научивших его дисциплине и профессиональной этике, тем качествам, которые ему пригодились, когда стал писателем. Терри впитывал их опыт и уроки точно губка, и спустя много лет они появились на страницах его романов.

С 1956 года Free Press возглавлял Артур Черч — всеми любимый, но несколько старомодный редактор, соблазнивший Терри перспективой настоящей работы, из-за которой он и ушел из школы. Сам Черч стал начинающим репортером в 1928 году, в возрасте шестнадцати лет, и, вероятно, увидел себя в молодом писателе. Черч не в последний раз протянет руку помощи подростку, отчаянно мечтавшему проявить себя; он подготовил многих успешных и способных журналистов. Он ушел на покой с поста редактора в 1976 году, но продолжал вести колонку вплоть до 2000 года — через год, в возрасте 89 лет, он умер от рака легких — поразительная история семидесятидвухлетней службы журналистике. Черчу было 53 года, когда Пратчетт начал свое ученичество, он уже слегка отставал от более прогрессивных веяний шестидесятых годов, неизменно одевался в твид, курил трубку и был немного похож на Дж. Р.Р. Толкина, что не мог не отметить юный ре-

портер, помешанный на фантастике. В точности как Толкин, ушедший от менявшегося реального мира, полностью погрузившись в мир воображаемый, Черч перестал обращать внимание на современность, полностью сосредоточившись на горячо любимом Саут-Баксе, и согласился опубликовать фотографии посадки «Аполлона-11» только после того, как тщательно все обдумал и решил, что «Луна ведь сияет и над Хай-Уиком». Абсолютно преданный журналистской этике и влюбленный в родной город, Артур Черч являлся идеальным наставником. В статье 1992 года, напечатанной во Free Press, он напишет: «Терри был замечательным юношей, немного эксцентричным, но полным амбиций. Джордж Топли предсказал, что Пратчетт далеко пойдет, и очень сильно его поддерживал».

После Черча на Терри самое большое влияние оказал глава репортеров Джордж Топли. В то время как Черч научил Терри, что быть правым — значит следовать *фактам*, Топли показал, что быть правым — это быть *справедливым.* Терри считал Топли превосходным журналистом и законченным моралистом, который в юности пытался уплыть на лодке в Испанию, чтобы сражаться на Гражданской войне с фашистами, но

попал на борт не того судна и оказался в Халле[42]. От Топли Терри узнал, как *использовать* правду; как быть *правым* так, чтобы правота шла дальше простой истины. Именно Топли научил его поддерживать и затачивать гнев на несправедливость и ложь, что станет характерной чертой лучших образцов прозы Терри. Топли помог ему до предела заострить мораль. Позднее Джордж Топли вдохновит Пратчетта на создание персонажа Уильяма Стикерса в детской книге «Джонни и мертвецы», страстного участника кампании за социальную справедливость, который также пытался отправиться на войну с фашистами в Испании и, как Топли, оказался на побережье Восточного Йоркшира. Отдавая должное своему наставнику или в качестве мести, ведь Топли был отчаянным защитником грамматики и швырял экземпляры статей с ошибками в злополучных молодых журналистов, Терри назначил Уильяму Стикерсу самое ужасное наказание для журналиста: заставил провести вечность рядом с могильным камнем с грамматическими ошибками.

---

[42] Примечания: 42

Позднее Пратчетт признался, что не знает, действительно ли все так было или это лишь метафора, описывающая путешествие Топли. (*Примеч. авт.*)

Среди других наставников Терри был заместитель редактора Джонни Хау, невысокий коренастый мужчина, настоящий эксперт по умению прятать грязные шутки в самом невинном тексте. Он прозвал Терри «Стидом» в честь резвого чудака из телесериала «Мстители»; а его высокий худощавый коллега Кен «Багси» Берроуз сурово обходился с ошибками и старался внушить молодым репортерам важность соблюдения сроков и необходимости вовремя сдавать свой материал при любых обстоятельствах. Позднее Берроуз будет петь Терри дифирамбы на страницах Bucks Free Press, в частности, в 1992 году он написал: «Не вызывает сомнений, что у Терри с самого начала был талант. Он обладал выдающимся умом». Хау и Берроуз по старой традиции вместе обедали в пабе и выглядели при этом как британские Лорел и Харди[43]. Жизнь в Bucks Free Press никогда не была легкой. Молодые репортеры сразу приступали к работе, от них требовали, чтобы они выполняли все, что им говорили, и обязательно имели собственную пишущую машинку, в крайнем случае купили подержанную у компании и платили за нее по

[43] Примечания: 43

Один из популярнейших голливудских кинодуэтов 1920—30-х — Стэн Лорел (1890–1965) и Оливер Харди (1892–1957). (*Примеч. пер.*)

частям из еженедельного жалованья. Верная Imperial 58, приобретенная Терри двумя годами ранее на деньги за первый напечатанный рассказ, дала ему возможность вырваться вперед. Работать приходилось много, часто по вечерам и выходным, причем стажерам доставались самые скучные и трудные задания. Пратчетт обнаружил, что проводит много времени в местах, где полно старых, немало повидавших на своем веку мотоциклов, часто общается с коронерами, ему приходилось посещать встречи местных советов и заседания судов; брать интервью у жертв ограблений и нового председателя клуба «Ротари», а также описывать выставки цветов. По четвергам, после того как газета выходила в печать, всем вменялось заполнять шипы, традиционную систему сортировки: на каждом письменном столе стояли настоящие металлические шипы, на которые нанизывали ненужные заметки и копии — так, чтобы в случае необходимости их было легко найти. С одной стороны, скучная работа[44], но важная для молодого человека, пытающегося понять, как организована жизнь газеты. Терри сочинял короткие детские рассказы для чтения

[44] Примечания: 44

К тому же опасная, как очень скоро узнавали многие невнимательные стажеры. (*Примеч. авт.*)

на ночь, и ему часто приходилось дописывать их дома, доводя до совершенства к утру понедельника. Кроме того, он учился по выходным и вечерам, которые проводил в НСПЖ, познавая журналистскую этику и закон о клевете и пытаясь подобраться поближе к требуемой норме в стенографии — сто слов в минуту по методу Питмана, чтобы успевать записывать то, что говорилось на заседаниях суда[45].

Это была работа, пусть и не слишком хорошо оплачиваемая, но Терри получал опыт, оттачивал инстинкты и этику, которые еще не раз послужат ему в будущем. Он быстро узнал, что не имеет права на отсутствие вдохновения в момент приближения срока сдачи текста. Он также научился достойно принимать редакторскую правку, что, возможно, куда полезнее.

Однако его обучение выходило далеко за рамки познания профессии. Он учился понимать *людей.* Местная газета — это существенная часть любого

---

[45] Примечания: 45

Умение стенографировать до сих пор считается важным для журналистов, несмотря на то, что ему на смену пришли сначала диктофоны, а позднее записывающие устройства и смартфоны. Когда Пратчетт стал настолько знаменит, что интервью уже брали у него, он часто отчитывал журналистов, которые использовали записывающие устройства, называя это «жульничеством», а потом принимался задавать им вопросы о законах и журналистской этике, рассчитывая поймать на некомпетентности. (*Примеч. авт.*)

сообщества, она погружена в жизнь на всех уровнях. Терри знакомился с деятельностью местной полиции и властей, собственными глазами видел, как горожане переживают трагедии и радость. У него появлялся необычный новый опыт — например, от коронера он узнал о кончине старика, сгоревшего вместе с рисовым пудингом в духовке; или историю о жителе Беконсфилда, который без всякой на то причины объявил себя городским глашатаем, и людям так понравилась его идея, что он получил официальный статус и ему купили форму. Терри взял интервью у приятной пары, каждый вечер наблюдавшей путешествие по небу к горизонту некоего НЛО, а в результате выяснилось, что это было заходящее солнце. Каждая новая история чему-то учила Терри, он постоянно узнавал новые вещи о странных свойствах людей. Иногда наибольший интерес вызывал он сам, как в той горестной истории, когда ему пришлось описывать крушение микроавтобуса в день наступления Нового года — ужас, окрашенный заслуживающим порицания возбуждением, что его посетил безошибочный проблеск интуиции, — в результате оказалось, что в катастрофе погибла младшая сестра другого стажера. Когда Терри об этом узнал, ему захоте-

лось запереться в туалете и смеяться до упаду, потому что иногда жизнь бывает такой абсурдно жуткой, что смех остается единственным способом сбросить напряжение.

Bucks Free Press оказалась средой, в которой подросток Терри Пратчетт получил возможность процветать и развиваться. Он освободился от мелочной школьной опеки, занимался делом, казавшимся ему интересным и важным, кроме того, ощущал, что каждый день понемногу растет. Работа журналистом всю жизнь была серьезным источником гордости для Пратчетта. Он почти всегда упоминал о ней, когда давал интервью, часто используя свой опыт, чтобы поддевать и дразнить журналистов, которых отправляли на встречу с ним. И отказывался от разговора, если у него возникало ощущение, будто они подталкивают его к определенным выводам относительно поклонников, критиков или наград, показывая, что он прекрасно понимает, что они стараются создать собственную историю. Ведь он не раз поступал так сам.

Терри считал, что журналистика должна быть праведной. Она представлялась ему творческим процессом с определенной целью, позднее он видел в нем роль автора: ты превращаешь факты

и мнения в сгустки понятных слов, заставляешь прочитать их как можно большее количество людей, и, в идеальном случае, тебе еще и платят. Новая роль означала и определенные обязательства как в отношении людей, так и правды. Позднее он описывал диковинное ощущение силы, возникавшее, когда у него в руках появлялись карандаш и блокнот, он понимал важность влияния и ответственность перед нетерпеливыми читателями, власть, которой одновременно гордился и опасался, что не заслужил.

Терри Пратчетт был журналистом по природе. Он уверенно завершил ученичество и стал полноправным членом команды Free Press в поворотном в его судьбе 1968 году.

Немногим ранее он познакомился на вечеринке с Лин Первес, студенткой, которая изучала иллюстрирование в престижном Лондонском университете искусств. Лин родилась в богатой семье. Ее родители построили бунгало[46] в шикарном районе Джеррардс-Кросс, в то время как Терри все еще оставался провинциальным мальчишкой из Форти-Грин. Отец Лин, Р.Ф. Первес, был инженером-электриком и секретарем

[46] Примечания: 46
Ну, или кто-то построил его для них. (*Примеч. авт.*)

местной церкви. В интервью The Times в 2011 году Терри сказал, что классовое различие придало их роману привкус «Леди и Бродяги». Его жалованье стажера не давало ему возможности произвести на Лин впечатление во время ухаживания; у него хватало денег, чтобы отвезти ее в ресторан на такси, к примеру, но только не от собственного дома до дома Лин. Он заказывал такси к бунгало Первесов, после чего мчался туда на стареньком мотоцикле, который прятал в поле за углом, где оставлял еще и кожаную куртку, и отправлялся к Лин в своем лучшем костюме. После ужина в ресторане он отвозил девушку домой на такси, затем просил свернуть за угол, расплачивался с таксистом и ехал домой на мотоцикле. Лин и ее родители так и не узнали о его хитростях.

Они поженились 5 октября 1968 года в Конгрегационалистской церкви в Джеррардс-Кросс. Свидетелем со стороны Терри был его приятель, фанат НФ, писатель Дейв Басби, и Терри подарил серебряное кольцо свидетельнице Лин, Эми Колтон. На свадебных фотографиях Терри в последний раз запечатлен чисто выбритым. Он отрастил бороду во время медового месяца, ему понравилось, как она выглядит, и он ее сохранил до конца жизни, лишь изредка меняя длину.

Естественно, о церемонии на той же неделе написала Bucks Free Press под заголовком: «Невеста из Джеррардс-Кросс вышла за парня из Free Press». Они сохранили друг другу верность до самого конца жизни Терри. Много лет спустя участникам конвента, посвященного «Плоскому миру», сообщили о почетном госте: «Он будет флиртовать как настоящий чемпион, но не беспокойтесь… вы нигде не найдете мужчину, столь же верного жене».

1968 год стал важной вехой в жизни Терри не только из-за заключения брака и окончания обучения. В этом году на свет появилась Midweek Free Press — тонкая сестра Bucks Free Press, выходившая по вторникам и менее озабоченная незначительными событиями жизни Саут-Бакс, в ней больше внимания уделяли статьям, фотографиям и личностям. Терри предложили вести там собственную колонку под псевдонимом «Маркус» на случай, если потребуется заменить его кем-то другим. Это оказалось излишней предосторожностью. Терри так и остался единственным человеком, который вел колонку Маркуса, и она прекратила свое существование только после того, как в 1970 году он ушел из газеты. Midweek дала Терри возможность обрести собственный

стиль и — какая ирония! — под псевдонимом Маркус его голос стал известен, на свет появился новый необычный юморист. В качестве Маркуса он наводил порядок в самых отдаленных уголках графства, наслаждаясь временем, проведенным среди фокусников или с самозваными ведьмами.

Колонка Маркуса дала ему возможность использовать другую свою способность, и ее часто сопровождала карикатура с подписью «ТП». И вновь вы можете наблюдать комбинацию остроумия и глупости: история о детских фильмах, на которые взрослые могли ходить только в компании детей, изображала очередь пенсионеров, с мольбой глядящих на маленького мальчика в надежде, что он проведет их с собой. Ухмыляющийся «Конкорд» украшал заметку о шуме в аэропорту Хитроу, а статью о будущем местных железнодорожных линий сопровождала иллюстрация, на которой мужчины в котелках изо всех сил вручную приводили в движение дрезину, представлявшую будущее экономное путешествие.

Именно когда Терри писал под псевдонимом «Маркус» для Midweek, он отправил письмо Роальду Далю, датированное 25 апреля 1969 года, в котором выражал восхищение его работами

и просил дать интервью для его колонки. Даль, тогда ему было 52 года, прославился как автор коротких, изобретательных и весьма отталкивающих рассказов для взрослых, и хотя две его новые книги для детей «Джеймс и гигантский персик» (James and the Giant Peach) и «Чарли и шоколадная фабрика» (Charlie and the Chocolate Factory) быстро набирали популярность, сценарии, написанные им по романам Яна Флеминга «Пиф-паф ой-ой-ой» (Chitty Chitty Bang Bang) и «Живешь только дважды» (You Only Live Twice), указывали на то, что ему предстояло стать известным сценаристом. Когда Терри приехал в дом Даля в Бакингемшире, чтобы взять у него интервью, ни один из них еще не знал, что Терри Пратчетту суждено стать одним из самых успешных английских романистов двадцатого столетия.

Учитывая могучий потенциал встречи этих великих литературных умов, статья Терри, опубликованная 21 мая, не содержит никаких великих откровений. Ну а если заглянуть в прошлое из будущего, вооружившись знанием грядущих достижений каждого, их беседа становится гораздо интереснее. Многие цитаты Даля могли принадлежать самому Терри, в более поздних

интервью он говорил, что искусство — это сильно переоцененная концепция, и люди в целом ведут себя достаточно пристойно — за исключением тех, кто ведет себя иначе. Между тем Терри не жалел похвал для своего старшего коллеги и его достижений, однако ничего не сказал об уровне славы Даля, заметив, что Роальд более известен читателям как «муж актрисы Патриции Нил, обладательницы “Оскара”». Терри, который в дальнейшем проведет много времени, ухаживая за экзотическими растениями в качестве хобби, обратил внимание на роскошные орхидеи в оранжерее Даля.

Хочется сказать, что Терри извлек из той встречи нечто, повлиявшее на его будущее, как в отношении к своим творениям с точки зрения этики, так и вдохновение к написанию детских книг — к тому времени он уже успел стать автором дюжины коротких рассказов для газеты, — но это означало бы поиски скрытого смысла там, где его нет. Реальная жизнь никогда не бывает такой же убедительной, как истории, которые могли придумать два великих писателя. И все же это стало отличным примечанием к рассказу Пратчетта, одному из написанных неизвестным поденщиком по имени Маркус, среди многих

других очерков для маленькой местной газеты — лишь немногие ее читали с тех пор, как она была опубликована в 1969 году[47].

За пять лет, проведенных в Bucks Free Press, по словам Терри, он превратился из мальчика в мужчину. Он освоил профессию, женился и повзрослел. Пришло время сделать новый шаг. В сентябре 1970 года Терри и Лин перебрались в коттедж в Роуберроу, в Сомерсете, на юго-западе Англии. Эта местность покорила их сердца, и она же вдохновляла Терри во время работы над будущими произведениями, в особенности при создании деревенских пейзажей в «Ведьмах» и серии для подростков с Тиффани Болен.

Терри предложили работу в Western Daily Press — газете, базировавшейся в Бристоле и выходившей в нескольких графствах на юго-западе, в том числе Глостершире, Уилтшире и Сомерсете, тиражами по 76 тысяч экземпляров в день, шесть дней в неделю — аудитория тут была посолиднее, чем в Саут-Баксе. Это уже была другая журналистика: ежедневная газета — это зверь, который

[47] Примечания: 47

Официальный сайт Роальда Даля отмечает, что в то время между ними существовала переписка, а в конце говорится: «нам, к сожалению, так и не стало известно наверняка, встречались ли они когда-нибудь». (*Примеч. авт.*)

постоянно требует пищи, у нее более серьезный тон, она менее личная и часто затрагивает национальные и международные вопросы. Терри начал работать в Western Daily Press 28 сентября, и уже на следующий день вышла его первая статья: отчет об убийстве президента Египта Гамаля Абдель Насера. Это уже очень далеко от описания цветочных выставок и заседаний приходского совета.

Несмотря на упор на политические новости, Wes-tern Daily давала Терри возможность проявить себя, и теперь он печатался под более узнаваемым именем Теренс Пратчетт. Эволюция комических обертонов его голоса продолжалась в историях с характерными персонажами. В статье, озаглавленной «Волхв и я, или Как у волхвов ничего не вышло»[48] и опубликованной в канун Рождества, Пратчетт пытается приобрести золото, ладан и смирну во время покупательского бума в Бристоле. Он потерпел неудачу, но в результате получился превосходный юмористический рассказ. На сопроводительной фотографии изображен автор в костюме царя Ирода.

Терри отшлифовал несколько рассказов от

---

[48] Примечания: 48
Перевод И. Нечаевой.

первого лица, когда работал в Western Daily Press, и в них его тепло и остроумие блистательного наблюдателя за мелочами обычной жизни предстали в самом выгодном свете. Но, к сожалению, выпуск ежедневной газеты — это в большей степени постоянная пикировка, чем причудливые попытки воссоздать рождение Иисуса, и, как истинный репортер, Терри так и не достиг стандартов своего нового босса, Эрика Прайса.

Прайс был полной противоположностью доброжелательного и вежливого Артура Черча. Он пришел с Флит-стрит, поработал в London Evening Standard, Daily, Sunday Express и The Star, а также в ряде крупных региональных газет, в том числе Manchester Evening News. Он намеревался применить технику Флит-стрит к региональной журналистике, превратив работу заместителей редакторов[49] в тонкое искусство — они резали и выбрасывали целые куски статей, добавляя провокационные заголовки. Прайс постоянно

[49] Примечания: 49

Или «замов», невоспетых героев и презираемых злодеев газетной индустрии. Их работа состояла в том, чтобы брать истории, написанные репортерами, проверять их, редактировать там, где возникала необходимость, добавлять заголовки и подзаголовки, добиваясь того, чтобы слова занимали нужные места на странице. Хорошие «замы» наводили блеск и улучшали, а плохие все портили и, как правило, выбрасывали шутки. Если вы это читаете, значит, у нас хороший зам. (Согласитесь, это настоящая подлянка для зама.) (*Примеч. авт.*)

использовал этот подход, добиваясь серьезных результатов: в период расцвета, с Эриком Прайсом у руля, Western Daily Press продавала до 80 тысяч экземпляров в день. Эрик Прайс вел себя с персоналом безжалостно и сурово; коллега Терри, Йэн Бил, написавший некролог на смерть Прайса в 2013 году для Press Gazette, вспоминал неудачливых репортеров или заместителей редакторов, которых Прайс уволил задолго до окончания их первой смены. Служащие газеты испытывали перед Прайсом ужас, он через весь отдел новостей выкрикивал приказы, перемежая их поношениями и руганью, орал на каждого, кто пытался ему возразить, и мог мгновенно уволить человека. У него была привычка очень быстро выдавать инструкции, которые следовало выполнять буквально. Всякий, кто имел несчастье что-то переспросить, получал в ответ: «Проклятье, почему бы тебе не слушать меня внимательнее?»

Другой журналист, Тони Буш, работал в Western Daily в то же время — тогда ему исполнился двадцать один год, и он был помощником репортера. Он вспоминает стиль управления Прайса как ужасающий, но эффективный:

«То был тиранический режим, он мог кри-

чать, ругаться, стучать по письменному столу кулаком. Его переполняла энергия, которая заражала всех вокруг, но люди его боялись. Он был превосходным руководителем и устанавливал поразительный темп. У меня до сих пор сохранилась мозоль на указательном пальце правой руки — тогда я писал, писал и писал. Все время».

Нескольких недель криков и оскорблений оказалось вполне достаточно для Терри, который поклялся, что выскажет Прайсу все, что о нем думает. Более сдержанный Буш, который появился в газете немного раньше, чем Терри, вспоминает, что он предупреждал его: «Будь осторожнее, дорогой друг».

Терри несколько дней собирался с духом, пока у него не появился шанс отстоять свои права, когда Прайс ворвался в отдел новостей через двери в стиле салуна на американском Западе (ворвался, как офицер охраны, вспоминал Буш). Сейчас или никогда, решил Терри. Он встал, повернулся лицом к боссу, адреналин закипел у него в крови… и Терри потерял сознание. Прайс бросил короткий взгляд на распростертую на полу бородатую фигуру и потребовал, чтобы «кто-нибудь убрал тело».

Тем не менее молодые репортеры только выигрывали от работы с Прайсом.

«Мне никогда не удавалось придумать достойный заголовок до того, как я пришел работать в Western Daily, — вспоминает Буш. — А после я никогда не писал плохих». Однако работа под таким давлением сказывалась. «Это было, как в “Колдице”»[50], — говорит Буш, который, как и Терри, мечтал о спасении в более спокойном и цивилизованном месте, с завистью поглядывая на соседнюю Bath Evening Chronicle. Не прошло и полугода, как Буш сбежал с корабля к конкурентам, получив предложение занять место заместителя редактора. Между тем Прайс уволил Терри в апреле 1971 года. Как сказал сам Терри на лекции в колледже «Тринити», у него отсутствовал «инстинкт убийцы» для такой журналистики. Однако позднее Прайс напишет, что Терри Пратчетт был одним из лучших писателей, с которыми ему довелось работать.

Увольнение из Western Daily Press совпало с окончанием работы Терри в качестве репортера. В конечном счете он сам не хотел и дальше вести такую жизнь. Он устал от бесконечных вопросов, которые ему приходилось задавать вдовам

---

[50] Примечания: 50

Еженедельная многосерийная телепьеса о жизни группы английских и союзных военнопленных в фашистском лагере Колдиц во время Второй мировой войны. (*Примеч. пер.*)

и матерям об их умерших мужьях и сыновьях, наскучило искать новые истории. Работа под началом Эрика Прайса помогла Терри узнать свои сильные стороны. В 1971 году он вернулся в Bucks Free Press, теперь уже в качестве заместителя редактора, подальше от угольного забоя журналистики, там свой дар блистательного копирования и привередливой точности он мог применить в полной мере и посвятить больше времени и энергии писательскому труду в свободное время.

Глава 4
«Люди ковра»[51] и другие рассказы

Все время, пока Терри работал журналистом, он оттачивал свое писательское мастерство. Еще в сентябре 1965 года, в том же месяце, когда он устроился стажером в Bucks Free Press, Терри продал свой второй короткий фантастический рассказ, на этот раз в New Worlds, который возглавлял Майкл Муркок, с ним Пратчетт был немного знаком по фэндому НФ. С Муркоком у руля New Worlds стал одним из ключевых периодических журналов так называемой «Новой волны» НФ, с тиражом в 18 тысяч экземпляров. Вклад Терри назывался «Ночной обитатель» (Night Dweller) — мрачная история об обреченной на неудачу миссии на краю Солнечной системы, — вышел в ноябрьском выпуске 1965 года.

Этот рассказ прочитали совсем немногие из поклонников Пратчетта, и он никогда больше не выходил на английском языке (любопытно, что

---

[51] Примечания: 51

В России рассказ также издавался под названием «История о коврунах». (*Примеч. пер.*)

существует немецкое издание), и получается, что любители полноты картины вынуждены искать оригинальный экземпляр. Те, кто идет по этому пути, иногда бывают разочарованы (некоторые выпуски продаются за 170 фунтов). Критик М. Дж. Симпсон, работавший в Book Collector, написал в 1995 году, что «Ночной обитатель» «просто *ужасен*», что, пожалуй, слишком жесткая оценка. Да, рассказ кажется унылым и тяжеловесным, что совсем не характерно для Терри — даже его ранние вещи всегда были легкими, — но ему удалось создать запоминающуюся мрачную атмосферу, для чего требуется определенное мастерство. В редакторской оценке Муркока говорится, что Пратчетт описывает космос в «новом поэтическом свете», а в мрачных и слегка пугающих детективных идеях присутствуют мотивы Г.Ф. Лавкрафта. «Ночной обитатель» особенно интересен в контексте долгой карьеры Пратчетта — за пятьдесят один год это единственная работа из всех увидевших свет, где полностью отсутствует чувство юмора. Терри еще предстояло пройти долгий путь, чтобы обрести собственный голос. Тем не менее публикация двух рассказов в столь юном возрасте — наряду с другими знаменитыми именами поколения — не могла причинить

вреда растущей уверенности молодого писателя, хотя пройдет еще много лет, прежде чем он снова обратится к научной фантастике.

В начале 1965 года Терри начал писать полную историю вымышленной средиземноморской цивилизации, названную им «Тропнесианская империя», пародию на Древний Рим. Большая часть рассказов так и не была опубликована и уцелела лишь во фрагментах, сохраненных другом Терри Эдом Джеймсом, с которым они познакомились на первом «Истерконе» Терри. Джеймс в то время изучал историю в Оксфорде, и они регулярно обменивались письмами и открытками, которые Терри, напрочь наплевав на интересы последующих поколений, имел привычку датировать произвольно — от «1929» до «2037»[52]. Джеймс вносил свои предложения, и они вместе разработали довольно подробную и глупую историю Тропнесиана. Однако постепенно оба увлеклись другими вещами и забросили эту историю, но Джеймс придерживался самых разных идей, в том числе расширявшегося Пантеона Богов, который появится в дальнейших работах Терри. Часть, процитированная Джейм-

[52] Примечания: 52

Эд Джеймс писал об этом в обновленном издании замечательной книги «Терри Пратчетт: Виновен в литературе». (*Примеч. авт.*)

сом в произведении «Терри Пратчетт: Виновен в литературе» (Terry Pratchett: Guilty of Literature), стилистически вполне могла возникнуть в любом романе из «Плоского мира». Определенно милитаристское римское общество, включавшее многие отличительные черты Тропнесианских пародий, также всплывет в одном из ранних рассказов о микроскопическом мире, найденном на ковре среди пыли и шерстинок, начатую Терри, еще когда он учился в технологической школе Уикома, и нашедшую приют в Bucks Free Press.

В течение многих лет газета печатала в углу пятой страницы маленькую колонку под названием «Детский цикл», она выходила за подписью «Дядюшка Джим», под именем которого, как и «Маркуса», могли выступать разные писатели. Следующие пять лет ее вел только Пратчетт. Колонка состояла из коротких историй на ночь, растянутых на несколько выпусков, вместе со списком мальчиков и девочек, у которых день рождения приходился на эту неделю. Дети могли «присоединиться» к циклу, чтобы вовремя получить поздравление с днем рождения от «Дядюшки Джима». Сочинять истории для «Детского цикла» считалось самой ненавистной работой в газете, и писатель Марион с радостью передала

колонку бывшему стажеру Free Press. Терри, любивший писать рассказы, в особенности детские, с удовольствием взялся за представившуюся возможность.

Все сложилось очень удачно. Терри был превосходным рассказчиком, а «Детский цикл» нуждался как раз в таких. В последующие месяцы в колонке появились детские сказки про Кролика Бу-Бу, Лягушку Фрэнсиса, Ежа Херварда и Горностая Питера Пайпера. Каждую неделю с животными происходили самые разные «приключения»: они учились плавать, мыть шампунем мех и ходить в магазины. Периодически кто-то из них терялся. Годы спустя говорящие крысы из романа Пратчетта «Изумительный Морис и его ученые грызуны»[53], который вышел в 2001 году, столкнутся с похожими персонажами из внутримировой книги «Приключение мистера Зайки», где симпатичные животные по имени Змейс Ойли, Горностаюшка Говард и Крысик Кристофер носили одежду. Здесь главной целью Пратчетта, скорее всего, была Беатрис Поттер[54],

[53] Примечания: 53

Перевод С.Б. Лихачевой.

[54] Примечания: 54

Беатрис Поттер (1866–1943) — английская детская писательница и художница. (*Примеч. пер.*)

но нетрудно предположить, что сказки из «Детского цикла» послужили для него источником вдохновения.

Последней опубликованной сказкой, перед тем как Пратчетт надел мантию Дядюшки Джима, была поучительная история, в которой Бу-Бу с ужасом наблюдал, как Олень Лестер курит сигарету. Когда друг попросил его помочь избавиться от дурной привычки, Бу-Бу сделал фальшивую «французскую» сигарету и обманом убедил Лестера ее закурить. Лестера тут же стошнило, и он поклялся больше никогда не курить. Если бы М. Дж. Симпсон из Book Collector прочитал эти тексты, он бы отнесся к «Ночному обитателю» снисходительнее.

Восьмого ноября 1965 года у Терри Пратчетта начался пятилетний период работы в «Детском цикле», и первой вышла история, которую он позднее назвал «Истории о людях ковра»[55], она стала сериалом по мотивам историй, написанных им еще в школьные годы.

Сказка начиналась с цитаты из истории прошлой недели:

---

[55] Примечания: 55

Сказки в «Детском цикле» печатались без названий, хотя некоторые получили их, когда вышли в сборниках коротких рассказов Терри Пратчетта. (*Примеч. авт.*)

«Невидимая рука стряхнула пепел сигареты на ковер, и начался пожар»[56]. Дети, которые переворачивали страницу, наверняка испытали противоречивые чувства, когда, несмотря на предупреждения, в двух сказках Дядюшки Джима подряд обнаруживали рядом рекламу сигарет Park Drive.

Скачок в качестве от Кролика Бу-Бу и его смешных сигарет был обозначен. Исчезла пресная мораль и жеманная жизнь лесных существ; вместо этого читателей потчевали фантастическими приключениями внутри ковра, населенного племенами крошечных человечков, для которых ворсинки являлись лесом, а упавшая спичка — горой. Согласно Пратчетту, мысль о миниатюрном сообществе, живущем в ковре, пришла к нему, как и многие другие хорошие идеи, когда он находился в пивной. Его приятель весело приплясывал на ковре во время какой-то особенно оживленной дискуссии, и Терри пошутил: «Будь осторожен, ты можешь потревожить людей ков-

[56] Примечания: 56

Возможно, это был Олень Лестер. Историю снова напечатали пятьдесят лет спустя в сборнике детских рассказов Пратчетта под названием «Драконы в Старом замке». Слова о сигаретном пепле были выброшены из более позднего издания — вероятно, по настоянию врачей и из соображений безопасности. (*Примеч. авт.*)

ра»[57]. Но на самом деле неизвестно, находился ли Терри в баре, когда ему пришла в голову эта идея.

Эта история привела к появлению многолетней темы в работе Пратчетта: крошечные существа, живущие в человеческом мире. Она началась с племен, обитавших в ковре, и продолжалась с «номами» из «Бромелиевой трилогии», ранняя версия которой с гномом Ринсманглом в главной роли появится в «Детском цикле» в 1973 году, во время второго прихода Пратчетта в Bucks Free Press. Новые гномы появились в 1966 году в истории про подводную лодку, построенную из грецкого ореха, где двигателем служил кусочек эластичного бинта; его команда, ростом в сантиметр, использовала свой корабль, чтобы с помощью шипа боярышника протаранить опасных уток. В другом произведении Дядюшки Джима, опубликованном летом 1969 года, действовали существа еще более микроскопические, чем обитатели ковра: горожане враждующих

[57] Примечания: 57

Колин Смайт (род. 1942) — многолетний агент Терри, написал на своем веб-сайте, что эта история Пратчетта вполне может быть выдумкой, которые он просто обожал, ведь в то время писатель был слишком молод, чтобы выпивать в барах; впрочем, в маленьких городках возраст никогда не являлся препятствием для посещения пивных. (*Примеч. авт.*)

городов с названиями Грабист и Позра, расположенных на парящей пылинке, видимой лишь в луче солнца в ясный день. Позднее, в серии Плоского мира будет полно гномов, «пикси» и самых разных крошечных существ, из которых самым запоминающимся получился «маленький свободный народец» Нак-мак-Фигли в «Хватай за горло!», увидевшем свет в 1998 году, они стали основными персонажами книг о Тиффани Болен, регулярно присутствуя в сериях вплоть до последнего полноценного романа Пратчетта «Пастушья корона».

Во время первого визита с матерью в универмаг «Геймаджес» в Лондоне пятилетний Терри представил место, населенное крошечными гномами, выходившими из своего укрытия, когда люди не смотрели, — эта идея позднее появится в книге для детей «Угонщики». В опубликованных в 1987 году «Творцах заклинаний» есть отрывок, первый из множества историй Пратчетта с одиноким ребенком в качестве главного героя, в котором героиня, Эскарина Смит, описывает оштукатуренный потолок в спальне матушки Ветровоск как «фантастический перевернутый ландшафт со сложной замкнутой цивилизацией». Такие фантазии характерны лишь для обладающих

превосходным воображением детей, и Терри, с жадностью поглощавший книги из местной библиотеки, познакомился там с «Добывайками» (The Borrowers) Мэри Нортон и лилипутами из «Приключений Гулливера» Свифта. С тех пор он уже не мог избавиться от очарования тайных миров, где живут крошечные человечки.

Кабинетные психологи могли бы сказать, что рост Пратчетта — пять футов и восемь дюймов — он вырос невысоким мужчиной и был маленьким ребенком в детстве — среди прочего вдохновил его на создание такого количества ярких крошечных персонажей, живущих в мире тех, чьи размеры намного больше. Влияние собственного роста на свои произведения Терри никогда не обсуждал публично и не исключено, что посчитал бы подобную теорию смехотворной. Впрочем, из этого еще не следует, что она не имеет права на существование. У самого Терри имелось другое объяснение: в 1993 году ученики двух начальных школ писали сочинения, соревнуясь за право публикации в «Молодом писателе» (Young Writer), и у Терри спросили, почему он взял в качестве героев маленьких людей. Он заявил, что ему интересны персонажи, которые смотрят на мир под другим углом.

Сериал о людях ковра примечателен сразу по нескольким причинам. Это был не только первый набег Терри на детскую литературу и первая публикация в Bucks Free Press, но и лучшая напечатанная работа на тот момент, а также одна из первых попыток создать замкнутый мир[58]. Терри проявил поразительное воображение; в интересных приключениях участвуют необычные существа и воины. Пратчетт начинает вполне обычную фэнтезийную историю: население деревни Упавшая Спичка, которое едва не сгорело из-за небрежно сброшенного пепла, вынуждено покинуть свои дома, потому что ковер начинает обтрепываться. Таинственный отшельник рассказывает им о далекой земле, где они будут в безопасности. Жители деревни, ведомые Снибрилом (герой, славный своим воображением, а не храбростью или умом) и Гларком, охотником, с боями проходят долгие дюймы ковра, чтобы добраться до нового дома, справляются с атаками яростных «снаргов» и непримиримыми армиями, стремящимися захватить землю обетованную для себя. Но особенное впечатление производит мастерство, с которым Пратчетт — в

[58] Примечания: 58
Плоский мир, кстати сказать. (*Примеч. авт.*)

семнадцать лет — управляет своими владениями. У читателя возникает чувство истории, он видит павшие империи и слабую, безмолвную угрозу, исходящую от стареющего ковра[59]. В рассказе чувствуется заметное влияние Толкина, который приправил «Хоббита» похожими намеками на другие, грандиозные приключения. Как и Диккенс до него, Пратчетт показал себя мастером сериализации своей работы, закончив третью часть внезапным появлением горящих красных глаз в темноте. И читатели Дядюшки Джима с нетерпением ждали следующей недели. Это был необыкновенно качественный материал для сказок, публикуемых в колонке для детей в местной газете, вышедшей из-под пера семнадцатилетнего стажера.

Терри отнесся исключительно серьезно к роли детского писателя, посвящая часы своей и без того напряженной жизни сочинению историй. Особое восхищение вызывает тот факт, что у стажера, которому приходилось учиться и исполнять текущие обязанности, оставалось совсем

[59] Примечания: 59

Часть вторая начинается с того, что читателю рассказывают о старении ковра. Ткань мира, в буквальном смысле, начинает истончаться. Читателям «Детского цикла» пришлось преодолеть долгий путь от Кролика Бу-Бу. (*Примеч. авт.*)

немного свободного времени. Истории Дядюшки Джима были столь же важной частью обучения Терри Пратчетта, как и уроки журналистской профессии. У него появилась еще одна возможность отточить свое мастерство, и на этот раз не имелось наставника, кроме собственного воображения и произведений любимых писателей. Как и многие другие разделы газеты, предназначенные для взрослых, «Детский цикл» являлся горном, которому требовался постоянный приток топлива, и Терри каждую неделю приходилось выдавать новые истории. Он сочинил более семидесяти сказок для Bucks Free Press, а когда карьера привела его в Western Daily Press и, позднее, в Bath and West Evening Chronicle, продолжил писать для детей, а также создавать юмористические рассказы для взрослой аудитории.

«Детский цикл» показал, что Пратчетт мог выбирать в своих литературных трудах самые разные направления[60]. «Истории о людях ковра» стали вполне серьезным произведением в приключенческом жанре, несмотря на наличие небольшой толики юмора, но в остальных

[60] Примечания: 60

По меньшей мере имелись самые разные варианты, подходившие для аудитории в возрасте 5—10 лет. И их гораздо больше, чем вы можете представить. (*Примеч. авт.*)

его творениях юмор постоянно оказывался на первых ролях. Почти во всех его историях присутствовали глупости разной степени, по большей части забавные, но иногда предельно дурацкие. В них видно, как молодой писатель дает себе волю, но в другие моменты твердой рукой направляет повествование вперед. Среди его ранних рассказов была история про профессора Уэлка, ученого, мечтавшего отправиться на Марс, и «Тропнесианское вторжение в Англию», единственный плод совместных трудов Терри с Эдом Джеймсом.

К февралю 1966 года Пратчетт остановился на дерзком и глупом тоне, полном игры слов и намеков, что являлось результатом частичного влияния Спайка Миллигана и «Гунов»[61], а также журнала Punch, но главным образом его собственного воображения. «Охота на Сморка»[62], как ее позднее назвали, рассказывает историю полковника Веста, «охотника на мелкую дичь», который возглавляет экспедицию, отправившуюся на поиски никем прежде не виденного существа, получившего имя Сморк. Охотничий

[61] Примечания: 61

Группа актеров-комиков, выступавших по радио в 60-е годы; отличалась своеобразным юмором на грани абсурда. (*Примеч. пер.*)

[62] Примечания: 62

Перевод С.А. Степанова.

отряд состоял из девяноста одного человека с самыми разными умениями, специально подобранных для экспедиции. Их дорога проходила по джунглям (где было полно зарослей тапиоки), и постепенно весь отряд начал чихать, и тут встреченный ими сборщик тапиоки сообщил, что «сморк» — это местное слово, обозначающее простуду, и все они умудрились простудиться. Вот такая глупейшая история, типичная для раннего юмора Пратчетта.

Истории «Детского цикла» связаны между собой несколькими повторяющимися темами и событиями. Многие из них происходят в вымышленном городе-ярмарке средней Англии под названием Сплинбери, позднее Пратчетт выбрал его в качестве места действия трилогии для подростков: «Только ты можешь спасти человечество», «Джонни и мертвецы»[63] и «Джонни и бомба»[64]. В образе Сплинбери Пратчетт показал типичный небольшой городок, так хорошо знакомый его читателям, сотворив черный холст для фантастически странных понятий. Жители Сплинбери пекут гигантские рожде-

[63] Примечания: 63
Перевод Е.Ю. Александровой.

[64] Примечания: 64
Перевод Н. Аллунан.

ственские пироги и занимаются необычными видами спорта вроде «танца с яйцами» — два танцора выходят на боксерский ринг и пускаются в пляс, стараясь не наступать на яйца. У них есть парк со множеством статуй викторианских премьер-министров, которые оживают по ночам и перемещаются на автобусах по времени, или с помощью путешествующего по времени телевизора. Мало того, город обладает богатой историей очень глупых людей, оставивших след в столетиях.

Другой небольшой темой является «Британский Дикий Запад»: серия рассказов, действие которых происходит в уэльском пограничном городке под названием Лланданффванфафегеттапагого, что отсылает к настоящей деревне с названием Лланвайрпуллгуингиллгогерихуирндробуллллантисилиогогогох[65]. Исходное допущение Пратчетта состоит в том, что в Британии есть свой «Дикий Запад», расположенный как раз на границе между Англией и Уэльсом. Угольная лихорадка, а не золотая, превратила

[65] Примечания: 65

Прямой его перевод звучит так: «Церковь Святой Марии в лощине белого орешника, рядом с ужасным водоворотом Святого Тузилио из Красной пещеры», можно было удвоить, как одно из неожиданно красивых имен гоблинов в более поздних романах Плоского мира. (*Примеч. авт.*)

Лланданффванфафегеттапагого в быстро растущий пограничный город со всеми характерными чертами Дикого Запада. В точности как в серии про Плоский мир будут низвергнуты метафоры фэнтези (а также Шекспир, фольклор, мифология, опера, волшебные сказки, Голливуд, рок-музыка, Китай, Австралия, Древний Египет, Древняя Греция, религиозные догмы, расизм, патриархальный строй и множество других понятий[66]), истории «Дикого Запада Уэльса» стали посланием Пратчетта западному жанру, все еще сохранившему свое влияние в середине шестидесятых годов двадцатого века в таких сериалах, как «Бонанза» (Bonanza), «Сыромятная плеть» (Rawhide) и «Дымок из ствола» (Gun Smoke), которые регулярно показывали в самое лучшее вечернее время.

Здесь есть шериф, который приезжает в город, но он обычный английский бобби в полицейском шлеме, известный как «самый быстрый умелец с дубинкой к западу от реки Северн». Ковбои тут «овечьи парни», на смену лошадям пришли велосипеды, а угрюмые преступники носят такие имена, как Дай Эванс, Дай Оррибли и его брат Дай

[66] Примечания: 66

Плоский мир, как мы увидим позднее, не оставил без внимания ни одной метафоры. (*Примеч. авт.*)

Ту. Читатели «Детского цикла» были прекрасно знакомы с избитыми выражениями вестернов и Уэльса. Шутки, возникающие во время конфликтов, не отличаются тонкостью, но забавно наблюдать, как Пратчетт поигрывает своими пародийными мышцами.

Но завораживает в этих историях — если забыть о том, как они хороши для детей, и о контексте их возникновения — эмбриональная форма множества идей и техник, вновь появившихся в более поздних книгах Пратчетта. Сюжеты «Людей ковра» и «Угонщиков» берут начало именно здесь, а сержант Баньян из Лланданффванфафегеттапагого воспринимается как предтеча коммандера Ваймса из Плоского мира, одинокий голос здравомыслящего правосудия в мире, постепенно сходящем с ума.

Мы также видим, что Пратчетт нащупывает свой путь во вселенной имен и звуков; Ринсмангл, гном из универмага, напрямую связан с его первым по-настоящему удачным персонажем, волшебником Ринсвиндом, появившимся десять лет спустя после крошечного человечка, в честь которого он получил свое имя, в «Цвете волшебства» 1983 года. Слово «Огг» становится фамилией огра задолго до того, как в романах

Плоского мира возникнет вспыльчивый закадычный друг матушки Ветровоск, а цвет самой магии, «зеленовато-пурпурный» октарин, описывается в истории, где магия превращает землю в «пурпурно-зеленую». С самого начала своей литературной карьеры Пратчетт ниспровергает жанр фэнтези. Волшебники появляются уже в его ранних произведениях[67], в одной из первых историй, написанных в Bucks Free Press, где сам Мерлин участвует в чудесном приключении времен короля Артура[68]. Почтенные, в остроконечных шляпах и довольно глупые маги, хорошо знакомые поклонникам Плоского мира, стали частыми гостями в работах Терри, начиная со смешного волшебника по имени Фоссфиддл, искателя приключений, у которого постоянно возникали проблемы с семимильными сапогами-скороходами, из рассказа 1966 года, позднее напечатанного в сборнике «Драконы в Старом

[67] Примечания: 67

Персонаж Писмайр, который появляется в первых приключениях «Людей ковра», позднее станет в некотором роде волшебником, но в начале истории он всего лишь обычный отшельник. (*Примеч. авт.*)

[68] Примечания: 68

Легенды короля Артура и путешествие во времени вновь сольются много лет спустя в романе Пратчетта 1995 года «Для былого и грядущего». (*Примеч. авт.*)

замке»[69].

Хотя Фоссфиддл и незначительный персонаж, он становится типичным волшебником Пратчетта, основой, от которой он очень редко отходил за все пятьдесят лет творчества. Волшебники обладают огромными знаниями, но лишены здравого смысла, а магия является крайне ненадежным способом что-то сделать и часто создает куда больше проблем, чем способна решить, в частности, Фоссфиддл случайно превращает дверь в розовую меренгу в «Драконах в Старом замке», или Ринсвинд из «Интересных времен» два десятилетия спустя переносится на таинственный континент ХХХХ (террор инкогнита), когда его коллеги пытаются вернуть его домой. Разумеется, в этих историях не обошлось без повсеместного использования остроконечных головных уборов.

Даже если в сказках не действуют ведьмы или волшебники, они узнаваемы в будущих произведениях Пратчетта. В центре большинства его историй всегда присутствует моральный кодекс

---

[69] Примечания: 69

Семимильные сапоги довольно часто упоминаются в работах Пратчетта, они впервые появились в его коротких рассказах, а в середине восьмидесятых годов двадцатого века проникли в ранние романы Плоского мира. Артефакт старого фольклора, часто встречающийся в фэнтезийных книгах, сапоги позволяют их обладателю преодолевать за один шаг несколько миль, но редко возникают в современной литературе. Мир моды удивительно переменчив. (*Примеч. авт.*)

по Пратчетту: думай о себе, но работай вместе с другими, проявляй воображение, однако не рассчитывай на кратчайший путь, будь умным и здравомыслящим и используй отвагу в качестве запасного плана, но, самое главное, будь сдержанным. Это же можно сказать про Я, муравья-дезертира в рассказе 1970 года из «Детского цикла», который убегает из своего муравейника и в какой-то момент приносит себя в жертву, чтобы спасти нового друга[70], так и Тиффани Болен отказывается от помощи и в одиночку противостоит Лукавцу в кульминации «Платья цвета полуночи», написанного в 2010 году.

Жизнь, как уже говорилось выше, иногда подбрасывает момент «штанины времени» таким, какой он есть: это критические развилки на дороге твоей персональной вселенной, где создается новое возможное будущее — до тех пор, пока тебе везет и ты попадаешь в правильную «штанину». В 1968 году, когда Терри Пратчетт женился и завершил работу репортера-стажера, он вновь оказался перед выбором «штанины», однако на этот раз речь шла о случайном выборе наставника, который вывел его в совершенно

[70] Примечания: 70
Не беспокойтесь, он спасется. (*Примеч. авт.*).

новый мир. Артур Черч отправил Терри взять интервью у Питера Бандера, редактора новой книги, рассказывавшей о будущем образовательной системы, «Что нас ждет в семидесятых» (Loking Forward To The Seventies), в издательстве Colin Smythe Limited. Если бы это задание получил другой журналист, будущее репортера Пратчетта могло сложиться иначе.

Бандер нашел благодарного слушателя в юном журналисте — интервью Пратчетта, опубликованное в Bucks Free Press в мае 1968 года, получилось очень лестным, и в этом нет ничего удивительного, ведь Терри, бросивший ненавистную школу всего три года назад, не мог не восхищаться предложенной Бандером реформой; более того, его восторженный тон в то время был совсем нехарактерен для Bucks Free Press — газета старалась избегать политики вне колонок и редакторских статей. Пратчетт хвалил работу Бандера как жизненно важную и своевременную.

Питер Бандер (позднее Питер Бандер ван Дурен) и его деловой партнер Колин Смайт являлись совладельцами Colin Smythe Limited и представляли собой очаровательный дуэт. Бандер, который добавил себе часть фамилии матери — ван Дурен

— в 1976 году, по рождению был немцем, преданным римской католической церкви; прежде он работал учителем в тюрьме Борстал и в довольно жесткой школе внутреннего Лондона. К 1968 году он стал старшим лектором в колледже Уолл-Холл, в Олденхэме, и уже выпустил две книги о моральном облике образования: «Один на дороге» (One for the Road) в 1966 году и «Двое на дороге» (Two for the Road) в 1967 году. Из-под его пера выйдет еще несколько заслуживающих внимания книг, посвященных непонятному миру геральдики римской католической церкви, а позднее он станет рыцарем ордена Святого Георгия[71].

Колин Смайт между тем родился в Мейденхеде и учился в колледже «Тринити», в Дублине, поскольку в то время для поступления в ирландские университеты не требовалось оценок уровня А. В середине шестидесятых он вернулся в Соединенное Королевство и основал издательство, носившее его имя, вместе с Бандером в качестве содиректора. После лекции, посвященной ирландскому драматургу Леди Грегори в летней школе Общества Йетса в 1968 году, он начал публиковать работы о классических ирландских

[71] Примечания: 71

Сравнение с Озаренными Братьями Непроницаемой Ночи из романа «Стража! Стража!», скорее всего, совершенно случайно. (*Примеч. авт.*)

писателях начала двадцатого столетия, в том числе самой Леди Грегори, Джордже Муре и Джордже Уильяме Расселле. В том же году издательство Colin Smythe Ltd выпустило в свет детскую книгу «Катя и крокодил» (Katya and The Crocodile). Он признанный специалист по ирландской литературе и фольклору, и книги на эту тему позволяют его издательству получать прибыль в течение последних пятидесяти лет.

Смайта и Бандера можно считать видными фигурами в сфере истории, общества и литературы, но самое удивительное — оба интересовались сверхъестественным. В 1971 году они опубликовали одну из первых англоязычных книг, посвященных феномену электронного голоса, или ФЭГ: теория состояла в том, что голоса призраков можно записать на магнитную пленку. Два года спустя они вместе открыли собственную газету «Исследования сверхъестественного и газета спиритуалистов» (The Psychic Researcher and Spiritualist Gazette) в партнерстве с Ассоциацией спиритуалистов Великобритании, которую редактировал и печатал Бандер — он также являлся владельцем типографии — и вместе со Смайтом составителем и редактором-рецензентом. Ежемесячные публикации рассказывали о людях,

видевших привидения и НЛО, в них обсуждали святых и чудеса, печатали рецензии и систематизировали книги по теме, а также рекламировали услуги медиумов, экстрасенсов и целителей.

Пратчетт регулярно забегал в офис Colin Smythe Ltd, где встречался с Бандером и Смайтом, которые скармливали ему истории для Bucks Free Press. И неудивительно, что эта троица подружилась: Бандер и Смайт немногим старше Пратчетта, их политические взгляды совпадали (во всяком случае, на образование, если не на религию), более молодой, помешанный на книгах Пратчетт, как губка впитывавший факты и самые разные интересные мелочи, с радостью проводил время с двумя интересными людьми, публиковавшими удивительные вещи. Пратчетт разделял их влечение к сверхъестественному и периодически писал о колдовстве, фольклоре и НЛО в колонке Маркуса. И, конечно, хорошие отношения с действующим издательством всегда полезны для начинающих писателей. В какой-то момент Пратчетт даже попросил работу у Смайта, хотя сердце его стремилось к писательскому труду, а не издательскому бизнесу. В декабре 1968 года Пратчетт наконец заговорил о первом

романе[72].

В промежутках между новыми сказками для «Детского цикла» и путешествиями по стране, описаниями судебных процессов и забавных овощей, Терри спокойно работал над «Людьми ковра», превращая короткую историю в большую детскую книгу, раскрывая более подробно первое приключение, расширяя мир и увеличивая количество персонажей. Более длинная версия оказалась существенно глубже, мрачнее и более волнующей, чем оригинальная история, хотя основной костяк уже присутствовал в первой из серии сказок Дядюшки Джима в 1965 году.

Как долго он над ней работал? В программе конвента по Плоскому миру, проходившего в 2009 году в США, Смайт написал: «“Люди ковра” были созданы, когда Терри было 17 лет, в год, когда он снова начал работать в Bucks Free Press». Смайт имел в виду роман, а не короткий рассказ. Очень любопытное заявление. Первый сериал Дядюшки

---

[72] Примечания: 72

Данная версия основана на компиляции из биографий, интервью с Пратчеттом и эссе, написанных Смайтом. Сам Пратчетт также рассказывал эту историю, впрочем, ему больше нравился упрощенный вариант: он поискал местных издателей в телефонной книге и отправил рукопись первому, которого нашел, — и ее сразу согласились напечатать. Однако возникает вопрос: «Сколько человек это прочитало и скопировало его технику и помогло ли это кому-то из них»? (*Примеч. авт.*)

Джима выглядел как самодостаточная история и совсем не походил на первую главу длинной истории. Полная версия «Людей ковра» есть расширение исходной истории, а не ее продолжение. Обе заканчиваются примерно в одном и том же месте, когда горожанам в их новом доме больше не грозит опасность, а Снибрил уходит на поиски новых приключений. Описал ли Пратчетт его дальнейшие похождения, а потом от них отказался или просто выбрал первую главу, чтобы превратить ее в полную книгу?[73] Вторая история про «Людей ковра», опубликованная в Bucks Free Press в 1967 году, совершенно отдельная сказка, в которой Снибрил и Бейн отправляются в путешествие на корабле по блестящему полу, покрытому линолеумом, который начинается в том месте, где заканчивается ковер, — подтверждает эту теорию[74].

Все еще больше запуталось после заявления в «Исследованиях сверхъестественного и газете спиритуалистов», для которой Пратчетт сделал

[73] Примечания: 73

Джордж Лукас утверждает, что так он поступил со «Звездными войнами», хотя его продюсер, Гэри Куртц, это неизменно отрицал. (*Примеч. авт.*)

[74] Примечания: 74

Это будет уже вторая история, созданная из обрезков ковра. (*Примеч. авт.*)

блистательно смешной комикс, что его первый роман был написан в зрелом возрасте пятнадцати лет, тем самым утверждая, что он принялся за эту историю за два года до начала работы в Bucks Free Press. Это могло бы объяснить разный тон повествования в «Людях ковра» и более поздних историях Дядюшки Джима, что подтверждает парад болванов персонажей и таких слов, как «снарг» в школьной тетради 1964 года, когда Терри исполнилось 16 лет, вместе со словами «Люди ковра», написанными рунами Толкина. Идеи уже начали просачиваться, но маловероятно, чтобы он именно тогда сочинил историю, опубликованную в «Детском цикле». Истории про «Людей ковра» на световые годы опережает «Предприятие Аида» и «Разгадку», относящиеся к школьным годам Терри, и представляется странным, что он попытался продать «Ночного обитателя», когда у него в кармане лежала такая сильная вещь, как «Истории людей ковра». Мы также знаем (во всяком случае, Пратчетт всегда поддерживал эту версию), что идея про племена ковра пришла к нему после споров в баре… чем дальше назад во времени мы возвращаемся, тем менее вероятно это становится: даже сельские домовладельцы должны где-то провести черту. Лишь одно мы

можем утверждать с уверенностью: Терри много работал над «Людьми ковра», в той или иной форме, в течение нескольких лет.

Впрочем, не важно, когда история была написана. Пратчетт вручил рукопись Колину Смайту как раз перед Рождеством 1968 года, и она уже являлась законченным романом, который оказался достаточно хорошим, чтобы Смайт и Бандер согласились его немедленно напечатать.

«Книга была настолько хороша и оригинальна, что мы сразу поняли: Терри ждет успешная писательская карьера», — вспоминал Смайт. Они подписали контракт 9 января 1969 года, в котором оговорили аванс в 250 фунтов, хотя из-за того, что Терри было всего двадцать лет, то есть он оставался несовершеннолетним — несмотря на то что являлся женатым человеком с вполне приличной карьерой за спиной, — и ему пришлось ждать четыре месяца, чтобы сделка вступила в силу.

Следующая задержка случилась из-за Терри. Он посчитал, что качество рукописи его не устраивает, в чем не было ничего удивительного: ведь он начал писать эту историю еще подростком (в интервью для The New York Times 2014 года он сказал про первый вариант рукописи, что за всю свою жизнь не читал ничего хуже). Он попросил

издателей предоставить ему дополнительное время для исправлений. Он постоянно что-то менял в «Людях ковра», и это стало привычкой, от которой ему так и не удавалось избавиться. До конца жизни Пратчетт не мог отказаться от возможности повозиться со своей первой книгой, существенно переписал ее для издания 1992 года и даже откорректировал оригинальную версию Дядюшки Джима, включив ее в сборник «Драконы в Старом замке» в 2014 году.

Смайт и Бандер согласились на изменения, они видели комиксы Пратчетта в Bucks Free Press и Midweek Free Press и спросили, сможет ли он сделать иллюстрации для книги. Сначала он сопротивлялся, полагая, что время лучше потратить на что-то другое, но затем, после нескольких неудачных попыток, им удалось его убедить — в какой-то момент даже возникла мысль, что «Люди ковра» будут более успешными в форме комикса. Работа двигалась медленно — в 1969 и 1970 годах.

Пратчетт все еще подрабатывал журналистом, не говоря уже о «Детском цикле» и колонке Маркуса, потом был переезд с Лин на юго-запад и новая, требовавшая серьезных усилий, работа в Western Daily Press. Тем не менее он сумел за-

кончить последнюю версию вместе с тридцатью иллюстрациями к Рождеству 1971 года, почти через три года после передачи исходной рукописи Колину Смайту.

«Люди ковра» вышли в свет 16 ноября тиражом в три тысячи экземпляров, около дюжины с иллюстрациями автора. И Смайт, и Бандер хотели написать аннотацию на обложке, но ни один из них не желал уступить, и в результате книга вышла с двойной издательской рекламой: одной на внутренней стороне передней обложки, а другой на задней[75].

Выход книги отпраздновали вечеринкой в устланном коврами выставочном зале универмага «Хилс» в Лондоне[76], на которой подавали коктейль «Суть ковра», а также, согласно Колину Смайту, который рассказал на конвенте 2018 года, посвященном Плоскому миру, набор закусок, включавший «Тушеного снарга с грибами», «Жареного Тромпа» и «Салат Зеленого Глеба», а

---

[75] Примечания: 75

В своем обзоре Teachers World назвал одну из аннотаций «особенно неудачно написанной», впрочем, они не уточнили, какую имели в виду. (*Примеч. авт.*)

[76] Примечания: 76

Удивительное дело для бизнеса в центральном Лондоне, но «Хилс» все еще торгует на той же улице Тоттенхэм-Корт-роуд. Во всяком случае, так было во время написания данной книги, кто знает, что будет дальше. (*Примеч. авт.*)

также «Пурпурного Гроада», сыр Кристобелла и кексы с сахарными кристалликами.

Пратчетт болтал с журналистами, читал отрывки из своей книги и рисовал для пришедших детей. Судя по фотографиям этого события, все отлично провели время, да и сам Пратчетт выглядел довольным. И у него были на то все основания: с первой же попытки, в возрасте 23 лет, Терри Пратчетт стал романистом, у которого вышла книга.

Глава 5
Туда и обратно

Первого марта 1972 года регулярные читатели Midweek Free Press с радостью обнаружили новую колонку Маркуса, остроумные редакционные статьи которого не выходили больше года. Колонка возвестила о возвращении Терри Пратчетта в дочернюю Bucks Free Press газету на месяц раньше официального прихода. Хотя его взяли на должность заместителя редактора — одна из тех «сидячих работ, которая не требовала большого напряжения», — он охотно снова взялся за сочинения Дядюшки Джима и Маркуса. Очень жаль, что Артур Черч не позволил Пратчетту напечатать эти истории под его настоящим именем; в конце концов, спрятав более поздние истории Дядюшки Джима под псевдонимом, они не смогли получить дополнительные очки за то, что в «Детском цикле» трудился настоящий детский писатель.

«Люди ковра» продавались неплохо, хотя прошло более десяти лет, прежде чем разошлись все три тысячи экземпляров, и у Бандера и Снайта

ни разу не возникло желания сделать второе издание. Дебют Пратчетта получил несколько положительных отзывов, что вполне достаточно для неизвестного автора, которому едва исполнилось двадцать три года. Хвалебное содержание предварительных отзывов и тушеный снарг оказались эффективной маркетинговой стратегией.

В целом роман приняли позитивно. Питер Гросвенор из Daily Express назвал книгу «выдающейся» и «удивительно захватывающей». Другие рецензенты охотно хвалили оригинальность и умение Пратчетта играть словами («одна из самых необычных книг, попавших в книжные магазины за десятилетие», писали в Smith's Trade News). Розмари Дойл, работавшая в Irish Times, сказала, что книга «есть новая ступень воображения», и добавила, что «проза очень красивая». Однако не все рецензии были положительными. Индийская газета The Sunday Statesman посчитала книгу слишком «зловещей и тяжелой» для юных читателей и отметила — вероятно, неверно истолковав аудиторию, на которую рассчитывал Пратчетт, — что «большинство индийских детей не живут в домах с толстыми коврами». Марджери Фишер из The Sunday Times беспокоило, что разнообразие рас и идей может оказаться слиш-

ком сложным для некоторых юных читателей. В нескольких обзорах говорилось об очевидном влиянии Толкина.

И у них были на то основания. Многое в «Людях ковра» отличается замечательной изобретательностью и оригинальностью; и не в последнюю очередь изображение исходного общества микроскопических, обитающих в ковре существ — ведь они намного меньше, чем гномы, хоббиты, лилипуты и добывайки. Также в книге описаны удивительно красивые места. Например, сцена, где дюжина животных пирует, заполучив одну крупинку сахара — этот образ читатель обязательно запомнит, и не только из-за того, что на обложке есть соответствующая иллюстрация. Однако другие аспекты книги не столь оригинальны. Однажды сам Пратчетт довольно метко назвал свой дебютный роман «Властелином колец» под микроскопом.

Как уже отмечалось ранее, влияние «Властелина колец» на юного Терри невозможно переоценить. Если позаимствовать цитату из «Творцов заклинаний», чтение «Властелина колец» было подобно «половинке кирпича на дороге истории» для многих начинающих ав-

торов, пишущих в жанре фэнтези»[77]. Позднее Пратчетт научится с весьма впечатляющими результатами отвергать, осмеивать, искажать или осовременивать установки традиционного фэнтези, но такого рода мышление характерно именно для старшего поколения. «Люди ковра» во всех вариантах и черновиках были написаны тенью Толкина, юным поклонником «Властелина колец», закодированного в его ДНК. Сходство так заметно, что остается лишь удивляться, как Пратчетту это сошло с рук… пока не начинаешь понимать, что почти всякий автор фэнтези того времени попросту переписывал «Властелина колец» и «Хоббита», и большинство без особого изящества.

Параллели совершенно очевидны даже без микроскопа. Снибрил — это Фродо, отважный мечтатель, сменивший мирное существование на пугающие приключения. Писмайр — Гэндальф со сверкающими глазами, мудрый и временами могущественный волшебник. Вайты — эльфы; мудрые и загадочные существа, бежавшие из страны, смелые и воинственные дефтмены — это гномы, а моулы — смесь огров и Черных всадни-

[77] Примечания: 77

На самом деле большинство изданий «Властелина колец» толще и тяжелее среднего кирпича. (*Примеч. авт.*)

ков, вплоть до их «глумливого визга». Есть еще юная дочь мудреца вайта — он вполне мог бы носить имя Элронд, а она — Галадриэль, а в тот момент, когда возникает особая нужда, появляется опытный воин с таинственным прошлым. Пратчетт назвал его Бейн, но в качестве образца вполне мог выступить Бродяжник. В начале книги Снибрил воображает, в точности как Фродо и Бильбо, что все дороги есть соединенный между собой поток, который подхватывает тебя и несет к приключениям. Когда дорога наконец приводит его в древний город Уэйр, мы видим в его центре старое дерево. И никто бы не удивился, если бы вдруг появился Голлум и потребовал подарок на день рождения[78].

Впрочем, такое уважение к классику вполне можно простить. Пратчетт был еще очень молодым, а почти все авторы первых романов стараются скрыть источник влияния на их творчество. Более того, мир Средиземья в те времена проникал всюду. Фэнтези присутствовало почти так же долго, как сама литература, но «Властелин колец» — что стало общепризнанным фактом — считался точкой отсчета рождения жанра, как

[78] Примечания: 78

Пратчетт приберег этот эпизод для «Ведьм за границей», написанных много лет спустя. (*Примеч. авт.*)

мы его воспринимаем теперь. Работа Толкина породила такие ролевые игры, как Dungeons & Dragons, и постепенно появилось нечто вроде набора инструментов для создания фэнтезийных миров, где орки были уродливыми, эльфы красивыми[79], волшебники мудрыми, а юных крестьянских парней неотвратимо ждала великая судьба.

То, что у Пратчетта хватило здравого смысла все переименовать и минимизировать, после чего поместить своих героев среди пыли и ворса ковра, означало, что оригинальное начало в его книге перевешивало заимствования.

«Людям ковра» сопутствовал успех. Нет, роман не стал бестселлером, но книга продавалась очень прилично, что позволило Смайту и Бандеру предложить Пратчетту написать либо продолжение, либо что-то другое. Роман получил не слишком обширную прессу, но почти все обзоры были позитивными. С точки зрения критики и продаж все прошло прекрасно. «Люди ковра» явились также творческой и символической победой. Пратчетт опубликовал роман в 23 года, и читателям он понравился. Это доказывало, что

[79] Примечания: 79

Именно благодаря Толкину все воспринимают эльфов как элегантных великих существ, а не крохотных помощников Санты. (*Примеч. авт.*)

его творчество — многостороннее и яркое; опубликованная версия «Людей ковра» так же сильно отличалась от историй Дядюшки Джима, как эти истории от «Деловых конкурентов». Кроме того, книга имела образовательный эффект: Пратчетт научился переделывать черновики и начинать работу заново, узнал, что написание романа, поглощающее время и вызывающее разочарование, в результате заканчивается большой книгой, а не короткой историей. И, самое главное, он узнал, на что способен.

Терри и Лин вернулись в Бакингемшир через несколько месяцев после выхода «Людей ковра» и сняли небольшой домик в Хай-Уикоме, неподалеку от здания, в котором располагалась Bucks Free Press, где Терри предстояло занять должность заместителя редактора. Его второй период работы в газете существенно отличался от первого. Терри уже не был стажером или репортером без особого опыта работы, он вернулся ветераном, пусть и отсутствовал всего год. Для тех, кто присоединился к команде до его ухода, он являлся такой же неотъемлемой частью редакции, как Кен Берроуз или Джордж Топли. Более того, в его отсутствие появилось много новичков, например шестнадцатилетняя Дженис Рейкрофт, чей путь

в журналистику был на удивление похож на историю самого Пратчетта. Она появилась в отделе новостей после собеседования с Артуром Черчем — в школьной форме, не больше и не меньше — и оставила школу в следующую же пятницу и пришла в офис Bucks Free Press уже в понедельник. Рейкрофт так хотелось стать репортером, что она подала заявление на работу в бухгалтерию, а потом устроилась секретаршей Черча, дожидаясь, когда откроется вакансия репортера-стажера. Артур Черч вновь отыскал талант и помог молодой писательнице, бросив ей спасательный круг.

Когда Рейкрофт стала репортером-стажером, Терри оказался одним из немногих, кто не скрывал своей радости: остальные хотели, чтобы Черч нанял более опытного журналиста. Пратчетт стал защитником и наставником для нового рекрута Free Press, проникнувшись тем, что карьера Рейкрофт повторяла его собственную. Это был ранний пример того, что Пратчетт называл «сочтемся позже», что он и делал в течение всей жизни. Он понимал, что другие подставляли свои шеи для того, чтобы он мог двигаться вперед: наставники и сторонники, такие как Тед Кассон, Артур Черч, Колин Смайт и Питер Бандер, а также авторы, такие как Брайан Олдисс, Майкл Муркок и Артур

Ч. Кларк. Либо напрямую своими действиями, или опосредованно, проявляя к нему внимание и делясь мыслями, эти люди помогли ему добиться нынешнего положения, и в течение всей карьеры, и сейчас он был готов поступать так же. Позднее, став знаменитым автором[80], он множество раз вступал в переписку со своими собратьями, которые просили его советов в обычных письмах и по электронной почте. Пратчетт постоянно присутствовал на конвентах НФ, общался, участвовал в дискуссионных группах. Ближе к концу жизни он даже вел курсы в колледже «Тринити» в Дублине. Он постоянно следовал принципу «сочтемся позже» и не стремился получить результат сразу. Каждое поколение писателей должно посадить зерно для появления следующего. Дженис Рейкрофт вспоминает, что она стала одним из тех, кто выиграл от его щедрости:

«Меня прозвали Занозой, но Терри взял меня под свое крыло вместе с другим начинающим журналистом, Робертом Хаусом. Стать репортером значило для меня оставить письменный стол секретарши и занять место в комнате для репортеров. Пустой письменный стол находился

---

[80] Примечания: 80
Предупреждение: спойлеры. (*Примеч. авт.*)

напротив Роберта, а NUJ [Национальный союз журналистов] как раз обсуждал, могут ли два начинающих журналиста сидеть друг напротив друга, или их лучше приставить к опытным профессионалам. Мы держались вместе, нам помогал Терри, регулярно появлявшийся из соседней комнаты помощника редактора, чтобы обсудить статьи, над которыми мы работали, давал советы или улучшал вступление и добавлял оттенков к статьям, не меняя фактов. Он мягко и спокойно направлял нас в нужную сторону».

Оба стажера получали огромную пользу от общения с Пратчеттом, а Роберт Хаус занял его место в «Детском цикле», когда Терри через некоторое время ушел из газеты. Рейкрофт помнит, как Терри несколько раз приходил к ней на помощь:

«Однажды, когда я только начинала, Терри спас меня, когда я совершила ужасную оплошность. Я вошла в кабинет заместителей редакторов, чтобы вручить ему свой очередной шедевр для детской страницы, которую Терри составлял каждую неделю, и довольно нахально пошутила о том, какая у них легкая работа, в то время как мы вынуждены искать на улицах темы для новых историй. Заместители в основном были уже немолодыми людьми, а руководил ими внуши-

тельный Кен Берроуз.

Берроуз взорвался и наказал меня. Все отправились на ланч, а я должна была оставаться в заполненной дымом редакции до тех пор, пока не закончу составление детской страницы. И он добавил, что, если мне придется провести за этим занятием всю ночь, значит, так тому и быть. Он выдал мне параметры страницы и линейку ЕИПС[81], и они ушли на час… или два. Я сидела одна, охваченная тоской, когда Терри незаметно вошел в кабинет, быстро продиктовал все ответы [касательно формирования страницы] и тут же исчез.

Когда почтенные редактора вернулись, я извинилась, сделала вид, что дописываю последние указания для наборщиков, и в конце концов меня отпустили».

Хотя Терри провел в журналистике почти десять лет, он всегда чувствовал себя ближе к молодым репортерам. Начинающие журналисты постоянно передразнивали своих опытных коллег за спиной, хотя редко делали это грубо. Самые забавные столкновения и дикие побеги записывались в «Книгу», красный бухгалтерский

---

[81] Примечания: 81
Единица измерения печатной строки. (*Примеч. авт.*)

журнал, заполненный шутками Пратчетта, Рейкрофт, Хауса и другими. «Книгу», увы, со временем потеряли[82].

Терри продолжал увеличивать свое творческое портфолио за пределами страниц Bucks и Midweek Free Press. Смайт и Бандер призвали его в качестве карикатуриста для своего нового замысла — «Исследования сверхъестественного и газета спиритуалистов». Там он выбил себе уголок юмора, назвав его «Зал волшебника», в котором описывались «эскапады правительственного “Первого исследовательского центра паранормальных явлений”». Превосходные карикатуры показывали, как сильно Пратчетт продвинулся вперед после первых сомнительных опусов Маркуса в Midweek. Кроме того, они были очень смешными, шутки вполне могли оказаться на страницах любой из книг Плоского мира, а также занять достойное место в The Beano[83]. «Зал волшебника» пережил семнадцать выпусков.

Между тем «Люди ковра» продолжали свой путь

---

[82] Примечания: 82

Что очень обидно для всех, кто изучал труды Пратчетта, но также и для молодых журналистов, писавших в «Книге», карьера которых только выиграла бы, если бы руководство ее прочитало. (*Примеч. авт.*)

[83] Примечания: 83

Самый продолжительный британский детский юмористический журнал. (*Примеч. пер.*)

в мир через книжные магазины и библиотеки. Смайт даже сумел договориться об издании в Германии, где книгу перевели под названием Alarm im Teppichreich (Дословно: «Тревога в ковровом королевстве»). Немецкий издатель Сауэрландер отказался от иллюстраций Пратчетта и пригласил швейцарского художника Йорга Мюллера сделать набор изящных стилизованных (они и в самом деле получились элегантными) рисунков. Немецкий вариант книги получился невероятно красивым, с картами ковра и города Уэйра, хотя иллюстрации Мюллера в ряде случаев несколько искажали текст, в особенности в том месте, где раскрывали, что таинственное и страшное Изнашивание есть лишь нога гигантского человека. Издание Сауэрландера продавалось лучше, чем английский вариант книги Пратчетта.

Смайт и Бандер очень хотели издать продолжение, инстинкт подсказывал им, что молодой автор со временем еще раскроет себя. Поначалу Пратчетт планировал сочинить продолжение, где действие будет проходить в другом месте мира ковра, с совершенно другими персонажами. Его издатели с радостью согласились и подписали контракт для новой истории «Людей ковра». Но в конечном счете тому не суждено было случиться.

Пратчетт потерял интерес к микроскопическому Средиземью и после почти семидесяти детских рассказов, вышедших за семь лет, почувствовал, что снова готов работать для взрослых, ведь теперь он и сам присоединился к их рядам. Он изложил свои соображения в письме к Колину Смайту в 1973 году, где написал, что хотя «вторая книга, вероятно, будет не хуже первой, она лишит ковер некоторой таинственности». По-видимому, он пришел к окончательному решению после разговора с другом[84], который убедил его, что приступать к продолжению, не имея в голове детально продуманной истории, это «эксплуатировать» первую книгу. На Смайта мысли Пратчетта впечатления не произвели. В эссе под названием Terry Pratchett: His World, представленной на выставке 2017 года, посвященной жизни Терри, он назвал этот совет «странным». Понять раздражение Смайта нетрудно: в конечном счете, продолжение было бы гораздо легче отправить на рынок и продать, чем оригинальную историю

[84] Примечания: 84

Современный фэндом НФ часто упоминает феномен, получивший название «закон головы», представляет собой теорию о событиях в вымышленной вселенной, обычно закадровой, в которую читатель или зритель решили поверить. В моем личном «законе головы» жизни Пратчетта это тот самый друг, чьи пьяные напыщенные тирады в пивной в свое время вдохновили Терри на создание племен ковра. И это было бы очень красиво, не так ли? (*Примеч. авт.*)

с другой целевой аудиторией. Однако проявите сочувствие и к Пратчетту. Он думал о ковре по меньшей мере с 1965 года; между тем шел уже 1973-й, и нельзя винить Терри, если ему захотелось поднять взгляд повыше, чем на несколько миллиметров.

В 1973 году Пратчетт оставил за спиной не только «Людей ковра». Через восемь лет после начала работы стажером он был готов покинуть Bucks Free Press — и Бакингемшир — навсегда. Его первый период в газете продолжался пять лет, и он стал превосходным репортером. Второй занял немногим больше года, и на этот раз — хотя его обучение не носило формального характера — овладел темным искусством заместителя редактора. Теперь Пратчетт знал, что такое расстояние между буквами, какие бывают шрифты и все прочее, стал мастером написания заголовков. Большую часть времени он провел, с головой погрузившись в язык, овладел умением придавать ему любую форму — и теперь был готов применить свои знания в других местах. В сентябре 1973 года Пратчетт занял должность заместителя редактора в Bath Evening Chronicle, в более серьезной газете, которая выходила шесть раз в неделю. В отличие от опыта в Western Daily

Press, ставшей небольшим шагом вверх по короткой кривой, The Bath Chronicle[85] оказалась хорошей партией для Пратчетта. И хотя она была ежедневной газетой, Chron выходила тиражом тридцать пять тысяч экземпляров — менее чем в половину от Western Daily, — а потому имела более тесные отношения с читателями. Кроме того, она базировалась в небольшом городе и имела скорее сельскую направленность, что полностью устраивало Пратчетта; нечто среднее между непреклонной природой Western Daily и местным колоритом Bucks Free Press. Он останется там на пять лет.

Терри и Лин вернулись в коттедж, который купили в Роуберроу, в Мендип-Хиллс, и Пратчетт наконец распрощался с Bucks Free Press. Перед уходом он устроил вечеринку в своем маленьком доме в центре города, где Дженис Рейкрофт влюбилась в крошечных черепашек, которых Терри и Лин выращивали в саду. Она попросила отдать ей одну, но Пратчетт заявил, что она слишком безответственная. («Он несколько минут рас-

[85] Примечания: 85

В действительности газета называлась Bath and Wilts Evening Chronicle до 1974 года, после чего стала Bath and West Evening Chronicle, а еще через декаду вновь превратилась в The Bath Chronicle. Местные жители называли ее Chron.

пространялся по этому поводу», — вспоминала она.) Годы спустя Рейкрофт стала успешным редактором газеты и настоящей легендой среди журналистов и отвечала за несколько различных изданий. Больше она никогда не встречалась со своим наставником лично, но получила от него последнее послание:

«Я работала в Хаунслоу, где курировала газеты Западного Лондона и Суррея, которыми владеет Trinity Mirror, когда один из редакторов отдела новостей сказал, что кое-кто собирается подписать книгу у Терри. Я рассказала, что когда-то работала с Пратчеттом — не так уж много журналистов могут похвастать столь знаменитым наставником. Репортер сообщил про меня Терри… и тот ответил: «Передайте ей, что не имеет значения, сколькими газетами она руководит, я все равно не доверил бы ей черепашку».

Размеренная деятельность Bath Evening Chronicle устраивала Пратчетта гораздо больше, чем безжалостная обстановка в Western Daily, и она бросала ему вызов заметно более серьезный, чем в хорошо знакомом мире Bucks Free Press. Он вновь работал в кабинете заместителей редактора со старым коллегой Тони Бушем и восстановил близкую дружбу с другим беженцем из Western

Daily, Питером Фиппсом («долговязым фонарным столбом», так называл его неизменно тактичный бывший босс Эрик Прайс).

Редактором Chron был Пат Уир, который сильно отличался от старомодного Артура Черча и энергичного, но ужасающего Эрика Прайса. Уир, сын сэра Кеннета Уира, австралийского ученого, ставшего ректором Оксфордского университета, был живым и приятным человеком и создал семейную и дружескую атмосферу, отражавшую дух этого периода времени в газете. Персонал Chron представлял собой прекрасно сработавшуюся команду опытных профессионалов среднего возраста и «молодых стрелков», привлеченных превосходной подготовительной программой, составленной владельцами Westminster News. Наставничество Уира помогло начать карьеру нескольким известным журналистам, в том числе Адаму Рафаэлю, специалисту по журналистским расследованиям, который получил не одну награду. Он служил корреспондентом The Guardian в Вашингтоне и представлял BBC Newsnight. А также Майклу Коулу, бывшему королевскому корреспонденту, работавшему представителем Мохаммеда Аль-Файеда, когда погибла принцесса Диана. Терри не рассматривал

газету как трамплин в будущее и рассчитывал, что пробудет здесь в новой роли достаточно долго.

Бывший штатный сотрудник газеты, Мартин Уэйнрайт, вспоминает полную веселья и шуток дружелюбно оживленную атмосферу в отделе новостей:

«Основное веселье исходило от молодых репортеров, которые выпивали и много общались с людьми, а также устраивали игры, стараясь использовать слова недели или целые фразы в своих статьях, или, когда в офисе бывали гости, говорили «черт возьми!» совершенно естественно, как, например, во время визита миссис Робертсон из местной династии производителей джема[86], являвшейся серьезной фигурой в культурной жизни Бата. Офис был открыт для всех, туда постоянно приходили без приглашения и приносили с собой истории от бесконечно оптимистичного Гилберта Уайта из “Партии мирового правительства” до любителя ветеринара с пред-

---

[86] Примечания: 86

Джем Робертсонов был знаменит использованием политически некорректного голливога*. (*Примеч. авт.*)

* Кукла, элемент американской, британской, австралийской культур, получившая наибольшую популярность в конце XIX — первой половине XX. Голливог представляет собой тряпичную фигурку, изображающую чернокожего человека. (*Примеч. пер.*)

полагаемым средством от вируса везикулярной инфекции свиней, который принес с собой свернутую диаграмму внутренностей свиньи».

Терри, от природы стеснительный, работал на более спокойном месте заместителя редактора и обычно держался в стороне от подобного рода журналистских шуток, впрочем, у замов имелись собственные игры. Время от времени он и Тони Буш приходили в редакцию в субботу, чтобы составить спортивные отчеты, которые Терри просто ненавидел. Спортивный редактор отправлялся на игры городских футбольных и регбийных команд, предоставляя заместителям разбираться с его помощником, среднего возраста ветераном ВВС по имени Джордж Сингер, который проводил день, потихоньку подливая виски в пластиковый стаканчик. Когда приходили отчеты о матчах, Пратчетт и Буш развлекались, придумывая особенно дурацкие заголовки, и отправляли их в спортивный отдел для одобрения до тех пор, пока не приводили уже совершенно пьяного Сингера в апоплексическую ярость. Насквозь пропахший виски Сингер поднимался по лестнице, врывался в их кабинет с покосившимися очками, и орал на «молодых пидоров», которые назвали напряженную игру Бата с Кентербери

«Кентерберийскими рассказами с печальным концом» или «Вероятно, самая страшная история для жены Бата»[87]. Пратчетт и Буш дожидались, когда он уйдет, после чего хохотали до упаду.

Терри работал не только на основную газету. Он также отвечал за редактуру в Keynsham Weekly Chronicle, местечковой версии Chron, сокращая содержание газеты до историй, касавшихся только жителей маленького городка Киншем, расположенного между Батом и Бристолем. «Редактор» — слишком громкое (пусть и совершенно точное) определение деятельности, состоявшей в том, чтобы выбирать значимые истории из событий прошедшей недели и вставлять их в свежее издание, но назначение на эту должность указывало на уровень доверия, которым Терри пользовался, и он им наслаждался.

Кроме того, его имя регулярно появлялось в разделе Chron, посвященном искусству. Терри писал книжные обозрения, а также подготовил несколько длинных очерков, относившихся к сельскохозяйственным работам и мероприятиям под открытым небом. Свою колонку обозревателя, выходившую по субботам в разделе

---

[87] Примечания: 87

В конце концов они достигли компромисса на «Напряженнейшей драке в Кентербери». (*Примеч. авт.*)

«Выходные», он вел пять лет. Из содержания колонки следовало, что Пратчетт оставался ненасытным читателем, что впечатляет, если учесть требования, которые предъявляла ему работа в издательстве, кроме того, в свободное время он писал новый роман, а к 1976 году стал отцом. Кроме того, не забывайте, что каждый день он тратил час на машине на дорогу от коттеджа в Мендип-Хиллс до офиса в Бате. Новая роль литературного критика оставляла ему мало времени для посещения библиотеки, где он мог получить новые книги.

Следует отметить, что Пратчетт показал себя превосходным критиком. Его обзоры неизменно содержали вполне определенное мнение, когда требовалось, он бывал достаточно жестким, но никогда не потрошил книгу, если она того не заслуживала, и его доводы неизменно оставались аргументированными даже в тех случаях, когда были остроумными и осуждающими. Он умело избегал обычных ловушек для критиков, которые охотно обрушивались на слабые произведения, пользовались нечестными выпадами или дешевыми шутками, а если Пратчетт кого-то хвалил, то делал это с величайшей искренностью. Книги, выбранные им для субботней колонки, многое

говорят нам о его интересах и философии жизни того времени. Заявления о загадочных явлениях пользовались тогда особой популярностью, и он с неизменным презрением комментировал работы об ацтеках, вступавших в контакты с инопланетянами, или о легендарной Атлантиде, ставшей колыбелью человеческой цивилизации. Его собственный интерес к паранормальным явлениям помогал ему с ходу отбрасывать все, что не имело рационального объяснения подобных феноменов. Терри часто писал обзоры книг о колдовстве и фольклоре — однажды даже похвалил две работы, написанные Сибил Лик, ведьмой двадцатого столетия: «Дневник ведьмы» (Diary of a Witch) и «Доскональное изучение искусства колдовства» (The Complete Art of Witchcraft). Последняя указывает на крайнюю непрактичность танцев голышом, что, по слухам, любят делать ведьмы в холодной сельской Англии; эту идею Терри переработал, когда писал о ведьмах в книгах Плоского мира. Терри восхитила книга Катарины М. Бриггс «Фольклор Котсуолдса» (The Folklore of the Cotswolds), что совпало с его интересом к мифам сельского юго-запада. В 1974 году книга под названием «Прыгающий заяц» (The Leaping Hare), еще одно исследование сельского

английского фольклора, получило от Пратчетта особенно хвалебную статью. Зерна его истории про Тиффани Болен, в «Платье цвета полуночи», одном из самых лучших его романов, вы легко найдете на страницах этой книги. Он пренебрежительно отозвался о книге под названием «Домашняя ферма» (Home Farm), которая, как считал Пратчетт, использовала помешательство на «здоровом образе жизни» и самодостаточности, даже не попытавшись рассказать читателю о реальной сельской жизни, но на него произвела впечатление книга Питера Сингера 1975 года «Освобождение животных» (Animal Liberation), ставшая одним из первых серьезных произведений, продвигавших веганизм. Поначалу Пратчетт подошел к ней со скептицизмом, но его тронули идеи Сингера — впрочем, не настолько, чтобы он присоединился к жене и стал вегетарианцем.

В других статьях Пратчетт хвалил или разносил книги по международной политике, садоводству, истории, сатире и даже писал про «Властелина колец», переизданного в одном томе в 1976 году (очевидно, ему отчаянно хотелось написать рецензию еще с тех пор, как ему исполнилось 13 лет). Его фундаментальное недоверие к правительству проглядывает в восторженных ре-

комендациях книги Виктора Марчетти и Джона Д. Маркса «ЦРУ и культ разведки» (The CIA and the Cult of Intelligence), в то время как он умело разносит обвинения в журналистской предвзятости в обзоре «Не публикуйте: Ближний Восток, скрытая правда» (Publish It Not: The Middle East Cover-up), исследуя представленный британской прессой в ложном свете кризис Израиля и Ближнего Востока. Все эти статьи позволяют осмыслить интеллектуальные интересы Пратчетта и его мнение по множеству вопросов.

Так как по большей части в его обязанности входило тщательное изучение и оценка письменных трудов других людей, дополнительные обзоры и колонки позволяли Пратчетту развивать воображение, потворствовать собственным интересам и отдавать часть своей личности газете. К 1976 году он уже писал регулярные юмористические очерки и стал известным юмористом, несмотря на то, что формально его художественная проза была далека от легкомысленных приключений персонажей «Детского цикла» и обычно в ее основе лежали свежие новости или взгляды исподтишка на местных жителей, а в особенности на сельскую жизнь. Часто это были истории отдельных персонажей — в большей степени сатира, чем

обычные рассказы. Пратчетт перескакивает с одного наблюдательного пункта на другой, говорит о длинных очередях на почте «Хуже дурака только старый дурак, стоящий в английской очереди», в то время как «Дышите коротко и экономно» выбирает мишенью сомнительные правительственные отделы с должностями «министра свежего воздуха». Мелкая бюрократия неизменно попадала под огонь критики Пратчетта. В 1977 году он даже совершил редкий набег в поэзию и написал короткую эпическую поэму с крепкой рифмой под названием «Сказание о Гластонбери»[88] о своем опыте общения с направлявшимися автостопом хиппи на свободный фестиваль в Гластонбери[89].

Его излюбленная техника состояла в «комедийном списке». В одной из колонок он отвечал на сфабрикованные вопросы «читателей», просивших совета, причем главным образом речь шла о напугавших их передачах по телевизору: им

---

[88] Примечания: 88

Перевод М. Сороченко.

[89] Примечания: 89

Несмотря на долгую карьеру и плодовитость, Пратчетт напечатал очень мало стихов. Ну а в написанных он всегда придерживался четкой рифмы и ритмов, которые вызвали смех. Многие персонажи его книг совершали выпады против поэтов и поэзии, из чего следовало, что он сам не слишком жаловал этот вид литературы. (*Примеч. авт.*)

стало казаться, что их затянет в черную дыру или лес вокруг дома отправится в Шотландию, как в «Макбете». На «письмо» молодой мамочки, чей помешавшийся на солдатиках четырехлетний сын случайно попал в армию, Пратчетт ответил, что ей не стоит беспокоиться, ведь к ее Ронни будут хорошо относиться и дадут ему личную армейскую зубную щетку.

Его умение высмеивать стереотипы стало более изощренным после дней Дая Оррибли из «Дикого Запада Уэльса». В июньской статье 1977 года перечислялись люди, которые действительно жили в сельской местности на юго-западе (ушедшие на покой банковские менеджеры из Солихалла, продюсеры из BBC «с женами по имени Джо», мелкие производители с одной-единственной машиной, социологи) в отличие от людей другого типа, которых вы ожидали там найти (старики по имени Сет, ведьмы, «полногрудые девки», крепкий сидр). В октябре 1977 года Пратчетт объединил свои сатирические и критические статьи в колонку, где писал пародийные обозрения на худшие книги года «в надежде, что их на самом деле никто не напишет», в том числе «Колесницы ветеринаров» (Chariots of the Vets) Эрика фон Херлота; «А. А. книга раздавленных

животных» (The A.A. Book of Squashed Animals) Руперта Веста; «Руководство по самостоятельности для воскресных мимов» (The Sunday Mimes Guide to Self-Sufficiency) Галадриэль и Бимбо Баккет и «Нодди и бухгалтер по учету расходов» (Noddy and the Cost Accountants).

Одной из его лучших статей того периода стало бессвязное письмо принцу Чарльзу, написанное во время Серебряного юбилея королевы под заголовком: «Конечно, ОНА всегда знает, где ее люди». Пратчетт стал голосом «Элизабет Крей (миссис)», почувствовавшей необходимость рассказать принцу Чарльзу про свои семейные неурядицы. Это блистательное, полное юмора послание, которое вполне могли исполнить в виде монолога Виктория Вуд или Алан Беннетт, интонации которого Терри впоследствии использовал для ведьмы Плоского мира, Нянюшки Ягг. Нянюшка даже взяла имена детей миссис Крей вместе с письмом, где упоминались «наш Даррен» и «наш Шейн».

В статьях Пратчетт оттачивал свое остроумие. Пятнадцать лет чтения, слушания и наблюдения за лучшей английской сатирой и комедией, от Вудхауса и Честертона до журнала Punch, Спайка Миллигана и «Болванов», соединились, чтобы

помочь ему создать свой уникальный стиль. Терри собрал у себя в голове огромную коллекцию английского юмора, как вспоминал писатель Дэвид Лэнгфорд, познакомившийся с Пратчеттом несколькими годами позднее на конвенте НФ, где Терри продвигал «Цвет волшебства». Их встреча стала началом дружбы на всю жизнь. На Лэнгфорда произвели огромное впечатление энциклопедические знания британского юмора, которыми обладал Пратчетт:

«Еще до окончания “Новакона” я услышал, как Терри ведет глубокий разговор о сюрреалистических причудах колонки Пола Дженнингса “Довольно странно” (Oddly Enough), намного опередившего Дугласа Адамса с новым определением названий мест, где “Бодмин” превращался в “одну шестидесятую человека в час”. Мы обменялись приятными воспоминаниями о юмористических книгах У.К. Селлара и Р.Дж. Йитмана, в отличие от “1066 и все это” (1066 and All That) теперь забытых: “Садовый мусор” (Garden Rubbish), к примеру, с потрясающим описанием части загородного сада, который его владелец тщетно пытается спрятать, “неприятность”.

Терри имел вызывающую тревогу привычку цитировать целые куски текста по памяти, а я

старался от него не отставать. Так продолжалось до конца какой-то беседы о недальновидности и порочности издателей, и он ушел, сказав на прощанье неожиданно высоким голосом: “Так вот вы о чем, мои дорогие друзья, они и вправду все это делают, на самом деле делают”. Я знал, что упускаю нечто существенное, и попытался сделать вид, что понял намек, но только на следующий день сумел вспомнить цитату, которую произносит эксцентричный адвокат в комедии из зала суда, написанной Генри Сесилом “Братья по закону” (Brothers in Law). Один-ноль в пользу Терри Пратчетта».

Глава 6
Темные стороны и Плоские миры

Пратчетт уже работал над новым романом, когда он сменил корабль и оказался на палубе Bath Chronicle. Терри выдавал три тысячи слов в день во время отпуска в августе 1973 года — во всяком случае, именно так он написал Смайту, сообщая о своем продвижении вперед. Иными словами, в те дни, когда его не отвлекали обязанности репортера, работа складывалась гораздо продуктивнее. По собственным оценкам, Пратчетту оставалось еще около двадцати тысяч слов плюс вычитка и редактура. Рождавшаяся книга «Темная сторона солнца»[90], была предельна далека от всего, что он создал до данного момента, а интонации — в световых годах от «Людей ковра».

Вторая книга, которая едва не поменяла свое

[90] Примечания: 90

Название почти наверняка навеяно вышедшим в том же году альбомом Pink Floyd «Темная сторона Луны» (Dark Side of the Moon). (*Примеч. авт.*)

имя из-за другой с таким же названием[91], наводит на воспоминания о классических научно-фантастических романах, в которые Терри влюбился еще подростком. Это была низкопробная космическая опера, действие которой разворачивалось в далеком будущем, с межпланетными путешествиями, чуждыми расами, инопланетным понятием благородства и попыткой выяснить, откуда произошла жизнь. Классический фантастический роман, но уже не работа подростка, очарованного жанром; почти все последнее десятилетие Пратчетт учился писать, и писать с юмором. «Темная сторона солнца»[92] не комедия или пародия, но роман полон типичных пратчеттовских шуток и каламбуров вроде легенды о «блудном солнце», библейском тексте, известном как «Новейший завет», и настоящего откровения: оказывается, научный жаргон изобрел Господь, чтобы помешать ученым понимать друг друга и распутывать его тайны. Кроме того, в романе существует планета с названием «Первый Сириусный Банк», где все говорят

[91] Примечания: 91

Каламбур Pink Floyd оказался слишком доступным фруктом. (*Примеч. авт.*)

[92] Примечания: 92

Перевод А.А. Комаринец.

ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ. Это серьезная концепция Терри Пратчетта, установившая его стиль, и он будет ее использовать и через тридцать лет. Он играет словами и фразами, которые потом переработает в более поздних произведениях: праздник «Страшдество», племя под названием «Клатч», упоминание о «Мелких богах» и идея о «шансе один на миллиард» окажутся удачными «девять раз из десяти», и все они появятся в самой разной форме в серии про Плоский мир, хотя до него оставалось еще более десяти лет. Шутники — название инопланетной расы всплывет снова много лет спустя в цикле «Бесконечная земля», написанном в соавторстве со Стивеном Бакстером, так Пратчетт обозначал странные и ненадежные параллельные Земли[93]. Сюжет несколько извилист, но достаточно уверенно движется вперед. Юный принц по имени Дом Сабалос должен стать главой богатой купеческой земли, управляющей планетой Противусолонь (еще одно слово, которое появится в Плоском мире). Дом решает взять судьбу в собственные руки после того, как узнает, что вся его жизнь предсказана покойным отцом с помощью науки

[93] Примечания: 93

Ладно, мы до этого еще доберемся. Возможно, даже скорее, чем вы думаете. (*Примеч. авт.*)

под названием «вероятностная математика». Он отправляется в путешествие вместе с саркастичным роботом, смиренным наставником и домашним любимцем, болотным существом по имени Еж, чтобы отыскать родину Шутников, древних существ, что создали жизнь во вселенной, и единственной расы в галактике, чье поведение математики не в силах предсказать.

«Темная сторона солнца» регулярно обращается к избитым сюжетным ходам твердой научной фантастики, как «Люди ковра» — к эпическому фэнтези, но если обращение к Толкину было почти очевидным, то здесь Пратчетт рисует свою картину куда тоньше. Его первая книга пользуется старыми клише, но раскрашивает их собственными красками и выдает за новые. Во второй персонажи преподносятся со стороны автора как этакое щегольское подмигивание. Терри никогда не опускается до прямой пародии — так он будет поступать позже — но подоплека поисков Дома, как хорошо понимает Пратчетт, известна его читателям. Он писал для таких же ботанов, поклонников НФ, как и он сам, и полагал, что они разделяют общую вселенную упоминаний, фильмов и книг. Пратчетт поглощал научную фантастику с того момента, как стал

подростком, читал классику, а также дрянные и любительские работы, опубликованные вместе с его рассказами в периодических изданиях. Он посещал конвенты и познакомился там с Артуром Ч. Кларком в туалете. Он являлся горячим поклонником жанра и обладал энциклопедическими знаниями в этой области.

Ключом к «Темной стороне солнца» и следующей книге Пратчетта «Страта» является понятие «предвестников», которое «Энциклопедия научной фантастики» (Encyclopedia of Science Fiction) определяет как «отжившую свое инопланетную расу, когда-то доминировавшую в галактике, но… таинственным образом исчезнувшую, как правило, оставив за собой многочисленные реликвии «старых технологий», игравшую роль заманчивых макгаффинов»[94]. Термин ввела Андре Нортон в своей книге «Буря над планетой Колдун» (Storm Over Warlock), изданной в 1960 году, как раз в то время, когда Терри только заинтересовался научной фантастикой. Аналогичную концепцию можно найти в работах Э. Э.

---

[94] Примечания: 94

Макгаффин — слово, придуманное Альфредом Хичкоком для описания какого-то скрытого объекта или существа, стремление к обладанию которым движет сюжет. Например, в поисках Священного Грааля макгаффином является сам Грааль. (*Примеч. авт.*)

«Дока» Смита; в фильме «Запрещенная планета» (Forbidden Planet) и в особенности у автора твердой научной фантастики Ларри Нивена. Нивен, в частности, маячит на заднем плане «Темной стороны солнца» и «Страты», где действие происходит среди галактических сообществ планет и рас — кивок в сторону вселенной «Разведанного космоса» (Known Space), места действия почти всех произведений Нивена.

Второй роман Пратчетта также имеет несколько общих элементов с «Автостопом по Галактике» (The Hitchhiker's Guide to the Galaxy) Дугласа Адамса. Действие происходит среди множества планет, используется «вероятность» для движения сюжета и кораблей, ведутся поиски «основателей», которые, как выясняется, с самого начала прячутся у всех на виду. Белые мыши Триллиан в «Автостопе», Еж, болотное существо в «Темной стороне» и добродушное поддразнивание жанра. Пратчетт и Адамс должны быть упомянуты в одном предложении из-за их литературных карьер, но любопытно отметить, что «Темная сторона солнца» вышла на несколько лет раньше, чем «Автостоп», хотя крайне маловероятно, что Адамс когда-либо ее читал. Книга Адамса преподносит свои идеи и шутки с невероятным изяществом и

более сформировавшимся голосом, чем Пратчетт, который все еще продолжал учиться ремеслу, но Пратчетту выпала честь добраться до них первым.

«Темная сторона солнца» была завершена, Смайт уже начал ее рекламировать на Франкфуртской книжной ярмарке 1974 года в поисках партнера для издания книги в США, но последовавшие переговоры и доработки задержали выход книги в США на два года. В результате второй роман Пратчетта появился на книжных полках по обе стороны Атлантики только в жаркое лето 1976 года.

Между тем Терри продолжал жить дальше. Большую часть семидесятых годов его карьера романиста отошла на задний план из-за работы в Bath Chronicle, а также обязанностей мужа, а потом и отца; написание книг стало хобби, и Пратчетт видел в нем уход от ежедневного труда в газете. Каждый вечер перед сном он писал четыреста слов и не ложился спать до того момента, пока цель не была достигнута. Иногда он оттачивал слова до предрассветных часов — в других случаях они текли легко и быстро.

Однако он никогда не писал больше четырех сотен слов, как бы муза ни звала его за собой.

Он отправлял новую книгу Смайту и Бандеру каждые пять лет или около того, придерживаясь собственной скорости, и они доверяли ему, заключая не более одного контракта одновременно, не пытаясь перейти на серии. Никто, кроме, быть может, Колина Смайта, не рассчитывал, что Терри Пратчетт сможет зарабатывать на жизнь писательским трудом.

Терри исполнилось 25 лет, когда они с Лин перебрались в свой дом в Роуберроу, небольшой деревушке в идиллической сельской местности Мендип-Хиллс рядом с Шипхемом, который был немногим больше. Их дом назывался коттедж Гайес[95], и Пратчетты прожили там до 1993 года. Коттедж — однажды пренебрежительно прозванный «развалюхой» посетившим его журналистом из Mail On Sunday, что сделало его врагом Лин на всю жизнь, которая больше не пускала репортеров в свой дом, — был одним из полудюжины маленьких изолированных домиков, стоявших вдоль извилистой улочки, настолько узкой, что один автомобиль не мог бы здесь обогнать другой. Стены домика были выкрашены в блед-

[95] Примечания: 95

Жизненно важно — о чем я узнал весьма болезненным способом — правильно писать «Гайес», если ты намерен проверить его в Google. (*Примеч. авт.*)

но-розовый цвет, а друг и коллега Терри Мартин Уэйнрайт писал, что крыша была соломенной (хотя он сомневался в точности своих воспоминаний — «но вроде так и было»). Если бы вы побывали там сейчас, вам тоже могло бы показаться, что вы забыли некоторые детали. Уже нельзя уверенно утверждать, была ли у коттеджа Гайес соломенная крыша в семидесятых — теперь там нет домов с такими крышами, — у Колина Смайта сохранилась только одна фотография — и у дома черепичная крыша, но, глядя на него, возникало ощущение, что такой домик непременно *должен* иметь соломенную. Роуберроу — маленькая красивая английская деревушка, похожая на коробочку от шоколада. Из тех мест, которые однажды купит богатый американский турист, а потом переправит на корабле, кирпич за кирпичом, в центр Миссури.

Терри и Лин легко влились в сельскую жизнь. Тогда в Британии появился модный курс на «самостоятельность», следствие ценностей хиппи шестидесятых, пытавшихся вернуться в более прагматичные века. В середине семидесятых набрало популярность комедийное шоу «Хорошая жизнь» (The Good Life), вслед за которым появилось множество книг, описывавших жизнь

в сельской местности. Пратчетты держали коз в передней части сада, а в задней — уток и кур, в самом конце участка стоял улей[96]. Они сами выращивали овощи, и иногда Терри вставал с рассветом и отправлялся в горы, чтобы собрать грибы на завтрак. На аванс за «Темную сторону солнца» они купили теплицу, где посадили огромные ребристые помидоры и разводили экзотические плотоядные растения. Коз они разводили для молока, кур для яиц, пчел для меда, овощи для обеда, а плотоядные растения ради развлечения. На самом деле это лишь официальная причина. Терри и Лин держали пчел, коз и кур и сажали овощи и венерины мухоловки по тем же причинам, по которым у них жили коты, птицы и черепахи: им это доставляло удовольствие. Лин была учителем рисования, а Терри — журналистом. Профессии отнимали у них много времени и сил, им приходилось наблюдать за внешним миром, далеко не всегда их радовавшим. Жизнь в собственном доме позволяла выращивать растения, ухаживать за козами, а по вечерам писать

[96] Примечания: 96

К этому хобби Терри относился исключительно серьезно. В 1976 году он даже написал в журнал Undercurrents статью, посвященную «Радикальной науке и альтернативным технологиям», где жаловался, что статья о пчеловодстве в их предыдущем выпуске вводила читателей в заблуждение, и предложил собственные советы. (*Примеч. авт.*)

истории — все это давало им столь необходимую передышку. Их дом являлся спокойным самодостаточным местом, позволявшим не обращать внимания на мир за воротами сада. Терри даже утверждал, что у него нет телевизора, более того, заявил заместителю главного редактора Bath Chronicle, Джеральду Уокеру, что никогда в жизни не смотрел телевизор — и вот как объяснил эти слова Уокер:

«Терри однажды зашел к нам пообедать, и мы включили телевизор. Он сказал, что смотрит его первый раз в жизни. В программе какой-то участник викторины отвечал на двадцать вопросов о космосе. Стоило ему засомневаться, как Терри вскакивал на ноги и давал правильный ответ, а потом снова садился. Уж не знаю, в первый ли раз он смотрел со мной телевизор, но он явно демонстрировал необычное возбуждение».

Терри старался поддерживать образ эксцентричного, немного похожего на хиппи отшельника, например, рассказывал коллегам, что шьет себе одежду из шерсти, собранной с колючей проволоки, окружавшей деревенские поля. Он действительно носил большие грубые свитера, казалось, ручной вязки, однако мысль о том, что вся его одежда сделана из шерсти овец, живших в

его деревне, столь же убедительна, как и заявления о том, что он *никогда* не смотрит телевизор, и это при его блестящих знаниях современной научной фантастики, да еще в эру «Доктора Кто» (Doctor Who), «Заключенного» (The Prisoner) и «Звездного пути» (Star Trek). Позднее Пратчетт написал статью для журнала SFX[97], в которой признался, что видел пилотную серию «Доктора Кто» с Уильямом Хартнеллом, когда она вышла в эфир в 1963 году, и при каждом удобном случае охотно рассказывал эту историю.

Это был спокойный и в основном удовлетворительный период жизни Пратчетта. Он оставался уважаемым и любимым членом команды Bath Chronicle, сидел за своим письменным столом, мастерски рисовал портреты коллег, писал стихи, хокку или придумывал короткие рассказы. Большинство его коллег относились к эксцентричному поведению позитивно, хотя некоторые и находили его чувство юмора немного резким. Репортер Мартин Уэйнрайт разделял с Пратчеттом тягу к приключениям, и они вдвоем отправлялись в экспедиции, например в одиннадцатичасовое путешествие на двухместном

[97] Примечания: 97

Английский журнал, посвященный научной фантастике и фэнтези, главным образом в кино и на телевидении. (*Примеч. пер.*)

каноэ вверх по течению реки Эйвон от Чиппенхема до Бата — увековеченное в статье 1975 года в Bath Chronicle, озаглавленной «Эй, ухнем и следи за бананами, плавающими на поверхности». Или отправились на чрезвычайно тяжелую прогулку по волнам Лайка[98] по пустошам Северного Йоркшира.

Однако один элемент рабочей жизни Терри того времени остается тайной. Во вступлении к одной из его историй в Bath Chronicle, позднее перепечатанной в сборнике рассказов 2012 года «Мерцание экрана», Пратчетт написал: «Моим обычным рабочим местом стал сарай — самый настоящий, довольно дешевый садовый сарайчик. Он был настолько ветхим, что когда я случайно сдвинул доску пола в одном углу, то увидел там гнездо с голубями. Я стал их подкармливать»[99].

Он еще раз упомянул сарай на крыше в предисловии к очерку в Bath Chronicle, названному «Опечатки» (A Slip of the Keyboard)[100] и вышед-

---

[98] Примечания: 98

40-мильная (64 км) сложная пешая прогулка по самой высокой и широкой части Национального парка Норт-Йорк-Мурс в Северном Йоркшире, Англия. (*Примеч. пер.*)

[99] Примечания: 99

Перевод М. Сороченко.

[100] Примечания: 100

Перевод И. Нечаевой.

шему в следующем году. Там Терри писал, что его сарай располагался на плоской крыше здания Bath Chronicle, напротив окна, за которым работали девушки, занимавшиеся телерекламой. Это странно, потому что ни Джеральд Уокер, ни Тони Буш не помнили, чтобы садовый сарай был чьим-то рабочим местом.

«Мне помнится, что Терри обитал в углу комнаты заместителей редактора, рядом с комнатой связи[101], — сказал Буш. — Быть может, он мысленно построил сарай вокруг своего письменного стола и заменил “комнату связи” на телерекламу, полагая, что читатели не знают, что такое “комната связи”?»

Джеральд Уокер, сидевший напротив Пратчетта почти все время его работы в газете, был удивлен в неменьшей степени: «Я провел сорок один год в Bath Chronicle, но, боюсь, упустил садовый сарай, — сказал он. — Мне бы следовало быть более наблюдательным».

Оба отнеслись к этой истории с юмором, хотя так и не смогли объяснить происхождения шут-

---

[101] Примечания: 101

Последние новостные сообщения передавались из центральных новостных агентств, таких как Reuters или Associated Press. Сейчас это делается по электронной почте, для нее не требуется отдельного помещения. (*Примеч. авт.*)

ки. Существовал ли сарай Терри? Если учесть показания его коллег, то почти наверняка нет, во всяком случае, в том виде, как он его описывал. Быть может, Терри все выдумал? Совсем необязательно. Тридцать шесть лет разделяют рассказ в Bath Chronicle и его вступление к «Мерцанию экрана». Возможно, Пратчетт, как Роальд Даль, работал дома в сарае и перепутал его местонахождение. Или он действительно использовал сарай, когда в первый раз работал на Bucks Free Press. В конце концов, тридцать шесть лет — много времени, а человеческая память, даже у Пратчетта (который поразительно точно помнил детали даже после того, как у него началась болезнь Альцгеймера) подвержена ошибкам. После этих слов стоит отметить, что «сарай на крыше» в буквальном смысле причуда Пратчетта; он появляется в 2004 году в романе из серии Плоского мира «Держи марку!», в котором банда неразборчивых в средствах типов использует чердак с голубями на крыше здания почты Анк-Морпорка в качестве укрытия. Может быть, Терри просто понравилась идея, и он, сознательно или нет, перенес ее в свою реальную жизнь, — это обычная практика писателей, только в данном случае наоборот. В любом случае это забавная деталь, и

мы вольны сами выбирать, верить ли нам в нее, солому на крыше коттеджа Гайес или признание любителя научной фантастики, что он никогда не смотрел телевизор.

«Темная сторона солнца» появилась на полках книжных магазинов только в 1976 году, она была опубликована в Великобритании 15 мая, а в США несколькими месяцами позднее — любезность гигантского американского издательства St Martin's Press. Редактор St Martin's, Лесли М. Покелл, ставший легендой издательского бизнеса, услышал, как Колин Смайт читает одну из лучших боевых сцен вслух на Франкфуртской книжной ярмарке, и она произвела на него такое впечатление, что он сразу сделал ставку на практически неизвестного английского автора, пишущего научного фантастику.

Первый тираж в обеих странах составил 2421 экземпляр, что немного меньше, чем «Люди ковра». Иллюстрация на суперобложке вновь принадлежала автору — на ней изображен робот-насекомое с планеты Лаот, о которой лишь упоминается в книге, но служит символическим указанием на то, что на «Темной стороне» ничто не является естественным. Еще одна яркая картинка от Пратчетта, сразу привлекающая

взгляд и совсем не такая карикатурная, как в его предыдущей книге. Терри прекрасно знал, какой должна быть настоящая обложка научно-фантастической книги, так что доминирующий желтый цвет вовсе не случайно повторяет классические обложки издательства Victor Gollancz шестидесятых годов прошлого века. Пратчетт в последний раз нарисовал обложку к своей книге, о чем можно только пожалеть; он был талантливым художником и разбирался в собственных работах лучше, чем кто-либо другой.

«Темная сторона солнца» вышла в Великобритании и в мягкой обложке — чего не случилось с «Людьми ковра» — книгу выпустило англо-американское издательство New English Library (NEL). Пратчетт был доволен — NEL специализировалось именно на такой развлекательной научно-фантастической литературе, которую он любил. Его новая книга попала в магазины весной 1978 года, с увеличенным тиражом в пятнадцать тысяч экземпляров. В том же году NEL напечатало книги в мягких обложках Майкла Муркока, Фрэнка Герберта, Роберта Э. Хайнлайна и А. Э. ван Вогта — именно в такой компании хотел бы находиться Пратчетт. Ярко-желтую суперобложку первого издания заменила новая

иллюстрация известного художника Тима Уайта, который выбрал более жесткий образ осы-робота. В результате тонкий томик стал классикой приключенческой научной фантастики.

Об обоих изданиях писали немного, но в целом отзывы были положительными. Хвалебный обзор The Oxford Times отмечал «изощренные метафоры и оригинальные изобретения», проницательно замечая, что «мистер Пратчетт часто шутит, и его пародии на идиомы научной фантастики неизменно оказываются живыми, толковыми и остроумными». На бывших коллег Пратчетта в Western Daily Press книга произвела не такое яркое впечатление, однако они назвали ее «достойным произведением в основном русле научной фантастики, в которое автор сумел впихнуть все, кроме солнечной энергии».

В обзоре Western Daily, в котором даже не указывалось имя автора, верно отмечено, что «второй роман не так уж хорош, пусть и полон лучших намерений». Однако обзор заканчивается с пророческим оптимизмом — предсказанием «великолепного будущего» автора, если он «сумеет решить трудную задачу и взять под контроль свое бунтарское воображение, заставившее его писать научную фантастику».

Несмотря на долгое вынашивание, «Темная сторона солнца» стала для Терри важнейшей вехой в 1976 году. А 30 декабря Лин родила девочку, которую супружеская пара назвала Рианной — их первый и единственный ребенок. Роды были тяжелыми; матери и дочери требовалась серьезная медицинская помощь. Рианна провела первую ночь жизни в палате интенсивной терапии больницы Саутмид, в Бристоле. Терри чувствовал себя лишним, как случается со многими молодыми отцами, но врачи твердили, что ситуация под контролем, и отослали его домой, чтобы он отдохнул.

Терри ошеломило новое чувство отцовства и эмоциональная связь с дочкой, когда она сжала его палец крошечной рукой. Его ощущения в тот вечер были невероятно сильными, а память обострилась. За весь день он съел только пакет конфет, а вечером нашел в холодильнике кусок мяса и приготовил его с луком. Потом он будет вспоминать свой ужин как один из лучших в жизни. Зима в том году выдалась особенно суровой, и он видел снег на вершинах гор; Терри поскользнулся на подъездной дорожке и упал лицом вниз, но был так возбужден, что ничего не почувствовал. Много лет спустя он описывал тот

день как идеальное воспоминание — оставалось только надеяться, что болезнь Альцгеймера не сможет его отнять. На следующий день он вернулся в Саутмид и узнал, что с его дочерью все хорошо. Это дало ему новую веру в медицинскую науку.

В 2014 году, когда здоровье отца заметно ухудшилось, Рианна, ставшая создателем видеоигр и журналистом, включила историю своего рождения в сценарий видеоигры Rise of the Tomb Raider в виде письма, обращенного к главному персонажу, Ларе Крофт, от ее отца, Ричарда:

«Еще до того, как я впервые взял свою малышку на руки, я едва тебя не потерял. Однако ты продолжала бороться… я вернулся домой в тот снежный вечер [и] приготовил себе бифштекс… выпил [да!] полбутылки виски, попытался сделать снегоступы из теннисных ракеток и заснул с кошкой. Я был дьявольски счастлив».

Годы, последовавшие за рождением Рианны, были счастливыми. Терри посчитал, что, слегка уменьшив свою зарплату, сможет сократить пребывание в офисе до четырех дней в неделю, сумеет справляться с работой заместителя редактора, а в «свободный день» будет писать дома. Так он сможет проводить больше времени с семьей, и

он очень дорожил новым опытом, наблюдая, как растет дочь. Кроме того, у него появилось больше времени для работы над следующей книгой.

Пратчетт приступил к работе над новым романом, «Страта», в 1974 году, как только отдал в издательство рукопись «Темной стороны солнца». К тому моменту, когда родилась Рианна, он заканчивал второй черновик романа, однако пройдет еще пять лет, прежде чем книга попадет на полки магазинов. Хотя «Страта» и не являлась продолжением предыдущего романа, ее тема была близка идеям «Темной стороны». И вновь это космическая опера, действие которой происходит внутри сообщества планет и рас — намек на «Разведанный космос» Нивена. В сердце истории снова находятся основатели — древние существа, создавшие известную вселенную. Однако «Страта» идет дальше и вводит основателей для основателей, цепочку инопланетных рас, которые появлялись и исчезали в течение тысячелетий, завещая древние технологии потомкам. Как и прежде, это вселенная, где все на определенном уровне «создано». И еще здесь появляется изобретательный поворот, решающий вопрос о происхождении жизни на нашей Земле.

«Страта» больше похожа на пародию, чем

«Темная сторона», но все же не скатывается в полноценный юмористический роман. В начале семидесятых Пратчетт встретился с Ларри Нивеном, их разговор касался романа «Мир-Кольцо» (Ringworld), действие которого происходит на искусственной планете, имеющей форму кольца. Разговор с Нивеном подтолкнул воображение Пратчетта. Что, если планета имеет форму не кольца, а диска? Что, если ее обитатели не осознают, что живут в искусственном мире? А поскольку концепция плоской земли часто встречается в древних мифах, они вполне могут оказаться примитивными варварами и будут, как в знаменитом заявлении Артура Ч. Кларка, путать технологию с магией?[102] В «Страте» автор преподносит нам первый прототип «плоского мира», и он, как и тот, что поможет ему стать успешным писателем, населен фантастическими персонажами. Это был его самый интересный роман, написанный до настоящего момента, и он справился с ним довольно быстро. Инопланетные расы прописаны куда лучше, чем в «Темной стороне солнца», а сама вселенная богаче и понятнее.

---

[102] Примечания: 102

«Любая достаточно продвинутая технология неотличима от магии» — один из «трех законов», при этом два других цитируются крайне редко. (*Примеч. авт.*)

В «Страте» происходит несколько завораживающих прорывов в повествовании, которое вдруг резко сворачивает от твердой научной фантастики в сторону фэнтези, и здесь сюжет набирает ход, шутки становятся смешнее и интереснее. «Страта» одной ногой стоит на «Темной стороне солнца», а другой опирается на следующую книгу Пратчетта — «Цвет волшебства».

Однако кое-какие сложности все же оставались. Писательский талант Пратчетта еще развивался (и будет развиваться в течение следующих тридцати лет), и «Страта», пусть и переполненная идеями, страдала из-за ограничений автора. Основная проблема заключалась в главной героине книги, Кин Арад, женщине в расцвете сил, сардонической, склонной все контролировать и весьма сексуальной (рекламная аннотация для издания в мягкой обложке назвала ее «страстной»). Она находится на расстоянии длиной со вселенную от человека, ее создавшего; маловероятно, что Пратчетт когда-либо встречал *такую* женщину, как Кин Арад, а потому она не выглядит настоящей. Со временем он научится лучше описывать общительных и уверенных в себе женщин, но тогда его мастерство еще не достигло необходимых высот, ему не хватало жизненного опыта.

Он гораздо увереннее описывал слабых, побитых жизнью персонажей, выглядящих жалкими.

В «Людях ковра» такой проблемы не возникло, там был обычный набор фэнтезийных героев, упрощенных для детей. В конце концов, вовсе не обязательно, чтобы они были правдоподобными. Дом, герой «Темной стороны солнца», возможно, считал себя вполне адекватным взрослым, а наивность делала его привлекательным. Дом — это история взросления. Между тем Кин Арад не только взрослая, она перестала быть подростком несколько сотен лет назад. У нее не хватает недостатков, чтобы стать интересной, и она недостаточно развита, чтобы быть уместной. Кин исходно *слишком крутая* для странной скучной женщины, чтобы тридцатилетний Терри Пратчетт мог с ней справиться. Несколько невнятных шуток относительно сексуальных услуг и глупое хихиканье не исправляют положения. Неумение обращаться с сильными женщинами и их сексуальностью было довольно распространено в мужском мире твердой научной фантастики, в котором вырос Пратчетт, и едва ли его можно винить за то, что он унаследовал проблемы целого поколения. Остается только сожалеть, что он не успел развить собственный голос, чтобы

их опередить. И все же, если отбросить героиню, «Страта» полна интересных идей и, вне всякого сомнения, стала самой оригинальной книгой из всех написанных Пратчеттом.

Третья книга Пратчетта вышла 15 июня 1981 года, ровно через пять лет после второй. И вновь продажами книг в твердых обложках занималось издательство Colin Smythe Ltd, а сам Смайт работал с NAL над выпуском книги в мягкой обложке в Англии и с St Martin's Press в США. The New American Library получила права на книгу в мягкой обложке в США — и это было первое подобное издание Пратчетта в Соединенных Штатах. Тим Уайт снова нарисовал обложку; его молния, рассекающая залитый дождем чуждый ландшафт, получилась слишком темной и серьезной, чтобы представлять энергичную историю Пратчетта. Но еще более неудачным оказался замысел фэнтезийного художника Кена У. Келли для американской мягкой обложки — он иллюстрировал «Конана» от Science Fiction Book Club и изобразил заезженный образ пышногрудой Кин Арад, которая верхом на лошади размахивает мечом. Лучше всего голос Пратчетта представлен в книге в мягкой обложке, вышедшей в 1982 году с подзаголовком, который шел над рисунком

Уайта: «Выкуси, Коперник, — говорилось в нем, — сторонники Плоского мира оказались правы».

После выхода из печати «Страту» приняли хорошо. Обзоров было немного, как и с предыдущими романами Пратчетта, но все они были восторженными, в особенности в литературных журналах и НФ-прессе. Первая хвалебная статья вышла в журнале Vector, принадлежащем Британской ассоциации научной фантастики, ее автор Крис Бейли радостно показал большой палец. Kirkus Reviews написал: «Хорошо организованная, изобретательная, ликующе безрассудная прогулка по плоской земле», а Library Journal хвалил «удачное сочетание изумления и приключений». «Страте» предстояло получить множество положительных отзывов в последующих переизданиях в мягких обложках.

Воспользовавшись небольшим всплеском оценок «Темной стороны солнца», «Страта» помогла осуществить сопровождение для следующей работы Пратчетта. Иными словами, когда Пратчетт обратился к Колину Смайту с идеей серии связанных между собой коротких рассказов под названием «Цвет волшебства», его издатель с уверенностью предположил, что аудитория уже ждет новых произведений Пратчетта. Плоская

Земля получит продолжение.

Глава 7
«Цвет волшебства»

К 1979 году, когда работа над «Стратой» подходила к концу, Терри стало очевидно, что его отношения с Bath Evening Chronicle подходят к концу. Рианна росла, и им было все труднее решать семейные финансовые проблемы на зарплату заместителя редактора газеты. Жизнь в Chron изменилась. Пата Уира сменил бывший редактор отдела новостей Морис Бордман, беспокойный и более требовательный, чем его предшественник. Мартин Уэйнрайт отправился на север, чтобы занять новую должность в Брэдфорде, а Питер Фиппс перестал быть заместителем редактора, и все это изменило ситуацию в офисе. После пяти счастливых лет наступило время перемен. Дополнительной мотивацией к уходу послужило ощущение, что еще немного — и он превратится в одного из тех немолодых сотрудников, которых периодически видел в издательстве, бывших заместителей редакторов и журналистов, для которых Chron стал всей жизнью. В своей книге 1993 года «К оружию! К оружию!» Терри напишет

о капитане Ваймсе, раздумывающем о том, чтобы покинуть Городскую стражу, но он опасается превратиться в живого призрака, возвращающегося на свое рабочее место, потому что не знает, куда еще можно пойти. Последний гвоздь в гроб забил старый друг Терри Тони Буш, с которым они, начиная с 1971 года, не раз работали вместе. Тони согласился занять место в Press Association.

«Терри нравилось чувство товарищества, — объяснил Буш. — Я ушел в Press Association, и он ощутил некоторую подавленность. Мы были друзьями и получали много удовольствия от общения. Он часто говорил: “Теперь уже никогда не будет, как прежде”».

Как и многие другие журналисты, стремящиеся к спокойной и лучше оплачиваемой жизни, Пратчетт решил изучить возможности, которые предлагали связи с общественностью. Он подал документы на работу в юго-западном офисе Центрального управления по производству электроэнергии (ЦУПЭ) с весьма привлекательным жалованьем в тринадцать тысяч фунтов в год. Друзей-журналистов выбор Терри сбил с толку. Мартин Уэйнрайт сказал, что это «казалось не жизнью, а сущей каторгой». Тони Буш согласился: «Работа в связях с общественностью совсем не

подходит Терри, — сказал он. — Меня невероятно удивило его решение. Связи с общественностью? Он был таким независимым, ярким человеком, и я не мог представить, чтобы он стал писать пресс-релизы для правящих кругов». Оба подозревали, что Пратчетта интересовали не только дополнительные деньги, но и более легкая работа, которая оставит ему больше времени для писательского труда.

«Ему будут платить очень приличные деньги и не придется постоянно думать о работе, — сказал Буш. — Я даже могу представить, как он быстро заканчивает пресс-релизы, а потом достает блокнот и начинает заполнять его идеями для новой книги».

Терри начал работать в ЦУПЭ в 1979 году, навсегда покинув Bath Chronicle, расставание с которым получилось не слишком приятным, как он сказал во время интервью Western Daily Press в 1996 году, «ведь меня уволили в третий раз»[103]. Терри проработал в Бристоле семь лет — дольше он нигде не задерживался в течение всей своей жизни — и со временем даже стал старшим пресс-секретарем, заняв последнюю настоящую

[103] Примечания: 103

Пратчетта уволили с работы всего один раз за всю его жизнь. Забавно, что это была Western Daily Press. (*Примеч. авт.*)

должность в своей жизни.

В описании этого периода карьеры Пратчетта часто допускают небольшую ошибку, утверждая, что он работал в «атомной индустрии» или «пресс-секретарем при атомной электростанции». Его также неправильно называли ученым или инженером. На самом деле Пратчетт являлся прикованным к письменному столу гражданским служащим, работавшим на правительство. ЦУПЭ, национализированная организация, подзаряжала[104] национальные нужды страны. ЦУПЭ представляло собой больше, чем просто учреждение атомной энергетики, хотя и обеспечило самый взрывной[105] аспект карьеры Терри. Однако жизнь в ЦУПЭ оказалась не такой спокойной, как рассчитывал Пратчетт. Да, ему приходилось заметно меньше перемещаться, его доход повысился, он получил доступ в плавательный бассейн, но ему приходилось решать бесконечные мелкие бюрократические проблемы гражданской службы, пытаясь одновременно погасить набиравшую в прессе силу истерию вокруг вопроса об атомной энергии.

---

[104] Примечания: 104
Извините. (*Примеч. авт.*)

[105] Примечания: 105
И за это тоже. (*Примеч. авт.*)

В марте 1979 года, за несколько недель до того, как Пратчетт начал работать в ЦУПЭ, на ядерном реакторе на АЭС Три-Майл-Айленд в Пенсильвании произошла авария, в результате — утечка радиации, и властям пришлось провести эвакуацию из региона ста сорока тысяч человек. История вызвала интерес во всем мире, у многих возникли вопросы относительно безопасности ядерной энергии. Британская пресса сфокусировалась на увеличении ядерного вектора развития в Великобритании, встал вопрос об утилизации токсичных отходов; а также возможных проблемах с ядерными реакторами и рисках для всеобщей безопасности, одновременно начался рост движения за сохранение окружающей среды и против атомной энергии. Именно в такой напряженный момент Терри Пратчетт стал пресс-секретарем, отвечавшим за три юго-западных атомных электростанции.

Поначалу его роль была сравнительно простой; обзоры прессы, звонки журналистам, редкая связь с Power News, промышленной газетой ЦУПЭ (со временем он станет ее редактором). Однако гражданская служба приносила и разочарования. Национализированное производство по своей природе пронизано влиянием профсоюзов, и

ЦУПЭ не было исключением. Строгие правила профсоюза означали, что все материалы должны печатать машинистки из офиса, что раздражало Пратчетта, ведь он превосходно делал это вслепую, едва ли не лучше всех в газете. Он печатал свои пресс-релизы, отсылал их машинисткам и ждал, когда они напечатают их снова. Он постоянно жаловался, в результате чего вышло соответствующее распоряжение, и ему разрешили работать самостоятельно.

Несмотря на серьезность отрасли, атомная индустрия обеспечила Терри множеством анекдотов в стиле «вы-просто-не-поверите», которые он регулярно рассказывал много лет. Одной из любимых была история о посетителе, который, как оказалось, принес на станцию радиоактивный материал. Этот человек в качестве хобби занимался восстановлением оборудования военной авиации и нашел старый высотомер со светящимся в темноте циферблатом — для этого использовали радий. Ему в руки попал слегка радиоактивный материал, заставивший заработать счетчик Гейгера, предназначенный для того, чтобы помешать вынести из здания станции радиоактивные материалы — но сейчас он включился на входе.

Терри приходилось тратить много времени на то, чтобы уменьшить риски, которые старательно раздувала пресса. Однажды железнодорожный вагон, перевозивший радиоактивные материалы, сошел с рельсов на сортировочной станции, не причинив никакого вреда. Однако британский протокол железнодорожных аварий, а также инструкции по работе с радиоактивными веществами, требовали принятия целого ряда экстренных мер, что привело к появлению множества съемочных бригад и серьезной панике.

Еще одна запоминающаяся история случилась на атомной электростанции Хинкли-Пойнт, расположенной на побережье, в Уэстон-Сьюпер-Мэр. Станция находилась рядом с захоронением железного века, которое все называли «курган пикси». Во время строительства станции рабочие шутили: если что-то пошло не так, виноваты «пикси», а когда работы закончились, подарили менеджеру садового гнома «пикси». Прошли годы, и персонал станции стал странным образом суеверным из-за этого гнома. Ситуация обострилась, когда кто-то переместил его из привычного места в кабинет с наградами. В ту же ночь внезапный ливневый паводок затопил и вывел из строя два реактора, после чего гнома быстро нашли и

вернули на прежнее место.

Тут же поползли слухи о «пикси» на атомной станции, и в течение следующих недель ЦУПЭ получало письма со всего мира, в которых спрашивали о феях и эльфах. Терри, к своему удивлению, обнаружил, что многие разумные, здравомыслящие инженеры и ученые не готовы с уверенностью утверждать, что проклятие пикси не имеет отношения к реальности. В его задачу входило тщательно отслеживать интервью персонала и не допустить, чтобы станция стала предметом насмешек.

Для писателя, и еще в большей степени юмориста, опыт был бесценным. Наблюдения за мелкой бюрократией и упрямой приверженностью правилам, с полным отказом от здравого смысла, позволили ему пройти ускоренный курс по изучению человеческой природы. Пратчетт часто повторял, что хотел бы написать книгу, однако оставил эту идею после того, как прочитал изданную в 1984 году книгу его друга Дэвида Лэнгфорда «Прохудившийся аппарат» (The Leaky Establishment), основанную на его собственных впечатлениях от работы в атомной

индустрии[106].

По мере того как ответственность Терри росла, его работу сопровождало все больше стрессовых ситуаций. Он привык, что его могли разбудить звонком посреди ночи запаниковавшие инженеры или журналисты из отдела новостей Western Daily Press или Bath Evening Chronicle, чтобы сообщить о какой-то случившейся ночью ерунде и на один шаг опередить конкурентов, как только начнутся восстановительные работы. В его обязанности входило убеждать всех в том, что атомный Армагеддон в районе Бристоля маловероятен, и, в конце концов, Пратчетт, который десять лет назад отказался от работы журналиста на передних рубежах, чтобы избежать такой жизни, понял, что ему стало трудно выдерживать напряжение. Джеральд Уокер вспоминает телефонный разговор, который произошел примерно в это время:

«Он позвонил однажды вечером и сказал, что хотел бы вернуться в Bath Evening Chronicle. Однако его не устраивало жалованье менее тринадцати тысяч фунтов в год. На следующий день

---

[106] Примечания: 106

Пратчетт написал предисловие для нового издания романа, опубликованного в 2001 году, в котором отругал Лэнгфорда за то, что тот опередил его с этой идеей. (*Примеч. авт.*)

я поговорил с редактором Морисом Бордманом, и тот отказал Пратчетту, заявив, что столь высокая ставка разрушит финансовую структуру газеты. Вечером я позвонил Терри и сообщил о решении редактора. Он сказал: “Очень жаль, теперь мне придется писать больше романов”. Быть может, именно в этот момент и возникла идея цикла о Плоском мире».

Уокер ошибся. Работа над Плоским миром уже была в самом разгаре летом 1981 года, когда «Страта» заняла свое место на полках магазинов. Надо сказать, что благодаря работе в ЦУПЭ Пратчетт стал быстрее писать свои романы. Между публикациями «Страты» и его следующей работы «Цвет волшебства» прошло всего два года, что стало самым маленьким промежутком времени между книгами Пратчетта до этого момента.

В точности как «Страта», уходящая корнями в «Темную сторону солнца», следующая книга берет свое начало со страниц «Страты». Когда Пратчетт закончил, он написал Колину Смайту, что Плоский мир все еще имеет огромный потенциал. Мысли об имеющей форму диска прото-Земле напомнили Пратчетту о старом индейском мифе, который он прочитал в книге по астрономии, когда был еще совсем малень-

ким, — плоский мир движется на спинах четырех гигантских слонов, а те балансируют на спине громадной черепахи. Он уже упоминал о таком мире в «Страте». Смехотворность концепции показалась Пратчетту особенно привлекательной. В том, что он когда-то воспринял ее всерьез, имелось нечто абсурдное. Но почему бы и нет? Если ты ни в чем до конца не уверен, плоский мир на черепахе столь же реален, как и любой другой. Размышления об этих идеях в «Мире-Кольце» Нивена привели Пратчетта после нескольких мысленных ходов к собственному новому миру.

Мысль о том, чтобы взять абсурдную идею и отнестись к ней с полной серьезностью, вошла в настоящий резонанс с другими, давно появившимися в его подсознании. В конце семидесятых и начале восьмидесятых начался бум героической фантастики, изменение тенденции, которое началось с «Властелина колец» Толкина в конце пятидесятых. Роберт И. Говард написал романы о Конане, также оказавшие большое влияние на жанр, как и истории Майкла Муркока об Элрике. Они помогли популяризировать образ грубого, жестокого и меланхоличного воина, путешествующего по Земле.

Как на дрожжах росли многотомные серии, в

которых рассказывались запутанные истории со сложными сюжетами и прошлым, многие из них сделали объем «Властелина колец» похожим на «Очень голодную гусеницу» (The Very Hungry Caterpillar)[107]. Некоторые были великолепными и яркими, например «Хроники Томаса Ковенанта» (The Chronicles of Thomas Covenant) Стивена Дональдсона, трилогия Терри Брукса «Шаннара» (Shannara) и очень популярные «Всадники Перна» (Dragonriders of Pern) Энн Маккефри. В других сериях персонажи и язык, если не сюжеты и темы, были более приземленными. В 1982 году Дэвид Эддингс опубликовал первый роман своей невероятно успешной серии «Белгариада» (Belgariad), которая будет состоять из двенадцати книг. В том же году вышла книга «Чародей» (Magician) Раймонда Э. Фейста, первая из цикла о «Войне врат». Оба писателя внесли современные интонации в свои истории, которые, по сути, были стары как горы. В обеих сериях нищий сирота узнает, что у него есть талант к магии и его ждет великая судьба. Два года спустя франшиза «Колесо времени» (Wheel of Time) Роберта Джор-

[107] Примечания: 107

Детская книжка с картинками американского писателя Эрика Карла. Вышла в 1969 году, впоследствии многократно переиздавалась. (*Примеч. пер.*)

дана началась с «Ока мира» (The Eye of the World), захватывающей и оригинальной истории… нищего сироты, который узнает, что у него талант к магии и его ждет великая судьба. Со временем сага займет четырнадцать томов. В кинематографе фильм «Звездные войны» определил новый язык современного блокбастера с историей — ну, после первых сцен с космическими кораблями и дроидами — о нищем сироте, который узнает о том, что у него талант к магии и его ждет великая судьба. Иногда возникало ощущение, что существует только один сюжет.

Все это происходило на фоне стремительно растущей популярности Dungeons & Dragons («Подземелья и драконы»), ролевой игры, в которой персонажи и существа переходят из мира Толкина в универсальный фэнтезийный мир. Игроков ведет мастер подземелий и ставит перед ними задачи, бросая кубик со множеством граней.

Пратчетт знал, что такое Dungeons & Dragons, играл с друзьями и часто сам выступал в роли мастера подземелий. Игра его восхищала, и он считал ее совершенно новым видом искусства: способом сделать вымысел интерактивным, превратив повествование в состязание. Среди

хорошо знакомых горгон, огров и магических заклинаний он создавал собственных персонажей и места действия — в том числе туалеты, чего, вероятно, у других мастеров подземелий не бывало. Одно из его изобретений называлось «Сундук» — идея возникла после того, как он увидел, как американка сражалась с огромным непокорным чемоданом на колесах.

Это был старый дорожный сундук с сотней маленьких ножек, в котором игроки могли хранить бесконечное количество оружия или сокровищ. Пратчетт добавил условие: сундук будет идти в ту сторону, куда его направили, до тех пор, пока его не остановят и не повернут. Кроме того, он подчиняется только девяти командам из десяти. Игроки неизменно забывали это правило до того момента, как им требовалось достать солнце-меч, чтобы прикончить демона пятого уровня, но тут Пратчетт радостно сообщал им, что Сундук ушел несколько часов назад — после того, как они забыли ему сказать, что следует делать. А если они не забывали дать нужные инструкции, всегда оставался вариант, что он откажется выдать нужный предмет.

Dungeons & Dragons появились в США в начале семидесятых, а к концу десятилетия в них играли

уже по всему миру. Их популярность привела к увеличению интереса к фэнтези и стала консолидирующей силой субкультуры фэндома НФ. Они также утвердили стереотипы и конвенты фэнтези в воображении людей, создав заранее изготовленный набор клише, которые, в свою очередь, превратились в трафаретные романы в мягкой обложке и комиксы самого разного качества. Фэнтези пожирало себя и превратилось в огромный бизнес.

Чем больше Пратчетт наблюдал за растущей популярностью плохого фэнтези, которое напоминало очередное воспроизведение Толкина, тем больше ему хотелось над ним посмеяться. «Темная сторона солнца» и «Страта» использовали идеи твердой научной фантастики, но все же не превратились в пародии. Пратчетт решил, что на этот раз пойдет дальше. Впервые за карьеру романиста он мог постоянно придумывать шутки и написать нечто очень смешное.

Он не был первым, кто посмеялся над самодовольным и чрезмерно серьезным лицом фэнтезийных условностей. Студенты Гарварда Генри Берд и Дуглас Кенни в 1969 году опубликовали пародию под названием «Пластилин колец» (Bored

of the Rings)[108], в которой изрядно повеселились, изучая самые забавные элементы произведения Толкина. Пратчетт являлся поклонником книги и чувствовал, что можно куда изящнее выставить на всеобщее обозрение глупость жанра. Юмор в «Пластилине колец» основывался на раздувании невероятной серьезности тона Толкина, но что, если подойти к пародии с другой стороны? Что произойдет, если взять нечто, по сути, невероятно смешное, такое, как фэнтезийный мир, и отнестись к нему серьезно? Как отреагируют обычные люди? Например, Арагорн занял трон Гондора — что это будет означать для обычного человека с улицы? Должны ли побежденные орки искать себе работу? Пратчетт хотел создать мир, где избитые сюжетные ходы фэнтези ведут к реальным последствиям, хотел ворваться в привычные схемы жанра, чтобы сделать их забавными, но с реалистичными персонажами и ситуациями, считая, что противопоставление обыденного и фантастического вызовет у читателя смех. К тому же этот результат будет достигнут почти как побочный продукт, когда он поставит узнаваемых главных героев в самый центр повествования.

[108] Примечания: 108

Также издавался на русском под названием «Тошнит от колец» (2002 год). (*Примеч. пер.*)

Плоский мир на спине морской черепахи — если отнестись к нему достаточно серьезно — идеальное место действия.

Пратчетт уже не в первый раз наносит удар, высмеивая наиболее нелепые элементы историй, обнажая их с помощью истинно британского педантичного реализма. В 1978 году он вел очень смешную колонку в Bath Chronicle, направленную против феномена «Звездных войн». Раскрученный фильм наконец появился в поле его зрения, и Пратчетту хватило проницательности, чтобы понять, из-за чего поднялся весь этот шум. Он отреагировал моментально: написал серию докладных записок Галактическому императору от имени старшего сотрудника по кадровым вопросам «Звезды Смерти» с жалобами на роботов, занимающих должности людей, а также обезличенность гигантских лазеров, способных уничтожать планеты, и что в столовой слишком часто подают чернослив, а кофейный автомат плохо работает. Такой подход очень походил на генеральную репетицию перед следующей книгой[109].

И раз уж Пратчетт хотел высмеять максималь-

[109] Примечания: 109

И предвосхитил знаменитую пародийную столовую «Звезды Смерти» Эдварда Иззарда более чем на десять лет. (*Примеч. авт.*)

ное количество клише — а в его распоряжении имелся целый мир, — у него возник замысел написать серию отдельных, но связанных между собой историй. Несмотря на возражения редактора St Martin's Press Лесли Покелла, Колину Смайту понравилась идея, и он подписал контракт на книгу коротких рассказов под названием «Цвет волшебства», первую, где действие происходит в так называемом Плоском мире, стоящем на спине черепахи.

Книга состояла из четырех повестей: «Цвет волшебства», «Пришествие восьми», «Притяжение Червa» и «У самого края» — в каждой рассказывалось о деяниях неудачливого волшебника Ринсвинда и наивного туриста Двацветка в приключениях меча и магии, что позволило Пратчетту спародировать все, начиная от Dungeons & Dragons до оккультных ужасов Г.Ф. Лавкрафта и благородных говорящих драконов из серии «Перн» (Pern) Энн Маккефри.

Пратчетт нашел полностью устроивший его стиль. В центре историй находится мир фэнтези, который он хорошо знал и любил, но написанный с неизменным чувством юмора, в равных долях наполненного весельем, острой сатирой и невероятно ехидными каламбурами. Эту книгу

написал тот, кто все детство провел, взахлеб читая, с одной стороны, книгу «1066 и все это», журналы Punch и Mad, а с другой — «Властелина колец», Роберта И. Говарда и в буквальном смысле все книги с изображенным на обложке драконом. В Плоском мире Пратчетту наконец удалось их объединить. Он знатно повеселился, позволив своим шуткам пройтись по всему спектру, от тщательно построенных структур и падений на задницу до тонкой игры слов, понятной только хорошо подготовленному читателю.

Уже на первых страницах «Цвета волшебства» можно отыскать множество приводящих в замешательство шуток. *«В далеком и далеко не новом комплекте измерений,* — начинает он первое предложение в первой повести, «Цвет волшебства», — *в том крыле космоса, которое никогда не предназначалось для полета...»*[110] Пратчетту потребовалось всего двадцать слов[111], чтобы выдать свой первый каламбур. И сразу же последовала теория, утверждающая, что жизнь на земле есть результат совокупления двух черепах размером с целые миры, названных «большим

[110] Примечания: 110
Перевод И. Кравцовой под редакцией А. Жикаренцева.

[111] Примечания: 111
Разумеется, речь про оригинал. (*Примеч. пер.*)

взрывом». Это огромный, верещащий резиновый цыпленок каламбуров, который должен вызвать такой громкий стон у всех, кроме самых строгих читателей, что он оставляет в тени другой, гораздо более тонкий, расположенный несколькими строками ранее, где говорится, что альтернативный Большой взрыв — это черепаха, просто продолжающая двигаться неизменно вперед, *«размеренно продвигаться в никуда»*.

Это всего лишь шутка, если вам неизвестна альтернативная Большому взрыву, так называемая «Теория стационарной Вселенной»[112]. А еще через страницу возникает прямая пародия на классический цикл Фрица Лейбера о Фафхрде и Сером Мышелове. Наш главный герой представляется словами *«отвали»,* всех богов он называет *«сволочами»,* и нам выдается игра слов с идеей семнадцатого века о «невидимом колледже»[113] и школой волшебников в «Незримом университете». Количество острот могло ошеломить, если

[112] Примечания: 112

В интервью Пратчетт утверждал, что не пользуется каламбурами так часто, как думают люди, что демонстрирует либо нетипичное отсутствие самосознания, либо хитрую попытку введения в заблуждение. (*Примеч. авт.*)

[113] Примечания: 113

Избыточно грандиозное имя для группы ученых, которые были друзьями и регулярно помогали друг другу. (*Примеч. авт.*)

бы не ровный шаг прозы Пратчетта, позволявший ему проводить шутки через нашу оборону, а затем двигаться дальше, пока мы не отвлеклись.

Кроме того, очень быстро появляется еще одна фишка Пратчетта: примечания[114], механизм, который он использует почти во всех последующих романах и рассказах. Примечания обычно ассоциируют с научными изданиями, но сравнительно часто они встречаются в фэнтези и научной фантастике, чтобы объяснять мелкие подробности, не разрушая течения повествования. На первый взгляд Пратчетт поступает так же, используя примечания как хранилище для дополнительных шуток и ремарок.

Впрочем, нередко у него были и совсем противоположные намерения. Пратчетт обращается к примечаниям в первую очередь для того, чтобы они *прерывали* повествование, в точности как артист разговорного жанра использует паузы и меняет манеру речи. Примечание заставляет взгляд читателя скользить к концу страницы и обратно, нарушает ритм и застает врасплох. Примечания есть устройство времени. Формулу, которую Пратчетт демонстрирует в «Цвете

---

[114] Примечания: 114
Вроде этого. (*Примеч. авт.*)

волшебства», имитировали многие[115], но этот аспект часто остается без внимания. Причиной успеха «Цвета волшебства» являются не просто шутки, сноски или заигрывания автора с формой. Они лишь обеспечивают развлекательный фон. Роман был самым демонстративно шутовским из всех, что он написал прежде, но четвертая книга стала важной вехой: Терри Пратчетт начал по-настоящему понимать своих персонажей.

Сюжет книги достаточно прост, что автор признавал и сам: «Цвет волшебства» — это история странной пары, нелепого, циничного и трусливого волшебника Ринсвинда, выступающего в роли проводника наивного и доверчивого туриста по имени Двацветок. Вдвоем они отправляются в путешествие по землям Плоского мира, чтобы… ну, положим, цель у них отсутствует. Здесь нет никакого макгаффина. Никакого эпического поиска, или великой любви, или создания чего-то. Сюжет вторичен. Пратчетт говорил, что первые романы Плоского мира, по существу, оставались бессюжетными: фабула служила лишь поводом для шуток и сносок. Верил он в это сам или нет, мы можем лишь предполагать, но в его словах

[115] Примечания: 115
Нет, это просто уважение, совсем другое дело. (*Примеч. авт.*)

ощущается излишняя пренебрежительность. Да, сюжет остается вторичным, но для персонажей, а не шуток.

Ринсвинд — первый действительно удачный главный герой Пратчетта[116], который внес огромный вклад в успех «Цвета волшебства»; раздражение Ринсвинда от проклятого идиотизма вселенной пришло исключительно от его создателя. Годы спустя в интервью, которое Пратчетт дал Second Life в 2009 году, он рассказал поклонникам, что в глубине души из всех своих персонажей сильнее всего он связан с Ринсвиндом. Персонаж получился, потому что, в отличие от Снибрила, Дома Сабалоса и, *в особенности*, Кин Арад, Ринсвинд — неудачник, он самый обычный человек. Сталкиваясь с ужасающим насилием и угрозой смерти, большинство людей не бросаются благородно в схватку, а стараются убраться куда-нибудь подальше. Ринсвинд — это квинтэссенция центральной установки Пратчетта: относиться к фэнтезийному миру, как к самому обычному. Именно реалистичный взгляд Ринсвинда означает, что человек, не знающий метафор и традиций фэнтези, — тот, кто пропустит

[116] Примечания: 116

Удачный, как литературный герой, вот о чем идет речь. Ну а как волшебник, он жалкий неудачник. (*Примеч. авт.*)

отсылки к Фрицу Лейберу, Энн Маккефри и Г.Ф. Лавкрафту, — может взять «Цвет волшебства» (и большинство книг, которые за ним последовали) и получить от них удовольствие. Ринсвинд работает, потому что он не Арагорн и не Гэндальф. Он (часто в буквальном смысле) тот парень из пивной[117]. Для своего упрямого героя Пратчетт до некоторой степени использовал персонаж Родни Троттера[118], злополучного и унылого младшего брата из ситкома BBC «Дуракам везет» (Only Fools and Horses). По иронии судьбы, когда «Цвет волшебства» был адаптирован для телевидения, Ринсвинда сыграл Дэвид Джейсон, актер, исполнявший роль старшего брата Родни, Дель Боя.

Двацветок, неунывающий турист из Агатовой империи, прописан не так хорошо, как Ринсвинд, но прекрасно его оттеняет. Его злополучная доверчивая натура создает классический дуэт, динамика которой сразу вызывает в памяти любую другую знаменитую парочку — Владимир

---

[117] Примечания: 117

Ну ладно, Арагорн и Гэндальф много времени проводили в пивных, но вы никогда не встретили бы их в «Уэзерспунсе» в Нанитоне, ведь так? А Ринсвинда найдете за каждым вторым столиком, где он делает заказ из меню «Карри клаб». (*Примеч. авт.*)

[118] Примечания: 118

Что поразительно, ведь Пратчетт утверждал, что у него нет телевизора. (*Примеч. авт.*)

и Эстрагон, Лорел и Харди, Джей и Молчаливый Боб или Артур Дент и Форд Префект. Один постоянно закатывает глаза на второго. Именно это и двигает повествование вперед. А шутки здесь как вишенка на торте.

Последняя часть ключевых характеристик приходит в форме Сундука, взятого взаймы из игры Dungeons & Dragons, получившего одержимость убийствами и заброшенного прямо в Плоский мир. Матросский сундучок с сотней маленьких ножек, наряду с Великим А'Туином, мировой черепахой, самый запоминающийся образ всей книги, и ему предстоит стать одним из бессмертных символов, во многом к неудовольствию его создателя, который чувствовал, что довольно быстро исчерпал все возможности персонажа, по сути, чемодана, который «не умеет держать себя в руках».

Конечно, многое в «Цвете волшебства» не всегда попадает в цель, и в более зрелом возрасте Пратчетт даже стеснялся книги и не раз повторял, что предпочитает «Страту», в которой хотя бы есть сюжет. «Цвет волшебства», бесспорно, слабая работа; она слишком короткая (в первом издании всего 204 страницы, половина от самого длинного романа Пратчетта, «Незримые академики»), а в

ее основе лежит намеренно вторичный сюжет. Пратчетт повеселился за счет фэнтезийных метафор, к тому же явно получал удовольствие от написания безудержного фэнтези того рода, что всегда любил. Иногда он позволял себе слишком увлечься. Позднее персонажи Плоского мира получили имена Фред, Стэн и Тиффани, в то время как «Цвет волшебства» населяли такие герои, как Злорф, Хрун, Льесса и Друэлле. Они ели засахаренных морских ежей и пили вино из перебродивших «орехов вул», в то время как потом появятся кебаб и пинта Ухмельного особого.

Да и не все шутки получились удачными. Там есть слишком затянутая история про *«отраженный шум, как будто подземные духи орут»* — мучительная игра слов, связанная с «экономикой»[119], — и читателю требуется хорошенько пораскинуть мозгами, чтобы что-то понять, если это ему вообще удается. Позднее Пратчетт даже расшифровал шутку, а как скажет вам любой комик, если шутку нужно объяснять, значит, ее не стоило рассказывать. Одноразовая мистификация, связанная с появлением Двацветка, также

[119] Примечания: 119

В оригинале «reflected-sound-as-of-underground-spirits». Reflected sound — это эхо (echo), a underground spirit — гном (gnome). В итоге получается «Echo-gnome-ics», что приводит нас к «экономике». (*Примеч. пер.*)

вызывает сомнения; маленький турист носит очки, но из-за того, что повествование ведется от лица Ринсвинда, а очки неизвестны в городе Анк-Морпорк[120], он описывает Двацветка как человека, имеющего две пары глаз.

Многие читатели, а также иллюстраторы Плоского мира, Джош Кирби и Кирк Кангро, художники британских и эстонских обложек книг в мягких обложках, поняли описание Двацветка в буквальном смысле и решили, что у персонажа *на самом деле четыре глаза.* Некоторые фанаты так и не догадались, что Двацветок был нарисован неправильно, до его появления в «Интересных временах» (Interesting Times) в 1994 году, где была сделана более точная обложка. Так Пратчетт получил суровый урок — он переоценил свою аудиторию, больше он таких ошибок делать не собирался.

---

[120] Примечания: 120

Существуют разные теории о названии Анк-Морпорк. Пратчетт отрицал, что это отсылка в адрес вымышленного города Фрица Лейбера Ланхмар или что выбор слов (анк — древний египетский символ, а морпорк имеет отношение к болотным птицам) наделен каким-то смыслом, за исключением приятного звучания имен двух городов, которые объединила река, — так в Венгрии Буда и Пешт стали Будапештом. Однако Френсис Спаффорд в London Evening Standard замечает, что «морпорк» является обозначением «нелепой личности», таким образом, Анк-Морпорк можно рассматривать как «мистическую чушь». Загадочная деталь, о которой знал только Пратчетт. Впрочем, такое объяснение ничуть не лучше любого другого. (*Примеч. авт.*)

И все же теперь, сорок лет спустя, множество мелких придирок звучат немного высокомерно. Не может не радовать, что «Цвет волшебства» прекрасно читается, в особенности после «Страты» и «Темной стороны солнца», каждая из которых представляется несколько витиеватой, а временами запутанной. Проза Пратчетта затягивает в свой поток по мере того, как история галопом мчится вперед. Остроумно, легко воспринимается и, за возможным исключением «Автостопа по Галактике», сильно отличается от всего остального, что издано в то время; «Цвет волшебства» воистину стал переломным моментом в творчестве Пратчетта — первыми раскатами будущих сенсаций.

В Британии «Цвет волшебства» увидел свет 24 ноября 1983 года. Все 4500 экземпляров первого издания были напечатаны в США, чтобы снизить себестоимость, при этом ровно 506 книг предназначались для Великобритании, поскольку в начале восьмидесятых библиотечный рынок сократился. Первая история Плоского мира получила собственный знак отличия — она стала самым маленьким изданием на родине Пратчетта за всю его карьеру. Кроме того, книга оказалась единственной, которой в США смогли

насладиться раньше, чем в Англии. По ошибке St Martin's Press тираж отправили в американские магазины за несколько недель до начала продаж в Англии. Между тем выход книги в Великобритании, намеченный на 10 ноября, задержался почти на две недели, так как Смайта возмутила американская реклама, и он настоял, чтобы на книге была наклейка с положительными отзывами[121]. Оба издания иллюстрировал молодой художник Алан Смит, изобразивший Плоский мир на четырех слонах, а также стоического вида Великого А'Туина, плывущего в пространстве. В общем, обложка получилась исключительно удачной и привлекала внимание. В 2013 году Пратчетт сказал в интервью The Guardian, что «Цвет волшебства» в твердой обложке был распродан в первый же день. Даже по стандартам небылиц Пратчетта это смехотворное преувеличение. «Цвет волшебства» далеко не сразу обрел статус классики, и читатели не сметали роман с полок книжных магазинов. Смайт продал все 506 экземпляров в твердых обложках только спустя

[121] Примечания: 121

Возможно, причина состояла в том, что там имелось предложение, в котором утверждалось, что заклинания Ринсвинда работали «только половину времени», в то время как всякий, кто читал книгу, знает, что заклинания Ринсвинда не работали от слова «совсем». (*Примеч. авт.*)

три года. Однако следует признать, что интерес к книге начал потихоньку расти. Рецензии носили положительный характер, и на фоне благоприятных отзывов о «Страте» началась реакция в более респектабельных изданиях, вроде The Scotsman («поразительное чувство юмора… невероятно забавно. Пратчетт действительно очень хорош») и в The Times. Хотя рецензия The Times состояла всего из тридцати двух слов, главное, что она была *позитивной*. Медленно, читатель за читателем, критик за критиком, фанат за фанатом, слава книги росла.

Глава 8
Запуск «Безумной звезды»

Несмотря на то что Пратчетт закончил «Цвет волшебства» клиффхэнгером[122], он не планировал скорого возвращения в Плоский мир, намереваясь снова обратиться к научной фантастике, причем в более жесткой и менее легкомысленной форме. Он приступил к работе над новым романом, в основе которого лежала грандиозная концепция открытия пошаговой технологии путешествий между необитаемыми параллельными Землями, а также влияния на человечество того факта, что земля и ресурсы оказываются неисчерпаемыми. В основе эпической истории лежит событие из реальной жизни: возвращаясь однажды с работы, Терри заметил мужчину, пытавшегося завести лошадь в дом через входную дверь. Терри задумался о том, какие обстоятельства могли превратить это в хорошую идею, и пришел к выводу, что лошадь представляла со-

[122] Примечания: 122

Клиффхэнгер (от *англ.* cliffhanger) — букв. «висящий над обрывом». Вот и Ринсвинд был готов умереть, свалившись с Края света. (*Примеч. пер.*)

бой объект испытания для путешествий между измерениями.

Он принялся экспериментировать с новой идеей и написал несколько рассказов, но только один из них, «Верхние меги»[123], вышел в свет в своем оригинальном виде в 2012 году в сборнике рассказов Пратчетта. Это великолепное произведение — напряженная, волнующая история приключений человека по имени Валиенте, на которого напал таинственный незнакомец, когда он разбил лагерь в «Верхних мегах», одной из множества Земель более чем в миллионе «шагов» от главной. В рассказе присутствует сардонический юмор, но в целом «Верхние меги» одно из самых серьезных произведений, написанных Пратчеттом после 1960-х; добротный рассказ в стиле экшен, наполненный огромным количеством интригующих деталей для задуманной Пратчеттом многотомной серии. Вероятно, тут появилась новая «штанина времени», в которой Пратчетт провел все 80-е годы, работая над рассказами и постепенно становясь культовым автором НФ. Вариантов дальнейшего развития событий могло быть несколько, например, он

[123] Примечания: 123
Перевод М. Сороченко.

не оставлял гражданскую службу, чтобы стать полноценным писателем, наблюдая за тем, как его книги выходят из печати, а потом о них забывают. Или, может быть, истории про Валиенте имели огромный успех, и он прославился как богатый воображением автор произведений твердой научной фантастики и серией про Плоский мир в качестве диковинки в списке прежних работ. «Штаны времени» иногда бывают весьма забавными. Однако в *этой* реальности набирал популярность именно «Цвет волшебства», и Пратчетту имело смысл заняться продолжением. Молодой человек, который отказался писать вторую книгу «Людей ковра», потому что она, по его мнению, могла обесценить оригинал, вырос. «Верхние меги», а также работа над другими вещами, выстроенными на концепции множества видов Земли, были отложены, и Пратчетт вернулся к ним лишь тридцать лет спустя.

Пришло время выпустить «Цвет волшебства» в мягкой обложке, а для этого требовалось найти издателя. Колин Смайт остался недоволен тем, как NEL в предыдущем году организовало маркетинг «Страты». Компанию купило более крупное издательство Hodder and Stoughton, и новых владельцев совсем не интересовала хорошая

научная фантастика. Смайт обратился к Диане Пирсон, редактору — ветерану издательства Transworld, которая как раз искала авторов для импринта Corgi, выпускавшего книги в мягких обложках. Они заключили временный договор с одной маленькой оговоркой: NEL получало право первого издания следующей книги Пратчетта. К счастью, поскольку продажи «Страты» шли не слишком успешно, NEL не особо стремилось его использовать, и когда речь зашла о «Цвете волшебства», Смайт мог предложить книгу кому-то другому.

Хотя изданная Corgi книга в мягкой обложке появилась на полках магазинов только в январе 1985 года, Пирсон, которая пользовалась огромным уважением, почти сразу уговорила передачу «Женский час» (Woman's Hour) на Radio 4 начать транслировать сокращенный вариант в форме сериала. Дебют «Цвета волшебства» на радио состоялся 27 июня 1984 года, передачи продолжались до 10 июля. Текст читал актер Найджел Хоторн, находившийся тогда на пике славы благодаря роли язвительного чиновника сэра Хамфри Эпплби из политического ситкома «Да, господин министр» (Yes, Minister). Передача стала настоящим хитом и внесла огромный вклад в

растущую популярность Пратчетта, а также привела к тому, что NEL передумало и решило, что на самом деле их еще как интересуют права на издание книги в мягкой обложке. Но, к их огромному сожалению, корабль уже ушел. Отношения Пратчетта с импринтами Transworld — Corgi и Doubleday сохранились до конца его жизни.

Возможно, самый значительный вклад в процветание карьеры Пратчетта обеспечил выбор Corgi художника для оформления обложки. В поисках иллюстратора, чьи взгляды совпадали бы с сумасбродным стилем Пратчетта, издательство остановило свой выбор на опытном оформителе обложек Рональде «Джоше» Кирби, который в 1970-х работал с Transworld над несколькими проектами научной фантастики.

Кирби родился в 1928 году и учился в Ливерпульской школе искусств, затем отправился в Лондон в поисках удачи на поприще портретиста. Чтобы сводить концы с концами, он стал рисовать рекламные плакаты для кино и обнаружил, что предложения коммерческой работы нравятся ему гораздо больше, чем традиционное искусство, и довольно быстро внедрился в издательский бизнес. Кирби сделал себе имя, нарисовав обложку для романа Флеминга про Джеймса Бонда под

названием «Лунный гонщик» (Moonraker), хотя научная фантастика, особенно с элементами фэнтези, привлекала его гораздо больше. Каталог его работ напоминает справочник великих имен НФ: Рэй Брэдбери, Айзек Азимов, Урсула К. Ле Гуин, Брайан Олдисс и сотни других. Гораздо позже, когда Пратчетт побывал на выставке Кирби, он с удивлением обнаружил, что в его библиотеке есть несколько книг с обложками Кирби, начиная с 1960-х годов; творчество Кирби было такими разнообразным, что многие из его обложек НФ не имели ни малейшего сходства с его собственным, характерным стилем, принесшим ему известность. Вернувшись в кинематограф, он рисовал рекламные плакаты для таких знаменитых хитов научно-фантастических и фэнтезийных фильмов, как «Возвращение джедая» (Return of the Jedi), «Повелитель зверей» (The Beastmaster) и «Крулл» (Krull), но, вероятно, именно «Житие Брайана по Монти Пайтону» (Monty Python's Life Of Brian) навело Corgi на мысль пригласить его для иллюстрирования нового проекта, поскольку в «Житии» Кирби показал свою способность превратить комедийные концепции и пародию в интересные картинки.

Кирби удивился, когда ему позвонили насчет

«Цвета волшебства», ведь прошло много лет с тех пор, как он работал с Transworld, и персонал в отделе иллюстраций давно сменился. Однако он обрадовался заказу и с огромным удовольствием прочитал книгу. Чувство юмора Пратчетта звучало в унисон с его собственным, и он инстинктивно понимал фэнтезийные идеи, разбросанные по всему тексту. Кирби представил Corgi выполненную акварелью[124] очень красивую иллюстрацию, которая изображала Двацветка, забежавшего в подвал «Залатанного барабана» в надежде спастись от преследовавших его злобных троллей, вооруженных топорами. Картинку окружала толпа фэнтезийных персонажей, нарисованных в оригинальном, ярком и немного пародийном стиле, слегка напоминавшем мультяшных героев. Единственная проблема возникла с двумя глазами Двацветка из-за того, что Кирби не понял шутку Пратчетта. («Я не знал, что это была шутка! — написал Кирби Дэвиду Лэнгфорду в письме к его сборнику «Космическая снедь» (A Cosmic Cornucopia). — Я привык к фэнтези и понял его слова буквально».) Ни Пратчетт,

[124] Примечания: 124

Для Кирби, работавшего, как правило, масляными красками, это было необычно, поэтому картинка на обложке его первой иллюстрации серии Плоского мира получилась более мягкой. (*Примеч. авт.*)

ни Смайт не видели обложку до того, как книга вышла из печати, и ошибку так и не исправили.

Если забыть про туриста с четырьмя глазами, Пратчетт пришел в восторг от картинки и сказал, что на самом деле не знал, как выглядят тролли из Плоского мира, пока Кирби их не нарисовал. Несмотря на кое-какие не совсем точные детали (кроме четырех глаз у Двацветка, Ринсвинд изображен с длинной седой бородой, как у Гэндальфа, хотя в тексте говорится, что она у него каштановая и ужасно неряшливая — по идее Пратчетта его герой был намного моложе и похож на ласку) — Кирби удалось безошибочно уловить дух книги. Их дуэт работал так слаженно, что Кирби стал очевидным выбором для следующего романа из серии «Плоский мир» и большинства остальных книг Пратчетта, до самой смерти художника в 2001 году. Стиль Кирби стал синонимом стиля Пратчетта.

Амбиции Corgi шли значительно дальше 506 экземпляров в твердой обложке, которые Колин Смайт отправил в библиотеки и магазины в 1983 году. 15 января 1985 года на полки поступило 26 тысяч экземпляров «Цвета волшебства» в мягких обложках, а к концу года было запланировано второе издание.

Кирби великолепно оформил обе обложки: название и имя автора будто парили в прямоугольных рамках на передней обложке и корешке, переплетаясь с деталями иллюстраций и наделяя образы глубиной. На полке корешок книги сразу привлекает внимание. Corgi использовал ту же концепцию почти для каждого романа серии «Плоский мир» в мягкой обложке, изменив только двадцать пятую, вышедшую в 2001 году под названием «Правда» (The Truth). Благодаря оформлению Кирби серия в мягких обложках, выставленная на полке, выглядела просто потрясающе, вызывая желание собрать ее всю — мастерский штрих в понимании образа мышления поклонников произведения.

В издании в мягкой обложке под заголовком стоял довольно странный в некотором смысле эпиграф: «Джером К. Джером встречается с “Властелином колец”» (с намеком на «Питера Пэна»). Упоминание Джерома и Толкина было абсолютно уместно, хотя кивок в сторону «Питера Пэна» Дж. М. Барри выглядит довольно странно, в особенности если учесть, *насколько правильно* до этого момента Corgi проводил маркетинг. Не считая фэнтезийной идеи, между классической книгой Барри и пародией Пратчетта нет ни еди-

ного пересечения. К сожалению, у Пратчетта не было права голоса в том, что касалось эпиграфов, решение принимали издатели. Издательская реклама на задней обложке сообщала, что читатель держит в руках «самую эксцентричную и оригинальную фэнтезийную историю со времен “Автостопом по Галактике”», что вполне понятно, как бы Пратчетт и, разумеется, Адамс ни смущались и ни морщились от значения слов «самый эксцентричный», намекавших на их безумие. Остроумная комедия Дугласа Адамса была самым успешным соединением юмора и научной фантастики на рынке, и хотя фэнтезийные пародии Пратчетта мягче и в них гораздо меньше налета Оксбриджа и абсурда, внешнее сходство не вызывает сомнений. Пратчетт говорил, что он читал «Автостопом по Галактике», когда в голове у него уже зрел замысел «Цвета волшебства», и книга буквально просочилась в его собственное произведение. Он был ярым поклонником творения Адамса и однажды заявил, что сделал так, чтобы одна из его дверей вздыхала и благодарила человека, который входил в нее, всякий раз, когда открывалась или закрывалась.

21 января 1985 года Пратчетт отправился в китайский ресторан в Лондоне, чтобы дать ин-

тервью посвященному НФ журналу Space Voyager, который, впрочем, просуществовал совсем недолго. После стольких лет работы репортером и секретарем по связям с общественностью Пратчетт наконец сам стал объектом интереса журналистов. Интервью у него брал одетый в кожу и серую фетровую шляпу двадцатипятилетний, похожий на панка писатель, который за год до этого выдал невероятно хвалебный обзор, посвященный «Страте», и очень хотел поговорить про «Цвет волшебства». Он представился, назвавшись Нилом Гейманом, и сказал, что в данный момент работает критиком, но мечтает стать романистом и автором комиксов. Пратчетт и Гейман мгновенно нашли общий язык, их объединило одинаковое понимание НФ и фэнтези, любовь к Честертону и страстное желание исследовать все лавки подержанных книг в Сохо. Так началась их долгая дружба, через пять лет вылившаяся в серьезное сотрудничество.

Позже Пратчетт научился вести себя сдержанно во время интервью и выдавал более-менее одинаковый набор приукрашенных историй и ярких высказываний, подходивших для цитирования. За свою журналистскую карьеру он брал интервью у множества людей и умел избегать

неприятных вопросов, а также гнуть свою линию. Он редко рассказывал про личную жизнь и старался не говорить ничего такого, что могло быть неверно истолковано. Однако в 1985 году, когда он сидел в ресторане с Гейманом, ему еще предстояло обрести многие из этих умений. Он выдавал шутки из своей следующей книги, без смущения признавал влияние Дугласа Адамса (в более поздние годы он об этом умалчивал) и весьма неудачно пошутил, сравнив журналистов с насильниками по образу их действий.

На фотографии, сделанной в филиале магазина комиксов Forbidden Planet в Сохо, изображен 36-летний Пратчетт. Выглядит он довольно странно: кепка и шерстяной свитер с ромбами для игры в гольф под теплой курткой с капюшоном. В бороде уже появилась седина. Завершают картину большие солнцезащитные очки. Он больше похож на провинциального инструктора по вождению, чем на успешного автора фэнтези. Однако по мере того, как слава Пратчетта набирала обороты, он научился более серьезно относиться к своему внешнему виду.

Меньше чем через неделю после встречи с Гейманом в карьере Пратчетта произошло еще одно важное событие — он впервые раздавал

автографы и подписывал свои книги в магазине Andromeda в Бирмингеме, который являлся центром сообщества НФ. Владел магазином Роджер Пейтон, осторожный бывший редактор журнала Vector. Он впервые встретил Пратчетта на «Истерконе» 1964 года. Именно Пейтон решил рискнуть и взять «Цвет волшебства», несмотря на то что предыдущие книги в мягких обложках продавались в их магазине не слишком хорошо. Вот что он рассказывает:

«Я помню одно яркое утро понедельника, когда в Andromeda пришел новый агент по продажам из Corgi Кевин Редмонд — это был его первый день в компании, а мы первыми, к кому он обратился с предложением. В те времена вопрос о том, сколько экземпляров заказывать, решали я и мои помощники, Дейв Холмс и Рэй Джибберд. Когда Кевин показал нам обложку «Цвета волшебства», ни Дейв, ни Рэй не хотели брать больше пяти или десяти экземпляров, поскольку предыдущие две книги в мягких обложках, написанные Терри, продавались очень плохо. Мои помощники были заметно ошарашены, когда я повернулся к Кевину и сказал: “Мы возьмем сто штук, а то и двести, если Терри согласится прийти на автограф-сессию”. Дейв и Рэй дружно подумали, что

я спятил, и попытались со мной спорить, но я не сдавался — ведь я не сомневался, что книга с великолепной обложкой Кирби и потрясающей рекламой издательства на полках не задержится. Как-то я понял, что она будет бестселлером — один из редких случаев, когда меня посетило эдакое нутряное предчувствие. Кевин оказался потрясающим агентом по продажам — он организовал автограф-сессию, а также прошел по другим магазинам в своем районе и сумел убедить их сделать солидные заказы.

Сессия, состоявшаяся 26 января, имела огромный успех, и у нас осталось всего несколько экземпляров, Пратчетт их также подписал, и они ушли за следующие несколько дней. Нам также удалось продать “Страту”, “Темную сторону солнца”, первые издания “Людей ковра”, а также напечатанный в твердой обложке в США “Цвет волшебства”. Мы тут же заказали еще пятьдесят экземпляров в мягкой обложке, и книга оставалась в пятерке наших бестселлеров в течение трех лет! После первой сессии я понял, что у Терри впереди великое будущее. Это была первая автограф-сессия Терри, а после того, как я пригласил его в ресторан, он отправился домой, заехав по дороге на станцию, чтобы заправить машину. Он

подписал так много книг (почти триста), что его “автограф” на чеке был совсем не похож на тот, что стоял на кредитке!» Пратчетт участвовал в автограф-сессиях в этом магазинчике в поддержку каждой новой книги, напечатанной с 1985 до 2001 года, когда Пейтон ушел на покой. Подписание книг стало огромной частью карьеры Пратчетта, причем до такой степени, что его друг Дэвид Лэнгфорд часто шутил о «редких экземплярах книг Терри Пратчетта, на которых нет его автографа».

Весной Терри впервые после «Истеркона» в середине 60-х годов присутствовал на конвенте НФ, проходившем в Лидсе и получившем название «Йоркон III»[125]. Он приехал как обычный участник, а не объявленный гость, и невероятно удивился, обнаружив, что слава его опередила. Несколько человек привезли с собой экземпляры «Цвета волшебства» и попросили их подписать, и его поразило то, сколько народа на конвенте знало его имя. А те, кто до сих пор не слышал про Терри Пратчетта и его «Плоский мир», благодаря «барной технике» твердо решили после конвента найти его новую книгу. Пратчетт разработал эту технику в том году и широко пользовался

[125] Примечания: 125

Названия конвентов не слишком менялись в последние двадцать лет. (*Примеч. авт.*)

на конвентах. Автор фэнтези Чарльз Стросс, в то время еще подросток, в то время носивший свою первую рукопись в хозяйственной сумке в надежде найти желающих ее издать, вспоминает, как он встретился с Пратчеттом на «Йорконе», в своем блоге в 2015 году:

«В баре часто появлялся мужчина лет тридцати, в очках и с густой бородой. От остальных парней, имевших бороды и очки, его отличала шляпа, а также то, что каждую пинту пива он сопровождал словами: «А вам известно, что я пишу фэнтези и моя третья книга «Цвет волшебства»[126] только что вышла из печати?» В результате ты покупал ему выпивку, потому что, клянусь, он обладал какой-то особенной способностью воздействовать на мозг, потом он начинал рассказывать про книгу, и в конце концов ты покупал и ее, такой забавной она казалась — и все, ты *навсегда оказывался в его ловушке*».

То же самое повторилось зимой на «Новаконе» в Бирмингеме, где Пратчетт встретился с автором НФ и критиком Дэвидом Лэнгфордом, издате-

[126] Примечания: 126

Что на самом деле совсем не так. «Цвет волшебства» — четвертая книга Пратчетта, и уже неясно, ошибся ли Стросс в своих воспоминаниях или Пратчетт сознательно старался дистанцироваться от юношеских «Людей ковра». (*Примеч. авт.*)

лем известного вестника научной фантастики Ansible, что стало началом еще одной долгой дружбы. (Лэнгфорд говорит, что помнит про ту встречу только свои слова: «Ага, — сказал я, поскольку недавно прочитал «Цвет волшебства», — Ринсвинд, один из двенадцати рыжебородых гномов». — «Ублюдок», — ответил Терри»[127].) На «Новаконе» Пратчетт должен был впервые с 1966 года стать членом группы экспертов, но задержался в дороге, прибыл слишком поздно и лишился такой возможности. Он произнес там речь, которую два года спустя напечатали в Ansible в форме очерка под названием «Почему Гэндальф не женился»[128], квазифеминистские размышления о том, что мужчин и женщин поразному описывают в произведениях фэнтези. Частично Пратчетта вдохновило изображение женской магии в романе Урсулы К. Ле Гуин «Волшебник Земноморья» (A Wizard of Earthsea). Он отметил, что волшебство женщин обычно

[127] Примечания: 127

Пратчетт подсознательно взял имя своего главного героя из колонки Дж. Б. Мортона, который подписывался «Бич» (Beachcomber), в Daily Express, он случайно на нее наткнулся в тринадцать лет. Терри утверждал, что забыл про это и считал, будто сам придумал имя Ринсвинд. Лэнгфорд обладал практически энциклопедическими знаниями юмора и разрушил иллюзию. (*Примеч. авт.*)

[128] Примечания: 128

Перевод И. Нечаевой.

представлено как нечто дешевое и непривлекательное, основанное на использовании трав и трюков с сознанием, часто с дурными намерениями. Мужчины же практикуют грандиозное, благородное искусство и создают артефакты, наделенные огромным могуществом. Именно из этих размышлений родилась третья книга «Плоского мира» — «Творцы заклинаний».

В следующие годы Пратчетт побывал на нескольких конвентах, рассказывал о своих новых книгах, сидел в президиумах, читал отрывки, отвечал на вопросы. Он познакомился с сообществом фанатов и писателей, которые часто появлялись на подобных мероприятиях, включая Нила Геймана, Кима Ньюмана, Дэвида Лэнгфорда, Джо Флетчер и Мэри Джентл. Пратчетт прекрасно понимал, какое огромное значение имеют эти выходные; будучи сам любителем таких книг, он знал, как важно для читателя получить возможность познакомиться с автором, и твердо решил встречаться с максимально возможным числом читателей. И маркетинг тут был ни при чем, Пратчетт называл это «платеж авансом»; он старался стать доступным для фанатов и всего сообщества НФ, чтобы помочь вдохновить новое поколение авторов и сыграть свою роль в поощ-

рении данной отрасли литературы. Он всегда считал себя частью этого мира.

Договор на продолжение «Цвета волшебства» был подписан в 1985 году, Колин Смайт снова намеревался напечатать его в твердой обложке, а Corgi — в мягкой. В своем новом произведении автор отказался от формата рассказов предыдущей книги, вернувшись к повествованию без деления на главы, как в «Страте», когда история совсем как в кино переходит с героев на события. Пратчетт будет до конца своей писательской карьеры использовать этот прием в романах для взрослых[129].

Во многих отношениях писать «Безумную звезду» оказалось легче, поскольку сложная задача построения мира была решена в предыдущей книге, что дало Пратчетту возможность отточить персонажей и сюжет, а также предоставило широкое поле для безумного урагана шуток и ссылок. И снова остроты получились успешными за счет плохих фэнтезийных стереотипов, но тут сходство с «Цветом волшебства» заканчивается.

---

[129] Примечания: 129

А книги для детей и юношества он всегда писал с традиционными главами, разбивая повествование на удобные части и давая родителям возможность сказать: «Мы дочитаем до конца главы», когда они хотели отправить детей спать. (*Примеч. авт.*)

У «Безумной звезды» крепкий хребет увлекательной и абсолютно оригинальной истории. В голове Ринсвинда, который в конце падает с края Диска, живет сильное заклинание, наделенное собственным сознанием, необходимое для спасения мира. Тем временем на небе появляется злобная багровая звезда, она растет по мере того, как Великий А'Туин, огромная черепаха, движется в ее сторону, в Плоском мире начинается паника, и набирают силу постапокалиптические «культы звезды». Ринсвинд становится макгаффином, поскольку волшебники и воины хотят достать заклинание из его головы, в то время как он пытается убежать от них как можно дальше и быстрее. По мере того как повествование набирает обороты, направляясь в сторону завершения, оно становится по-настоящему захватывающим и волнующим.

В этой книге Пратчетта действующие лица обретают значительную глубину. Более ранние главные герои Дом Сабалос и Кин Арад в конце своих историй становятся немного мудрее в том, что касается вселенной, но их внутренние путешествия нельзя назвать сложными. С другой стороны, Ринсвинд находит силу, храбрость и сострадание в своей не самой благородной

душе. В кульминационной точке романа он, к собственному удивлению, обнаруживает, что только он может спасти мир, поэтому берет на себя эту задачу и выступает против жутких чудовищ Подземельных измерений. Двацветок также проделал огромный путь, и его наивность дала трещину; мы видим, что его неколебимая вера в силу Ринсвинда частично является фасадом, который он выстроил ради друга — он знает, что трусливый уличный волшебник не способен творить заклинания. В финале книги Двацветок наконец перестает быть гостем и наблюдателем и берется за оружие, чтобы спасти мир. Именно его отвага заставляет Ринсвинда действовать. В конце книги маленький турист решает, что видел достаточно и ему пора возвращаться домой, оставив магический Сундук и предоставив ему семенить по другим историям.

Ранние романы «Плоского мира» имеют огромное значение — каждый свое, — представляя собой важные вехи в развитии карьеры Пратчетта, но особенно это относится к «Безумной звезде». Здесь он сумел взять глупый мир «Цвета волшебства», до нынешнего момента лишь фон для простеньких путешествий и приключений на Диске, и использовал его в качестве декорации

для великолепной истории в жанре фэнтези. В «Безумной звезде» впервые появилось множество хорошо теперь знакомых любителям серии деталей. Пратчетт нарисовал яркими красками отвратительный средневековый город Анк-Морпорк и его культуру, представив читателю чванливых, заносчивых волшебников Незримого университета (хотя пройдет некоторое время, прежде чем Пратчетт откроет там постоянный факультет). На первых страницах книги появляется пустяковый юмористический эпизод, в котором университетский библиотекарь превращается в орангутанга — в результате побочного эффекта сильного заклинания, направленного на то, чтобы спасти падающего Ринсвинда. Читатель улыбается и забывает о нем.

«Терри Пратчетт: Снова в черном» (Terry Pratchett: Back In Black), документальный фильм BBC, выпущенный в 2017 году, основываясь на собственных словах Пратчетта, рассказывает, что библиотекарь-орангутанг возник в голове Терри, когда он по субботам приходил в библиотеку Беконсфилда и представлял, как огромная обезьяна достает с верхних полок книги, до которых трудно добраться. Однако в более раннем интервью, данном Терри в 1996 году австралий-

скому телевизионному шоу «Пятое измерение» (The 5th Dimension), он признался, что идея про орангутанга появилась у него только во время написания книги, ему показалось, что будет забавно превратить волшебника в глупую обезьяну. Как и с многими другими заявлениями Пратчетта, мы вольны сами решать, чему верить.

Но, что бы мы ни выбрали, с того самого мгновения, как Пратчетт отправляет злодея Траймона подкупить стража бананом, не вызывает сомнений, что ученая обезьяна обладает достаточным комическим потенциалом, чтобы получить постоянную должность в Незримом университете. К несказанному удивлению автора, как и Сундук, Библиотекарь станет одним из символов серии. Он не ожидал, что оба персонажа проживут дольше пары смешков.

Также второй роман «Плоского мира»[130] представляет нашего, возможно, самого любимого героя: одетого в черный балахон семифутового Смерть. Он впервые появился в «Цвете волшебства», но там был всего лишь сюжетным ходом

[130] Примечания: 130

Ладно, формально первый: «Цвет волшебства» — сборник рассказов, и, строго говоря, его нельзя назвать романом, но, по правде говоря, если мы пойдем этой дорогой, нам придется целый день топтаться на месте. (*Примеч. авт.*)

и героем кульминационного момента в замечательной пародии Пратчетта на старый роман «Свидание в Самарре» (Appointment in Samarra). Скелетообразная фигура возникает во всех четырех историях, когда жизни Ринсвинда угрожает опасность, хотя единственными характерными чертами Смерти является тенденция говорить заглавными буквами, а также время от времени произносить: «НУ И ПОШЕЛ ТЫ…»

В «Безумной звезде» Пратчетт наделяет Смерть плотью[131], он перестает быть шуточным персонажем и становится полноправным героем повествования и, испытывая легкое раздражение, пытается честно справиться со своей ежедневной задачей по сбору душ. Мы видим его на вечеринке, где он задумчиво разглядывает сыр и ананас, насаженные на посох. Позже попадаем в его дом и знакомимся с приемной дочерью, именно там появляются намеки на более поздний роман «Мор, ученик Смерти» (Mort). Как Библиотекарь и Сундук, это персонаж, который сначала был предметом для шуток, но стал настоящей частью вселенной.

Смерть становится любимцем читателей, с од-

---

[131] Примечания: 131
Фигурально. (*Примеч. авт.*)

ной стороны, благодаря тому, что скелет ростом в семь футов любит кошек и хороший карри, и это выглядит забавно, а еще из-за того, что встреча с добрым и профессиональным существом в конце жизни просто не может не вызывать положительных эмоций. Пратчетт начал получать письма от фанатов, у которых были смертельно больные родственники и которые нашли утешение в этом персонаже. Впрочем, неудивительно, что в книгах Пратчетта образ Смерти получился добрым и мягким — в детстве Терри отчаянно боялся скелетов.

Работа над «Безумной звездой» завершилась, когда «Цвет волшебства» обрел невероятную популярность и его активно раскупали. К «Новакону» 1985 года Пратчетт уже начал жаловаться, что издатели слишком медленно поставляют книгу на рынок, а сам он тем временем уже заканчивал следующий роман про Плоский мир, «Творцы заклинаний». Его пятая книга наконец увидела свет в июне 1986-го, через три года после своей предшественницы. Джоша Кирби, оформившего мягкую обложку «Цвета волшебства» и внесшего огромный вклад в популярность книги, изданной Corgi, сразу же пригласили сделать рисунки для изданий в твердой и мягкой облож-

ках. Он снова превзошел себя, изобразив все еще преклонного возраста Ринсвинда и по-прежнему четырехглазого Двацветка верхом на Сундуке, рядом с мудрым старым воином Коэном-Варваром и друидкой Бетан[132], на которой гораздо меньше одежды, чем описывается в тексте, — отличительный знак Кирби, очевидным образом нисколько не повредивший продажам.

Отзывы на книги были положительными. Нил Гейман написал в Space Voyager, что эта книга «сделала для фэнтези столько же, сколько произведения Нельсона Дугласа для научной фантастики, а голуби — с памятником Нельсону… это и есть материал, из которого создаются культы». Первый обзор книги Пратчетта, сделанный Time Out, продолжил сравнение с Адамсом, написав: «Если бы Пратчетт начал водить пером по пергаменту раньше Дугласа Адамса, Форд Префект так бы и застрял где-то в Галактике с поднятым вверх большим пальцем»[133].

Corgi выпустил роман в мягкой обложке 5 сен-

---

[132] Примечания: 132

Начиная с Коэна и Бетан, Пратчетт дает своим героям имена, от которых не завязывается узлом язык. (*Примеч. авт.*)

[133] Примечания: 133

Разумеется, Пратчетт начал «водить пером по пергаменту», а точнее, стучать по клавишам пишущей машинки раньше Адамса, и Форд Префект все равно бы путешествовал по Галактике. (*Примеч. авт.*)

тября, всего через несколько месяцев после книги в твердой обложке, напечатанной Колином Смайтом. Смайт на сей раз обошелся без участия St Martin's Press, он не мог простить им то, как они обошлись с «Цветом волшебства», и выпустил всего 1034 экземпляра. Книги в мягких обложках должны были заполнить пробелы огромным тиражом в 34 тысячи экземпляров «Безумной звезды», которые ждали на прилавках осенью. Corgi переиздавали роман каждый год вплоть до 1994 года, иногда даже по два раза.

В январе 1986 года Роджер Пейтон прокомментировал успех первых двух романов серии про Плоский мир в каталоге Andromeda, который выходил раз в два месяца:

«Неожиданная вспышка интереса к книге Пратчетта «Цвет волшебства» — одного из бестселлеров 1985 года — нас очень удивила. «Цвет» отлично продавался весь год, но, вне всякого сомнения, благодаря последовавшим за ним книгам, в количествах, не характерных для новых романов, стал в результате бестселлером 1986 года! Третий роман в этом месяце выходит в твердой обложке, и мы уверены, что произведения Терри станут культовыми фаворитами».

Так на сцене появился культовый автор фэнте-

зи Терри Пратчетт.

Глава 9
Над землей

Культовый успех, конечно, прекрасно, но счета им не оплатить, и Пратчетт продолжал ходить на работу в ЦУПЭ. Его книги начали продаваться, но авансы были относительно небольшими, и ему еще предстояло узнать, что такое серьезные авторские гонорары. Подписание книг и конвенты — это, конечно, тоже весело, но на столе должна быть еда, а Терри был нужен за своим рабочим столом. Он вдруг обнаружил, что ведет двойную жизнь: государственный служащий, каждый день работающий с прессой, и культовый автор фэнтези, пишущий по ночам очередной роман про Плоский мир. Однажды у него дважды брал интервью один и тот же журналист, который испытал настоящее потрясение, когда понял, что пресс-атташе ЦУПЭ, которого он расспрашивал про ядерную безопасность, и местный писатель, чье имя становилось все более популярным, с которым он говорил про его новый роман, — один

и тот же человек[134].

Теперь Терри уже занимал должность начальника службы связей с общественностью по юго-западу и пользовался огромным уважением работников пресс-службы компании по всей стране. На самом деле его репутация умелого, сурового, компетентного, а порой и резкого специалиста была такова, что более молодые работники отдела испытывали перед ним благоговение. Вспоминает Барбара Штайнберг, младший представитель пресс-службы в Лондоне:

«Пратчетт был опытным и компетентным специалистом пресс-службы и мог справиться с абсолютно любой проблемой. Благодаря своей прежней работе журналистом он знал, каких вопросов следует ждать, и, вероятно, считал, что может проводить брифинги лучше любого представителя высшего звена. Я довольно сильно

[134] Примечания: 134

Тут следует отметить, что в виду имеется интервью с Пратчеттом, состоявшееся в середине 1990-х. Когда появляется очередная история про Терри Пратчетта с такими красочными деталями, просто необходимо добавить ложку дегтя. С другой стороны, вполне возможно, что все это чистая правда: в 1987 году Терри действительно давал интервью Western Daily Press касательно своей новой книги, а после Чернобыля газета часто печатала истории про Хинкли-Пойнт и другие атомные станции. Но, поскольку Western Daily не склонна упоминать имена авторов статей, мы не можем проверить, написал ли их один и тот же журналист. И снова решать читателю, в какой «штанине времени» они предпочитают поселиться. (*Примеч. авт.*)

нервничала в его присутствии, ведь я была всего лишь младшим сотрудником, и в мои обязанности входило разносить письма, но помню, что он вел себя очень внимательно и серьезно и никогда не ругал нас без повода. Если он находился в хорошем настроении, он помогал, объясняя, почему что-то нужно делать именно так, а не иначе, а что и вовсе не сработает. А еще он был таким живым, что мы всегда с нетерпением ждали встречи с ним».

В апреле 1986 года, за несколько месяцев до того, как «Безумная звезда» попала на прилавки книжных магазинов, на советской атомной станции взорвался реактор. Катастрофа в Чернобыле стала самой страшной трагедией в истории атомной энергетики, унесшей жизни от трехсот до сорока тысяч человек. Атомная энергетика снова оказалась под пристальным вниманием, и без того напряженная работа Пратчетта в ЦУПЭ стала еще тяжелее. Пресса буквально набрасывалась даже на самые мелкие детали и новости, от фрагментов радиоактивных отходов, нечаянно попавших в канализацию, до перевернувшегося железнодорожного вагона. Телефон не смолкал и часто будил членов семьи Пратчетта. Но его работа не ограничивалась только телефонными

звонками и просиживанием за столом. События в Чернобыле произвели такой эффект на эту отрасль промышленности и ее восприятие общественностью, что им приходилось отдавать все силы на то, чтобы минимизировать урон. Однажды Терри оказался в водно-болотном заповеднике Слимбридж, рядом с Глостером, он помогал ученым из расположенной поблизости Национальной лаборатории министерства энергетики в Беркли согнать мигрирующих лебедей в портативный гамма-спектрометр. Птицы недавно прилетели из России, и проверить их на наличие радиации было жизненно необходимо (к счастью, ученые обнаружили только присутствие безопасного фона). Пратчетт рассчитывал, что в ЦУПЭ будет работать в кабинете, без подвигов на природе, и, как подозревали многие его друзья, хотел получить свободное время и голову, чтобы писать книги. Нарушение сна, наполненные стрессом дни и необходимость гоняться за лебедями — совсем не то, на что он надеялся, устраиваясь на эту работу. Чтобы справиться с напряжением, Терри спасался в своей другой жизни. После одной особенно тяжелой пятницы, когда ему пришлось отвечать на бесконечные звонки из газет и заливать воду (в метафориче-

ском смысле) в охваченный пламенем реактор слухов, он пришел домой, сел за стол и за один длинный вечер дописал последнюю треть новой книги «Творцы заклинаний». Когда стресс на работе становился совсем невыносимым, он всегда мог отправиться в Плоский мир. Пратчетт решил расстаться с энергетикой как можно быстрее.

Его писательская карьера быстро развивалась, и Колин Смайт начал понимать, что его издательство слишком маленькое для того, чтобы соответствовать его растущей популярности. У них не было достаточных ресурсов для больших рекламных кампаний и массового распространения, необходимых для продвижения бестселлеров, — не вызывало сомнений, что Великий А'Туин ведет Плоский мир именно в этом направлении. Решение проблемы лежало в заключении договора совместного издания с более крупной компанией, которая обладает возможностями, чтобы вывести Терри на новый уровень. Внутри сообщества начали распространяться самые разные слухи, феномен Плоского мира активно обсуждали в литературных кругах, когда книги стали выбираться из пены научной фантастики и фэнтези. Один из самых настойчивых слухов, которому поверил даже Джош Кирби,

заключался в том, что «Терри Пратчетт» — это псевдоним некоего знаменитого писателя, решившего попробовать себя в жанре комического фэнтези. Разумеется, это была глупая теория, но она указывает на то, какое сильное впечатление на литературное сообщество произвел необычный автор, появившийся неизвестно откуда[135].

Смайт обратился к своему другу Дэвиду Бернетту, возглавлявшему издательство Victor Gollancz, и во время ланча предложил, чтобы его компания взяла в работу следующую книгу из серии про Плоский мир. Решение обратиться в Gollancz принадлежало Пратчетту — он с жадностью поглощал научную фантастику, напечатанную в Gollancz, и считал, что, учитывая список авторов, которых там издавали, окажется в хорошей компании. Малькольм Эдвардс, редактор отдела научной фантастики Gollancz, рассказал в 2015 году журналу Bookbrunch:

«Терри всегда хотел писать твердую научную фантастику и обычно называл то, чем занимался, “греблей на мелководье”, наблюдая, как такие

[135] Примечания: 135

Ярлык «сенсации в одночасье» невероятно раздражал Терри, который считал, что, поскольку его первая история была напечатана двадцать лет назад, а сейчас он писал свой пятый роман, он заслужил свой успех, причем тяжелым трудом. (*Примеч. авт.*)

авторы, как Грег Бир и Ларри Нивен, крутят сложные сальто, прыгая с трамплина».

Бернет и Эдвардс сомневались, стоит ли им браться за фэнтези, поскольку в основном они отдавали предпочтение научной фантастике, к тому же у них уже был составлен план издания других книг. Кроме того, Эдвардс, которому пришлось бы редактировать все вещи Пратчетта, если издательство решило бы их печатать, не любил жанр комического фэнтези и считал, что не обладает достаточными знаниями, чтобы оценить рентабельность таких романов. В начале 1986 года Эдвардс отправил машинописные тексты еще не опубликованной «Безумной звезды» и недавно завершенных «Творцов заклинаний» подрабатывавшему консультативными услугами Дэвиду Лэнгфорду из Ansible, чтобы узнать мнение еще одного специалиста.

Разумеется, Лэнгфорд знал Пратчетта по конвентам, ему невероятно понравился «Цвет волшебства», и он написал о нем хвалебный отзыв в журнале White Dwarf, посвященном играм в жанре фэнтези. Продолжение произвело на него еще более сильное впечатление, он посчитал его намного забавнее, а сюжет лучше проработанным, но все же высказал опасение, что, возможно, этой

идеи хватит только на один роман. С некоторым трепетом он принялся за чтение «Творцов заклинаний», спрашивая себя, не окажется ли прав, но сомневался он совершенно напрасно.

«“Творцы заклинаний” очаровали меня своей решимостью быть более серьезными», — сказал он в 1998 году в интервью журналу любителей творчества Пратчетта The Discworld Chronicle («Хроники Плоского мира»). — В книге множество ярких шуток, под которыми скрывается крепкий сюжет и уверенное понимание того, что Плоскому миру необязательно быть смешным».

Он отправил в Gollancz отчет на полторы тысячи слов, в котором советовал взять в работу книгу Пратчетта, хотя предложил сократить начало примерно на две сотни слов[136]. Успокоенный Эдвардс заключил с Colin Smythe Ltd договор на совместное издание трех книг, начиная с «Творцов заклинаний» и запланировав их выход на начало 1987 года.

Во время совместного обеда Малькольм Эдвардс пообещал Пратчетту сделать его автором бестселлеров. Компания даже подумывала о том, чтобы напечатать «Безумную звезду», хотя сделку

---

[136] Примечания: 136

Поскольку ему пришлось вернуть оригинальную рукопись, он так и не узнал, приняли ли его совет. (*Примеч. авт.*)

не удалось заключить вовремя и книга в твердой обложке вышла только под знаменем Колина Смайта и оказалась последним таким романом.

В 1987 году появился первый побочный продукт Плоского мира — видеоигра, созданная на базе «Цвета волшебства» семнадцатилетним программистом Фергюсом Макнилом, который вместе с несколькими школьными друзьями открыл компанию Delta 4, выпускавшую программное обеспечение. Команда использовала совсем новый на рынке домашний компьютер ZX Spectrum, а также систему разработки под названием The Quill, чтобы писать основанные на текстах приключенческие игры, отличавшиеся от Dungeons & Dragons. Игрокам предлагали сценарий, и компьютер спрашивал, что они хотят делать дальше, вариантов было не слишком много, и выбор игрока определял направление, в котором будет развиваться игра. Первым серьезным успехом стала пародия на произведение Толкина — «Пластилин колец» (не перепутайте с романом с таким же названием, вышедшим в 1969 году) — ее рекламировали на задних обложках журналов, посвященных компьютерным играм, и можно было заказать по почте вместе с фотокопиями инструкций и вручную запи-

санных кассет[137]. Она оказалась достаточно успешной, Delta 4 стала весьма популярной, и Макнил получил несколько предложений по созданию игр, включая звонок от Piranha, нового игрового подразделения гиганта издательского дела Macmillan Group.

Тридцать лет спустя Макнил рассказывал:

«Меня спросили, нет ли какой-то лицензированной собственности, которую можно превратить в игру, причем особенно их интересовали книги. Незадолго до этого я купил “Цвет волшебства”, намереваясь кому-то подарить, но случайно начал читать и обнаружил, что не могу остановиться. Когда Macmillan поднял тему подходящих лицензий, она стала первой, пришедшей мне в голову. Важно помнить, что это происходило в древние времена — 1980-е, ради всех святых, — поэтому, когда я сказал: “Терри Пратчетт”, никто не поднял меня на смех за нахальное желание работать с великим писателем. Они просто нахмурились и спросили: “А это кто

[137] Примечания: 137

Заметка для молодых читателей: до скачивания, картриджей, CД-дисков и даже дискет игры выходили на пленочных кассетах. Возможно, вы хотите спросить: «А что такое кассета?» Наслаждайтесь своей юностью, потому что наступит день, когда она увянет, а технологии, которые вы сейчас принимаете как данность, превратятся в антиквариат. (*Примеч. авт.*)

такой?”»

Piranha сразу увидела огромный потенциал в книге Пратчетта, и Макнил приступил к работе.

«Прошло совсем мало времени, прежде чем я сошел с поезда в Бристоле на станции Темпл-Мид и, выйдя на солнечный свет, обнаружил, что меня встречает мужчина без шляпы, который, как и его произведения, оказался умным, обаятельным и забавным. Я сразу понял, что получу удовольствие, работая с Терри. В отличие от некоторых авторов он сразу понял, какие проблемы могут возникнуть с нелинейным повествованием для игр, и мы часто обсуждали по телефону, как это будет выглядеть. Труднее всего было оставаться сосредоточенным — меня очень отвлекало, когда он начинал цитировать отрывки из будущего романа под названием “Вещие сестрички”[138], и еще хуже, когда рассказывал про другой проект, получивший название “Мор, ученик Смерти”».

Терри неплохо разбирался в ZX Spectrum и компьютерах вообще, а энтузиазм, с которым он мальчишкой возился с техникой, никуда не делся. В 1981 году он купил домашний компьютер Sinclair ZX81 в собранном виде и утверждал, что,

---

[138] Примечания: 138

Возможно, Макнил на самом деле имеет здесь в виду «Творцов заклинаний». (*Примеч. авт.*)

добавив несколько сенсоров и еще кое-какие мелочи, смог добиться того, что, когда он входил в свой кабинет, компьютер говорил ему «Привет» голосом, взятым из старой видеоигры и позднее адаптированным Стивеном Хокингом, сообщал дату и время, и температуру в теплице, а благодаря датчику ветра выдавал прогноз погоды, хотя и не слишком подробный. К 1984 году Пратчетт уже обзавелся Amstrad 464 CPC, своим первым компьютером, работавшим как текстовый процессор. На нем он написал «Безумную звезду» и обнаружил, что процесс получается намного быстрее, чем на пишущей машинке, поскольку он мог редактировать текст по мере того, как его набирал.

До этого рукописи Пратчетта представляли собой пестрый сумбур. Он печатал каждый вариант на листах бумаги A4 разного цвета, а отрывки, которые переписывал, приклеивал на оригинальную версию. Затем аккуратно все перепечатывал, чтобы получился официальный черновик для издательства. Текстовый редактор позволял ему перемещаться по документу и вносить необходимые правки. Сейчас мы принимаем это как должное, но в 1986 году так работали немногие писатели. Журналист из Western Daily

Press, посетивший Пратчетта, покинул его дом, потрясенный техническим чудом — программой, проверявшей правописание и грамматику.

Игра «Цвет волшебства» имела относительный успех, а обложку украшал Двацветок с правильным количеством глаз[139]. Обзоры по большей части были вполне доброжелательными, игру хвалили за графическое решение (благодаря Delta 4) и юмор (благодаря Терри Пратчетту), хотя большинство критиков писали, что игроки, не знакомые с книгой, могут столкнуться с определенными трудностями. Чаще всего называли в качестве минуса, бывшего виной команды Макнила, чересчур прямую адаптацию романа Пратчетта — обычные направления: север, юг, восток и запад сменили показания компасов Плоского мира, «в сторону центра», «в сторону края», «по часовой стрелке» и «против часовой стрелки», вводя в заблуждение тех, кто привык к играм, основанным на книгах. У Макнила остались очень приятные воспоминания о том времени:

«Работать с Терри над “Цветом волшебства” было огромной привилегией, и я с удовольствием

[139] Примечания: 139

Программисты-подростки, видимо, слишком часто слышали слово «четырехглазый», чтобы понять смысл ссылки. (*Примеч. авт.*)

обсуждал свои идеи с человеком, обладавшим таким невероятным творческим потенциалом. Единственное, о чем я жалею, что это произошло немного рано — игровые технологии тогда находились еще в зачаточном состоянии, а мне бы хотелось, чтобы домашние компьютеры 80-х были мощнее и я мог включить в игру больше магии Пратчетта. Он оказывал на меня вдохновляющее влияние и, если отставить в сторону шутки, рассуждал о литературном труде с огромной мудростью — что очень мне помогло, когда я сам стал писателем».

Несмотря на растущую славу Терри, Пратчетты в 1980-х вели простую, радовавшую их сельскую жизнь. Как и ее отец, Рианна Пратчетт с нежностью вспоминает свое детство. Она частенько сидела на ветке яблони, читала книги и лакомилась яблоками. Родители научили ее обращаться с пчелами, рассказали, как кормить цыплят, доить коз, которых она приводила в загон с близлежащего поля. Рианна гордилась этой обязанностью, хотя позже узнала, что отец наблюдал за ней с вершины холма, чтобы удостовериться, что она без происшествий доберется до дома. Терри частенько брал дочь на долгие прогулки, распевая по дороге грубоватые народные

песни. Он научил ее, какие растения съедобны, а какие полезны для здоровья, когда они собирали грибы и ягоды. Они находили прятавшиеся в лесу пруды и пещеры, строили водяные колеса из палок и веревок, и им казалось, будто они попали в другой мир в далеком прошлом, что временами подтверждало появление проносившихся мимо любителей ролевых игр, переодетых викингами. Как и родители Терри — Дэвид и Эйлин, они с Лин ставили на первое место время, проведенное с семьей, и интересную жизнь. Рианна привыкла к тому, что ее могли разбудить посреди ночи, чтобы она посмотрела на особенно чистое небо, полное звезд, на комету или танцы светлячков.

В то время как образ Ринсвинда являлся отражением наполнявшего Пратчетта восхищения вселенной, Эскарина «Эск» Смит, юная героиня «Творцов заклинаний», была способом сохранить детство Рианны. За десять лет до этого, когда Пратчетт написал «Страту», он создал главную героиню, не опираясь на свой опыт, и она стала одной из немногих неудач романа. Его следующая попытка основывалась на образе девочки, которую он знал очень хорошо, и уравновешенная, практичная Эск, во многом так похожая на Рианну, является лучшим достижением «Твор-

цов заклинаний». Да, он писал фэнтези, но в его новой книге было много уникально личного.

В книге Эск получает в наследство посох легкомысленного волшебника, не понявшего, что «восьмой сын восьмого сына», которого он искал, на самом деле дочь. Когда магия посоха начала проявляться странным образом, Эск попросилась в ученицы к местной ведьме Матушке Ветровоск в надежде, что обучение магии укротит ее силу. Матушка станет одним из самых любимых персонажей Пратчетта и, появляясь во многих других книгах, обретет новое достоинство, мудрость и боевой дух.

Но Матушка Ветровоск из «Творцов заклинаний» совсем не столп силы и могущества, коим она станет к 1998 году в «Хватай за горло!» (Carpe Jugulum) и историях о Тиффани Болен. Здесь она все еще простая ведьма из далекой горной деревни, хитрая и умная, но не особо могущественная и мудрая. Позже Матушка превратится в барометр того, что хорошо, а что плохо, и будет вершить правосудие во всем королевстве. В «Творцах заклинаний» у королевства еще нет имени, и автора и его персонажа разделяет некоторое расстояние. Пратчетт сам превратится в Матушку Ветровоск так же, как перерос Ринсвинда и

Сундук.

Хотя присущее Терри чувство справедливости и того, что правильно, а что — нет, еще не стало главной чертой Матушки, «Творцы заклинаний», тем не менее, очень личный роман. Ветхий домишко с соломенной крышей в лесу — это введенная в роман версия собственного дома Пратчетта, включая коз и пчелиные ульи. Многому из того, что Матушка рассказывала Эск про лечебные растения, Терри учил Рианну, а открытое любопытство и нахальные ответы Эск имеют прямое отношение к источнику вдохновения Пратчетта из реальной жизни. Сама Матушка Ветровоск представляет собой обобщенный образ пожилых людей, которых Терри знал в детстве, пропущенный через манеру поведения и отношение к жизни его бабушки по отцовской линии. Он позаимствовал фразы и привычки всех четверых своих дедушек и бабушек, чтобы оживить Матушку Ветровоск, как, например, склонность деда отмахиваться от того, что он не понимал, называя это «геометрией», словом, в устах Матушки Ветровоск звучащим более приятно на манер Западного графства «гимметрия».

Пратчетт использовал свой глубокий интерес к английскому фольклору, когда начал созда-

вать версию магии Плоского мира, которая, по большей части, заключалась в акушерстве, врачевании, разговорах с людьми, а также символах и видимости уважения, как обычно бывает с настоящим волшебством. Магия Матушки — по крайней мере, до того, как она вступает в неожиданную и непростую дуэль с волшебником из Незримого университета, — не бросается в глаза и связана с окружающей дикой природой и землей. Пратчетт изобрел искусство «заимствования», когда ведьма пробирается в сознание другого существа и видит мир его глазами. Это привело к самому ужасному и яркому эпизоду из всего, написанного Пратчеттом до сих пор, когда Эск, проигнорировав уроки Матушки, проникает в тело орла и оказывается там в ловушке, практически заблудившись в его сознании.

Как и в «Безумной звезде», в «Творцах заклинаний» Плоский мир выступает в качестве декорации для более сложной и темной истории. В книге по-прежнему много шуток и, как заметил Лэнгфорд, все они великолепны, но не вызывает сомнений, что здесь Пратчетт стремится что-то доказать. «Безумная звезда», несмотря на стремительно развивающийся сюжет и персонажей, которые обретают мудрость, на самом деле

довольно глупая история, шумная игра, фантастическая история. «Творцы заклинаний» — это нечто гораздо большее.

Пратчетт понял, что, поставив фэнтези с ног на голову, можно добиться не только дешевых смешков, а посему с первых страниц «Творцы заклинаний» — это история с сильной моральной сердцевиной, сфокусированной на идеях феминизма; женщины, несмотря на все препятствия на своем пути, способны на то же (и, возможно, даже лучше), что и мужчины. Впрочем, женские характеры далеко не идеализированы; наивность Матушки и ее упрямое следование традициям причиняет Эск почти такой же вред, как полный пренебрежения мир мужчин-магов[140].

«Творцы заклинаний» — это первая книга Пратчетта, в которой ему действительно *есть* что сказать читателю, а также первый роман «Плоского мира» с настоящим подтекстом. Путе-

---

[140] Примечания: 140

Пратчетт, во многом продукт своего времени, в «Творцах заклинаний» отказывается от ярлыка «женский», считая, что его книга посвящена равенству обоих полов. Его довод заключался в том, что Матушка Ветровоск пытается ввести Эск в мужской мир Незримого университета не потому, что, по ее мнению, женщины тоже должны быть магами, а из упрямства, поскольку кто-то ей сказал, что такое невозможно. Несмотря на это, в романе искренний фокус внимания отдан в равной степени как женщинам, так и другим описаниям и идеям, и многие феминистки приняли его с восторгом. (*Примеч. авт.*)

шествие Эск по магии — еще и просыпающаяся сексуальность, хотя данная тема остается глубоко в подсознании романа. В этом смысле он имеет больше общего с «Питером Пэном» Барри, чем с «Цветом волшебства». Магия находит Эск, когда она приближается к концу детства, и ее мучают странные сны, она чувствует, что внутри у нее набирает силу обжигающее могущество, а просыпаясь, обнаруживает, что ничего такого нет. В конце романа она объединяется с беспокойным юношей Саймоном, и они вдвоем создают новый вид магии.

Gollancz в сотрудничестве с Colin Smythe Ltd напечатали «Творцов заклинаний» в январе 1987 года скромным тиражом чуть меньше трех тысяч экземпляров. Джош Кирби был удивлен, когда его попросили оформить обложку, решив, что Gollancz воспользуется услугами иллюстратора, с которым они работали раньше. Однако Пратчетт настоял на приглашении Кирби, заявив, что благодаря его стилю книги обрели узнаваемое лицо. Работа над «Творцами заклинаний» не стала исключением, хотя Кирби снова обошелся с текстом достаточно вольно — Матушка Ветровоск изображена худой, изможденной и с бородавками на лице, хотя в книге есть отрывок, где Матушка го-

рует о том, что не может отрастить хоть какие-то бородавки. Кирби являлся заложником стереотипов фэнтези — он нарисовал Ринсвинда старше, чем говорится в тексте, и с длинной белой бородой, потому что волшебники из фэнтези всегда старые и обязательно с белой бородой. Матушка Ветровоск получила крючковатый нос и бородавки, потому что *так выглядят ведьмы*. В фэндоме Плоского мира разразились нескончаемые споры между теми, кто превозносил Кирби за то, что его рисунки великолепно отражают дух романа Пратчетта, и теми, кто считал, что невнимание к деталям является неуважением к тексту[141]. Пратчетт пришел в восторг от обложки, и особенно ему понравился посох в виде фаллоса: по его мнению, это стало доказательством того, что Кирби сумел заглянуть в самое сердце романа.

Серьезные мощности Gollancz обеспечили «Творцов заклинаний» более серьезным количеством обзоров, чем любая другая работа Пратчетта, причем многие из них звучали из-за

[141] Примечания: 141

Впрочем, ни тех, ни других не удовлетворила более поздняя версия обложки, нарисованная после смерти Кирби и Пратчетта. Она стала не вызывавшей сомнения демонстрацией полного непонимания книги художником, который убрал с обложки Матушку Ветровоск и Эск и поместил на нее совсем уж второстепенного персонажа, волшебника Напролоума. (*Примеч. авт.*)

пределов уютного мира НФ и фэнтези. Книгу заметили солидные газеты, в которых то и дело появлялись снобистские оценки. «“Творцы заклинаний” потчуют читателя слишком большим количеством абсурда, — начинает свою обзорную статью в The Observer Джон Клют, — но Высокая фэнтези как форма Романтического жанра ни в коем случае не предполагает шуточного к ней отношения… творения Пратчетта вызывают восторг только у тех, кто глубоко верит в изображенные в книге миры и тайно думает, будто автор над нами подшутил». К счастью, другие критики оказались добрее. Том Хатчинсон заявил в The Times, что Матушка Ветровоск «стала одной из самых моих любимых героинь фэнтези», а Time Out назвал книгу «прекрасным антидотом историям про мечи и магию».

Как и с «Безумной звездой», Corgi, не теряя времени, издал книгу в мягкой обложке, причем они не разменивались по мелочам и отправили в книжные магазины и библиотеки 61 тысячу экземпляров третьего романа про Плоский мир, удвоив первые тиражи его предшественника, а до окончания года намечалось сделать допечатку. Как и в «Цвете волшебства», книга была разбита на серии для Woman’s Hour на

Radio 4, ее читала актриса Сара Бэдел. Из-за феминистской темы и имени автора, которое не указывало на его принадлежность к одному из полов, некоторые слушатели ошибочно решили, что Пратчетт — это женщина, и были удивлены, увидев невысокого бородатого мужчину во время подписания книг[142]. «Творцы заклинаний» стал самым успешным романом из всех, написанных Пратчеттом до того момента. Два года и четыре романа про Плоский мир спустя он по-прежнему появлялся в списках бестселлеров The Telegraph.

Закончив «Творцов заклинаний», Пратчетт во время одного из множества ночных разговоров по телефону сказал Нилу Гейману, что планирует отложить серию про Плоский мир и вернуться к научно-фантастический идее про Валиенте и параллельные Земли. С тех пор как они познакомились в 1985 году, Пратчетт и Гейман стали близкими друзьями, регулярно посылали друг другу свои новые работы и делились идеями. Пратчетт даже благодарил Геймана в начале романа «Творцы заклинаний» вместе с

[142] Примечания: 142

Забавно, но заблуждения касательно пола Пратчетта продолжают существовать. Когда я сказал одной своей знакомой, что работаю над биографией «писателя Терри Пратчетта», она ответила: «Я о ней не слышала, что она пишет?» (*Примеч. авт.*)

ребятами из «Воскресного клуба поклонников Г.Ф. Лавкрафта», включавшего в себя Геймана, Лэнгфорда, Мэри Джентл, Кима Ньюмана и Джо Флетчер, которые на конвентах по всей стране регулярно проводили вместе время за стойкой бара. Гейману понравилась идея про параллельные Земли, однако он поделился с Пратчеттом своими мыслями насчет Плоского мира: «Звучит великолепно, но я думаю, тебе следует написать книгу про Смерть. Он мой любимый персонаж». На следующий день Пратчетт снова позвонил Гейману, назвал его ублюдком и сообщил, что следующая книга будет называться «Мор, ученик Смерти» (Mort)[143].

Пратчетт начал работу над романом «Мор, ученик Смерти», когда «Творцы заклинаний» отправились в Gollancz и Corgi. Пратчетт продолжал оставаться в ЦУПЭ, а дома лихорадочно писал. Промежуток между книгами стал короче. «Людей ковра», «Темную сторону солнца» и «Страту» разделяло по пять лет — 1971, 1976 и 1981 год. Пратчетт больше не хотел придерживаться прежних медленных, ленивых темпов и

[143] Примечания: 143

Возможно, отсюда появились настойчивые слухи, гулявшие среди фанатов, что Гейман предложил Пратчетту сюжет для более поздней книги «Мрачный Жнец», где героем был Смерть. (*Примеч. авт.*)

с упорством одержимого следовал своей цели — четыреста слов в день, даже в Рождество и день похорон деда. Он твердо решил не прекращать работу над новыми книгами. А если после трехсот слов он закончит, тогда напишет первые сто слов следующей. Промежуток между «Безумной звездой» и «Творцами заклинаний» составил всего семь месяцев. «Мор, ученик Смерти» увидел свет через одиннадцать. С 1987 по 1994-й в год выходило по меньшей мере две новые книги Терри Пратчетта[144]. На самом деле, начиная с «Безумной звезды», опубликованной в 1986 году, и до «Бесконечного космоса» — в 2016-м, не было ни одного года без новой книги Пратчетта. Ему даже удалось выпустить в 2015-м два романа, несмотря на то что он умер в марте того года[145].

Многие любители серии про Плоский мир, особенно те, кому больше нравятся ранние книги, считают, что «Мор, ученик Смерти» самый

---

[144] Примечания: 144

Он выпустил всего один роман в 1995 году, но компенсировал это тремя в 1996 году. (*Примеч. авт.*)

[145] Примечания: 145

До своей смерти в 2015 году Пратчетт написал сам или в соавторстве шестьдесят романов, весьма впечатляющий результат, хотя он меркнет в сравнении с 722 книгами Барбары Картленд, из которых двадцать шесть вышло в свет только в 1977 году. (*Примеч. авт.*)

сильный роман серии[146], и его часто рекомендуют как хорошее начало тем, кто еще не знаком с Плоским миром[147], хотя удивление вызывает тот факт, что, когда критики пишут обзоры произведений Пратчетта, они нередко про него забывают. Стоит признать, что роман не такой серьезный, как «Творцы заклинаний», являвшийся отчаянной попыткой автора доказать, что он может писать не только смешные вещи, но не вызывает сомнений, что роман сделан более добротно, чем «Безумная звезда» или «Страта». Пратчетт часто говорил, что именно работая над «Мором», он познал «удовольствие от сюжета», хотя это не слишком справедливо по отношению к двум его предыдущим романам. Пратчетт любил рассеивать в своих интервью одно из заблуждений, касающихся слова «шедевр»: прежде оно означало произведение, созданное учеником, чтобы доказать, что он стал настоящим «мастером» в своей области. Нил Гейман, который был хорошо знаком с подобными вещами, считает «Мора, ученика Смерти» шедевром

---

[146] Примечания: 146
На самом деле это не так. (*Примеч. авт.*)

[147] Примечания: 147
Чистая правда. (*Примеч. авт.*)

Пратчетта[148].

Как и «Творцы заклинаний», это история сельского паренька, оказавшегося на развилке жизни. Мор (сокращенно от Мортимера) хочет стать учеником и удивляется, когда его нанимает Смерть, который учит его забирать души людей. Это самый прямолинейный сюжет Пратчетта, и, возможно, поэтому его часто ассоциируют с кино, хотя со времени написания роман так и не экранизировали, несмотря на несколько неудачных попыток. Бедняге Мору приходится столкнуться с моральной проблемой: должен ли он отойти в сторону и позволить человеку умереть — от старости или рук злодея. В романе есть интрига, загадка, ждущая решения, замечательно описанная и расцветающая любовная история, совершенно естественная, без малейшего напряжения. В общем, история с крепким сюжетом, огромным воображением и прекрасным стилем (особенно великолепна сцена, где Мор пытается забрать жизнь у старой ведьмы) и, естественно, отличными шутками, ссылками и пиететом к теме.

---

[148] Примечания: 148

Сам Пратчетт был с ним не согласен и считал, что его настоящим «шедевром» является подростковый роман «Джонни и мертвецы», написанный в 1993 году. (*Примеч. авт.*)

Однако сюжет романа и даже его одноименный герой имеют второстепенное значение, ведь это книга про двух героев, а не одного, и именно история Смерти заставляет книгу петь. Инстинкт снова не обманул Геймана[149]. Смерть, которого Пратчетт лишь упоминает в своих предыдущих трех книгах, наконец выходит на свет, и он просто великолепен: мудрый, гордый и слегка меланхоличный, Смерть наделен суровой добротой и очень забавный. В нем присутствует наивность и добродушное удивление человеческой природой, невероятно для него привлекательной. Возможно, бесплодные старания Мора изменить природу реальности и ведут сюжет вперед, но именно Смерть делает книгу великолепной. Описание его неудачных попыток присоединиться к людям, выпивающим в барах, танцы «паровозиком» и работа в кафе наполнены юмором и одновременно грустью. Этот герой играл яркие эпизодические роли почти во всех романах про Плоский мир, но его популярность родилась именно здесь.

«Мор, ученик Смерти» вышел в твердой облож-

---

[149] Примечания: 149

Вскоре после этого Гейман создал свою собственную версию Смерти в серии комиксов «The Sandman. Песочный человек». У него Смерть получилась более сексуальной. В свою очередь, Пратчетт придумал своего Песочного человека в Плоском мире. И снова персонаж Геймана оказался гораздо более сексуальным. (*Примеч. авт.*)

ке благодаря партнерству Gollancz и Smythe 12 ноября 1987 года, за день до того, как Corgi отправил в мир шестьдесят одну тысячу экземпляров «Творцов заклинаний». Свежий, увлекательный, четко выстроенный четвертый роман про Плоский мир снова стал самым успешным из всех, до того момента написанных, и первым, попавшим в национальный список бестселлеров под номером два. Каждый новый роман Пратчетта вслед за ним занимал свое место в списках самых популярных книг. В следующем году Corgi выпустил «Мора» в мягкой обложке, и в конечном итоге сложилась следующая система: две новые книги Пратчетта в твердой обложке и две в мягкой каждый год, одна пара весной, а другая перед Рождеством. На сей раз Corgi удвоил тиражи до 111 500 экземпляров. И тем не менее до конца года была запланирована допечатка.

К середине 1987 года, выпустив «Мора» и начав работу над «Посохом и шляпой», к своему огромному облегчению, Пратчетт понял, что при тщательном планировании может оставить работу в ЦУПЭ и полностью посвятить себя писательскому делу. Сначала Лин скептически отнеслась к его идее, но после бесконечных подсчетов согласилась, что они смогут прожить

без регулярного жалованья Терри. Главным его доводом был такой: поскольку книги становятся солидной частью их дохода, время, проведенное не за письменным столом, на деле стоит им денег. Оба сошлись на том, что это риск, но оно того стоило. Они создали официальное деловое партнерство, и после «Посоха и шляпы» на всех романах Пратчетта, выпущенных при его жизни, стоял копирайт «Терри и Лин Пратчетт». Лин стала личным секретарем Терри, помогала ему сортировать письма, следила за дневником и финансами. Терри уволился из Управления энергетики через три месяца после подачи заявления, в сентябре, устроив прощальную вечеринку на крыше ядерного реактора, по крайней мере, так он утверждал. Много лет спустя он подписал книгу для одного из своих коллег, Брайана Горналла, бывшего специалиста по радиационной защите в Беркли, одной из атомных станций в ведении Терри. Он написал: «Брайану, в память о многих счастливых днях — и нескольких наполненных паникой выходных».

Природа отношений Пратчетта с Колином Смайтом, публиковавшим его книги с 1969 года, также изменилась. Многие годы Колин заключал для Пратчетта договора, выходившие за рамки

обычной роли издателя, и было принято решение придать их отношениям официальный статус. Смайт стал литературным агентом Пратчетта и оставался им до конца жизни Терри. Чтобы избежать конфликта интересов, Colin Smythe Ltd прекратил печатать новые произведения Пратчетта, и все последующие книги издавали только Gollancz или Transworld.

Первым делом в роли агента Смайт заключил с Gollancz не ограниченный временем договор на издание шести книг с авансом 51 000 фунтов за каждую и 306 000 фунтов за все. Пратчетт говорил журналистам, что это была самая большая сумма в истории компании. Терри Пратчетт и Плоский мир стали серьезным бизнесом. Журнал Venue писал в 1988 году, что любители творчества Пратчетта потратили 454 279 фунтов только на «Мора, ученика Смерти». Если же представить, что «Цвет волшебства», «Безумная звезда» и «Творцы заклинаний» продолжали активно продаваться, Corgi выпустило переиздание «Страты» и «Темной стороны солнца», а два новых романа про Плоский мир, «Посох и шляпа» и «Вещие сестрички», вышли в твердой обложке в том же году, речь идет об очень серьезных деньгах. Первым делом, получив аванс, Пратчетт заплатил остававшиеся

1400 фунтов кредита за дом и занялся сооружением пристройки к коттеджу, которую называл «Крыло Мора». Путешествие, начавшееся, когда Терри в четырнадцать лет продал свой первый рассказ, вошло в новую стадию. Теперь он был настоящим автором бестселлеров.

Глава 10
Когда мы вновь увидимся втроем?

Написание книг стало единственным профессиональным занятием Пратчетта. Если прежде ему удавалось выкроить несколько драгоценных часов, чтобы выполнить дневную норму в четыре сотни слов, теперь у него имелся целый день. Минус состоял в том, что ему по-прежнему требовалось обеспечивать постоянный доход своей семьи, а он был достаточно прагматичен, чтобы понимать, что литературный успех вещь преходящая. И, если он хотел, чтобы обед ежедневно появлялся у него на столе, свободные часы ему следовало заполнять словами, и, как только Рианна отправится в школу, включать текстовый редактор, который должен оставаться в рабочем режиме все утро. Пратчетт писал часовыми порциями и прерывался на хозяйственные дела, чтобы дать возможность задней части мозга осмыслить проблемы и обработать идеи.

Он навсегда сохранил журналистский инстинкт, позволявший отбросить неудачный

материал — сразу и без ненужных колебаний. Его рабочая этика, впитанная от родителей, была экстраординарной. Пять лет, последовавшие за публикацией «Мора, ученика Смерти», стали самыми продуктивными в его карьере, золотой период после отказа от «настоящей» должности, но *до* того, как растущая индустрия вокруг Плоского мира все сильнее и сильнее мешала ему усидеть за письменным столом. Между 1988-м и 1992-м годами Пратчетт опубликовал семнадцать романов.

Обычно Пратчетт писал сразу несколько книг. В начале 1988 года он просматривал окончательные варианты романа из серии про Плоский мир «Посох и шляпа», одновременно работая над черновиком «Вещих сестричек», которые появятся в магазинах в конце года. И одновременно Терри размышлял над расширением историй Дядюшки Джима — о гномах, живущих в универмаге, — на целую детскую книгу, а также над дополнением «Людей ковра» для нового издания. Кроме того, он приступил к первой версии нового романа из Плоского мира, пародией на Древний Египет, получившей название «Пирамиды» и требовавшей серьезных исследований. Написание и планирование новых книг всегда было любимой

частью работы Терри: исправления, одобрение и обновление он считал неизбежным злом. Пратчетт подогревал свой интерес к тексту, подбрасывая в него то, что он называл «лимонным шербетом»[150]: новые шутки, примечания и даже целые сцены, которые могли появиться на любой стадии между принятием первого чернового наброска до того момента, когда издатели забирали рукопись из его рук. Если бы не сроки сдачи и необходимость *продать* книгу, Пратчетт с радостью возился бы со своими историями бесконечно — первая версия «Людей ковра» была опубликована в 1965 году, но Пратчетт добавлял туда «лимонный шербет» до самого 2014 года.

По мере того как книги Пратчетта становились все более глубокими, он развил несколько приемов и техник, которые стали фирменным знаком его стиля. Кроме «лимонного шербета» появились «сигареты» — это слово он использовал, чтобы описать повторяющиеся смешные сцены, когда персонажей колотят или они получают компенсацию после кульминации сюжета.

---

[150] Примечания: 150

Название «лимонный шербет» появилось благодаря кондитерской, которую он запомнил с детства, владелец всегда добавлял несколько конфет в каждый пакетик после того, как взвешивал его. (*Примеч. авт.*)

Некоторые были в чистом виде вставными остротами, другие — весьма эффектными эпизодами, подчеркивавшими центральную тему книги, а иногда просто ловким способом подвязать концы. Пратчетт рассказывал, что «сигареты» — это ссылка на старые американские полицейские сериалы, где крутые детективы курят за своими письменными столами, объясняя сюжет друг другу, чтобы зрители наверняка все поняли. Дэвид Лэнгфорд в своем предисловии к академическому тексту «Терри Пратчетт: Виновен в литературе» дал такое лаконичное объяснение: «сигареты после секса».

Последний роман, изданный Gollancz/Smythe, — «Посох и шляпа» вышел в твердой обложке в мае 1988 года. «Посох и шляпа» — довольно странное произведение Пратчетта, иными словами, первый роман, который очевидным образом хуже предыдущего. Нет, книгу нельзя назвать *плохой*, просто после очень личных и неожиданно мрачных «Творцов заклинаний», а также идеального, работающего как часы сюжета «Мор, ученик Смерти», пятый роман в Плоском мире воспринимается как шаг назад. Во многих отношениях это прямое продолжение «Безумной звезды» со множеством вставных шуток и пародий-

ных эпизодов, и Пратчетт выбрал такой подход совершенно сознательно. «Цвет Волшебства» переиздавался уже шесть лет, и любой читатель, который натыкался на набиравшую популярность серию, естественным образом обращался к стартовой точке. Ринсвинд и Сундук[151] стали любимцами в фэндоме Плоского мира, а в письмах, на конвентах и сессиях с автографами звучал постоянный вопрос: «Когда вернется Ринсвинд?» Позднее Пратчетт научится верить собственным инстинктам и не обращать внимания на вопли фанатов, как правило, хотевших одного и того же. «Посох и шляпа» как раз один из немногих случаев, когда он пошел у них на поводу. Сюжет строится относительно приключений, подходивших обоим персонажам. Роман «Посох и шляпа» максимально близок к эпическому фэнтези Дэвида Эддингса или Раймунда Э. Фейста — и единственный раз, когда Пратчетт использовал классический набор сирота-со-странными-способностями-и-мистической-судьбой. Это история Койна, восьмого сына восьмого сына восьмого

[151] Примечания: 151

Пратчетт пытался, но у него не получилось вписать Сундук в «Творцов заклинаний» и «Мора, ученика Смерти». Самоубийственный чемодан играл слишком важную роль, поэтому его пришлось полностью выбросить из сюжета. (*Примеч. авт.*)

сына, родившегося с безграничным могуществом «чудесника» (источник чудес у Пратчетта, а не просто обычный волшебник)[152]. Маленького мальчика контролировал дух его отца, сильного волшебника Ипслора Красного, чья сущность находилась внутри посоха Койна. Ипслор заставил сына возглавить Незримый университет и повести волшебников на восстание против остального мира. Между тем красивая молодая женщина-варвар украла шляпу, многие поколения принадлежавшую арккканцлерам Незримого университета. Шляпа обладала собственными таинственными силами, была полна решимости найти для себя подходящую голову и сражаться против чудесника в войне волшебников, которая наверняка уничтожит Плоский мир. Где-то посреди этих событий находится Ринсвинд, пытавшийся сбежать от них подальше, но вновь оказавшийся в самом разгаре событий, где ему в очередной раз приходится спасать мир. По мере того как развивается сюжет, он становится более сложным, чем «молодая девушка хочет стать волшебницей, но ей мешают» или «Смерть берет

[152] Примечания: 152

Тут все дело в написании на английском и на американской версии английского таких слов, как colour'/'color', 'rumour'/'rumor' и так далее. (*Примеч. авт.*)

ученика».

Пратчетт знал, что это не лучшая его работа. Во время сессии вопросов и ответов на конвенте «Пиккон-6» в 1988 году, проходившем в Имперском колледже Лондона, Пратчетт признался, что немного стесняется «Посоха и шляпы» и считает роман подарком тем фанатам, которые стали его поклонниками после первых двух книг, но испытывали неудовлетворение из-за менее фривольных продолжений. Во время той встречи он потратил очень много времени, с энтузиазмом рассказывая о романе «Пирамиды», находившемся в это время у него в работе.

В «Посохе и шляпе» есть многое, от чего можно получить удовольствие — для начала, это предельно смешная книга, наполненная таким количеством ссылок и отступлений, что читатель должен быть настоящим эрудитом, чтобы понять каждую шутку. Здесь мы впервые знакомимся с лордом Витинари, патрицием Анк-Морпорка, который будет появляться и в других романах серии. Тем не менее в некоторых отношениях роман «Посох и шляпа» выглядит как возвращение к прежним идеям. Миру грозит опасность (снова), теперь настоящая угроза от существ из

многопользовательского мира[153] (снова), во всем виноват юноша, неспособный контролировать их силу (снова). Привычка Пратчетта давать своим героям сложные фэнтезийные имена, возвращается, как Немезида, и мы знакомимся с Каниной, Ипслором, Койном, Лузганом, Биллиасом и вполне в духе Дугласа Адамса — Вирридом Шатогусем, хотя нас бы устроило имя Найджел (молодого худосочного зануды, чье имя произносится «Ниджел») и Абрим (его главная функция состоит в том, чтобы носить шляпу), потому что роман из Плоского мира без каламбуров нельзя считать романом.

После двух книг с прекрасными женскими персонажами «Посох и шляпа» старается сделать единственную главную героиню трехмерной во всех смыслах, за исключением внешности. Канина, дочь Коэна-Варвара из «Безумной звезды», имеет сразу три роли в книге — она привлекательна для мужчин, избивает и избавляется от плохишей и сама по себе ходячий анекдот (смертоносный наемный убийца, которая хочет быть обычным парикмахером). Если вспомнить, как замечательно описаны Эск, Матушка Ветровоск

[153] Примечания: 153
Текстовая многопользовательская компьютерная игра. (*Примеч. пер.*)

и даже Изабель из «Мора», Канина разочаровывает. Она вполне могла существовать в книге с единственной целью — дать повод Джошу Кирби что-то нарисовать (следует признать, что полуодетая Канина действительно привлекает необходимое внимание к обложке). Пратчетт все еще сражался с «проблемой Кин Арад», уверенные женщины в расцвете сил находились слишком далеко за пределами его зоны комфорта, чтобы их описания получались удачно. У него великолепно выходили дети и пожилые люди, очень неплохо — неуклюжие и неполноценные герои, но самоуверенная и сознательно сексуальная Канина все еще вызывала сомнения. Впрочем, сложности были связаны не только с женщинами: мужские персонажи изображены в «Посохе и шляпе» весьма поверхностно. Ринсвинд ведет себя так же, как в «Безумной звезде», выглядит сначала неумелым и пассивным, а заканчивает тем, что становится спасителем мира, хотя его самопожертвование в кульминации истории прописано очень грамотно. Найджел, схематичный персонаж из Dungeons & Dragons, мечтает походить на варваров; Абрим, великий визирь Клатча, очень напоминает злодея из пантомимы, а волшебники либо высокомерны и стремятся к

власти, либо бесчувственные бюрократы.

Только мальчик Койн, волшебник, не желающий им быть, и его отец, Ипслор, которого изгнали из Незримого университета за то, что он влюбился, имели предпосылки стать глубокими персонажами, однако даже в конце романа остались такими, какими были в начале.

Если теперь, через тридцать лет, роман «Посох и шляпа» не вызывает восторга, тогда этого никто не заметил, кроме Пратчетта. Книга стала еще одним бестселлером, как в твердой обложке, так и в мягкой, — через год. Более того, она была первым произведением Пратчетта, занявшим первую строчку в списке национальных бестселлеров, оставаясь там в течение трех месяцев. Ретроспективные обзоры склонны относиться к «Посоху и шляпе» пренебрежительно, но в то время критики из кожи вон лезли, расхваливая роман. Том Хатчинсон из The Times считал книгу «шедевром [Пратчетта]»[154], а Daily Mail назвала роман лучшим из всех уже увидевших свет, The Guardian хвалила стиль, Time Out назвал книгу

[154] Примечания: 154

Имел ли он в общепринятом смысле в виду, что это «его самая выдающаяся работа», или в традиционном, почти позабытом определении «выпускной работы», остается непонятно. В любом случае он ошибся. (*Примеч. авт.*)

«веселой».

Примечательно, что почти во всех отзывах делался упор на то, какой остроумной получилась книга — и это абсолютно справедливо, поскольку в «Посохе и шляпе» шутки сыпались, как из пулемета. Остается лишь пожалеть, что *больше* там ничего нет. В те времена Пратчетта считали в первую очередь юмористическим автором. Лишь немногие любители его творчества разочаровались в романе, ведь в общественном сознании Пратчетт являлся комиком — из-за веселых игр в жанре фэнтези со множеством шуток и иллюстрациями Джоша Кирби с полуобнаженной женщиной на обложке (что верно для трех из пяти первых романов из Плоского мира). Пратчетт стал «забавным автором фэнтези», и от этого ярлыка он будет избавляться годы. Впрочем, из всех пяти изданных романов, которые хорошо продавались, три были пародиями, основанными на забавных историях.

Успех сопутствовал ему и в 1988 году, новые поклонники стремились умножить свои коллекции, и их разбаловала возможность выбора. Спрос на первые три романа Терри — «Люди ковра», «Темная сторона солнца» и «Страта» — увеличивался с ростом популярности Плоского

мира, и, поскольку все три были изданы достаточно давно, их экземпляры стали раритетами[155]. Пратчетт хотел, чтобы две его научно-фантастические книги переиздали (хотя чувствовал, что слишком детские «Люди ковра» следует переписать, если он хочет, чтобы они стояли рядом с более поздними работами).

Издательство Corgi согласилось переиздать «Темную сторону» и «Страту», заказав новую обложку у Джоша Кирби с таким оформлением, чтобы оно соответствовало книгам из серии «Плоского мира». Оба романа вышли 22 апреля, извлекая выгоду из позитивного шума, который поднялся после публикации «Посоха и шляпы» — с тех пор прошел всего месяц. К концу 1988 года у Пратчетта уже вышло шесть книг в мягких обложках плюс две новые в твердых. Он напряженно работал, чтобы продвинуть их, появляясь на всех конвентах, куда его приглашали, пытаясь, как писал Дэвид Лэнгфорд в Ansible, «установить рекорд по числу званий “Почетный гость” за один год (и отдавая свою жизнь в мои руки, когда каждый раз произносил одну и ту же речь)». Теперь он уже был завсегдатаем на подобных мероприятиях

[155] Примечания: 155

Пратчетт считал, что большая часть первых экземпляров «Людей ковра» были украдены из библиотек. (*Примеч. авт.*)

ятиях, даже привозил чемоданчик, чтобы всегда иметь при себе джин с тоником на выходные, зная, что обслуживание в барах едва ли будет на высоте. Пратчетт с радостью подписывал все, что оказывалось перед ним, и охотно принимал выпивку из бара от любого, кто ее предлагал. Как и прежде, он прекрасно знал, что встречи с фанатами есть ключ к сохранению долголетия автора.

В ноябре вышли «Вещие сестрички», одна из лучших ранних книг «Плоского мира». Если «Посох и шляпа» казались шагом назад, то «Вещие сестрички» стали тройным прыжком вперед. Матушка Ветровоск вернулась и на этот раз привела с собой подруг. Три ведьмы в сердце «Вещих сестричек» стали едва ли не самыми замечательными творениями Пратчетта — Матушка, могущественный и безоговорочный гордый лидер ковена; Нянюшка Ягг, чрезвычайно дружелюбная, склонная к флирту пожилая леди, какую можно встретить в пивной во время ланча, и Маграт, ведьма нового века, как из учебника, идеалистка с широко раскрытыми глазами, которой мешает собственная наивность. Идея трех ведьм (или богинь, или призраков) уходит в далекое прошлое литературы и истории, и Пратчетт извлек их из сотен различных источников, чтобы

собрать вместе, от пожилых леди из его детства до современных любительниц спиритизма, с которыми он не раз сталкивался как журналист в Западном графстве, поэм Роберта Грейвса и работ оккультиста девятнадцатого века Алистера Кроули, через викканские идеи двадцатого века «девушка, мать и старуха»[156]. Матушка, нянюшка и Маграт родились из столетий волшебных сказок, и Пратчетт смотрел на них сквозь призму трех ведьм из «Макбета».

Как и с многими другими лучшими идеями Пратчетта, история началась с шутки. В более поздние годы он обижался, когда для описания его работы использовали слово «пародия» — Терри считал его пренебрежительным. С «Вещими сестричками» это честное определение. Терри начал писать книгу, имея в голове единственную сцену и, так он утверждал, ни малейшего представления о сюжете, теме или персонажах, за которыми мог бы следовать. Он лишь представил трех ведьм на продуваемом ветром болоте в самый разгар ночи:

«Варево в котле наконец поспело, и послышался чудной писклявый голосок:

---

[156] Примечания: 156

Это превосходно исследовано в «Фольклоре Плоского мира», написанном Пратчеттом вместе с Жаклин Симпсон.

— Когда мы вновь увидимся втроем?

Ответ последовал не сразу. Наконец другой голос, наделенный более привычными уху модуляциями, произнес:

— Вернее всего, что в следующий вторник…»[157]

Эта сцена, конечно, пародирует начало «Макбета»; «вещие сестры» на болоте, планирующие смерть королей. Разрушать мелодраму банальными фразами вроде вторника очень характерно для Пратчетта, а тема и характер всей книги действительно *могут* быть экстраполированы от этих слов. «Вещие сестрички» берут главную тему из «Макбета» и нескольких сцен из других пьес Шекспира, а также сказок — король Ланкра убит своим кузеном, герцогом Флемом, который теперь правит его землями. Между тем три местные ведьмы спрятали маленького сына короля, истинного наследника трона, в труппе странствующих актеров. Сюжет — это чистая пантомима, хотя Пратчетт устраивает неожиданный поворот в кульминации; урок о ненадежности расска-

---

[157] Примечания: 157
Перевод В. Вольфсона.

зов[158].

Многие из персонажей «Вещих сестричек» написаны столь же поверхностно, как и в «Посохе и шляпе». Герцог и леди Флем — схематичные злодеи, что само по себе любопытно, — в большинстве ранних романов Пратчетта действуют очевидные отрицательные персонажи, особенно в серии про Плоский мир. Его любимый трюк состоял в превращении мелкого, но амбициозного чиновника в главного врага, и сделать так, чтобы его спесь стала причиной ужасных, разрушительных сил, вышедших из-под контроля. Конечно, это лишь совпадение, что Пратчетт провел почти десять лет рядом с гражданскими чиновниками с атомных электростанций. Другие персонажи, в том числе взрослые дети Нянюшки Ягг — собрание плохих привычек и клише с неотесанными деревенщинами, дворцовые стражники, труппа актеров, каждый — упрямо играющий один типаж, драматург Хьюл — очевидная карикатура на самого Барда. Даже Томджон, тайный наследник трона Ланкра, нарисован тончайшей

[158] Примечания: 158

Спойлер — придворный шут занимает престол, о чем в начале книги сделано блистательное предсказание о новом короле, который должен быть «настоящим дураком». Позднее Пратчетт будет использовать такие скрытые спойлеры во многих книгах, нужно только знать, куда посмотреть. (*Примеч. авт.*)

из кистей. Это также является любопытным творческим выбором. Наш инстинкт, каждый сборник рассказов, закодированный в наше культурное сознание, ждет, что Томджон окажется главным героем. Он Прекрасный принц, готовый всех спасти и занять свое законное место на троне. Однако Пратчетт считает иначе, и Томджон остается второстепенным персонажем. В предыдущих историях Плоского мира это стало бы темой для шуток. Здесь же техника Пратчетта дала куда более интересные результаты, по мере того, как персонажи — в менее содержательной книге, — остающиеся на периферии, займут место, предназначавшееся принцу.

Вот почему «Вещие сестрички» опираются на плечи центрального трио и доставляют нам такую чистую радость. Пратчетт берет упрямую и искусную Матушку Ветровоск, созданную в «Творцах заклинаний», добавляет магическую силу и, что оказалось еще полезнее, лучшее понимание людей. Кроме того, он дает ей сообщниц. Нянюшка Ягг, ее лучшая подруга, способная уважать и терпеть ее силу, пожалуй, самый забавный персонаж из всех, что к тому моменту сумел создать Пратчетт. Маграт, младшая ведьма, благоговеет перед Матушкой, но обижается на

пренебрежительное отношение двух старших женщин. Нам так и не удается узнать точный возраст Маграт, но мастерство Пратчетта дает понять, что она *немного* старше, чем можно судить по ее виду и наивности, и это лишь еще сильнее подогревает ее обиды. То, как с ней обращаются старшие ведьмы — в особенности Матушка, — в свою очередь, показывает *их* недостатки. Все три персонажа совершенно безупречны.

«Вещие сестрички» стали настоящей вехой в творчестве Пратчетта. Он находит идею, которая становится фундаментальной в серии — наши ожидания того, как что-то *должно* развиваться, оказывает влияние на то, что *будет* происходить в действительности. Позднее он даже даст имя этому явлению: «теория причинно-следственных связей». Истории, клише, мифы, легенды и фольклор превращаются в самостоятельно исполняющиеся предсказания и тему, и он будет продолжать ее исследовать в своих книгах. Возможно, это центральная идея Плоского мира.

Именно в «Вещих сестричках» фундаментальный подход Пратчетта к человечеству начинает определять сюжет. Большую часть книги Матушка Ветровоск объясняет природу человека и использует ее для своей выгоды. Нянюшка

— оптимистка, Маграт — идеалистка, но Эсме Ветровоск реалистка, и очень часто именно она излагает взгляд Пратчетта на жизнь. Реализм Матушки, который, что очень важно, никогда не переходит в цинизм, в определенной степени является отражением недоумения Ринсвинда перед вселенной.

В «Вещих сестричках» у Пратчетта появляется уверенность, которая отсутствовала в предыдущих работах. Сюжет несется вперед, шутки не прекращаются, но они ни разу не становятся фривольными или неуместными. Впервые он чувствует себя комфортно, не меняя места действия[159]. Во всех остальных книгах персонажи Пратчетта перемещаются в своих вселенных, а пять предыдущих романов «Плоского мира» можно считать серьезными путешествиями. В «Вещих сестричках» страна Ланкр практически полноценный персонаж, придающий повествованию некоторую приземленность. Это первая история серии, где мир не подвергается опасности. Автор рассказывает нам о маленькой стране, превращая ее в первую очередь в историю о

[159] Примечания: 159

Да, действие на короткое время перемещается в Анк-Морпорк, но это лишь перебивка. Эти сцены можно выбросить, и по сути ничего не изменится. (*Примеч. авт.*)

людях.

Роман ни в коем случае нельзя назвать идеальным. Та часть, где ведьмы перемещают королевство на пятнадцать лет вперед, чтобы позволить Томджону достичь нужного возраста, не имеет, если уж быть откровенным, ни малейшего смысла, если об этом задуматься[160], а сюжет слишком часто опирается на пародии, чтобы выглядеть по-настоящему изобретательно. Впрочем, сам Шекспир не всегда бережно обращался с нитью повествования. Оно многое говорит о персонажах, но атмосфера и шутки делают эти вещи совершенно несущественными. «Вещие сестрички» представляют собой чистое наслаждение.

Критики, в особенности хитроумная пресса научной фантастики, начали понимать, что в работах Пратчетта заложено нечто большее, чем вызывающие стоны анекдоты и великолепно направленные удары по метафорам научной фантастики. Быстро распространялись подозре-

---

[160] Примечания: 160

В фэндоме Плоского мира это явление назвали «Временное перемещение Ланкра», что вызвало бесконечную головную боль у фанатов, пытавшихся отследить хронологию книг. Пратчетт сказал, что все истории написаны в хронологическом порядке, а перемещение на пятнадцать лет в шестой книге привело к чрезвычайно креативному мышлению среди тех, кто пытался составить рабочую хронологию событий. (*Примеч. авт.*)

ния, что «Плоский мир» сам по себе представляет литературную ценность. Пресса все еще насмешливо относилась к Пратчетту, часто выставляя его прыщавым четырнадцатилетним подростком, говорящим на *клингонском языке* (особенно этим грешили The Sunday Times и Observer), но жанровая пресса признавала его произведения блестящими.

В журнале White Dwarf вышла рецензия, в которой Пратчетта впервые сравнивали не с Дугласом Адамсом — теперь речь шла о П.Г. Вудхаусе, а Dragon Magazine заметил, что «безумие проверяется мудростью». И общественное мнение с ними согласилось. «Вещие сестрички» попали в список бестселлеров в твердых обложках под номером один, и этот подвиг будет повторять каждый следующий написанный Пратчеттом роман.

В 1989 году Пратчетт издал три романа, четыре коротких рассказа и небольшую иллюстриро-

ванную книгу о кошках[161]. Летом вышли «Пирамиды», седьмая книга в серии «Плоский мир», показавшая, что Пратчетт все еще находится в хорошей форме. Роман начинается с превосходного эпизода, в котором убийца-новичок Теппик (сокращенное от Птеппицимона) сдает тяжелый выпускной экзамен в Гильдии убийц — отчаянная гонка по крышам Анк-Морпорка, лазанье по стенам и обход ловушек. Позднее Пратчетт скажет, что эта часть написана в состоянии транса, и он понятия не имел, чем все закончится, но стала одной из его самых любимых. Он умело вплетает рассказ об экзамене в воспоминания Теппика о том, как он еще совсем мальчишкой попал в школу, и это злая пародия на классический интернат Викторианской эпохи — «Школьные годы Тома Брауна» (Tom Brown's School Days). «Пирамиды»

[161] Примечания: 161

Мне больно это говорить, но у нас нет возможности обсудить «Кота без дураков» (The Unadulterated Cat). Нам пришлось пройти через очень серьезные испытания — и вот итог: книга написана, как путеводитель по «настоящим» кошкам (в противовес избалованным и породистым), иллюстрации сделал Грей Джоллифф, автор комиксов «Писюн». Книга получилась короткой и весьма забавной — из тех, что лучше всего читать в ванной или туалете, в особенности если вы любите кошек, но если она и не попадет к вам в руки, ничего страшного не случится. Книга находилась в списке бестселлеров в Великобритании в 1989 году, во всяком случае, если верить статье, напечатанной в The Wolverhampton Express and Star в 1997 году. Казалось бы, ее должны были упоминать чаще. (*Примеч. авт.*)

установили основу для будущих разнообразных пародий в Плоском мире, где Пратчетт выбирает одну тему — в данном случае Древний Египет (позднее речь пойдет о кино, роке, Австралии, газетах и так далее) — и старается извлечь из нее максимальное количество шуток, надеясь, что читатель знает достаточно, чтобы понять их смысл. К сожалению, роман страдает из-за стремления Пратчетта создать образ реального молодого человека, и главный герой Теппик кажется весьма плоским; впрочем, как и героиня, Птраси, которая, как Канина, персонаж «Посоха и шляпы», присутствует лишь для того, чтобы Джош Кирби смог нарисовать на обложке соблазнительную красотку. Зато в книге есть отличный злодей, первосвященник Диос, а заканчивается она «сигаретой» — в стиле Уробороса он обретает судьбу, граничащую с гениальностью. Обычай граждан королевства Джелибейби[162] добавлять беззвучное «П» в начале имен, начинающихся на «Т», обеспечил Пратчетта логином для Интернета, «Птерри», и его до сих пор используют некоторые фанаты.

В том же году за «Пирамидами» последовала

---

[162] Примечания: 162
Произнесите вслух. Неплохо, верно? (*Примеч. авт.*)

«Стража! Стража!» — книга, что стоит рядом с «Вещими сестричками» как одна из сильнейших в серии, знаменует еще одну веху. «Стража! Стража!» и «Вещие сестрички» можно считать романами-спутниками. Действие в обоих происходит в одном и том же месте, соответственно, в сельском королевстве Ланкр и расползшейся вонючей столице Анк-Морпорк, обе тихо разрушают ожидания читателя, привлекая на сцену статистов. «Стража! Стража!» в этом смысле еще более откровенна, она посвящена безликим друзьям, чья единственная работа состоит в том, чтобы быть убитыми героем любой книги или фильма, когда он пытается добраться до злодея. Однако далее происходит тонкое изменение наших ожиданий — казалось, даже сам Пратчетт не ожидал, что они произойдут.

История рассказывает о Моркоу, молодом человеке с пропорциями Адониса, воспитанном гномами в горах, который приходит в город в поисках своей судьбы, с мечом, никогда не требующим заточки, и харизмой, способной озарить небо. У него на лице словно выведено жирными черными чернилами: «истинный наследник трона». Пратчетт собирался сделать Моркоу главным героем — он наделен такой невероятной,

яркой привлекательностью, что она заворожила даже его создателя. Однако автор сам наступил на грабли: он придумал Сэма Ваймса.

Ваймс, как Матушка и Ринсвинд, это персонаж, который вырос из потребности Пратчетта перенести свою личность на страницы книги. Ваймс — проявление пылающего гнева автора, он питается глубоким ощущением несправедливости, которое Пратчетту до настоящего момента удавалось держать под крышкой. Персонаж полон недостатков. Он пьяница, бездарно проводящий свою жизнь, и, несмотря на острый ум, у него выработалась привычка говорить правду властям предержащим, что не позволяет ему подняться выше самой нежелательной должности — капитана ночной стражи. Ваймс растет, развивается, и, если такое возможно, его еще больше переполняет ярость, и со временем постепенно становится самым любимым персонажем Пратчетта, к которому он возвращается чаще, чем ко всем остальным. В романе «Стража! Стража!» его гнев еще недостаточно заточен, но даже в таком виде Ваймс с самого начала представляет собой грозное создание, и по мере того как история движется вперед, читатель начинает понимать, кто центральный персонаж книги.

В романе «Стража! Стража!» убогий, запущенный город Анк-Морпорк, как и Ланкр, становится персонажем повествования. Отвратительная грязь средневековых улиц и соломенных крыш, которую Пратчетт описал в «Цвете волшебства», заменила привычные фэнтезийные города. Но в «Стража! Стража!» он постепенно становится похож на настоящее поселение, вышедшее из Средних веков и напоминающее Лондон эпохи Возрождения или Бухарест, объединенный с Нью-Йорком девятнадцатого века, где царит беззаконие. Анк-Морпорк обладает внутренней логикой гильдий, храмов, волшебников и группировок, делающих его похожим на настоящий живой город и превосходный фон для сюжета, частично представляющего собой пародию на охоту на дракона и крутой криминальный триллер.

Кроме того, книга представляет нам еще пару величайших комических персонажей Пратчетта — дуэт сержанта Колона и капрала «Шнобби» Шноббса, двух ленивых, простых стражников, которые частенько прячутся от ветра, чтобы покурить и обсудить последние слухи. Очевидно, это дань уважения фильму Акиры Куросавы 1958 года «Три негодяя в скрытой крепости», где внимание концентрируется на двух неуклюжих

идиотах, в то время как вокруг них разворачиваются эпические события[163]. Шнобби и Колон ведут себя как греческий хор, хотя никогда не обращаются непосредственно к аудитории. Они просто люди на улице или в пивной и являются источником лучших шуток в книге.

Наконец, «Стража! Стража!» добавляет третью запатентованную Пратчеттом технику к «лимонному шербету» и «сигаретам» — «фиггины». Этим словом Терри обозначал шутку, которая появляется несколько раз в книге, и на ее базе в «Стража! Стража!» персонаж угрожает кому-то тем, что поджарит его фиггины. Позднее мы узнаем, что фиггин — это такой пирожок. Фраза появляется несколько раз, чтобы с самыми разными целями напугать людей. Техника «фиггинов» использована почти во всех романах Плоского мира.

Плоский мир существовал уже семь лет — насчитывал столько же книг — и превратил Пратчетта в одного из самых популярных писателей. Для многих литературных франшиз семь — это серьезное число, но Пратчетт только начинал. В свет выйдет еще тридцать четыре романа в цикле «Плоский мир». Пратчетту по-

[163] Примечания: 163

Например, Джордж Лукас заменил крестьян на R2D2 и C-3PO в первой трети «Новой надежды». (*Примеч. авт.*)

требовалось семь книг, чтобы развить серию в нечто большее, чем фэнтезийная пародия, и куда более интересное. Каждый из первых романов, за исключением, быть может, «Посоха и шляпы», добавляет новый кирпичик к сооружению, еще один цвет в палитру, по мере того как Плоский мир становится зеркалом нашего. Пратчетту еще предстояло вырасти как писателю, и пройдет некоторое время, прежде чем он завоюет молодежную аудиторию, и в первую очередь женщин, но версия Плоского мира, которую мы находим в «Стража! Стража!», стала шаблоном для следующего десятилетия серии. Все встало на свои места, позволяя Пратчетту навещать Ринсвинда, Ведьм, Смерть и Городскую стражу в следующих романах, где периодически появлялись новые персонажи. Далеко за улицами Анк-Морпорка и Ланкра продолжает плыть черепаха, но для персонажей и поклонников это становится все менее и менее существенным. Плоский мир перестал быть платформой для пародии; он превратился в место, где все *работает.*

Впрочем, не всех это радовало. Пратчетт часто повторял, что скорее покончит с собой, чем будет продолжать писать новые версии «Безумной звезды», что совсем не понравилось самой ак-

тивной части фэндома Плоского мира, тем, кто предпочитал простые и традиционные фэнтезийные истории. Несколько критиков из мира НФ выражали тревогу вместе с Джоном Клютом из Interzone, хотя он стал лучше относиться к Пратчетту после того, как посмеялся над читателями Плоского мира в обзоре «Творцов заклинаний» для Observer. Его встревожили слова о тьме внутри каждого человека, произнесенные лордом Витинари в романе «Стража! Стража!». По его мнению, они относятся к той категории вещей, которые «чересчур близко подходят к уничтожению комического пульса Плоского мира», и предположил, что серии необходим отдых, пока она не стала слишком серьезной для собственного блага. Это любопытный отрывок, и его следует выделить, ведь он один из самых сильных в книге и, возможно, лучше всего раскрывает собственную философию Пратчетта. Клют не о том беспокоился. Для того чтобы выжить, Плоскому миру следовало *вырасти,* и еще в большей степени отражать взгляды своего автора. Если бы Пратчетт продолжал штамповать такие книги, как «Безумная звезда», едва ли он смог бы насладиться долголетием серии.

Широкая публика не возражала против разви-

тия тона, и продажи каждой следующей книги неизменно превосходили популярность предыдущей. Издатели поняли: слова «Терри Пратчетт» на обложке означают, что книги будут очень хорошо продаваться. В 1989 году «Посох и шляпа» в мягкой обложке Corgi и «Стража! Стража!» в твердой обложке Gollancz сделали имя автора больше, чем только надпись на обложке. Все последующие переиздания первых шести романов из Плоского мира выделяли фамилию Пратчетта, как набирающий силу бренд. Тем не менее его следующий шаг был рискованным — он хотел показать миру, что для успеха ему не нужны гигантская черепаха и плоская планета.

Глава 11
Детский писатель

Серия Плоского мира прославила имя Пратчетта, но инстинкт подсказывал ему, что дело не только в черепахах и слонах. В начале 1988 года Колин Смайт по просьбе Пратчетта обратился к редактору детского отдела Corgi Филиппе Дикинсон относительно издания книг для детей, действие которых происходит за пределами Плоского мира. У Пратчетта уже сложились в голове два проекта: оба основывались на идеях, появившихся у него еще в начале карьеры. Одна из них состояла в том, чтобы превратить историю, написанную для Bucks Free Press, в трилогию, а другая — дополнить «Людей ковра». К этому моменту появился интерес к его книгам, написанным до Плоского мира, и, хотя Пратчетт был доволен «Темной стороной солнца» и «Стратой» и согласился издать их в неизменном виде, он считал, что его дебютный роман требует существенных изменений, прежде чем сможет занять место рядом с другими переизданиями. Оба проекта планировалось выпустить в твердых

обложках в Doubleday, импринте издательства Transworld, так как Gollancz не занимался детской литературой. Восемнадцать лет спустя Пратчетт возвратился к книгам для детей.

Первыми вышли «Угонщики». Это история о крошечных «номах», существах ростом в четыре дюйма, живущих со скоростью, в десять раз превышающей скорость обычной человеческой жизни. Герой книги, Масклин, охотник/собиратель из все уменьшающегося племени номов, поселившихся на стоянке автомобилей у автомагистрали и считавших, что, кроме них, номов больше не осталось. Однако они были ошеломлены, когда узнали, что сотни других представителей их вида создали замкнутое сообщество под половицами старого универмага и не верили, что за их стенами существует другой мир. История родилась после того, как пятилетний Терри побывал с матерью в универмаге «Геймаджес». Его воображение населило полы крошечными фигурками, прячущимися от людей и выходящими по ночам, чтобы устраивать безобразия. Возможно, более существенным являлось то, что сам Терри был тогда маленьким, оказался в гигантском магазине, и его потрясли его размеры. И если ему хотелось вспомнить

место, вызывавшее у него благоговение, воображение неизменно возвращало его туда.

Впервые он попытался воплотить на бумаге свои впечатления в 1973 году, написав рассказ под названием «Ринсмангл, гном с Ровной пустоши»[164], который печатался в одиннадцати выпусках Bucks Free Press. Это упрощенная и более короткая версия «Угонщиков», предназначенная для юной аудитории история с уменьшенным количеством персонажей[165] и не такая пугающая. Очаровательная детская сказка, полная осуществленных желаний. Гномы с помощью игрушечных поездов построили под полом железнодорожную сеть, устраивали гонки на игрушечных машинках и играли на крошечном поле в футбол при помощи набора «Саббатео». Чужак Ринсмангл уговаривает номов украсть грузовик, покинуть старый дом и вернуться в Ровную пустошь, его прежний дом, рядом с вымышленным рыночным городом Сплинбери.

Как утверждает Колин Смайт, Пратчетт был «не из тех, кто позволяет достойным идеям пропасть», и пятнадцать лет спустя история

---

[164] Примечания: 164
Перевод М. Сороченко.

[165] Примечания: 165
Сравнительно. (*Примеч. авт.*)

Ринсмангла все еще вертелась у него в голове. Конечно, он уже использовал имя главного героя в Плоском мире, но сюжет никуда не делся, а идея с запоминающимся образом сотен крошечных существ, совместно управлявших грузовиком, была слишком хороша, чтобы оставить ее на забытых страницах местной газеты. Новая версия под названием «Угонщики» вышла в 1989 году как детская книга. Общий смысл истории практически не изменился, впрочем, как только номы[166] добрались до магазина, стало меньше гоночных машин и игры в футбол и больше религии и политики. Когда Терри писал для детей, он усиливал эмоции так же, как сокращал слова, используя заглавные буквы для главной идеи. «Ринсмангл» — это история про крошечных людей, которые развлекаются и работают вместе, чтобы разрешить свои разногласия, а «Угонщики» — книга о природе веры и нашего восприятия реальности.

Здесь нам стоит остановиться, чтобы определить различия между «взрослыми» и «детскими» книгами Пратчетта. Старшие дети вполне способны получить удовольствие от серии про Плоский

---

[166] Примечания: 166

Возможно, «g» поменяли на лишнюю «u» в Sourcery — «Посохе и шляпе». (*Примеч. авт.*)

мир, хотя, возможно, и не поймут всех шуток[167]. Любой взрослый читатель, взяв книгу про номов, обнаружит, что она столь же занимательна, как ее «взрослые» кузены, — и спокойно насладится чтением, ведь здесь Пратчетт не считает нужным рассыпать две дюжины шуток на каждой странице. Если вам 12 лет и вы принадлежите к обоим лагерям, разницы не будет совсем. «Угонщики» были написаны для детского рынка, напечатаны детским издательством и получили обложку от Джоша Кирби, максимально близкую к мультипликации, но Пратчетт часто говорил, что при более «взрослой» презентации на самом деле никто не заподозрил бы, что перед ними детская книга. И, словно в доказательство, реклама «Угонщиков» сообщала, что это «чтение для всех возрастов», более того, роман не только возглавлял список детских бестселлеров, но и появился в списке взрослых в твердых обложках, что стало причиной яростного письма от директора конкурирующего издательства Penguin Children, написанного в тематический журнал The Bookseller, где утверждалось, что Пратчетт на-

[167] Примечания: 167
Во всяком случае, хочется на это надеяться. (*Примеч. авт.*)

ходится на привилегированном положении[168].

Пратчетт использовал простой сюжет «Ринсмангла, гнома с Ровной пустоши», чтобы задать сложные вопросы. Для номов магазин являлся целой вселенной, и Арнольд Лимитед (осн. 1905) — название магазина — фигурой, находящейся в центре тщательно проработанной религии. Ничто не могло существовать вне магазина, потому что за пределами вселенной ничего нет. Надписи вроде: «Все Под Одной Крышей», «Если не видите вы того, что вам требуемо, спросите, да не пожалеете о том» и «Вот — все здесь» — настоящие заповеди. В конечном счете «Угонщики» — это рассказ не о мистическом маленьком народе, универмагах или грузовиках, а о мире, который намного больше, чем можно представить, о том, как детство остается за спиной.

Эта тема играет такое же огромное значение в «Землекопах», второй книге серии, опубликованной в 1990 году. Гримма, главная героиня, самая умная и наиболее дееспособная из номов, порицает смущенного Масклина, когда он предлагает ей выйти за него замуж, и цитирует книгу, найден-

---

[168] Примечания: 168

Колин Смайт утверждает, что «Угонщики» стали первой книгой, попавшей в оба списка, хотя The Bookseller отмечает, что книги Салмана Рушди и Сью Таунсенд добивались такого же успеха. (*Примеч. авт.*)

ную в магазине. Это один из самых знаменитых отрывков Пратчетта: «Там растут высоченные деревья, на верхушках которых распускаются огромные цветы — они называются бромелиады. В этих цветах скапливается вода, образуя маленькие озерца… и маленькие лягушки всю жизнь проводят в цветах на деревьях и даже не подозревают о существовании земли внизу»[169].

Когда ты узнаешь, что мир намного больше, чем ты представлял в самых смелых своих мечтах, и, возможно, тебе никогда не суждено увидеть все, — такое может разбить сердце. Пратчетт хорошо понимал это ощущение. Он сам его пережил, когда еще мальчишкой ходил вдоль полок Беконсфилдской библиотеки, чувствуя, что вселенная открывается перед ним, точно цветок. И он регулярно распускается в книгах Пратчетта. Он есть в «Цвете волшебства», где Двацветок переживает из-за того, что не сможет посетить каждую планету на небе. А в «Последнем герое» Коэна-Варвара охватывает хандра, когда он узнает, что больше не осталось миров, которые можно покорить.

Этот отрывок дал трилогии превосходное об-

---

[169] Примечания: 169
Перевод Татьяны Редько-Добровольской.

щее название: «Бромелиада»[170]. Последний роман серии, «Крылья», заканчивается идеально: Масклин приносит бромелиевый цветок Гримме и показывает ей, что он наконец все понял.

Романы «Бромелиады» имели фантастический успех и сыграли огромную роль в создании базы поклонников Пратчетта. «Угонщики» вошли в окончательный список престижной книжной премии Smarties Prize. Это была первая номинация Пратчетта вне сферы НФ. Неофициальное детское жюри объявило его победителем, однако взрослое жюри — что очень печально — с ними не согласилось[171]. Впрочем, его пренебрежительное отношение не сказалось на коммерческом успехе серии. К тому моменту, как в 1991 году в мягкой обложке вышли «Крылья», все три книги возглавили верхние строчки списка детских бестселлеров. Успех «Бромелиады» стал важней-

[170] Примечания: 170

Возможно, название перекликается со знаменитой и чрезвычайно успешной серией Дэвида Эддингса «Белгариада», впрочем, обе могли быть реверансом в сторону древнегреческого мифа «Илиада». (*Примеч. авт.*)

[171] Примечания: 171

Одна из причин, по которой жюри отвергло книгу Пратчетта, была абсурдна: в ней обещалось продолжение. Это подтолкнуло разгневанную Филиппу Дикинсон, редактора Пратчетта в Doubleday, к написанию резкого письма в The Bookseller, в котором перечисляла попавшие в списки классики книги, являвшиеся частями серий. (*Примеч. авт.*)

шим шагом в карьере Пратчетта, и его влияние заметно выросло. Многие взрослые любители Пратчетта, покупавшие каждый его новый роман в день выхода, начали свою карьеру как десятилетние читатели.

«Угонщики» стали первой книгой Пратчетта, которая была экранизирована. Основанный на ней мультипликационный сериал вышел на ITV в 1992 году, его сделали на британской студии Cosgrove Hall Films, выпустившей такие мультфильмы, как «Опасный мышь» (Danger Mouse), «Граф Крякула» (Count Duckula), «Чорлтон и Вилли» (Chorlton and the Wheelies) и «Джейми и волшебный факел» (Jamie and The Magic Torch). Один из основателей студии, Марк Холл, использовал в «Угонщиках» покадровую анимацию, ее делала та же команда, что получила премию BAFTA, а также номинацию на «Эмми» за адаптацию «Ветра в ивах», и Пратчетт был настолько впечатлен, что сразу согласился и принялся пожимать руки прямо в студии. Четыре другие компании, в том числе крупные американские игроки, предложили выкупить права, но Пратчетт считал, что Cosgrove Hall справится лучше других, и на Холла произвела впечатление его верность.

Сериал получился изысканным, несомненно, став лучшей работой студии. Покадровая кукольная анимация была безупречной, а диалоги делали Пратчетту честь. Мультипликаторы чувствовали, что они создали нечто столь изощренное и взрослое, что испытали удивление и разочарование, когда Thames TV разбило фильм на десятиминутные серии и поставило их на ранний вечер — когда шли передачи для маленьких детей. Странное решение, учитывая серьезные темы и мрачное настроение серии… к тому же одного из персонажей на пятой минуте съедает лягушка. Несмотря на то что «Угонщики» шли в более подходящее для «Почтальона Пэта» (Postman Pat) время, мультфильм обрел популярность и получил положительные отзывы в прессе. Более того, полнометражный вариант показали в 1993 году на международном кинофестивале в Чикаго, где он претендовал на приз за «Лучший анимационный фильм». К сожалению, от запланированного продолжения с событиями «Землекопов» и «Крыльев» пришлось отказаться после того, как Thames TV утратило права на

франшизу[172].

«Бромелиаду» наряду с «Мором, учеником Смерти» и «Благими знамениями» постоянно пытались экранизировать. В 2001 году студия Стивена Спилберга Dreamworks studio, как сообщалось, приобрела права на книги за миллион долларов, и продюсер Джеффри Катценберг прилетел на частном самолете из Голливуда в Сомерсет, чтобы заключить договор. Дюжины громких имен принимали участие в экранизациях в течение многих лет, впрочем, ни одному из фильмов не удалось избежать голливудских традиций — производственного ада. Волнения вокруг проекта стихли почти сразу после заключения сделки, и Пратчетт считал, что неожиданно громкий успех «Шрека» в 2001 году привел к тому, что студия расчистила площадки, чтобы сделать продолжения «Шрека». Новая жизнь к «Угонщикам» пришла в 2008-м вместе с обладателем «Оскара» Дэнни Бойлом, который тут же взялся за работу по сценарию Фрэнка Коттрелл-Бойса. Год спустя соавтор Бойла по работе над «Миллионером из

---

[172] Примечания: 172

До недавнего времени ITV включало в себя дюжины местных станций, которые иногда показывали одни и те же программы, а порой собственные передачи. Thames TV владело долей Cosgrove Hall Films, поэтому после утраты франшизы Cosgrove Hall лишилась существенной части фондов. (*Примеч. авт.*)

трущоб» (Slumdog Millionaire) Саймон Бофорт приступил к работе над сценарием, хотя к этому моменту Бойл уже покинул проект. «Картина развалилась, — сказал он в том же году журналу Empire. — Это печально, поскольку книги просто замечательные». В 2010-м Dreamworks все еще искала режиссера, писатель Крейг Фернандес полностью изменил сценарий Бофорта и дал ему новое название (Everything Must Go). Последние определенные новости о фильме «Угонщики» появились в 2011 году. Режиссером назначили Ананда Такера, сценарий написал Джон Орлофф, который недавно выпустил детское фэнтези «Легенды ночных стражей» (Legends of the Guardians: The Owls of Ga'Hoole). На самом деле идея оказалась слишком похожа на хит того же года «Гномео и Джульетта» (Gnomeo & Juliet), и от проекта без особого шума отказались, но прежде попытались объединить номов Пратчетта с классическими длинноволосыми датскими куклами-троллями, так как Dreamworks недавно приобрела права на эти игрушки. Идея о том, что Масклин, Анджело и Гримма превратятся в коротенькие, толстые и голые фигурки с огромными глазами, глупыми улыбками и разноцветными пучками волос,

представлялась совсем непригодной[173].

В 1992 году Doubleday опубликовало существенно переделанную версию «Людей ковра» с авторским предисловием, где читателю сообщалось, что это совместная работа двух писателей, сорокатрехлетнего автора бестселлеров Терри Пратчетта и семнадцатилетнего молокососа, которого также зовут Терри Пратчетт. Как всегда, Пратчетт несколько упростил реальность и особенно несправедливо поступил по отношению к двадцатидвухлетнему Терри Пратчетту, которому не отдали должного за переделку, сделанную в 1970 году.

«Люди ковра» были несколько раз тщательно переработаны с того момента, как Терри впервые, еще в школе, пришла идея книги. Каждая новая версия говорила о том, каким писателем он становится. История, появившаяся в Bucks Free Press в 1965 году, была оригинальной, но наивной, в то время как роман, напечатанный Колином Смайтом в 1971 году, был хорошо написан, но являлся вторичным и состоявшим из запасных частей. Версия 1992 года показывает, насколько далеко продвинулся Терри Пратчетт. Простую и

[173] Примечания: 173

Dreamworks, конечно, все равно сделала фильм с троллями. И, как нетрудно предсказать, это был полный успех. (*Примеч. авт.*)

довольно глупую историю «Ринсмангла, гнома с Ровной пустоши» Пратчетт использовал как базовый материал для более сложных «Угонщиков», а приключения в стиле «Властелина колец» в «Людях ковра» стали мрачнее, тоньше и смешнее.

Гларк, «человек нескольких слов, но таких, которые следует услышать», превращается в «человека нескольких слов, смысла которых не знает он сам». Мир ковра становится материальнее, а его общество более сложным. Теперь Пратчетт позволяет теме, а не сюжету, вести книгу вперед. В молодости он считал, что фэнтези — это про «битвы и королей», как он однажды написал в авторских примечаниях. Став старше, Пратчетт уже знал, что самые интересные вопросы связаны с тем, как обойти и то и другое.

Он добавил абстрактный внутренний мир своим персонажам и углубил мистическую часть, являющуюся фундаментом для любой стоящей фэнтезийной истории. В новой версии, когда таинственный Фрэй намерен пойти в атаку, Снибрил это чувствует — у него сдавливает голову. Злые моулы тоже — и тут возникает связь между персонажами, которой прежде не существовало. Таинственные вайты лишены очевидных свойств эльфов, но получают способность «пом-

нить» будущее, дар, коим обладает Смерть в Плоском мире. Это более запоминающаяся и возбуждающая идея, чем мистика Старейших в исходной книге.

Наконец, роман просто лучше написан. Пратчетт научился показывать, а не говорить. Прежние куски описаний, открывавшиеся в диалоге, теперь скрыты в действии или остались намеками в подтексте. Он проходит по книге, удаляя раздражающие прилагательные, ненужные восклицания и фэнтезийные клише в диалогах. Изредка голос Писмайра, снова здесь появившегося, но более сухого и рассеянного, чем бюджетный Гэндальф 1971 года, выдает комментарий на эмоциональном языке почти всех персонажей из 1971 года. Это уровень самосознания, на который молодой Пратчетт просто не был способен. Эд Джеймс, написавший в издании 2004 года «Терри Пратчетт: Виновен в литературе», считает, что новый Писмайр становится тайнописью для самого Пратчетта, спокойно оценивая писателя, каким он был, прямо на страницах его собственной книги.

Сцены сражений также существенно переделаны, и Терри работал до седьмого пота над концовкой. Здесь появились целые кондитерские

с «лимонным шербетом» и табачные фабрики с «сигаретами». Наши герои не просто побеждают врагов, они понимают, что необходимо изменить свой мир, сделать его более честным и справедливым. Особенно впечатляет то, что все лучшие строки, многие запоминающиеся образы и большая часть центральных тем версии 1992 года отсутствовали в издании 1971-го.

Наводя глянец и исправляя работу юноши Терри, но не отбрасывая ее прочь и не начиная все сначала, Пратчетт создал необычное произведение. Нет, это вовсе не исторический документ оригинала — сейчас его практически невозможно отследить и, чтобы заполучить, придется заплатить серьезную сумму — и это уже не приключение с напряженным сюжетом, которое написал Терри Пратчетт, автор «Угонщиков» из Плоского мира. Так или иначе, но книгу хорошо встретили как критики, так и читатели. «Бромелиада» доказала, что Пратчетт способен писать серьезные детские книги, и «Люди ковра» были приняты с таким же настроением. Как и «Угонщики», они появились во взрослом и в детском списках бестселлеров.

В 1992 году «Люди ковра» наконец дали дебютному роману Пратчетта — а эта история имела

для него большое значение — читателей, которых он заслужил. Незначительный успех по стандартам других творений девяностых годов, но книга дошла до читателей — двадцать лет назад Пратчетт и Колин Смайт не могли даже мечтать, что такое возможно. Первые «Люди ковра» вышли тиражом в три тысячи экземпляров и были не до конца распроданы, когда Corgi выпустил «Цвет волшебства» через десять лет (у Роджера Пейтона еще оставались книги в магазине Andromeda в 1985 году), хотя после этого их довольно быстро раскупили. Новая версия в твердой обложке имела тираж восемнадцать тысяч экземпляров, а первый тираж в мягкой составил 115 тысяч экземпляров. Книга переиздавалась множество раз, пока в 2013 году не вышло правильное издание в США, в котором впервые с 1971 года использовалась оригинальная обложка Пратчетта[174].

Несмотря на свое происхождение, версию «Людей ковра» 1992 года можно считать типичным «Терри Пратчеттом» с фантастической идеей и обложкой от Джоша Кирби. Но этого никак нель-

[174] Примечания: 174

В издании 1992 года, а также в последовавших за ним для обложек использовали работы основных художников серии Плоского мира, Джоша Кирби и Пола Кидби, поскольку в Transworld прекрасно понимали, что такое проверенная торговая марка. (*Примеч. авт.*)

зя сказать о книге «Только ты можешь спасти человечество», вышедшей три месяца спустя. «Только ты» — одна из двух историй, над которыми работал Пратчетт, о двенадцатилетнем мальчике-интроверте по имени Джонни Максвелл. Вторая идея превратилась в «Джонни и мертвецы», книга увидела свет в следующем году, в то время как третья история о Джоне Максвелле, «Джонни и бомба», была опубликована в 1996-м. «Джонни и мертвецы» должна была стать первой в серии, но потом Терри принял решение начать серию с «Только ты можешь спасти человечество», поскольку Война в Заливе сделала книгу особенно актуальной, и Пратчетта тревожило, что кто-то другой может использовать аналогичную идею: море информации о войне уменьшило восприимчивость зрителя, пока она не стала такой же «реальной», как видеоигра.

Книги про Джонни Максвелла, как и все три романа серии «Бромелиады», заняли свое место среди самых острых и пронзительных произведений Пратчетта, послания в них ясные и точные, рассчитанные на то, что их поймут молодые читатели. В трех книгах действие происходит в наше время, в те самые годы, когда выходила каждая из них, отсюда специфическая обста-

новка Войны в Заливе в «Только ты», ссылки на «Секретные материалы» (The X-Files) и шквал научно-фантастических фильмов в «Джонни и бомба». В то время как место действия делает истории правдоподобными, оно позволяет быстро датировать книги. Видеоигры в «Только ты можешь спасти человечество» способны вызвать недоумение у подростка двадцать первого века. (Рычаги управления? Диски? Руководство? Даже мысль о покупке игр в магазинах становится архаичной в век загрузок и микроплатежей.) Как и ссылки на поп-культуру, например плакат к «Чужому 3» (Alien 3) у Кирсти, прозвище Сигурни или упоминание о «Неистовом Нормане»[175]. Еще больше привязан к определенному времени сленг, который используют дети; «йо», «крутой» и «плохой парень» звучат безнадежно вышедшими из моды всего через несколько лет, хотя мысль о подростках, отчаянно пытающихся пользоваться модными словечками, вероятно, никогда не устареет.

Однако темы книги и то, что они являются

---

[175] Примечания: 175

Прозвище, которое получил генерал Норман Шварцкопф, командовавший объединенными силами союзников во время войны в Персидском заливе. Предположительно именно он входил в комнаты с неожиданным энтузиазмом. (*Примеч. авт.*)

неотъемлемой частью трудностей в жизни подростка, никак не привязаны ко времени. Джонни, мечтатель-интроверт, вовсе не герой, а обычный мальчик, понятен многим. Здесь Пратчетт вспоминает, каким он был в молодости — вечно чем-то озабоченным юношей с богатым воображением. Все три книги спокойно, без малейшей суеты, затрагивали проблемы расизма, сексизма, душевного здоровья, самоубийства, скорби, культурной вины, десенсибилизации и давления, под которым оказываются молодые люди из рабочего класса. Не забывая при этом про инопланетян, призраков и путешествия по времени. Некоторые читатели думали, что сверхъестественные элементы в истории Пратчетта следует рассматривать как результат фантазий или галлюцинаций, а сами книги рассказывают о мальчике, преодолевающем свою боль, создавая воображаемые миры. Эту теорию подтверждает строка из «Джонни и бомба», когда персонаж Ноу Йоу предполагает, что его друг так реагирует на депрессию и стресс, от которых страдает из-за «тяжелых времен» его родителей. Пратчетт высмеял эту теорию, когда его спросили о ней в интернете. По его мнению, Джонни действительно сражался на стороне инопланетян, говорил с мертвецами и

путешествовал по времени[176]. И пусть действие главным образом происходит в «реальном мире», сердце Терри всегда принадлежало научной фантастике и фэнтези.

В трилогии много великолепных моментов и красиво написанных отрывков. То, как Бигмак находит мертвое тело своего партнера в «Только ты можешь спасти человечество», отражает собственный опыт Пратчетта столкновения со смертью, когда он был репортером-стажером. Это очень сильный эпизод, показывающий потрясение молодого человека, в первый раз столкнувшегося с мрачной реальностью. У каждого из друзей Джонни есть собственная эмоциональная сюжетная линия, которая проходит через все три книги, и все они движутся вместе с основной историей. Бигмак освобождается от семьи, где с ним отвратительно обращались; Кирсти узнает, что ее феминистский взгляд на жизнь и слишком серьезные идеи о благополучии людей и общества означает, что она порой игнорирует че-

[176] Примечания: 176

На самом деле очевидно, что в «Джонни и мертвецы» «мертвецы» звонят на местное радио, а друзья Джонни видят, как они заставляют газету левитировать. В конце «Джонни и бомбы» большинство мальчиков мгновенно забывают о своем приключении, но Кирсти вспоминает его снова, когда путешествующая по времени миссис Тахион ест в 1996 году чипсы, завернутые в газету из 1941-го. (*Примеч. авт.*)

ловеческие проявления в других. Ноу Йоу изучает грубый расизм и более незаметные стереотипы, мешающие восприятию молодого черного парня как вдумчивого, образованного и совсем не крутого. В романе «Джонни и бомба» Пратчетт впервые в писательской карьере использует слово «ниггер», взрывая его как фугас посреди текста и заставляя читателя задуматься о его использовании и действии на тех, кто сам ежедневно бросает его в них. Это вызвало некоторые трения между Пратчеттом и редактором Филиппой Дикинсон, которая хотела его убрать. Пратчетт планировал использовать это слово в качестве козыря, чтобы ввести в роман другие провокационные или спорные идеи. Однако Дикинсон сдалась, и слово осталось в окончательной версии книги. В 2006 году Пратчетт сказал на BBC в передаче Blue Peter, что книги о Джонни он писал с особенным удовольствием, впрочем, он участвовал в продвижении телевизионной адаптации «Джонни и бомбы» и, возможно, просто воспользовался случаем. Это было бы вполне в его духе. Несомненно, он гордился трилогией и считал, что «Джонни и бомба» является его «шедевром», в том смысле, что книга знаменовала конец его ученичества как писателя. Мартин Тейлор из

Vector с ним согласился, назвав роман «лучшим из всех написанных Пратчеттом, и он должен — если есть на свете справедливость — переместить Пратчетта из “простого” автора бестселлеров в царство литературы». Все три книги полны личных тем, их гораздо больше, чем в других работах Терри. «Только ты можешь спасти человечество» наполняет его любовь к видеоиграм — в особенности космическим приключениям, таким как Wing Commander, — отражавшим его ненависть к шовинизму и войне.

Роман «Джонни и мертвецы» населен персонажами из прошлого Терри, и не последний из них известный социалист Уильям Стикерс, списанный с его коллеги из Bucks Free Press Джорджа Топли. Здесь Терри прикасается к своему вечному пугалу — бюрократам с серыми лицами, проводящими *нужную* политику вопреки интересам обычных людей и завораживающей жизни, которую можно найти за каждым занавесом, в каждой голове. Наконец, «Джонни и бомба» черпает вдохновение в «Бомбардировке Бата» (The Bath Blitz), книге коллеги Пратчетта по Bucks Free Press, Мартина Уэйнрайта. В 1975 году Терри написал на нее положительный обзор. Тема из «Джонни и бомбы» — о том, что время также может быть

местом, — вновь появится в одной из лучших работ Пратчетта — «Ночной страже» 2002 года.

Книги о «Джонни», где действие происходит в декорациях из старых времен, обсуждали реже и не с таким энтузиазмом, как трилогию «Бромелиада», хотя их публикация произвела определенное впечатление. «Джонни и мертвецы» стал первым романом Пратчетта, получившим единодушное одобрение в литературных кругах, которым было легче принять фэнтезийного автора, если он пишет для детей. Эта работа Пратчетта названа Писательской гильдией Великобритании «Лучшей книгой года для детей», а также была номинирована на «Медаль Карнеги», самый престижный приз детской литературы Великобритании (Терри не получил его из-за того, что там оказалось «слишком много длинных слов», — если верить одному судье, который пожаловался, что его племянник не смог их понять). Также эти книги обеспечили Пратчетту место в итоговом списке «Лучший детский писатель года». Между тем «Джонни и бомба» отомстил за пренебрежительное отношение к «Угонщикам», взяв в 1997 году серебряную награду в категории «9—11» от Smarties, получил еще одну номинацию на «Медаль Карнеги» и вместе с «Только ты можешь

спасти человечество» попал в окончательный список соискателей на приз Лучшей детской книги The Guardian.

На базе «Джонни и бомбы» и «Джонни и мертвецов» были написаны сценарии для телевизионных фильмов, прекрасно принятых зрителями, хотя их показывали по разным каналам с почти десятилетним перерывом. В обоих фильмах снимались известные английские актеры, особенно запомнился Брайан Блессид в роли Уильяма Стикерса. Несколько неожиданно по мотивам «Только ты можешь спасти человечество» в 2004 году был поставлен театральный мюзикл. Пратчетт продал права продюсеру Саре Бродхерст за старый шестипенсовик, он считал, что безумец, решивший попытаться сделать такой мюзикл, нуждается в поддержке. Спектакль получил хорошую прессу на Edinburgh Fringe[177], вышел даже диск с записью песен, но надежды на приглашение в Вест-Энд так и не реализовались.

Семь[178] детских книг, написанных Пратчеттом между 1988 и 1996 годами, стали важнейшим

---

[177] Примечания: 177

Ежегодный фестиваль искусств, проходящий в Эдинбурге, Шотландия. (*Примеч. пер.*)

[178] Примечания: 178

Ну ладно, шесть с половиной. (*Примеч. авт.*)

этапом в его превращении в писателя и заметную фигуру в литературе. Популярность «Угонщиков» обеспечила ему аудиторию в будущем, истории о Джоне Максвелле завоевали поклонников на зарождавшемся рынке для молодых читателей. Две трилогии и, в меньшей степени, «Люди ковра» также доказали, что причина успеха в самом Пратчетте, а не в Плоском мире. Он далеко ушел от черепахи, способной лишь на один фокус, и теперь умел решать серьезные задачи, а также общаться даже с самыми маленькими читателями. Его путешествие от чудака до «профессора сэра Терри Пратчетта, лауреата ордена Британской империи, национального достояния и признанного литературного гения» едва ли получилось бы таким эффектным, если бы он оставался в Плоском мире, забыв обо всем остальном.

Менее солидный издатель, чем Transworld, и менее серьезный агент, чем Смайт, вполне могли бы убедить менее значительного, чем Пратчетт, писателя не расставаться с Плоским миром, ведь в конечном счете он был дойной коровой. Детские книги не сулили быстрой выгоды, обычно они продавались меньшими тиражами за меньшие деньги, и, если бы не Плоский мир, их было бы намного сложнее продвигать на рынке.

После публикации «Джонни и бомбы» в 1996 году Пратчетт отложил детскую литературу в сторону и все свое время снова посвятил Плоскому миру и расширению коттеджа, в котором жила его семья. Он вернется к юным читателям только через пять лет.

Глава 12
Сатанинские стихи: создание культовой классики

Где-то в 1985 году, вскоре после интервью у работавшего в свободное время автора фэнтези и трудившегося на полную ставку пресс-секретаря, в китайском ресторане в Сохо, у Нила Геймана появилась идея для романа, опиравшаяся на простую, но блестящую концепцию: пересказать сюжет классического фильма ужасов «Омен» (The Omen) в стиле книги Ричмал Кромптон «Этот Вильям!». Он нарисовал в своем воображении возникшую в больнице путаницу: сын Сатаны, которого должен вырастить могущественный американский дипломат, растет в сонной английской деревне, вдали от влияния сатанинской власти. В это же время соперничавшие столетия бесполезный демон и чопорный ангел, которых совершенно не вдохновляла идея Армагеддона, в конечном итоге подружились. Гейман написал первые пять тысяч слов, озаглавил их «Вильям Антихрист» (William The Antichrist) и довел историю до того момента, когда некомпетентные

сатанинские медицинские сестры перепутали двух детей. Тут он остановился, поскольку не имел ни малейшего понятия, что произошло потом.

Одновременно Гейман работал над официальным справочником по «Автостопом по Галактике» Дугласа Адамса, ему приходилось регулярно бывать у Адамса в Ислингтоне, в северном Лондоне, и обсуждать с ним продолжение его знаменитой работы. Неминуемо что-то от тона Адамса просочилось в «Вильяма Антихриста» и слилось с сознательными намеками на Кромптон, но Гейману хотелось, чтобы в его книге присутствовало по-настоящему английское настроение. В результате у него получилось повествование в ироничном, немного странном и юмористическом стиле, слегка похожем на одну знакомую ему книгу — там мир стоял на спине гигантской черепахи, — написал ее человек, работавший на полную ставку пресс-секретарем и одетый, как инструктор по вождению, которого Гейман считал хорошим другом. Он отправил экземпляр рукописи нескольким уважаемым им людям, так как у него появилась смутная идея, что он сможет сделать для жанра ужасов то, что «Цвет волшебства» сделал для фэнтези. Одним

из этих людей был Терри Пратчетт. Он прочитал рукопись, после чего метафорически, а потом и буквально, убрал ее в ящик.

Внешне Нил Гейман и Терри Пратчетт не были близкими друзьями. Пратчетт, на двенадцать лет старше, сын механика и секретарши, придерживался принципов, полностью сформированных окружением из рабочего класса и послевоенной культурой — «стараться сделать все как можно лучше». Оставив школу, Пратчетт усердно изучал выбранную профессию, а после двадцати и даже тридцати строил надежную жизнь за городом, в основе которой лежали работа, природа и семья. Между тем Гейман родился в семье риелтора, ставшего главой Церкви сайентологии в Великобритании. Он являлся продуктом шестидесятых и семидесятых годов — времени, когда творчество, искусство и мятежный дух проникли в молодежную культуру страны. В возрасте, когда Пратчетт уже устроился на полный рабочий день, Гейман открыл для себя панк-рок и возглавлял созданную им же группу под названием Ex-Execs, находившуюся под влиянием Лу Рида. Они выступали по всему Лондону, исполняя песни Боуи, The Stranglers и New York Dolls, а также тексты самого Геймана. В отличие от Пратчетта,

которого можно было снисходительно назвать эксцентриком с его свободными свитерами и неопрятной бородой, Гейман был *крутым* — симпатичным, высоким, носил кожаную куртку и буйные черные волосы[179]. Когда они познакомились, Пратчетт являлся человеком системы, и в течение десяти лет, по большей части, трудился всего на двух разных нанимателей, в то время как Гейман работал в самых разных местах и брался буквально за все. Он делал обзоры фильмов и книг, а также сочинял статьи для больших журналов, в том числе Penthouse и Knave, помогая превратить последний (пусть и ненадолго) в «чтение» высокого качества. Все это позволяло ему написать тысячи слов о поп-культуре, которую он любил, получая при этом возможность бесплатно посещать концерты и фильмы, ему присылали пластинки и книги для рецензий, он брал интервью у своих кумиров, а сам жил (как Пратчетт часто отмечал в более поздних интервью), питаясь бесплатной едой на презентациях. К 1985 году Пратчетт, продолжавший работать журналистом и пресс-секретарем, опубликовал четыре книги исключительно для собственного

[179] Примечания: 179

Иногда пряча их под вышеупомянутой серой фетровой шляпой, которую он однажды оставил в ресторане. (*Примеч. авт.*)

удовольствия. Гейман сумел отправить в печать только одну — биографию гиганта поп-музыки восьмидесятых годов Duran Duran, написанную, как он сам говорил, исключительно для того, чтобы получить чек (в последующем Гейман так и не дал согласия на ее переиздание).

Однако довольно скоро они поняли, что у них много общего, оба выросли в маленьких городках на юго-востоке Англии — Беконсфилде и Ист-Гринстеде соответственно, — их жизнь в детстве сразу изменилась, как только они обнаружили местную библиотеку, в которой проснулась их жажда самых разных знаний, в первую очередь мифологии, истории и науки. Оба стали верными поклонниками «Властелина колец» в одинаково восприимчивом возрасте и открыли для себя врата, ведущие в новые фантастические миры, познакомились с вселенной классики научной фантастики и присоединились к любителям НФ конвентов и журналов. Оба начали зарабатывать на жизнь словами, хотя путь Пратчетта был более структурированным, а Геймана — скорее случайным, и оба стартовали с детской книги (роман Геймана «Моя замечательная тетя Эрминтруда» (My Great Aunt Ermintrude), увы, до сих пор не издан). Они обладали похожим мировоззрени-

ем и чувством юмора, оба невероятно любили и постоянно цитировали Г.К. Честертона и П.Г. Вудхауса. Они заставляли друг друга смеяться и умели приводить друг друга в восторг.

Они регулярно встречались на конвентах, беседовали долгими вечерами по телефону, во время которых читали друг другу свои новые работы, что стало неоценимым опытом для Геймана, начавшего переходить от журналистики к прозе, он даже отклонил предложение занять место редактора на полную ставку в Penthouse, чтобы продолжать развиваться как автор комиксов.

К 1988 году его работа на Total Eclipse, 2000AD, и в первую очередь роман-комикс «Жестокие дела» (Violent Cases), привлекла внимание DC Comics, американского издательства, выпустившего сотни легендарных комиксов, в том числе «Бэтмена», «Супермена» и «Лигу справедливости». Они рассчитывали вернуть в США часть энергии и задора британской волны комиксов. Гейман сумел возродить серию комиксов «The Sandman. Песочный человек», заново открыв в нем темное современное фэнтези. Он погрузился в эту историю и напряженно работал над ней почти год, когда ему позвонил Пратчетт.

Теперь, став профессиональным писателем, он

наткнулся на забытый в ящике экземпляр «Вильяма Антихриста», перечитал его и понял, что знает, каким должно быть продолжение, и ему хотелось бы его написать. Он позвонил Гейману и предложил соавторство, или, если Нила больше не интересует данный проект, он готов выкупить начало. Гейман согласился практически сразу. Позднее он часто говорил, что это было сотрудничество двух авторов, еще не реализовавших свой потенциал. «В те дни Нил Гейман не стал Нилом Гейманом, а Терри Пратчетт был просто Терри Пратчеттом», написано в его примечаниях к изданию «Благих знамений» (Good Omens) 2019 года, хотя к 1988 году Пратчетт уже являлся автором бестселлеров, быстро набирал популярность и работал с яростной энергией.

Гейман, который до этого еще не писал художественные романы, понимал, что сотрудничество со старшим товарищем — колоссальная возможность многому научиться, а его репутация писателя никак не пострадает. Не говоря уже о том, что им определенно будет весело. Они начали с долгих телефонных разговоров, пересылали друг другу по почте компьютерные диски, а одна-

жды даже создали примитивную сеть[180] — и в результате получился первый черновик.

Пратчетт сразу взялся за дело и превратил исходные пять тысяч слов Геймана в десять тысяч, в том числе внес серьезные и не очень правки в уже существующий текст. Сатанинские медсестры превратились в ковен сатанинских монашек[181], а персонажу по имени Кровлей, ездившему на Citroen 2CV, довольно бесполезному демону, вызывавшему презрение у его демонических собратьев, Пратчетт изменил имя на Кроули, с его изворотливым умом, самодовольством и кое-какими особенностями, позаимствованными у самого Геймана, в том числе ношением темных очков в помещении и черным кожаным пиджаком. Он также представил макгаффина всей истории: книгу пророчеств семнадцатого века, написанную ведьмой по имени Агнесса Псих, которую сожгли охотники на ведьм и которая — благодаря тщательно спрятанным бочкам с порохом — сумела забрать плениших

[180] Примечания: 180

В операции участвовали два базовых модема, и на нее ушла большая часть дня. Пратчетт шутил, что было бы быстрее просто заказать доставку рукописи. (*Примеч. авт.*)

[181] Примечания: 181

Монашки всегда смешнее. Всегда. (*Примеч. авт.*)

ее врагов с собой. Этот персонаж Пратчетт планировал использовать в Плоском мире, но он очень естественно вошел в мифологию «Вильяма Антихриста». Далее мяч оказался на стороне Геймана, добавившего четырех «всадников» — ведь речь шла о приближении апокалипсиса.

Они часами, как минимум раз в день, разговаривали по телефону, обсуждая сюжет и персонажей, после чего расходились и начинали писать. Поскольку они работали над романом — на территории Пратчетта, — было решено, что именно он будет отвечать за связность истории. Он назвал себя «Хранителем дисков» и также позаботился о том, чтобы они всегда работали над одним и тем же черновиком (Пратчетт неизменно повторял, что если бы они сочиняли комиксы, все было бы наоборот). Так сложилось, что большую часть текста Терри печатал — по его оценкам, примерно две трети, в то время как Гейман отставал от него на двадцать тысяч слов, так как писал от руки, а также продолжал заниматься «Песочным человеком» и другими комиксами. Гейман наблюдал, как Пратчетт сводил повествование — однако сюжет, персонажи и идеи они делили ровно пополам.

Несмотря на то что Гейман был очень занят

работой над «Песочным человеком», он каждый день, в любое время, перед тем как лечь спать, писал пятьсот слов для «Вильяма». Иногда он отправлял Пратчетту диск по почте, чтобы тот включил его в черновик, а порой обсуждал текст на следующий день. Пратчетт всегда вставал рано, как все, кто живет в сельской местности, и большую часть работы делал по утрам. Гейман просыпался значительно позже и спросонья проверял автоответчик[182]. Он звонил Пратчетту, и они обговаривали то, что сделали за вечер и утро. Как многие поклонники Beatles, которые пытаются отличить песню Леннона от песни Маккартни, фанаты Пратчетта и Геймана потратили тридцать лет, обсуждая, кому из них в голову пришла та или иная идея и какой отрывок кто из них написал. Пратчетт исходно являлся автором части под названием «Они», о банде детей с ободранными коленками, под началом юного Антихриста. Внешне банда походила на героев книг «Этот Вильям!» Кромптон, но, если немного присмотреться, вы увидите собственное детство Пратчетта в Форти-Грин, вплоть до американской военно-воздушной базы и рощи, куда

[182] Примечания: 182

Вероятно, именно по этой причине в книге присутствуют недовольные послания на автоответчике. (*Примеч. авт.*)

он поместил логово банды. Именно Пратчетт добавил важное «Что, если?..» к оригинальному плану: что, если в продолжениях «Омена» Дэмиан будет обладать свободной волей и сможет делать все, что пожелает?

Гейман отвечал за четырех всадников, банду мотоциклистов, которая следовала за ними, и большую часть истории, связанной с Кроули и его противоположностью, ангелом Азирафаэлем. Начало романа написал Гейман, а конец — Пратчетт. Однако каждый участвовал в редактировании всей книги, так что стили перемешались, и узнать, кто какую часть написал, стало невозможно, в особенности когда речь заходит об отрывках, появившихся после их разговоров. Оба работали над главными персонажами, и по мере приближения к финалу Гейман стал отвечать за «Них», а Пратчетт получил всадников. Любопытно, что скелетообразная фигура Смерти сильно напоминает благожелательного жнеца из Плоского мира (вплоть до МАНЕРЫ РАЗГОВОРА), данную Смерть, по большей части, создал Гейман, и у него получился более темный и не такой

добрый персонаж, как у Пратчетта[183]. Существует предположение, что Гейман написал наиболее отталкивающие куски книги, а Пратчетт более приятные, и до некоторой степени это правда. Широкие мазки сюжета принадлежат Гейману, как и образ демона Хастура, появляющегося из телефонной трубки в виде тысяч червей, а настроение финала принадлежит Пратчетту. Он настаивал, что вред, причиненный кому-то в книге, должен быть исправлен — на руках их главного героя, ребенка, не может быть крови — именно добрая воля мальчика неизменно спасает мир. Однако повествование не было черно-белым. Оба умели писать мягко и гуманно или низко и подло. Позднее Гейман скажет, что это серьезное упрощение — думать, будто их книга представляет собой переплетение его жутких идей со светлыми идеями Пратчетта. Друзья подошли к работе с одинаковых позиций и твердо знали, каким будет тон их произведения — нечто среднее между Кромптон, Адамсом, Вудхаусом и Честертоном со щепоткой современных ужасов.

---

[183] Примечания: 183

Впрочем, *эта* Смерть не имеет ничего общего с *другой* Смертью Геймана, старшей сестрой Сна из комикса «The Sandman. Песочный человек», где она стала одним из самых популярных персонажей серии. (*Примеч. авт.*)

Они правили куски, написанные друг другом, добавляли шутки и примечания (снова «лимонный шербет»), пока уже и сами не понимали, кому принадлежит авторство, а про некоторые большие отрывки ни один из них не помнил, что их писал именно он. Во многом это превратилось в игру, где каждый старался рассмешить другого, а потом, по словам биографа Геймана Хэйли Кэмпбелл в книге 2016 года «Искусство Нила Геймана» (The Art of Neil Gaiman), «они соперничали друг с другом, стараясь сочинить удачный кусок текста».

Первый черновик они закончили через девять недель — при этом работали отдельно. Вторая редакция заняла еще четыре месяца, авторы старались превратить свои дикие, лишь частично структурированные идеи в единое целое; Пеппер и Война поменяли пол, кроме того, авторы старались максимально улучшить сюжет. Гейман приехал в Сомерсет и остановился в коттедже Гайес, чтобы они могли закончить свое произведение. Он вспоминал, как однажды утром обнаружил двух голубей, каким-то образом ускользнувших из голубятни Терри и Лин и теперь в полнейшем ужасе носившихся по его комнате, и решил, что подобные вещи здесь происходят постоянно (ес-

ли верить Пратчетту, подобные вещи ни разу не случались с другими гостями).

Им еще оставалось решить последнюю проблему: изменить название романа. По мере того как развивалась книга, Вильям стал Адамом, а потому «Вильям Антихрист» вместе с отсылками к «Этот Вильям!», как и «Вильям Завоеватель», стали непригодны, а «Адам Антихрист» не давал тех ассоциаций, которые им требовались. Более того, не вызывало сомнений, что это уже не просто история Адама — полный список персонажей в начале книги сделал это очевидным. Так или иначе, но героями книги стали Кроули и Азирафаэль. Именно Гейману принадлежит идея назвать книгу «Благие знамения» (Good Omens), скаламбурив на «Омене», тогда как Пратчетт настаивал на «Превосходныя и Недвусмысленныя Пророчества Агнессы Псих, Ведьмы». Они пришли к компромиссу, сделав вариант Пратчетта подзаголовком к книге, а в начале поставив более хлесткие слова: «Благие знамения: Превосходныя и Недвусмысленныя Пророчества Агнессы Псих, Ведьмы».

Удивительно, но «Благие знамения» стали единственным произведением в профессиональной карьере Пратчетта, которое он написал под

влиянием момента.

Ведь даже «Людей ковра» он писал по договору, заключенному до начала работы, с согласия издателя. С «Благими знамениями» получилось иначе. Пратчетт и Гейман взялись за них по собственной инициативе, совместив с работой над другими книгами. Позднее Пратчетт назвал роман «летней работой». Книга была готова, но работа не завершена — Терри часто повторял, что произведение нельзя считать законченным до тех пор, пока его не прочла аудитория, этот инстинкт он приобрел, когда был журналистом. Круг должен замкнуться. Пришло время искать издателя.

К их удовольствию, «Благие знамения» привели к одной из самых возбуждающих издательских традиций — аукциону. Права выставили на аукцион американские агенты Геймана из Writers House, в Великобритании безоговорочную победу одержал Gollancz, издание в мягкой обложке досталось Transworld/Corgi. Обе компании не хотели, чтобы один из их самых ценных талантов перешел к конкурентам. Интерес других издательств привел к более высокому авансу, чем привык Пратчетт, — весьма солидной сумме в сто пятьдесят тысяч фунтов, которую соавторы

поделили поровну. Пратчетт был в восторге, в то время как Гейман, естественно, старательно преуменьшал успех, хотя трудно поверить, что автор, продавший свой первый роман за семьдесят пять тысяч фунтов, не мог в глубине души не танцевать джигу.

С издателем из США, Уоркменом, купившим права на книгу в твердой обложке, был заключен дополнительный договор. Пратчетта не слишком хорошо знали в США, в то время как «Песочный человек» принес Гейману колоссальный успех и он стал за океаном серьезной силой. Вот почему в США авторами значились: «Нил Гейман и Терри Пратчетт», в то время как в Великобритании, где Пратчетт был широко известен, его фамилия стояла на первом месте.

«Благие знамения» рекламировались с таким подзаголовком: «Смешнее, чем Стивен Кинг, страшнее, чем Том Шарп»; книга имела успех по обе стороны Атлантики. «Невероятно смешно… теологические дебаты превосходят даже “Житие Брайана”. Читать “Благие знамения” одно удовольствие, вы будете все время смеяться» — так, задыхаясь от смеха, писал Time Out. Впервые работа Пратчетта привлекла внимание солидных американских газет. И, хотя Джо Квинан из

The New York Times просто возненавидел книгу: «огромное количество студенческого дерьма и вторичных научно-фантастических клише[184]», The Washington Post выдала восторженное: «Это нечто!», а The San Diego Tribune в своем обзоре просто вибрировала от восторга: «Паровой каток глупости, заставивший меня громко хихикать». Когда Пратчетт и Гейман отправились в рекламное турне по США и Великобритании, они поняли, что создали нечто, глубоко задевшее читателей.

За многие годы их нечасто просили поставить автограф на новенький экземпляр «Благих знамений», если только это не был подарок или замена утраченной книги. Чаще всего им протягивали потертые книжки в мягких обложках с мятыми и загнутыми страницами, иногда заклеенные липкой лентой или распухшие после попадания в воду в ванне или бассейне отеля. «Благие знамения» стали романом, который любили по-настоящему, перечитывали снова и снова, одалживали друзьям и покупали для подарков. Сарафанное радио работает быстро, и вслед за популярностью поднялась волна любви. До кон-

[184] Примечания: 184

В своем обзоре он также поливает грязью Бенни Хилла, Ист-Энд и жителей Ливерпуля, так что не вызывает сомнений: в тот день он был в ужасном настроении. (*Примеч. авт.*)

ца их карьеры редко случалось, чтобы во время интервью им не пришлось подписывать книгу или отвечать на вопросы о ней и о том, как они работали вместе. Вишенкой на торте стали две номинации: «Лучший роман мирового фэнтези» и «Лучший роман фэнтези» в престижных премиях Локуса.

Рекламный тур с «Благими знамениями» помог укрепить их дружеские отношения. Одно дело писать книгу в соавторстве, но несколько недель, проведенных вместе, и жизнь в соседних номерах помогают узнать друг друга по-настоящему. У них постепенно появилось умение выступать перед аудиторией, они соревновались в остроумии друг перед другом, надевали шляпу Терри и пиджак Нила на стулья, чтобы показать, как настоящий писатель работает над книгой, — они назвали эту композицию «Нил-и-Терри». В номере отеля на конвенте World Fantasy Con в Сиэтле, за несколько месяцев до выхода книги, Пратчетт ругал Геймана за опоздание («мы с твоей мамой очень беспокоились»), а потом они лежали на своих двуспальных кроватях в темноте и планировали продолжение, предварительно — и блистательно — назвав его «668, Сосед Зверя» (668, The Neighbour of the Beast). Тур был полон приключений, кото-

рые оба вспоминали с нежностью — особенно то, как им пришлось сохранять серьезные лица во время радиоинтервью в Нью-Йорке, потому что ведущий решил, будто книга есть фактическое описание жизни старой ведьмы, чьи пророчества оказались верными. В одном из отелей телевизор Геймана показывал только порнографию, а Пратчетта — единственный сериал «Мистер Эд» (Mr Ed) и приключения, которые Терри таинственным образом называл «время, когда мы встретили “женщину-паука”». В Сан-Франциско они решили пойти пешком на радиоинтервью и опоздали на сорок минут, в ярости на самих себя за то, что не сумели правильно определить расстояние. Гейман написал об этом в предисловии к «Опечаткам» — тогда он впервые увидел тлеющий гнев, скрытый под покровом веселого поведения его друга и являющийся источником топлива для его лучших работ.

Переговоры по поводу возможной экранизации «Благих знамений» начались еще до того, как роман появился на прилавках. Фильм просто напрашивался, ведь в книге было так много трогательных сцен и привлекательных персонажей, что Голливуд сразу обратил на нее внимание, чему способствовала The Washington Post, на-

писавшая, что «это будет дьявольски хороший фильм». Издатели послали книгу звезде «Монти Пайтона» и культовому режиссеру Терри Гиллиаму, рассчитывая, что он выдаст подходящую цитату для обложки, чтобы она оказалась рядом со словами Клайва Баркера и Джеймса Херберта[185].

Однако сопроводительная записка где-то затерялась, и Гиллиам решил, что книгу ему прислали для того, чтобы он подумал об экранизации. Он сразу начал обсуждать покупку прав, однако по неизвестным причинам переговоры зашли в тупик. Права достались Sovereign Pictures, компании, занимавшейся финансированием кино, которой сопутствовал успех с фильмами «Моя левая нога» (My Left Foot) и очередной оскароносной версией «Гамлета» с Мелом Гибсоном в главной роли. Sovereign, как и большая часть Голливуда, была ориентирована на деньги, а не творческие амбиции. Участие этой компании определило время начала путешествия «Благих знамений» — принимая во внимание историю — к производственному аду.

---

[185] Примечания: 185

С такой же просьбой они обратились и к легенде комиксов Роберту Крампу. Он прочитал книгу и прислал длинное письмо, в котором подробно объяснял, почему эту книгу не стоит печатать. (*Примеч. авт.*)

Складывалось впечатление, что Голливуд так и не «понял» «Благие знамения». Пратчетт и Гейман приехали в Лос-Анджелес, где одна встреча с продюсерами следовала за другой, большинство настаивали, чтобы авторы написали сценарий, и всякий раз пытались их убедить, что книгу следует сильно изменить. Гейман вспоминал одну встречу, где высокопоставленный чиновник студии — он не назвал его имени — говорил о том, что неуклюжего Ньютона Пульцифера должен сыграть кто-то вроде Тома Круза, в то время как Джулия Робертс прекрасно справится с ролью Анантама-как-ее-там. Сцена с японским китобойным судном также вызывала сомнения, поскольку Sovereign рассчитывала привлечь японских спонсоров.

«А что, если корабль китобоев будет голландским?» — спрашивали продюсеры.

Авторы сидели на этих встречах, потом возвращались в отель, чтобы продолжить работу над новой версией сценария, основанной на сделанных ими записях, но очень скоро убеждались, что их никто не читает. Сюжет менялся, появлялись новые повороты. По мере того, как Пратчетт и Гейман предавали разграблению предполагаемое продолжение, забирая из него

персонажей, которые могли расширить мир книги, у них получился сценарий, довольно существенно отличавшийся от исходного романа, они добавили в него новые сцены, в том числе ту, где ангелы в Британском музее используют свои нимбы как убийственные фрисби[186]. Однако владельцы Sovereign по-прежнему были недовольны и попросили другую версию, еще больше расходившуюся с оригинальным романом.

И тут Пратчетт сдался и вышел из проекта, уговаривая Геймана поступить так же. К сожалению, все было не так просто — контракт, который они подписали, означал, что Sovereign имеет право потребовать второй вариант сценария, более того, он может подать иск, если авторы его не напишут. Гейман остался, чтобы попробовать еще один раз, на этот раз место действия переместилось в Америку, к полному смятению Пратчетта, кроме того, из сценария исчезли ключевые персонажи четырех всадников. Новая версия также была отвергнута — и это вызвало возмущение — из-за того, что она слишком далеко отошла от

[186] Примечания: 186

Этот образ появился в 2007 году в рождественском эпизоде «Доктора Кто» «Путешествие проклятых» (Voyage of the Damned), написанном Расселом Т. Дэвисом. Почти наверняка совпадение. Между тем Гейман вернется к идее ангелов в Британском музее в своем телевизионном сериале и романе «Задверье» (Neverwhere). (*Примеч. авт.*)

оригинала.

К счастью, Sovereign обанкротилась до того, как они продолжили работу, и права вернулись к авторам, но Пратчетт и Гейман чувствовали, что их энтузиазм относительно создания фильма угас. Кроме того, работа над сценарием несколько подпортила их отношения. Гейман признался, что между ними возникли некоторые трения, но сказал, что они быстро исчезли, когда давал интервью The New York Times в 2015 году: «[Терри] обижался на меня два года, но потом мы снова стали друзьями, потому что так было проще. Нам обоим не хватало общения друг с другом».

Тем не менее идея фильма по «Благим знамениям» не умерла. В 1999 году, британские кинопродюсеры Питер и Марк Самуэльсоны обратились к Пратчетту и Гейману с предложением купить у них права. Пратчетт был настроен скептически, но Гейман чувствовал, что братья Самуэльсон понимают основные постулаты романа, в особенности когда они предложили Терри Гиллиаму стать режиссером и поучаствовать в написании сценария, на что он с удовольствием согласился. Дело наконец сдвинулось с мертвой точки. Сценарий Гиллиама, созданный с его обычным соавтором Тони Гризони, получился

не слишком удачным, хотя он предупредил, что концовка истории будет существенно отличаться от исходного романа, поскольку с каждым шагом «сценарий все больше отходит от книги». Вот что сказал Гиллиам киновеб-сайту Dreams: «Не исключено, что фанаты больше никогда не будут с нами разговаривать». Гиллиам и Самуэльсоны выбили пятьдесят миллионов долларов от Renaissance Pictures и предварительно договорились с такими суперзвездами, как Джонни Депп и Робин Уильямс, чтобы они сыграли Кроули и Азирафаэля, а также Кирстен Данст на роль Анафемы. Гейман и Пратчетт радовались, что могут практически не участвовать в проекте, позволив режиссеру взять все на себя. Оба являлись большими поклонниками Гиллиама, а про его классический фильм «Бандиты во времени» (Time Bandits) 1981 года Пратчетт говорил, что он один из его любимых. Однако он был реалистом и в интервью постоянно высказывал сомнения в том, что фильм будет доведен до конца. Пратчетт оказался прав. Чтобы обеспечить успех за океаном и остальную часть бюджета в шестьдесят миллионов, требовался американский дистрибьютор. К сожалению, в период паранойи и осторожности, который последовал после террористической

атаки 11 сентября в Нью-Йорке, никто в Голливуде не собирался вкладывать деньги в фильм о конце мира. У них набралось около восьмидесяти процентов бюджета, но не имелось ни одного американского оптовика, и они потеряли поддержку. Гейман все еще рассчитывал, что «Благие знамения» выйдут хотя бы в 2006 году, но его надеждам не суждено было сбыться. Со временем права снова вернулись к Пратчетту и Гейману, и пройдет еще несколько лет, прежде чем «старушка», так Терри стал называть проект, доберется до экранов, превратившись на сей раз в престижный телевизионный сериал.

Пратчетт не доживет до роскошной экранизации их «старушки», которая вышла на Amazon Prime в 2019 году, хотя они с Гейманом выступили в эпизодических ролях дорожных полицейских в 2014-м в радиоадаптации на BBC на Рождество. Сценарий сериала 2019 года (о нем речь пойдет позднее) был написан Гейманом, взявшим на себя роль продюсера их любимого детища, полностью контролируя проект. Сериал получил восторженный прием, а благодаря мощному маркетингу Amazon приобрел совершенно новую аудиторию, пожелавшую прочитать книгу, которая лежала в основе их нового любимого сериала. Весной

2019 года, почти через тридцать лет после первой публикации, «Благие знамения: Превосходныя и Недвусмысленныя Пророчества Агнессы Псих, Ведьмы» впервые вошли в список бестселлеров The New York Times.

Глава 13
Поговорим о Кевинах

В 1990 году издатели Терри Пратчетта рассказали о своих планах на ближайшую декаду в маркетинговом документе, озаглавленном: «В девяностые вместе с Corgi и Gollancz». В нем говорилось о месте Пратчетта в современной литературе как автора бестселлеров и по-прежнему культового писателя:

«Рост продаж произведений Терри Пратчетта за последние шесть лет стал одной из величайших историй успеха. Каждая новая книга Пратчетта в твердой и мягкой обложках становилась крупнейшим событием и активно продвигалась на читательский рынок… Популярность Терри постоянно растет. Его книги регулярно появляются в списках бестселлеров, а два последних романа из “Плоского мира” в мягких обложках стоят на первых местах у The Sunday Times».

Документ добавляет, что автограф-сессии Пратчетта начались в специализированных магазинах, а потом продолжались в крупных, и сообщает, что его предыдущие книги по-преж-

нему хорошо продаются. Оба издательства составили план передвинуть Терри из ниши фантастического рынка в общий раздел: «Наши усилия в течение следующих нескольких лет будут сосредоточены на продажах произведений Терри Пратчетта обычному читателю… иными словами, мы позиционируем Терри как юмористического писателя, чьим творчеством может насладиться любой читатель, а не как автора “смешной фантастики”». Маркетинговый план включал в себя короткие пресс-конференции в солидных газетах, в том числе The Times, The Sunday Times и The Daily Telegraph, до больших интервью, которые должны будут показать, что Пратчетт признан как «влиятельный и значительный писатель».

Терри вошел в новое десятилетие как автор бестселлеров, но не вызывало сомнений, что собравшаяся вокруг него команда предвидела новые успехи в будущем[187]. В 1990 году статус Пратчетта, вероятно, превосходил его культовость, и самые разные люди — из всех областей жизни — говорили, что являются его поклонниками. Его рекламная команда напряженно

---

[187] Примечания: 187
И да, еще больше денег. (*Примеч. авт.*)

работала над реализацией своего плана, и очень скоро биографические очерки о Пратчетте стали появляться в The Times, The Sunday Times и The Daily Telegraph, а также в обычных тематических журналах. Конечно, романы-бестселлеры — это очень хорошо, но карьера начинает двигаться вперед, когда твое имя появляется в воскресных приложениях. В начале года женщина по имени миссис Дугал написала в The Sunday Times с просьбой порекомендовать юмористические книги для ее детей, чтобы они могли почитать их во время каникул. Газету тут же наводнили письма фанатов Терри Пратчетта, называвших его романы, и две трети всех советов были рекламой «Угонщиков» или «Плоского мира».

Годы, последовавшие за увольнением и переходом на полный писательский рабочий день, стали неправдоподобно продуктивными, и многие новые проекты принесли плоды в начале новой декады. В 1990 году Gollancz и Doubleday вместе опубликовали *пять* новых романов — максимальное количество за один год. «Землекопы», продолжение «Угонщиков», сделали погоду в апреле, за ними последовали «Благие знамения» в мае, в августе вышла короткая новелла «Эрик», а в сентябре — заключительная книга трилогии

про номов — «Крылья». Ну и в завершение, во время рождественских праздников, на прилавках книжных магазинов появился роман из серии «Плоский мир» — «Движущиеся картинки». Кроме того, Терри написал три коротких рассказа для разных публикаций и антологий, а также сделал книжный обзор для The New Scientist. Выглядит перебором, но аппетит на новые книги Пратчетта продолжал расти.

То был период растущей славы Пратчетта: за десять лет он шаг за шагом добрался от чудаковатого автора фантастики до писателя, ставшего национальным достоянием. Каждая следующая книга продавалась лучше, чем предыдущая, что, в свою очередь, приводило к новым интервью и упоминаниям в прессе, дружеским советам почитать его книги и очеркам о его работе, что гарантировало успех следующей книги. Эта восходящая кривая будет — в большей или меньшей степени — подниматься вверх до конца его жизни. К тому же он все лучше держался на публике, научился обходить неудобные личные вопросы во время интервью и не говорить противоречивых вещей или слов, которые кто-то мог вырвать из контекста. Благодаря своему журналистскому прошлому Пратчетт знал, как выдать лучший

результат, и заранее заботился о том, чтобы каждое интервью было приправлено шутками и цитатами, и они часто получались такими же удобными для цитирования, как романы. Конечно, он готовился к ним заранее — щедро раздавая дополнительный «лимонный шербет». Оборотная сторона состояла в том, что любая кампания Пратчетта в прессе неизбежно включала взаимозаменяемые интервью, и требовался опытный репортер, чтобы пробить тщательно выстроенный фасад и выдать нечто новое.

По мере того как слава Пратчетта росла, в прессе стали появляться совершенно полярные мнения о его книгах. С одной стороны, поклонники Терри, те, что читают, забывая о черепахе и слонах, и даже между шутками, инстинктивно увидели, что Пратчетт строит сложный, вызывающий ассоциации мир человеческих ценностей и тепла. Часто статьи о его книгах в крупных газетах получались столь же восторженными, как в жанровых журналах, таких как SFX и Locus, и авторы обзоров сравнивали его с Диккенсом и Вудхаусом, а не с Толкином и Дугласом Адамсом.

С другой стороны, имелись сбитые с толку успехом Пратчетта критики, которые отмахивались от него как от любителя и литературного

поденщика, вызывающего восхищение ничего не понимающих троглодитов. Даже те критики, что наслаждались его романами, часто хвалили его, сопровождая свои отзывы насмешками в адрес типичной аудитории Пратчетта.

«Терри Пратчетт — автор, вызывающий раздражение, — начинает один из таких критиков в статье в The Times в 1994 году и продолжает: — Когда-то все понимали, что драконы, волшебники и мистические путешествия непередаваемо безвкусны, точно коллекция пластинок хеви-метал и пристрастие к пиву, разбавленному сидром. Но истории Пратчетта… удобно устроились на полках преподавателей и дьяконов». В передаче BBC 2 «Новейшие обзоры» (Late Review) поэт Том Полен сделал испепеляющий обзор «Интересных времен» 1994 года, назвав Пратчетта «полнейшим любителем, даже не разбивающим свои произведения на главы». Nottingham Evening Post отвергла его мир как «Среднюю Англию с заклинаниями». В насмешливом обзоре «Мрачного Жнеца» 1991 года The Guardian выдала сквозь стиснутые зубы: «Главная причина похвал — смех, — написал критик Джонатан Коу. — У Пратчетта нет топора, который следует точить, нет политических взглядов, чтобы их доказывать, нет намерения создать

последовательный мир, как у Толкина, а лишь детский восторг перед остротами, стреляющими со страницы… но очень скоро эффект исчезает».

Странная реакция на книгу, в которой есть вторая линия сюжета о массовом потреблении и буквальные портреты больших универмагов, высасывающих жизнь из городов. Пратчетт не просто точит топор, он пускает его в дело. Но особенно возмутительно то, что самые человечные истории Плоского мира называются всего лишь остротами. Еще большее негодование вызывает обзор The Sunday Times «Ведьм за границей», заканчивающийся так: «Пратчетт иногда шутит, что его “обвиняют в литературе”. Клянусь своей бессмертной душой, я не могу даже представить, о ком он говорит».

Каждая новая работа неизменно вызывала к жизни несколько таких обзоров. Когда роман «Только ты можешь спасти человечество» попал в шорт-лист «Приза детской литературы» The Guardian, один из членов жюри сказал: «Да, это хорошее чтение, но можно ли его назвать хорошей литературой?»

Публично Пратчетт воспринимал подобную критику спокойно и обычно отвечал, что зарабатывает много денег, и это более чем адекватная

компенсация за невозможность покорить снобистские литературные круги Лондона. Но они причиняли ему боль. Периодически его горечь выплескивалась в интервью, иногда репортерам удавалось получить от него ядовитые ответы, которые больше подходили для бара, чем шикарного литературного обеда, он говорил, что, если начнет относить свои книги к «магическому реализму», а не «фэнтези», жюри Букеровской премии сразу же постучится в его дверь. Пратчетт часто ссылался на «Детей полуночи» (Midnight's Children) Салмана Рушди и «Стрелу времени» (Time's Arrow) Мартина Эмиса в качестве примеров произведений фэнтези, названных официальной критикой «приемлемыми».

Хотя Пратчетт мог публично смеяться над плохими отзывами, он вступал в бой, если подозревал, что критика принижает жанр или его поклонников. Он называл фэнтези «орлитературой» (иными словами, оригинальной литературой), указывая на то, что самые старые истории были фэнтезийными, и часто цитировал

своего любимого Г.К. Честертона[188], эхом повторяя его веру в то, что фэнтези показывает нам реальность под другим углом зрения и позволяет увидеть мир заново. Пратчетт всегда гордился, что его имя связано с фэнтези и научной фантастикой. Даже ближе к концу карьеры, когда большая часть литературного сообщества его приняла, а книги стали современной классикой, он никогда не пропускал конвенты и встречи, где подписывал книги. Пратчетт считал себя в первую очередь жанровым писателем и сердился, если кто-то говорил, что он выше подобных вещей.

Пратчетт защищал своих поклонников с невероятной свирепостью. Освещение в печати книг Пратчетта как серьезной литературы даже в тех случаях, когда тон в целом был позитивным, редко обходилось без атак на среднего фаната Плоского мира. Его книги называли «фестивалями ботаников» (City Life), их читали «любители с коэффициентом умственного развития почитателей хеви-метал», «сексуально неадекватные»

[188] Примечания: 188

Его любимой была цитата: «Ребенок близко знал дракона с того самого момента, как у него появилось воображение. А волшебная сказка поведала ему, что святому Георгию предстоит дракона убить». (*Примеч. авт.*)

(NME), «странно выглядящие, одетые в куртки с капюшонами люди» (The Observer), и «те, кто считает сериал “Красный карлик” (Red Dwarf) смешным»[189] (Q). Всякий раз, когда на подписании книг появлялся фотограф, он как будто не замечал прилично одетого банковского служащего, заглянувшего в магазин во время перерыва на ланч, а спешил к поклонникам в остроконечных шляпах волшебников или в костюме Смерти.

Все сходились на том, что среднестатистический поклонник Пратчетта — неуклюжий и прыщавый четырнадцатилетний паренек, у которого нет друзей. По большей части это избыточное обобщение, хотя даже Пратчетт признавал, что иногда в их словах был резон. С середины восьмидесятых он получал огромное количество писем от фанатов, либо через издателей, либо отправленных прямо ему домой, в коттедж Гайес. Лин по умолчанию стала его пресс-секретарем, и со временем ей пришлось отказаться от собственной учительской карьеры, чтобы помогать мужу. Каждый день она просматривала письма, отбра-

[189] Примечания: 189

Странный комментарий… «Красный карлик» действительно смешной и в то время был одним из любимых сериалов Пратчетта. (*Примеч. авт.*)

сывала те, которые переходили границы[190], и приносила ему почту вместе с легким завтраком. Именно Лин обратила внимание на высокий процент мальчиков-подростков и молодых мужчин, писавших ее мужу, и однажды заметила, что троих звали Кевин. Она засунула письма в папку с одобренными письмами и подписала ее «Кевины». С тех пор Терри и Лин стали называть определенный тип поклонников “Кевины”.

Пратчетт знал Кевинов. Он и сам когда-то был одним из них: неуклюжий подросток, который с энтузиазмом пожимал руки авторам на конвентах, просил советов, жадно искал новые научно-фантастические книги и людей, чтобы их обсудить. Кевины проглатывали книги в день их выхода в свет и просили поделиться подробностями; они вставали в очередь на конвентах и автограф-сессиях, где Терри подписывал пухлые каталоги имевшихся в продаже книг. Именно они оставались читателями Пратчетта в течение всей его жизни и, как прыщавые вампиры, циркулировали в постоянно увеличивавшихся рядах новых Кевинов.

---

[190] Примечания: 190

Возможно, причина, по которой Пратчетт всегда проглядывал письма от фанатов, состояла в том, что они были сравнительно безобидными по сравнению с почтой других авторов. (*Примеч. авт.*)

Терри инстинктивно понимал кевинизм и знал, какого отношения он заслуживает. Письмо, полученное им от Толкина в девятнадцать лет, значило для него очень много, поэтому он старался отвечать своим фанатам так часто, как только мог. В начале 1990-х годов он говорил, что все, кроме самых странных посланий, которые благодаря усердию его жены крайне редко до него доходили, получили ответы, и часть каждого дня он посвящал письмам на больших страницах с изображением Великого А'Туина. Поклонники присылали ему собственные фотографии перед пивными с названием (The Shades)[191], в том числе самодельные значки членов гребных команд Незримого университета или представителей городской стражи Анк-Морпорка. Они сочиняли собственные версии застольных песен «На волшебном посохе нехилый набалдашник» (A Wizard's Staff Has a Knob on the End) или «Песни про ежика» (The Hedgehog Song) Нянюшки Ягг

[191] Примечания: 191

Которых, если они были похожи на заведения с таким же названием в Анк-Морпорке, следовало избегать. (*Примеч. авт.*)

из «Вещих сестричек»[192] и просили карты и продолжения, а сами предлагали идеи для кулинарных книг и игр. Пратчетт нередко получал просьбы подписать его собственную фотографию, но их Терри неизменно вежливо игнорировал и вместо этого присылал письмо, в котором говорил, что фотографии автора не несут в себе никакого смысла.

Терри также часто получал письма от библиотекарей, которые обычно превозносили его за то, что он поднял репутацию их профессии при помощи орангутанга из Незримого университета — в таких посланиях неизменно использовалось слово «У-ук!». Библиотекари, родители и учителя благодарили Терри за то, что он обратил их ненавидевших книги детей к чтению — и если прежде ребенок убегал, услышав шелест переворачиваемых страниц, то теперь проводил много времени возле полок с его произведениями и часто не останавливался до тех пор, пока не доходил до

[192] Примечания: 192

О маленьких усеянных шипами млекопитающих, которые борются с определенными табуированными видами близости. Терри посвятил роман «Ведьмы за границей» многочисленным поклонникам, написавшим собственные стихи для той песни, со словами: «А почему бы и нет?» (*Примеч. авт.*)

конца раздела с его книгами[193]. Иногда в подобных письмах содержалась пассивная агрессия, которая скорее забавляла Пратчетта, чем раздражала. Обычно там присутствовали такие строки: «Чудесно, что юным читателям нравятся ваши тексты. С их помощью мы заманиваем детей в библиотеки и приучаем к настоящей литературе»[194]. (Цитата из эссе 1993 года, написанного для журнала The Author, под названием «Кевины».)

Особенно часто в письмах встречался вопрос: «Где вы берете идеи?», его регулярно задавали подающие надежды писатели, они интересовались процессом написания книг, их структурой или правилами издания. Пратчетт изо всех сил старался давать честные и полезные советы в духе «сочтемся позже» — традиция, которую он усердно практиковал с тех пор, как в начале семидесятых был наставником Дженис Рейкрофт в Bucks Free Press. Ведь другие писатели находили время, чтобы с ним встретиться и дать советы, когда он был начинающим автором, и Терри считал, что должен поступать так же. Сначала

---

[193] Примечания: 193

Предположительно от этого больше всего выиграл фэнтезийный автор Флетчер Пратт. (*Примеч. авт.*)

[194] Примечания: 194

Перевод И. Нечаевой.

он делал критический разбор рассказов и отрывков текста, но отказывался править целый роман и позднее возвращал их непрочитанными — слишком много обвинений в плагиате возникало из-за разгневанных любителей, чьи работы Терри даже не видел. Тех, кто подавал надежды и проявлял особенную настойчивость, Пратчетт передавал Колину Смайту, архивы которого были полны работ неопубликованных подражателей Пратчетта.

Если не считать зарождающихся талантов, в почтовом ящике Пратчетта появлялись бесчисленные просьбы о помощи с проектами школ, письма приходили от искренних поклонников, задававших тщательно продуманные вопросы, другие под неохотным руководством учителей английского языка спрашивали что-то вроде: «Как вы стали писателем?» или искренне вопрошали: «У вас гибкий график?» Подобные послания обычно представляли собой список вопросов, из чего Пратчетт сделал вывод, что у учителей имелся соответствующий трафарет. Письма приходили так часто, что со временем он записал ответы на наиболее часто встречавшиеся вопросы, добавил туда кое-какую биографическую информацию, создав собственный нумерованный список, и,

сопроводив короткой запиской, отсылал в качестве ответа. Лист, известный, как «Ответы Терри Пратчетта», охватывал все темы, начиная от «Где вы берете идеи?» и «Как вы смогли напечатать свои книги?»[195] до «Продажи прав, обложек и все такое», о «фильмах», «всякой всячине» и «что это вообще такое — писательский бизнес?».

Писем от фанатов Пратчетта было так много, что ему постоянно приходилось сражаться с двухмесячной задолженностью, которая лишь увеличивалась с ростом популярности электронной почты. Естественно, Пратчетт очень рано стал пользоваться электронной почтой, его адрес tpratchett@unseen.demon.co.uk стал широко известен в беззаконные времена интернета и даже появился в книге 1994 года, называвшейся «Электронные адреса богатых и знаменитых» (E-Mail Addresses of the Rich and Famous). Разумеется, бороться с растущей корреспонденцией не стало легче, о чем Пратчетт говорил в биографии на обложках книг, называя свою работу «писанием книг в перерывах на ответы на письма».

---

[195] Примечания: 195

Здесь Пратчетт, как обычно, отвечает, что отправил рукопись издателю, вместо того чтобы изложить более точную версию «о развитии отношений с конкретным издателем после того, как он взял у него интервью для местной газеты, а завоевав доверие, дал почитать свою книгу». (*Примеч. авт.*)

Постепенно электронная почта начала вытеснять бумажные письма, и тот неоспоримый факт, что Пратчетт являлся фанатом компьютера, привлекал к нему внимание пионеров интернета. Новостная группа alt.fan.pratchett появилась в современном мире в 1991 году и была настолько новой, что до 1994 года «Справочник Плоского мира» (Discworld Companion) не мог объяснить, что такое дискуссионные форумы в режиме онлайн, поэтому для начала им пришлось познакомить фанатов с «Интернетом»[196]. Форум на alt.fan.pratchett (или AFP) стал краеугольным камнем онлайновой активности для любителей Плоского мира на многие годы, превратившись в яркое и сплоченное цифровое сообщество (а позднее разросшееся до виртуально непредставимых пределов), связывавших читателей Пратчетта по всему миру. Фанаты в мельчайших подробностях обсуждали книги, анализировали самые невразумительные ссылки и шутки (и часто объясняли их американцам). Постепенно форум превратился в веб-сайт — lspace.org, — он все еще активен в момент написания этой книги как

[196] Примечания: 196

Да, я знаю, интернет и Всемирная паутина разные вещи. Но нам придется потратить на обсуждение этого вопроса весь день, если мы отнесемся к нему серьезно. (*Примеч. авт.*)

хранилище фактов и анализа работ Пратчетта и толкования бесконечных шуток и клише AFP, которые доминировали в дискуссиях. Сам Терри присоединился к AFP в конце 1991 года — ведь он, в конечном счете, был одним из энтузиастов онлайна, любивших обсуждать собственную работу, — и часто принимал участие в дебатах и разрешал споры. С ним можно было связаться через сайт, что еще больше увеличивало объем переписки, хотя во многих письмах от него требовали ответа лишь на один вопрос: действительно ли он настоящий Терри Пратчетт. Вопрос «Правда ли, что Терри пишет здесь сообщения?» настолько превратился в клише сообщества AFP, что со временем «мемы» и шутки, отсылающие к этой фразе, начали встречаться чаще, чем сама фраза.

Многие тысячи читателей, получившие ответ в самом разном формате, были очень благодарны Терри, и это усиливало связь между автором и фанатами. Многие такие отношения длились десятилетиями. В первые годы Пратчетт поддерживал переписку с теми поклонниками, которые ему нравились, и всегда тепло их приветствовал во время подписания книг. Фанаты часто превращались в друзей, он приглашал их домой, а когда они звонили ему по телефону, нередко

спрашивал их мнение по разным вопросам, делился новой шуткой или проверял какие-то детали, полагая, что их знание улиц и истории Плоского мира может оказаться более глубоким, чем его собственное. Так, вовремя пришедшее письмо могло создать поклонника на всю жизнь. У одной женщины, участницы группы Пратчетта в Facebook после его смерти, спросили, какое влияние оказала на нее работа Пратчетта. Она сказала:

«Первой книгой Пратчетта, которую я прочитала, были “Люди ковра”. В школе нам предложили написать автору, и я не могла поверить, когда Терри мне ответил. Мне пришлось выступить на собрании и прочитать его письмо вслух… Только я одна из всей школы получила ответ от моего автора».

Двадцать лет спустя она продолжала читать книги Пратчетта.

Общение с поклонниками, цифровое, почтовое или физическое, являлось важной частью работы для Пратчетта, и он старался выполнять свои обязательства максимально хорошо. Каждая публикация новой книги сопровождалась двухнедельным автограф-туром по Великобритании (а позднее по Европе, Австралии и Соединенным

Штатам), во время которого он пытался подписать все, что выкладывали перед ним те, кто стоял в очереди. Он не мог отказать даже тем фанатам, которые приходили с целыми пачками книг. «Вы когда-нибудь слышали слова “печальный человек”?» — спросил он девушку, стоявшую во главе очереди в Кройдоне в 1996 году, когда она протянула ему целую сумку, и Терри подписал все. Не раз случалось, что он оставался в магазине на несколько часов после закрытия, чтобы поставить свой автограф на книги всех, кто пришел, периодически прикладывая лед к кисти, чтобы снять судорогу. Фанаты приносили ему испеченные дома пирожные, а после выхода «Ведьм за границей» кувшины с банановым дайкири. Он посещал конвенты в течение практически всей своей карьеры писателя и в более поздние годы был готов к тому, что как самый успешный писатель-фантаст Великобритании неизменно оказывался в центре внимания. Иногда Терри получал от суеты удовольствие, а порой старался ускользнуть, чтобы найти хороший пивной бар, которые имелись на британских конвентах научной фантастики, там он прятался в углу, болтал с каким-нибудь давно знакомым автором, вместо того чтобы пожимать руки поклонни-

кам. Пратчетт поддерживал искренние взаимно уважительные отношения с читателями, что является обычным делом для культовых писателей, но крайне редко встречается среди авторов бестселлеров. К этим обязанностям он относился очень серьезно.

Круг его читателей расширялся. В 1992 году представитель сети магазинов W.H. Smith заявил, что десять процентов всех любителей научной фантастики и фэнтези приходят в магазины за романами Пратчетта. К 1998 году каждая пятидесятая проданная книга, вне зависимости от жанра, принадлежала его перу. К концу десятилетия шесть с половиной процентов *всех* новых книг в твердых обложках, купленных в Великобритании, были написаны Пратчеттом. Ожидалось, что будет продано четыреста тысяч экземпляров каждой новой книги Пратчетта в мягкой обложке, и сорок тысяч — в твердой. А если учесть, что Gollancz и Transworld ежегодно выпускали по две книги в мягкой и по две в твердой обложке, получалось восемьсот восемьдесят тысяч экземпляров только в разделе новинок. The Times писала, что в 1996 году Пратчетт стал самым покупаемым автором Великобритании, и этот результат оставался неизменным в течение

следующего десятилетия[197]. Когда в 1998 году вышел роман «Хватай за горло!», The Bookseller дал такой совет издателям, не знавшим, каким сделать тираж следующего романа из Плоского мира: «Подумайте о разумном числе, а потом умножьте его на два». Автор, продающий почти миллион книг в год, должен иметь аудиторию, существенно превышающую фанатов научной фантастики и подростков, и Терри заметил, что ему стали писать самые разные люди. Часто приходили письма от матерей Кевинов, в которых они говорили, что позаимствовали у сына экземпляр «Цвета волшебства» или «Вещих сестричек» после того, как слышали оглушительный смех из спальни ребенка. По прикидкам Пратчетта, более половины его читателей были женщины, а среди них превалировали те, кого он называл «леди определенного возраста»[198]. Четырнадцатилетний школьник Кевин из 1989 года к 1999-му мог стать учителем или журналистом, и, хотя

---

[197] Примечания: 197

Но, странным образом, Пратчетт не стал тем, кто заработал больше всех. Ирвин Уэлш занял второе место среди самых продаваемых писателей в 1996 году, но получил на один миллион фунтов больше. Удачная экранизация творит чудеса с банковским счетом. (*Примеч. авт.*)

[198] Примечания: 198

Определенный возраст соответствовал возрасту самого Пратчетта. (*Примеч. авт.*)

взрослый мужчина уже наверняка продал свою форму из «Звездного пути» на eBay, он продолжал читать книги про Плоский мир. Запоминающиеся обложки Джоша Кирби можно было увидеть в руках пассажиров поездов и автобусов по всей стране. Конечно, обложка Кирби еще не гарантировала, что это книга Пратчетта — успех Плоского мира привел к буму комической фантастики, и Кирби обнаружил, что стал востребованным художником, с ним хотели работать такие авторы, как Том Холт и Роберт Рэнкин, а также ему предложили оформить несколько антологий. Если Кирби был занят, издатели находили художника, способного сделать работу в таком же стиле.

Формат, который в Corgi использовали для романов Плоского мира в мягких обложках с 1985 года, теперь широко копировали, а рынок был завален комическими фантастическими романами с красивыми разноцветными обложками, где имя автора плавало в коробке посреди всеобщего безумия. Колоссальная популярность Плоского мира произвела эффект домино на всю индустрию.

Удивительно, но это никак не повлияло на восприятие книг Терри. В насмешливом интервью 1992 года в Mail On Sunday говорилось, что для

многих имя автора до сих пор часто сопровождается вопросом: «Какой Терри?» В 1996 году у Пратчетта взял интервью для The Telegraph будущий премьер-министр Великобритании Борис Джонсон, чья реакция на огромные продажи Плоского мира лучше всего определялась словом «недоумение»: «Я все еще озадачен масштабом его успеха, — сказал в заключение Джонсон, а потом добавил: — Впрочем, если бы я понял формулу, я бы тут же ее использовал»[199]. Спустя два года и после миллионов проданных книг Джеймс Делингпоул из того же The Telegraph спросил о «клейме» на работах Пратчетта. Терри Пратчетт очень кратко ответил: «Какое клеймо?»

К середине девяностых Пратчетт стал очень богатым человеком, и большинство журналистов не могло не спрашивать его об этом. Те, кто посещал коттедж Гайес, часто бывали разочарованы совсем не роскошным домом знаменитого писателя, они изумлялись тому, что рабочим местом Терри стал перестроенный коридор, а его дочь посещает местную среднюю школу. Репортер из Mail On Sunday, который написал «Какой Терри?», с удивлением отметил, что Рианне не разрешили

[199] Примечания: 199

А годится ли такой подход для премьер-министра, решать читателю. (*Примеч. авт.*)

купить тропическую аквариумную рыбку за 4,5 фунта («4,5 фунта! За рыбку!» — сказал ее отец), а перед домом не стоял большой автомобиль с беззвучно работающим двигателем. Его снисходительные манеры привели к тому, что Лин больше не принимала репортеров в своем доме.

Пратчетт обрел финансовую независимость с того момента, как в середине восьмидесятых появился Transworld, а сделка на триста шесть тысяч футов за шесть книг с Gollancz в 1988 году сделала Терри состоятельным человеком. Когда стали поступать авторские гонорары от постоянных переизданий, прыжок от состоятельного до очень богатого человека произошел за несколько лет. Терри стал получать большие деньги в солидном возрасте, что оказало влияние на то, как он их воспринимал и тратил. Он был счастлив, что может расширить коттедж и теплицу, настаивал на том, чтобы ему позволили заплатить, когда ходил обедать с друзьями, и — пожалуй, его самая большая экстравагантность — летал только бизнес-классом, — но тут проводил окончательную границу. К примеру, он никогда не стремился летать первым классом, считая это чудовищной тратой денег. Пратчетт мог обыскать всю кухню в поисках потерянного билета на поезд, но не стал

бы покупать новый, во всяком случае, до того момента, пока Лин не указала бы ему, что время, потраченное на поиски, лучше было бы провести за клавиатурой, чтобы не терять деньги, которые он мог заработать. Терри рос в условиях очень скромного достатка и научился бережливости от родителей. Позднее, став журналистом и пресс-секретарем, он зарабатывал достаточно, чтобы вести достойный образ жизни, даже понемногу откладывал на счет жилищного кооператива, но не более того. Он сделал сознательный выбор — иметь только одного ребенка, Терри и Лин не могли содержать еще одного члена семьи, — и, несомненно, жалел, что богатство пришло к нему, когда он уже не мог изменить это решение. Пратчетт превратился в миллионера слишком поздно, и его склонность к экономии осталась с ним до конца жизни.

Пратчетт вспоминает два эпизода, которые заставили его осознать реальность собственного богатства. Первый случился в конце восьмидесятых, когда он зашел в одно из отделений W.H. Smith, пытаясь понять, какую из двух видеокассет хочет купить, — и вдруг сообразил, что может позволить себе обе. Второй эпизод был еще более знаменательным — он произошел в 1994 году,

когда Терри поскользнулся у входной двери, ударился головой и совершенно забыл, куда положил чек, который ему недавно прислал агент. Пратчетт позвонил Смайту и попросил, чтобы чек аннулировали и выписали заново, и ему ответили: никаких проблем, если не считать того, что он потеряет существенную сумму. Пратчетт посчитал, что это не имеет особого значения… пока ему не указали, что потерянный им чек был на полмиллиона фунтов[200].

Он стал миллионером к 1993 году, когда его семья распрощалась с любимым коттеджем Гайес, в котором они жили с 1970 года, Терри его улучшил и расширил, насколько это было возможно, учитывая возраст дома. В деревушке Брод-Чалк, рядом с Солсбери, в Уилтшире, Терри и Лин нашли особняк семнадцатого века и дали ему имя «Поместье Судного дня». На огромной территории стояла отдельная часовня, и Терри радостно превратил ее в свой кабинет и библиотеку (а после эпизода с репортером из Mail On Sunday это место стало единственным в доме, куда допускали журналистов), и теннисный корт, впрочем, им никто не пользовался, и позднее Терри устро-

[200] Примечания: 200

Важное замечание — это анекдот самого Пратчетта, и «полмиллиона» подозрительно большое число. (*Примеч. авт.*)

ил там оранжерею для экзотических растений. Дом стоил пятьсот тысяч фунтов, но Терри сумел сбить цену, расплатившись наличными. Он особенно гордился, что ничем не обязан банкам, несмотря на то, что бухгалтер всячески лоббировал различные варианты, благодаря которым он мог получать прибыль через проценты. Полное владение собственным домом, вероятно, стало одним из самых важных побочных продуктов богатства. Если забыть про несколько вкладов с высокими процентами, Пратчетт предпочитал просто наслаждаться своими деньгами, а не отправлять их на фондовый рынок или куда-то их вкладывать, он вообще считал, что финансистам нельзя доверять. В начале девяностых стало очевидно: его гонорары таковы, что, даже если однажды он не сможет писать, доходы будут постоянно увеличиваться. Рабочая этика Терри гарантировала ему финансовую безопасность на всю оставшуюся жизнь.

Хотя политические взгляды Пратчетта были скорее левыми (один знакомый описал его как «тихого анархиста»), и он верил в общество, помогающее самым бедным и не доверяющее власти, в особенности бюрократии, он отказывался приносить извинения или чувствовать вину из-за

своего богатства. Частично это было наследием его детства и воспитания — ты напряженно трудишься, чтобы заработать деньги, получаешь их честно и этим гордишься. Темой многих его произведений являются деньги как средство «ведения счета». Богатство давало ему свободу и стабильность — и некоторую роскошь — и позволяло делать то, что он любил больше всего: писать. Однако деньги были еще и вполне осязаемым маркером успеха, а успех — осязаемым маркером того, как сильно людям нравились его романы, что само по себе служило осязаемым маркером его таланта. Он превратился из юноши, жившего в коттедже без электричества, в автора бестселлеров, который стал хозяином пятисотлетнего особняка, стоявшего на его собственной земле, однако его отношение к деньгам не изменилось. «Я не богач, — сказал он в 2012 году в интервью The Scotsman, — я бедный человек с большим количеством денег».

Глава 14
Девяностые и мания Плоского мира

Успех и деньги никогда не являлись главной целью Пратчетта, они были лишь побочным продуктом основательной рабочей этики и высокой планки контроля качества. Пратчетт был до абсурдного продуктивен в то время и опубликовал 23 романа между 1990-м и 2000-м годами. К тому же Плоский мир не ограничивался книгами. Наступила эра «мании Плоского мира», за декаду вышли еще три видеоигры, два мультипликационных телевизионных сериала, аудиокниги (как сокращенные, так и полные), два музыкальных альбома, модели ручной работы сотен персонажей, два двухчасовых телефильма, футболки, ювелирные изделия, свечи, карты, сопроводительные книги, ролевые игры, и это только официальная продукция. Но кроме товаров, которые санкционировал сам Пратчетт, существовали еще фэнзины, веб-сайты, эмблемы, вышивки, шарфы и красивые костюмы. Плоский мир стал индустрией, ориентировавшейся на фа-

натов. Он родился в книгах, но распространился далеко за их пределы.

Все это не могло бы продолжаться долго, если бы Пратчетт не поддерживал высокое качество исходного продукта. И хотя за годы своей карьеры он работал над разными проектами, ему хватало здравого смысла, чтобы понимать: Плоский мир является скалой (или панцирем), на которой основан его успех. Начиная с вышедшей в 1986 году «Безумной звезды», Пратчетт публиковал в серии по меньшей мере одну новую книгу в год — за исключением одного раза — до конца своей жизни. Плоский мир вошел в новое десятилетие в отличной форме — Пратчетт определился с основными игроками и начал изображать свой мир более детально, хотя обе новые канонические книги получились сравнительно тонкими — чему не следовало удивляться, ведь автор одновременно писал «Благие знамения» и «Бромелиаду».

В августе 1990 года вышла самая короткая книга в серии. Как и «Кот без дураков», «Эрик» (или, если говорить о полном названии, — «ФаустЭрик»), был результатом совместной работы, где соавтором Пратчетта выступил его иллюстратор Джош Кирби. Вклад Кирби нельзя назвать солидным, но из-за того, что сюжет опирался на рисунки в его

стиле, книгу вполне можно считать настоящим плодом общих усилий, и на обложке стояли имена автора и художника. Идея пришла от Gollancz — в издательстве прекрасно понимали, что работы Кирби стали синонимами Плоского мира, и хотели выяснить, нельзя ли пойти дальше. Новелла из Плоского мира в сорок тысяч слов, с большим количеством цветных иллюстраций — такой была исходная задумка. Пратчетту она сразу понравилась, хотя Кирби пришлось уговаривать, ведь обычно он тратил несколько недель на одну обложку и только после этого переходил к следующему проекту, наслаждаясь разнообразием и свободой. Но для «Эрика» ему предстояло сделать шестнадцать двухстраничных разворотов — что должно было занять несколько месяцев сосредоточенной работы, и Кирби опасался, что это будет очень утомительно. В конце концов он согласился, и его рисунки стали едва ли не самой замечательной частью проекта. В «Эрике» мы видим, возможно, лучшие образцы работы Кирби за всю его более чем тридцатилетнюю карьеру — прежде всего, сцена с Цоркианским конем, где изображены персонажи, выходящие из гигантского деревянного коня через дыру,

изящно помещенную под хвостом[201]. Ну а самой лучшей иллюстрацией стал вид на весь Плоский мир — черепаха, слоны и все остальное — то, что Кирби так хотелось нарисовать еще со времен «Цвета волшебства».

Если отбросить иллюстрации, это наименее интересная из всех работ Пратчетта, хотя вполне соответствует духу серии. Он знал, что пришла пора путешествий по диску с его странными и фантастическими ландшафтами, нарисованными Кирби, а проще всего это можно было сделать, воскресив Ринсвинда, которого Пратчетт хотел навеки оставить в ловушке Подземельных Измерений, в буквальном и метафорическом смысле, следуя сюжету «Посоха и шляпы». Пратчетт считал его наследием первого периода своего творчества и не особо стремился снова привлекать Ринсвинда или его психотический Сундук. Однако опытный мастер знает, какой инструмент требуется, чтобы хорошо выполнить определенную работу, а история Ринсвинда являлась самым простым способом дать Кирби написать ландшафты, о которых он так мечтал.

Великая трагедия «Эрика» состояла в том, что

---

[201] Примечания: 201

Никто и никогда не утверждал, что «смешно» — значит «изысканно». (*Примеч. авт.*)

из самого распространенного издания вырезали почти все иллюстрации. 16 августа книги в твердой обложке и большого формата в мягкой, обе с превосходными разноцветными картинками, были выпущены издательством Gollancz, но пройдет два десятилетия, прежде чем «Эрик» снова увидит свет. В следующем году вышла книга стандартных размеров в мягкой обложке, с иллюстрациями Кирби только на обложке. Автор и художник остались недовольны таким решением, а Пратчетт считал, что это неправильная идея, ведь историю он писал, имея в виду, что в книге будет много картинок. Оказалось, что он ошибался, когда по более доступной цене разошелся тираж в сто тысяч экземпляров. Последующие издания — включая все варианты, опубликованные в Соединенных Штатах, — не имели даже обложек, нарисованных Кирби. И только в 2010 году появился «Эрик» с полным набором иллюстраций и именем Кирби, занявшим место рядом с именем Пратчетта.

В том же году вышли другие, более интересные романы про Плоский мир, однако, как и «Эрик», они оказались относительно легковесной добавкой к канону. «Движущиеся картинки» повторяли идеи «Пирамид», в основе лежала

одна концептуальная мысль — в данном случае старый Голливуд и рождение кинематографа — и выдано максимально возможное количество шуток и ссылок; «Ворнар Пикчерз», «Джинджер и Фреда» (Fred and Ginger), «Поющих под дождем» (Singin' In The Rain), «Касабланку» (Casablanca), «Унесенных ветром» (Gone With The Wind) и сотни других. Это веселая игра с фантастически смешными вставными номерами (лучший из них, вероятно, намек на Кинг-Конга: ближе к кульминации книги описывается гигантская женщина, взбирающаяся на высотное здание с сопротивляющейся обезьяной на руках), с тревожными нотками Лавкрафта, но все это не слишком запоминается, если судить по высоким стандартам Пратчетта.

«Движущиеся картинки» стали конечной точкой в романах Плоского мира определенного вида. Хотя Терри прекрасно умел развивать характеры, как мы видим на примерах Смерти, Ваймса и Матушки Ветровоск, периодически он пользовался шаблонами жанра, в особенности если речь шла о молодых главных героях. Когда один поклонник написал Пратчетту и спросил, вернется ли герой книги, Виктор Тугельбенд, в следующем романе, Пратчетт ответил, что он

видит в таких персонажах звезд кино, которые могут появляться в разных книгах, но играть разные роли. Для него Виктор, Теппик из «Пирамид», одноименный герой «Мора, ученика Смерти» и, возможно, на начальном этапе Моркоу в «Стража! Стража!» — роли, сыгранные одним актером. Аналогичная ситуация и с женскими, не слишком прописанными персонажами: Бетан из «Безумной звезды», Канина из «Посоха и шляпы», Птраси из «Пирамид», Джинджер из «Движущихся картинок» и Изабель из «Мора, ученика Смерти»; или скучные персонажи вроде Двацветка, Найджела и Эрика. Многие злодеи Плоского мира и второстепенные персонажи могут быть рассмотрены с таких же позиций. После «Движущихся картинок» Терри начнет расти, оставив позади поверхностный подход к своим героям.

В следующем году начался средний период — Плоский мир обрел устойчивость с весенней публикацией «Мрачного Жнеца» и «Ведьм за границей» осенью. Первый из двух упомянутых романов — один из самых значительных образцов прозы Пратчетта. В книге Смерть узнает, что пришло время ему самому умереть, после чего принимает решение провести оставшееся ему время среди людей. Он создает для себя новую

личность, становится крестьянином по имени Билл Двер и влюбляется в немолодую владелицу фермы, мисс Флитворт. Вторая линия сюжета, связанная с волшебником-зомби, открывает возможности для множества шуток над клише жанра ужасов и особенно энергично потешается над идеологией потребления, когда в истории появляется демонический торговый центр, однако при наличии интересной главной линии и симпатичных персонажей отступления воспринимаются как нечто лишнее. Позднее Пратчетт признался, что ему следовало бы использовать два этих сюжета для двух разных романов. В финальных сценах, где Смерть приглашает мисс Флитворт на танец в тот день, когда, как он знает, она должна умереть, вероятно, самый трогательный отрывок из всего, что до того момента написал Пратчетт[202].

«Ведьмы за границей» вновь встретились с

---

[202] Примечания: 202

В типографии с «Мрачным Жнецом» пришлось изрядно развлечься — две истории требовалось набрать разными шрифтами. В какой-то момент небожитель Азраил отвечает Смерти словом «ДА», которое появляется в тексте шрифтом, в четыреста раз превышающим стандартный и заполняющим всю страницу. Пратчетт позаботился о том, чтобы в издании в твердой обложке слово появилось на левой верхней части листа, и читатель удивился, перевернув страницу и увидев его. К сожалению, в куда более важной книге в мягкой обложке при изменении шрифта эффект был утрачен, и глазам читателя «ДА» представало на правой странице. (*Примеч. авт.*)

ведьмами Ланкра, на этот раз избавили их от шекспировского зазнайства и отправили, в соответствии с каламбуром в названии, в другие страны. Здесь Пратчетт снова опирается на фундамент, созданный в «Вещих сестричках», где значимость и форма историй, волшебных сказок и мифов раскрываются и тщательно изучаются. Его любовью к трем ведьмам пропитана каждая страница, и он извлекает очень много забавного, делая отсылки к Золушке, Спящей красавице, Красной Шапочке и другим героиням. И это больше, чем просто пародии на сказки братьев Гримм[203]. «Ведьмы за границей» рассказывают о навязанных нам ожиданиях и о том, как не стать тем, чем мы больше всего на свете боимся стать. Пратчетт постепенно увеличивает могущество Матушки Ветровоск от деревенской ведьмы в «Творцах заклинаний» до грозной властительницы магии, и ее персонаж подчиняется железной дисциплине, необходимой, чтобы сохранить власть. Книга заканчивается тем, что Матушка вступает в поединок с родной сестрой, и возникает весьма эмоциональный тупик — в то время как Пратчетт продолжает увеличивать глубину

[203] Примечания: 203

Или, если вам больше нравится, на Ханса Кристиана Андер-бура. (*Примеч. авт.*)

главных образов.

Оставшуюся часть декады Пратчетт провел, обращаясь к своим прежним персонажам (вместо того чтобы придумывать новых), в то время как мания Плоского мира помещала каждый его новый роман на первые строчки списка бестселлеров. Городская стража («К оружию! К оружию!», «Ноги из глины», «Патриот» и «Пятый элефант»), приключения ведьм («Дамы и господа», «Маскарад», «Carpe Jugulum. Хватай за горло!»). Веселая дорожная кутерьма благодаря Ринсвинду («Интересные времена» и «Последний континент») и проверка человечности, которая осуществляется через Смерть и его отчасти суровую и обладающую большим самомнением внучку, Сьюзан Сто Гелитскую («Роковая музыка», «Санта-Хрякус», «Вор времени»). Как правило, весна приносила более загруженный сюжет, а перед Рождеством выходило легкое приключение. Каждая последующая книга углубляла Плоский мир, делала его ближе к той реальности, которую мы знаем, и дальше от набросанного штрихами жанрового ландшафта первых книг.

В девяностые появился еще один внесерийный роман. Во многих отношениях «Мелкие боги» имели такое же значение, что и «Творцы закли-

наний», вышедшие пятью годами раньше. В нем присутствует то же сочетание ярости и гуманности, что характерно для «Угонщиков», хотя трудно представить два более далеких друг от друга сюжета. «Мелкие боги» — первая взрослая книга Пратчетта, идет не от шуток или персонажей, а от собственной темы — огромного разрыва между верой и религией. В эту историю Пратчетт вложил годы разочарований церковными догматами и кипящей ярости, вызванной ужасами, которые творят люди именем Бога.

Все начиналось как книга о черепахе. Пратчетт указывает на происхождение сюжета в статье 1989 года, написанной для 20/20 Magazine. Когда он после зимней спячки возвращал к жизни свою любимицу, у него возникла мысль, что черепаха может стать достойным персонажем для книги. Он провел исследование вопроса и наткнулся на древнегреческую легенду о драматурге, который умер после того, как орел сбросил ему на голову черепаху. Разум Терри заработал: «Зачем орлу — а они обычно швыряют черепаху на острые скалы, чтобы разбить панцирь, — бросать ее на голову человека, когда вокруг столько свободного места?» Он пришел к выводу, что «он сделал это специально». Но почему? «Потому что черепаха

контролировала орла и хотела, чтобы ее сбросили на мужчину». Однако у черепахи не могло быть причин для ненависти к драматургу, ведь так? А какого человека можно ненавидеть по-настоящему? Только священника. И по какой причине черепаха ненавидит священника? Потому что она на самом деле Бог, и никто не ненавидит священников больше, чем Бог[204]. Вот блестящий пример того, как Пратчетту удавалось создать сюжет из одной-единственной идеи, используя комбинацию воображения и десятилетий случайных исследований.

«Мелкие боги» требовали целой жизни подобного чтения. Хотя сам он никогда не был религиозным (см. главу 1), Терри старался сопровождать свой атеизм тщательными исследованиями. К четырнадцати годам он прочитал весь Ветхий Завет, который показался ему ужасающим и интригующим (в отличие от продолжения, по его мнению, полного лучших побуждений, разумных советов, но если отбросить странные лихорадочные Откровения, немного пресного). Одновременно Терри влюбился в работы Чарльза Дарвина и рационализм. В «Мелких богах» он

[204] Примечания: 204

Очевидно, процесс мышления завел Пратчетта туда, куда пришли бы очень немногие. (*Примеч. авт.*)

берет сморщенную сферу религиозной доктрины и умело ее прокалывает. Бог не создавал людей: его создали *люди.* Если веры достаточно, возможно появление Бога, и он обретает форму и цель благодаря почитателям, которые сами же его и выдумывают. Бог работает для *нас*, а не наоборот. В «Мелких богах» присутствует истинное уродство, какого не найти в предыдущих, да и в последующих романах Пратчетта, но это уродство человека, способное исказить добрую веру обычных людей и использовать ее для обретения силы. Блестящий ход в «Мелких богах» состоит в том, чтобы превратить смешную черепаху, на которой покоится фэнтезийный мир Терри, в символ рационализма против догматичной церкви, считавшей, что мир имеет форму сферы, и навязывает эту веру с ужасающим усердием средневекового католицизма.

Однако все сложнее, чем просто рационализм = добро, а религия = зло. Брута, центральный персонаж книги, обладает мягкой и искренней верой в Бога, уверен, что он хочет только лучшего для людей, и книгу можно читать как трактат о религии, какой она может или должна быть по сравнению с той, какой бывает на самом деле. В «Мелких богах» Пратчетт не испытывает гнева к богам

(пройдет более десяти лет, прежде чем он всерьез возьмется за этот вопрос в романе «Народ, или Когда-то мы были дельфинами», но об этом позже), в которых, как он утверждает, нуждается человек. Его возмущают те, кто распространяет зло в их честь. Гневный, созерцательный, ошеломляюще умный роман «Мелкие боги», оставаясь очень смешным, вероятно, первая действительно великая книга Пратчетта и точка в его каноне, после которой он заметно «выравнивается». Так начинается бег его великолепной формы.

По мере того как годы декады шли вперед, становилось очевидно, что магия Плоского мира начинает стекать с его страниц в наш мир. Терри всегда с осторожностью относился к санкционированию рекламы сопутствующих товаров; будучи поклонником научной фантастики, он хорошо понимал, какого уровня отбросы могут появиться в результате официального использования сопутствующих товаров, и у него не было ни малейшего желания увидеть Ринсвинда на коробке с хлопьями, а Нянюшку Ягг на трусах. К Пратчетту и Колину Смайту постоянно обращались с подобными маркетинговыми предложениями, но они неизменно отвечали отказом. Одно такое предложение сохранилось в архиве

Смайта: оно пришло от компании, пожелавшей выпускать в стиле Плоского мира чулки и нижнее белье, туфли и фигурки, шляпы и чай Матушки Ветровоск. Пратчетт ненавидел подобные идеи и всегда с огромной осторожностью предоставлял права на Плоский мир телевидению, кино и игровым адаптациям, потому что опасался утратить контроль над своими персонажами. Достаточно бросить взгляд на побочные результаты империи, выстроенной вокруг франшизы Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер», чтобы понять, насколько низкосортным и вездесущим становится продвижение на рынке литературной собственности. Пратчетт считал, что ему не нужны деньги, поэтому любые сувениры, связанные с Плоским миром, должны быть ценны сами по себе.

Среди первых компаний, все же *получивших* права, стала крошечная студия в Эссексе под названием Clarecraft, которая специализировалась на фэнтезийных статуэтках и прежде работала с наследниками Толкина. Изабель Пирсон, одна из соучредителей, оказалась среди первых фанатов Пратчетта, когда познакомилась с его работами благодаря Найджелу Хоторну, читавшему «Цвет волшебства» на Radio 4 в 1984 году. Изабель и ее муж, Бернард, связались с Колином

Смайтом в 1990 году и предложили ему создать коллекционные фигурки персонажей Плоского мира. Уже тогда, во время встречи с Пратчеттом и Смайтом в Лондоне, они показали им примерную модель Сундука, и этого оказалось достаточно, чтобы заинтересовать Пратчетта, и он по факсу отправил первые наброски Ринсвинда и Матушки Ветровоск, чтобы они могли начать работу с ними[205]. Бернард Пирсон отправился в бар в Ковент-Гардене, чтобы представить автору для одобрения восковой прототип Ринсвинда. Пратчетту не только сразу понравилась фигурка — ее создателям удалось уловить постоянно мрачное выражение лица персонажа, — они с Бернардом сразу почувствовали взаимную симпатию. Они были одного возраста, Бернард много лет служил деревенским полицейским, и его работа во многом отражала опыт самого Пратчетта в те же времена, когда он был журналистом. Они также разделяли любовь к природе и сельской жизни, не говоря уже о пинте настоящего эля и хорошо промаринованном луке. Clarecraft получил полное одобрение, и они приступили

[205] Примечания: 205

Опасаясь свободных интерпретаций Матушки, сделанной Джошем Кирби на обложке «Творцов заклинаний», Пратчетт даже написал: «никаких бородавок». (*Примеч. авт.*)

к производству фигурок, начиная с Ринсвинда, Сундука, Матушки и Смерти. Поклонники Плоского мира моментально их полюбили, и очень скоро они стали основной продукцией маленькой студии. Пирсоны и их команда, в том числе молодой художник по имени Ли Пэммент, создали модели многих персонажей Плоского мира, но в 1996 году Пэммент трагически погиб во время железнодорожной катастрофы. Они выпустили сотни фигурок, каждую из которых одобрял Пратчетт, неизменно предпочитавший контролировать свои творения. За годы Пирсоны создали почти всех персонажей его книг, начиная от таких важных, как Ваймс, Нянюшка Ягг и Смерть, до второстепенных, в том числе Херна Преследуемого, бога маленьких меховых зверюшек, очень кратко упомянутого в «Вещих сестричках» и «Дамах и господах», и даже слугу Смерти, Альберта из «Санта-Хрякуса», одетого как пикси. Пратчетту нравилось подбрасывать Пирсонам все новые и новые вызовы, такие как оловянный медальон, изображавший Хобба из Фарроуса, приносивший удачу тем, кто выращивал капусту, или аноранк, серебряное ожерелье в форме анорака, которое родилось, когда один из участников alt.fan.pratchett случайно перепутал

слова «анорак» и «анк». Такие безделушки едва ли могли помочь Пирсонам набить кошельки, но являлись символом всего того положительного, что принесло сотрудничество с Пратчеттом; им удалось уловить дух Плоского мира, но не эксплуатировать его.

Пирсоны первыми из горстки поклонников Плоского мира, таких как писатель Дэвид Лэнгфорд[206], привлеченных в индустрию, построенную вокруг серии, стали надежными друзьями и партнерами, постепенно создавая «мозговой трест» Плоского мира и помогая управлять отдельными ответвлениями франшизы. После смерти Пратчетта они стали называться членами «Ордена рабочей пчелы», и им предстояло защищать его наследие. Бернард, близкий друг Терри и известная фигура в фэндоме, занял особое положение в жизни Плоского мира. Пратчетт обессмертил его в невероятном образе сержанта Джекрама в романе 2003 года «Пехотная баллада». Следующий рекрут команды Плоского мира появился примерно в то же время, что и Пирсоны.

---

[206] Примечания: 206

Энциклопедическую память Лэнгфорда использовали для того, чтобы шутки не повторялись. Однажды одну такую шутку все-таки пропустили — в случае с гэгом в «Санта-Хрякусе», где мужчина ехал за спиной женщины и держался… ну, не за те места: нечто похожее уже произошло в «Творцах заклинаний». (*Примеч. авт.*)

Государственный служащий из Оксфордшира и энтузиаст любительских спектаклей попросил Стивена Бриггса обратиться к Пратчетту и Смайту относительно адаптации «Вещих сестричек» для сцены. В том же 1990 году компания Бриггса Studio Theatre Club стала первой в мире, поставившей пьесу по мотивам Плоского мира. Пратчетт присутствовал на премьере, которая шла четыре вечера подряд в Unicorn Theatre в Абингтоне, и обнаружил, что начинает смеяться еще до того, как звучит шутка, — да так, что он опасался отвлечь актеров. Пратчетту очень понравился спектакль, хотя он посчитал, что адаптация Бриггса слишком раболепно следует за оригиналом, и беспокоился, что для обычных зрителей пьеса покажется слишком трудной для восприятия. К счастью, к этому времени существовало столько фанатов Плоского мира, что его тревога об обычных людях едва ли имела смысл, и все четыре вечера подряд в зале не было ни одного свободного места. Пратчетт встретился с актерами за кулисами и принес шампанское и фигурки трех ведьм Clarecraft. Тем вечером он познакомился с Бриггсом и удивился, обнаружив, что писатель, игравший роль герцога Флема, оказался точной копией другого персонажа из

Плоского мира, макиавеллиевского лорда Витинари. Пратчетт и Бриггс сразу подружились, и Терри дал согласие на постановку в следующем году «Мора, ученика Смерти». В дальнейшем Стивен Бриггс адаптировал для сцены двадцать три книги Пратчетта, часто получая рукописи заранее, чтобы иметь возможность ставить пьесы по новым романам Плоского мира в том же месяце, когда книга попадала на полки магазинов.

После первого спектакля пьесы, написанные по книгам Пратчетта Бриггсом и другими драматургами, ставили в двадцати двух странах на нескольких языках[207], в самых разных местах, от Национального театра, где шла высокобюджетная постановка «Народа», до бесчисленных школьных спектаклей — «Стража! Стража!», «Мор, ученик Смерти» и другие. Профессиональным коллективам приходилось брать множество барьеров, которые ставил перед ними Колин Смайт, но Пратчетт с радостью разрешал практически любой любительской группе играть пьесы по своим романам, если они получали его

[207] Примечания: 207

Терри и Лин однажды отправились в Прагу и мужественно отсидели на премьере «Маскарада», полностью на чешском языке — ни один из них его не знал. Однако удовольствие они все-таки получили. (*Примеч. авт.*)

одобрение и вносили небольшой вклад в любимую им благотворительную организацию «Фонд спасения орангутангов». В результате пьесы по романам Плоского мира шли на семи континентах, в том числе версия «Вещих сестричек», которую поставил персонал научной австралийской базы в Антарктике в декабре 2004 года в честь зимнего солнцестояния. Пратчетт старался посмотреть большую часть спектаклей, в том числе и малобюджетные, но даже он не сумел отправиться на Южный полюс.

Стивен Бриггс стал одним из постоянных соавторов Пратчетта, даже автором нескольких сценариев по мотивам Плоского мира. Он добивался точности в своих пьесах, тщательно изучая романы Пратчетта, и вскоре стал экспертом по франшизе. Терри ему звонил, как и Дэвиду Лэнгфорду, а также суперфанату Пэту Харкину, когда ему требовалось узнать, какие улицы пересекаются в Анк-Морпорке и какие пивные попадутся тебе на пути, если ты отправишься на прогулку по одной из них. Именно Бриггс предложил нанести город на карту. Пратчетт был всегда против карт в Плоском мире, он считал, что определенность может ограничить творческое начало. Не следовало забывать, что Плоскому

миру требовалось пространство, чтобы принять все, что автор пожелает пародировать или на что сослаться. А еще он чувствовал, что появление карты Плоского мира приведет к тому, что он попадет в те же ловушки, в которые попадают авторы плохого фэнтези, породившего его серию. Там приводились стандартные карты с «извилистыми реками» и «остроконечными горами», как во «Властелине колец»[208]. И все же в городе Анк-Морпорк все было иначе.

Идея принесла практическую пользу — в этот момент Пратчетт находился в середине работы над романом «К оружию! К оружию!», продолжением «Стражи! Стражи!», действие там происходило на территории города, и ему стало очевидно, что он должен сохранять единообразие в своих книгах — хотя бы для того, чтобы не дать самым занудным фанатам без конца указывать на его ошибки. Бриггс прислал Пратчетту по факсу грубую версию карты, тот остался доволен и попросил его заняться ею вплотную. В результате Бриггсу потребовалось несколько месяцев скрупулезной работы, чтобы реализовать этот план (его жена уверяла, что в конце она могла разгу-

[208] Примечания: 208

Однако следует отметить, что Пратчетту нравились карты в шедевре Толкина. (*Примеч. авт.*)

ливать по улицам Анк-Морпорка с завязанными глазами) с небольшими изменениями, которые вносил Пратчетт, что часто означало — поскольку Бриггс работал грифелем, бумагой и клеящим карандашом, — что ему приходилось начинать все сначала. Сюда относится и принятое в последний момент решение существенно передвинуть улицу Короткую, главную магистраль города, из-за чего ужасно расстроенный Бриггс, скрипя зубами, согласился и вернулся к своему письменному столу, что-то мрачно бормоча себе под нос.

«Улицы Анк-Морпорка» (The Streets of Ankh-Morpork) с впечатляюще детальной картой Бриггса, великолепно нарисованной художником Стивеном Плейером, опубликованный Corgi к Рождеству 1993 года[209], стал самым тщательно проработанным ответвлением Плоского мира, которое содержало короткий пояснительный текст, написанный Бриггсом и Пратчеттом, и, главное, могло похвастать картой в квадратный метр, сложенной, как в сборниках Национального картографического общества. Красивая, подробная карта, полная скрытых деталей, стала первым внешним источником непосредствен-

[209] Примечания: 209

Автор хорошо помнит, как получил его в чулке в подарок на то самое Рождество и весь день провел, изучая детали. (*Примеч. авт.*)

ного влияния на Плоский мир. Существенная часть плана принадлежала Бриггсу, как и многие названия улиц, а Пратчетт использовал карту во всех следующих книгах, в которых действие проходило в Анк-Морпорке. «Улицы Анк-Морпорка» имели огромный успех и заняли четвертое место в списке бестселлеров документальной литературы, что для карты вымышленного города уже само по себе огромное достижение, кроме того, книга получила приз за художественное оформление — «Премию Британской ассоциации научной фантастики»[210]. Проект оказался настолько успешным, что следующий шаг уже не вызывал сомнений.

И хотя ее создатель вначале твердил, что это невозможно, «Карта Плоского мира» (The Discworld Mappe) была опубликована в 1995 году, всю подготовительную работу сделал Бриггс под руководством Пратчетта, а Стивен Плейер вновь превратил подробный черновик в красиво нарисованную карту фэнтезийного мира. Еще две карты, «Путеводитель по Ланкру» (A Tourist Guide to Lancre) и «Обитель Смерти» (Death's Domain),

[210] Примечания: 210

Вероятно, из-за того, что появление карты фантастического города в списке бестселлеров документальной литературы заслуживает отдельного приза. (*Примеч. авт.*)

вышли в 1998-м и 1999-м годах, однако они продавались не так хорошо, как первые две, при этом вторая была издана тиражом вдвое меньше, чем первая. Впрочем, последние три книги содержали не карты, а развернутые на две страницы виды с высоты птичьего полета с другими картинками, нарисованными Полом Кидби, ставшим еще одним членом семьи Плоского мира.

Пол Кидби, художник-оформитель из Лондона, познакомился с Плоским миром благодаря сестре — и быстро стал ярым поклонником серии, к тому же был уверен, что его стиль идеально подходит к манере письма Пратчетта. В то время он работал коммерческим иллюстратором медиакомпании Future Publishing для журналов вроде SFX. Знакомый репортер показал Пратчетту несколько работ Кидби, когда брал у него интервью, кроме того, рисунки также получили Колин Смайт и другие издатели Пратчетта. Но ни один из подходов не увенчался успехом, и Кидби объяснил это тем, что он посылал обычные рисунки в жанре фэнтези, не учитывая специфики Плоского мира. К тому же у Пратчетта уже сложились рабочие отношения с Джошем Кирби, чьи работы и стиль стали синонимами серии. Тем не менее Кидби верил в свои идеи и решил

еще раз показать работы Пратчетту. Он и его тогдашняя жена Сандра посетили автограф-сессию, проходившую в W.H. Smith в Бате, в 1993 году, где отдали автору конверт с несколькими новыми рисунками из Плоского мира. Через несколько недель Кидби удивил звонок Пратчетта, который пришел в восторг от рисунков и сказал, что именно такими он представлял своих персонажей. Он пригласил двадцатидевятилетнего художника к себе домой, чтобы обсудить будущие проекты. Как с Пирсоном и Бриггсом, это стало началом долгого и плодотворного сотрудничества между художником и автором. Работы Джоша Кирби соответствовали нереальному и хаотичному духу раннего Плоского мира, а Кидби представлял персонажей более приземленными, и его иллюстрации лучше соответствовали взрослеющему тону книг. Вскоре Кидби стал «первым художником по выбору» Пратчетта для Плоского мира, и, хотя Кирби продолжали привлекать для создания новых обложек, Кидби и Пратчетт стали близкими друзьями.

Последним членом команды Плоского мира стал молодой фанат с тихим голосом по имени Роб Уилкинс. Он появился на орбите Пратчетта в 1993 году одновременно с Кидби, и, хотя ему не

так быстро удалось привлечь внимание Терри, как нечестивой троице Пирсону, Бриггсу и Кидби, в конечном счете его участие оказалось самым значительным. Пратчетт познакомился с Уилкинсом, когда подписывал книги в оксфордском отделении W.H. Smith, и они немного поговорили о хобби, связанных с электроникой, и о том, что оба активно пользовались ZX Spectrum. С тех пор они начали понемногу общаться, как Пратчетт часто поступал со своими поклонниками, которые ему нравились, а во время первого конвента, посвященного Плоскому миру, в 1996 году, дал молодому человеку прозвище «Капитан Конденсатор» из-за его любви собирать компьютеры из частей. В 1998 году Уилкинса приняли на работу в Colin Smythe Ltd в качестве технического директора, что позволило заметно увеличить присутствие компании в интернете, а также помогло Пратчетту справиться с постоянно увеличивавшейся нагрузкой. К Рождеству 2000 года Уилкинс стал личным помощником Пратчетта на полную ставку и оставался рядом до конца жизни автора, а позднее сказал, что Терри был его лучшим другом и он работал *на* Пратчетта только в первый день — а потом они трудились *вместе.* После смерти Пратчетта именно Уилкинс стал

лицом Плоского мира, а Нил Гейман во время работы над телевизионным сериалом «Благие знамения» заявил, что он «представитель Терри на Земле».

Фигурки и карты положили начало росту империи сопутствующих товаров Плоского мира, но Пратчетт тщательно их контролировал. Мания Плоского мира набирала силу, Бернард Пирсон, Стивен Бриггс и Пол Кидби — с непосредственным участием Терри — создали целую индустрию надомного производства, которая будет сопровождать франшизу и ее поклонников. Бриггс создал футболки, закладки и плакаты, как «бизнес в свободной комнате», не говоря уже о картографии несуществующего мира и написании пьес. Пирсоны производили сотни фигурок и безделушек вместе с командой Clarecraft, а позднее и в других компаниях, в то время как Пол и Сандра Кидби продавали рисунки через свой веб-сайт PJSMPrints.co.uk.

Бриггс также участвовал в создании энциклопедии «Новый путеводитель по Плоскому миру» (The Discworld Companion), в которой описывались все персонажи, здания, страны, религии и важные ориентиры, о которых шла речь в книгах. Пратчетт что-то добавлял или переписывал

каждую из статей, а также вносил туда детали из своих заметок, в том числе идеи сюжетов, которые он вынашивал годами, но не всегда находил им применение. «Путеводитель» вышел в 1994 году, его трижды исправляли, и последнее издание увидело свет в 2012 году. Терри говорил, что это очень удобная штука, и обращался к «Путеводителю», когда ему требовалось уточнить имена пятнадцати детей Нянюшки Ягг или название столицы Клатча.

Между тем в 1995 году на прилавках появился чрезвычайно сложный вопросник «Вызов Незримого университета» (Unseen University Challenge), написанный невероятно умным Дэвидом Лэнгфордом по заказу Gollancz, а с некоторым опозданием, в 2002 году, последовало продолжение (The Wyrdest Link). Роскошная книга с иллюстрациями «Плоский мир Джоша Кирби» вышла в 1993 году, в ней были собраны обложки и рисунки, а более скромное «Портфолио Пратчетта» (The Josh Kirby Discworld Portfolio) с собранием работ Кидби — в 1996 году. Тогда же Corgi начал печатать сценарии Бриггса в мягких обложках, начав с «Вещих сестричек» и «Мора, ученика Смерти». К этому моменту машина Плоского мира стала такой огромной, что даже сценарии получили хорошие

отзывы в прессе и очень неплохо продавались.

В 1997-м с «Дневника Незримого университета» (Discworld's Unseen University Diary) взяла начало традиция издавать ежегодные дневники или альманахи Плоского мира; годовой план, дополненный новыми работами Бриггса (а позднее Бернарда Пирсона и его команды) — под управлением и при поддержке Пратчетта — с иллюстрациями Пола Кидби. Дневники каждый год обеспечивали фанатов бонусными материалами про Плоский мир, и, хотя не все они были написаны Пратчеттом, он утверждал каждый дневник, часто добавляя около десяти тысяч слов, а также корректируя работу Бриггса. Его редактор, Джо Флетчер, вспоминает, что Пратчетт неизменно превосходил все ожидания.

В 1993 году Corgi начал программу выпуска сокращенных аудиокниг (тогда их называли «книги-на-пленке»), которые по просьбе Пратчетта начитывал комедийный актер Тони Робинсон, оказавшийся прекрасным выбором. Его исполнение злополучного Болдрика в ситуационной комедии «Черная гадюка» (Blackadder), персонажа, вдохновившего Пратчетта на создание капрала Шноббса в «Страже! Страже!», сделало его имя нарицательным, а в детских передачах

«Кровь и мед» (Blood and Honey) и «Девица Марион и честная компания» (Maid Marion and her Merry Men) звучал такой же бунтарский тон, как и в книгах Пратчетта. Кроме того, в этой работе для него было кое-что личное, он и его дочь Лаура читали «Цвет волшебства» в особенно трудный период его жизни. Corgi начал с трилогии «Бромелиады» и первых трех романов «Плоского мира», и слушатели прекрасно их приняли. Робинсон продолжал работу, записал все книги Пратчетта, кроме трех, и они с Терри стали друзьями, хотя периодическое присутствие автора на студии во время записи — он часто хмурился из-за сокращений, иногда доходивших до двух третей, — порой огорчало актера.

А те, кто хотел иметь полный вариант «Плоского мира» — с примечаниями и всем остальным, — покупал записи Isis Audio Books, которые выиграли контракт на производство первых восьми полных романов «Плоского мира». Эти аудиокниги начали выходить в 1995 году. Их читал актер Найджел Плейнер, снимавшийся в «Подрастающем поколении» (The Young Ones) и «Комик стрип» (Comic Strip). К полной записи требовалось подходить чрезвычайно серьезно, и, как вспоминает Плейнер, у них «уходило два с

половиной дня напряженной работы на то, чтобы записать одну книгу. Я очень гордился, что читаю полную версию, — говорил Плейнер. — Они не меняли ни одного слова, что иногда становилось проблемой, потому что в ранних книгах редактура была не на высоте и в тексте часто попадались ошибки и типографские опечатки, так что иногда приходилось делать небольшую редактуру, чтобы смысл не утрачивался». Плейнер запишет все полные версии книг «Плоского мира» до «Carpe Jugulum. Хватай за горло!»[211] в 1998 году. Напряженный график работы не позволил ему записать «Пятого элефанта» в следующем году, и по рекомендации Пратчетта Isis Audio Books пригласил Стивена Бриггса, который, как первый выбор автора, записывал все романы Пратчетта в течение следующих пятнадцати лет, вплоть до выхода в 2015 году «Пастушьей короны». Пратчетт всегда заботился о своих друзьях. Фанаты Плоского мира проводили годы в спорах о том, кто лучше передавал дух персонажей Пратчетта:

---

[211] Примечания: 211

За исключением «Творцов заклинаний» и «Вещих сестричек», которых отдали Селии Имри, потому что продюсеры хотели женский голос. Если верить Плейнеру, Имри эта работа не понравилась, и, когда пришло время записывать «Ведьмы за границей», Плейнер вернулся к микрофону. Его Нянюшка Ягг была по-настоящему блистательной. (*Примеч. авт.*)

Робинсон, Плейнер или Бриггс.

К середине девяностых годов, когда увлечение книгами Пратчетта достигло небывалых высот, Плоский мир уже использовал все средства массовой информации. За декаду появились три новые видеоигры, начиная с «Плоского мира» (Discworld) в 1995 году[212], результата напряженной работы разработчиков Perfect 10, занявшей несколько лет. Игра имела бюджет в 400 тысяч фунтов, Пратчетт принял участие и написал большую часть сценария. Ринсвинда озвучил Эрик Айдл — он так много импровизировал, что иногда казалось, будто ты попал в Плоский мир «Монти Пайтона» — а также бывшего Доктора Кто, Джона Пертви, и, конечно же, друзей Пратчетта Найджела Плейнера, Тони Робинсона и Стивена Бриггса. Сам большой любитель видеоигр, Пратчетт твердо решил сделать все как следует, а потому участвовал на всех стадиях разработок. Он был так поглощен работой над игрой, что фанаты, застревавшие на каких-то локациях, спрашивали у него совета, и обычно он мог отве-

[212] Примечания: 212

Обложку рисовал Джош Кирби, из чего следовало, что она соответствовала видеоряду игры, и в результате он единственный раз нарисовал Ринсвинда таким, каким он описан в книге: моложе, с короткой спутанной бородой и темными волосами, а не седовласым волшебником, похожим на Гэндальфа, как на книжных обложках. (*Примеч. авт.*)

тить, как решить ту или иную головоломку.

Пратчетта настолько удовлетворил результат с «Плоским миром», что он уже не принимал такого активного участия в производстве продолжения «Плоский мир II: Пропал, предположительно?..» (Discworld II: Missing, Presumed …!?) и в 1999 году «Плоский мир: Нуар» (Discworld Noir), в котором сюжет игры менялся от платформенных головоломок к более мрачному тону со сложными тайнами и новыми персонажами из книг Пратчетта. Но, как и всегда, он занимался созданием игры на стадии написания сценария.

Возможно, самым странным побочным продуктом увлечения Плоским миром стал альбом звуковых дорожек «Из Плоского мира» (From The Discworld) 1994 года, записанный и спродюсированный ветераном прогрессив-рока Дэйвом Гринслейдом. В его основе до определенной степени лежали предложения Пратчетта, и в какой-то момент семнадцатилетняя Рианна Пратчетт заняла место у клавиатуры. В записи имелось несколько любопытных моментов, в том числе драматическое начало, когда Тони Робинсон читал первый абзац «Безумной звезды», но в остальном она была неинтересной, а временами и вовсе скучной. Пластические звуки

синтезаторов и убого запрограммированные барабаны плохо сочетались, а веселая версия песни «На волшебном посохе нехилый набалдашник» просто ужасна. Увы, критики того времени с этим согласились. Scotland on Sunday назвал альбом «кошмарным» и описал его, как «регрессивный прогрессив-рок, от которого несет семидесятыми и напыщенной театральностью». Стюарт Макоуни, писавший для музыкального журнала Q, назвал его «плоско-унылым… сказав, что, быть может, это самый губительный и неостроумный промах во вкусе в музыкальных записях со времен [Бенни Хилла] «Эрни» («Самый быстрый молочник Запада» (The Fastest Milkman In the West)»).

Пьесы, альбомы, видеоигры и фигурки — все это замечательно, но Святым Граалем сопутствующих товаров всегда будет адаптация для кино, и отсутствие этого формата во время мании Плоского мира девяностых сразу бросалось в глаза. «Мор, ученик Смерти» несколько раз был очень к этому близок — в начале восьмидесятых, — и путешествие книги в Голливуд и обратно могло бы стать завораживающим документальным фильмом, если бы удалось заставить ключевых игроков заговорить. Пратчетт всегда считал, что

четвертый роман из «Плоского мира», с его прямолинейным, стоящим особняком сюжетом, лучше всего подходит для экранизации. Голливуд, однако, так этого и не понял, а один из чиновников и вовсе предлагал полностью исключить Смерть из сценария[213].

Пратчетт и Смайт в течение нескольких лет получали удовольствие от роскошных обедов, которые устраивали продюсеры, пытавшиеся подобраться к книгам Плоского мира, но всякий раз их ждал отказ. Для Пратчетта деньги не имели значения — ему и без того их хватало, — он хотел, чтобы все было сделано как следует. В июле 1996 года стало известно о договоре с New Line Cinema на съемку фильма по роману «Мор, ученик Смерти» с бюджетом 25 миллионов фунтов — пять лет спустя эта же компания сняла трилогию «Властелин колец» с Питером Джексоном в качестве режиссера и в партнерстве с британской компанией Scala Productions. За сценарий «Мора» отвечали Пратчетт и британский сценарист и режиссер Пол Бэмборо. Практически в каждом

[213] Примечания: 213

Менее чем через два года Мрачный Жнец сыграл не последнюю роль в кинохите «Новые приключения Билла и Теда», что позволило Пратчетту сделать ряд уничижительных замечаний в адрес Голливуда. (*Примеч. авт.*)

интервью в течение нескольких лет у Пратчетта спрашивали о фильме, и он обычно отвечал, что «процесс идет» и он «старается не совать туда свой нос». План состоял в том, чтобы Смерть в какие-то моменты был представлен компьютерной графикой, а в другие его играл обычный актер. Назывался целый ряд имен для этой роли, хотя Пратчетт держал свое мнение при себе, если не считать предложения пригласить Дэнни Де Вито, что (возможно) следует считать шуткой. К несчастью, у Голливуда имелось собственное Чистилище, и «Мор» был обречен там оставаться, в то время как различные продюсеры, режиссеры и сценаристы приходили и уходили, а права, как в карусели, передавались от одного топ-менеджера к другому.

Самая поразительная неудача случилась в 2010 году, когда Рон Клементс и Джон Маскер из Disney, режиссеры классических мультипликационных фильмов «Русалочка», «Аладдин» и «Геркулес», выказали желание снять мультипликационный фильм по «Мору, ученику Смерти». Подготовительный период продвинулся довольно далеко, была собрана команда, но, увы, в последний момент им перекрыли кислород. Disney никогда не объясняет причины, по которым отменяются

съемки фильмов, но в то время многие считали, что Клементс и Маскер не сумели получить права на книгу, технически принадлежавшие Camel Productions Пола Бэмборо. Единственная подсказка о том, как мог бы выглядеть «Мор» Disney, пришла от художницы-мультипликатора студии Сью Николс, отправившей рождественскую открытку коллеге в тот период. Хотя по контракту она не имела права говорить, на каком проекте работает, на открытке был нарисован улыбающийся скелет с синими точками на месте глаз, одетый, как Санта-Клаус. В следующем году Пратчетт и Смайт подали в суд, чтобы получить назад права, заявив, что их следовало вернуть уже давно, чтобы проектом могла заняться другая студия. Однако даже в 2019 году «Мор, ученик Смерти» так и не был экранизирован.

В то время когда Голливуд пытался — безуспешно — отправить произведения Пратчетта на большой экран, на BBC рассматривали возможности создания роскошного мини-сериала по «Цвету волшебства». В 1995 году компания Catalyst купила права на первые два романа из «Плоского мира», и проект был уже близок к реализации. Работать над ним предстояло команде, снявшей в восьмидесятых годах «Джейн» (Jane) —

наполовину комедийный мультипликационный телевизионный фильм, удостоенный премии BAFTA. Гэри Курц, продюсер «Звездных войн» и «Империя наносит ответный удар», должен был стать исполнительным продюсером, сценарий написал многообещающий Роб Хейленд, который работал над известной драмой «Взломщик». Хейленд потратил немало времени и сил, чтобы связать воедино сюжет двух книг, начав с того, что Ринсвинд и Траймон, злодей из «Безумной звезды», учатся вместе в Незримом университете. Похожая сцена могла бы появиться в фильмах о Гарри Поттере. Местами диалог выглядит тяжеловесно, но в остальном сценарий великолепен и прекрасно передает остроумие Пратчетта. Жаль, что BBC, как выразился Смайт, «выдернуло ковер из-под ног», и «Цвет волшебства» отправился с «Мором, учеником Смерти» и «Бромелиадами» в ад заброшенных до конца десятилетия проектов.

Именно Cosgrove Hall Films, студия, снявшая мультипликационных «Угонщиков», сумела первой экранизировать роман из «Плоского мира». Идея серии мультфильмов, основанных на книгах, пришла с Channel 4 и от редактора Люсинды Уайтли, которая много лет хотела сделать на

канале адаптацию романов Пратчетта, предлагая их на рассмотрение в Cosgrove Hall через их дистрибьюторов. С этого момента все пошло легко; после «Угонщиков» Пратчетт сказал, что Марка Холла «нужно только попросить», когда речь пойдет о будущих проектах. Права на «Мора, ученика Смерти», заинтересовавшие Холла в первую очередь, пока принадлежали Голливуду, но он решил, что «Вещие сестрички» и «Роковая музыка» — непосредственные пародии на «Макбет» и музыкальный бизнес — станут вполне подходящим началом. Cosgrove Hall собрал превосходный состав для обоих сериалов: Джейн Хоррокс, Джун Уитфилд и Аннетт Кросби — три ведьмы, и Лес Дэннис в роли Веренса в «Роковой музыке». Мора сыграл Нил Морисси, а Грэм Крауден — Чудакулли. Большой удачей стало приглашение легенды фильмов ужасов Кристофера Ли на роль Смерти, свинцовые интонации которого идеально подошли персонажу. «Вещие сестрички» вышли в эфир в мае 1997 года, в воскресенье, во время вечернего чаепития, но получили плохие отзывы. Им не удалось найти свою аудиторию. Книги читали взрослые, но это был мультипликационный фильм, и обычные зрители, не поклонники Плоского мира, не всегда понимали, что происходит.

Многие шутки, отлично выглядевшие на страницах книги, казались тяжеловесными на экране, а качество мультипликации было недостаточно высоким и устаревшим.

Channel 4 ждал, как будет принят сериал, который сразу записали на видео[214], но пустили в эфир через два года, в далеко не самое удобное время — в полтретьего дня. Этот опыт стал ушатом холодной воды для тех, кто хотел вдохнуть жизнь в Плоский мир на телевизионном экране, и несколько лет никто не пытался вернуться к проекту. Между тем, чтобы понять, как сильна была мания Плоского мира, следует отойти в сторону от официальных продолжений. Активность поклонников подталкивала здоровое вторичное производство, которое Пратчетт поддерживал — пока оно не превращалось в нечто полностью коммерческое. В 1996 году в местной газете The Chester Chronicle написали про женщину по имени Джулия Фроггатт, которая открыла онлайн-продажу образцов для вышивания крестиком на тему Плоского мира. Другой фанат продавал неофициальные шарфы Незримого

[214] Примечания: 214

Альбом к «Роковой музыке», содержавший пародии на рок-н-ролл пятидесятых годов, стал вторым диском за три года, но его массово проигнорировали как фанаты, так и критики. (*Примеч. авт.*)

университета, наполовину зеленые, наполовину пурпурные, чтобы представить «зеленоватый пурпур» октарина, цвета волшебства.

Фэнзины Плоского мира появились еще в конце восьмидесятых, когда «Истории “Залатанного барабана”» (Tales of the Broken Drum) были представлены как журнал Пратчетта для новичков, он быстро обрел популярность и стал публиковать истории комического фэнтези (из чего следовало, что там шла речь о Роберте Рэнкине, Томе Холте и обо всем, что имело обложки Джоша Кирби). К середине девяностых начался бум на журналы Плоского мира, от профессионального и всеобъемлющего произведения «Хроники Плоского мира» (Discworld Chronicle) до куда более скромной «Набалдашник волшебника» (The Wizard’s Knob). Сайты фанатов и новостные ленты появлялись точно грибы после дождя, превращаясь в сети с такими названиями, как «Туман Клатча» (Klatchian Mist) и «Многопользовательская темница Плоского мира» (The Discworld Multi-User Dungeon). В 1997 году юный фанат по имени Джейсон Энтони, который позднее вполне законно поменял свое второе имя на Ринсвинд, создал онлайновый информационный бюллетень «Ежемесячник Плоского мира» (Discworld Monthly) с

абсурдно всесторонним обновлением всех публикаций, пьес, сообщений в прессе и событий, проходивших непосредственно в это время. За год у него появилось десять тысяч подписчиков, а в самый пик успеха их число достигало двадцати тысяч. В следующем году американский фанат Джо Шаумбургер на другой стороне Атлантики создал аналогичный бюллетень Wossname, продолжающий выходить и сейчас под руководством верного фаната Пратчетта Анни Мак, подхватившей бразды правления после смерти Джо Шаумбургера.

Между тем в 1994 году с благословения Терри был создан неофициальный фан-клуб Плоского мира, «Гильдия фанатов и учеников» (The Guild of Fans and Disciples), ею управляла из дома суперфанатка Джеки Эдж, жившая в Ланкашире. Через год ГФУ насчитывала триста пятьдесят членов, а к концу декады их количество разрослось до четырех тысяч, и к этому времени во главе встала Элизабет Элвей, еще одна поклонница работ Пратчетта. «Гильдия» раз в три месяца выпускала листовку, которую редактировала Элвей — до 2006 года, когда «Гильдия» прекратила свое существование. Терри подобная деятельность доставляла удовольствие. Он считал, что именно

так должны себя вести поклонники фэнтези и научной фантастики, и всячески их поддерживал, писал в раздел писем или отвечал на вопросы «Ежемесячника Плоского мира».

Это было делом времени, когда кто-то попытается собрать всех поклонников Пратчетта вместе. Первая организованная встреча фанатов Плоского мира — по всем признакам конвент, за исключением названия, — состоялась в 1995 году в ужасающе жаркий день в Вуппите, графство Суффолк по инициативе Бернарда и Изабель Пирсон, они дали ей имя Clarecraft Discworld Event. Терри, естественно, стал почетным гостем, хотя событие являлось лишь большим рынком для Плоского мира и сопутствующих товаров. На нем присутствовало несколько сотен человек, и все, по общему мнению, отлично провели время.

Фанат Плоского мира Пол Руд, вдохновленный приятелем, только что вернувшимся после встречи поклонников П.Г. Вудхауса, предложил в следующем году организовать «мини-конвент». Его завалили таким количеством сообщений относительно этой идеи на alt.fan.pratchett, что слово «мини» пришлось отбросить. Руд обратился к Пратчетту за разрешением на проведение вечеринки и получил его после того, как Терри,

прекрасно знавший, что такое конвенты любителей фэнтези, убедился, что организаторы понимают, что нужно сделать. Он помог им советами, а также передал ряд контактов, и его убедили принести с собой рекламные листовки на следующий тур раздачи автографов, хотя он ворчал из-за размера и веса пакета, когда почтальон его доставил. Пратчетт сказал, что рассчитывал продать менее половины из 850 билетов.

Первый официальный конвент Плоского мира состоялся в выходные 28–30 июня 1996 года, в разгар чемпионата Европы по футболу, в отеле Sacha в Манчестере. Несмотря на опасения Пратчетта, более восьмисот человек получили удовольствие от забавного эпизода из «Свидания вслепую», «Эфибианского аукциона рабов», праздничного ужина, на котором с речью выступил почетный гость (некто Т. Пратчетт из Уилтшира), костюмированного маскарада (ветеран конвентов Пратчетт назвал его «респектабельным»), сессии вопросов и ответов автора, конкурса на знание Плоского мира, где команду Пратчетта поставил в затруднительное положение вопрос о еще не опубликованном «Санта-Хрякусе».

«Откуда вы про него узнали?» — потребовал

ответа Пратчетт.

«Мы знаем все!» — раздался голос из аудитории.

Встреча закончилась церемониальным маканием Пола Руда в детский бассейн, полный сладкого заварного крема, под руководством сбитого с толку, но довольного автора.

Выходные прошли невероятно успешно. Больше всего Пратчетта удивило количество гостей конвента, которые никогда прежде не бывали на подобных мероприятиях. Когда он оглядывал участников, его интуитивное предположение, что их состав будет одинаковым с точки зрения количества мужчин и женщин, оказалось верным. Хотя Кевины также присутствовали на встрече, они не доминировали. На конвенте Плоского мира (названном ПМкон (DWCon), собрались самые разные люди[215], и это придало ему семейную атмосферу. Как позднее скажет Пратчетт, все гости считали, что они окажутся единственными. Однако они нашли друг друга. Любой мог стать поклонником Плоского мира, а иногда казалось, будто ими были все.

---

[215] Примечания: 215
Возможно, присутствовали и внеземные виды. (*Примеч. авт.*)

Глава 15
Немного уважения

К середине девяностых стало очевидно, что планы Gollancz и Corgi окупились. И хотя еще оставались — и так будет всегда — очаги сопротивления, считавшие Пратчетта своеобразным автором, вездесущность его книг сделала его имя общеизвестным. Если вы не читали романов Терри Пратчетта, то наверняка знали того, кто читал. Впрочем, снобизм литературной элиты никогда не исчезнет полностью. Колин Смайт рассказал на своем веб-сайте историю о том, как он зашел в большой и чрезвычайно уважаемый книжный магазин Hatchards, расположенный в центральном Лондоне, чтобы купить роман Пратчетта 2000 года «Правда», который несколько недель занимал первое место в списке бестселлеров The Sunday Times, но здесь ему не нашлось места на столике для бестселлеров, как и в передней части магазина, где были представлены самые популярные книги. Смайту сказали, что, несмотря на очевидные цифры, в Hatchards не считают «Правду» настоящим бестселлером, к тому же

отдел научной фантастики и фэнтези ревностно охраняет книги Пратчетта.

Это показывает, как воспринималась работа Пратчетта в разгар его славы — возможно, с середины девяностых и по наши дни, — Waterstones и W.H. Smith были бы счастливы украсить свои витрины последними романами Плоского мира, но снобы из литературной элиты никогда не признают его успеха, в то время как другая, чудаковатая часть читателей всегда будет считать его своим. Между тем обычные люди покупали его книги миллионами.

Наверное, он и был странным, но девяностые годы сделали Пратчетта знаменитостью. К такому положению вещей он приспособился по-своему — разумно и тщательно культивировал то, что называл «личным брендом». Пратчетт из 1985 года напоминал инструктора по вождению, но Пратчетт середины девяностых обычно одевался как Джонни Кэш. Ему нравилось все черное или изредка белое, зеленое и цвета хаки, а прославившись, Терри, почти не снимая, носил мягкую шляпу из черного фетра, золотое кольцо с черепом и позднее черную трость с серебряным набалдашником в форме Смерти. Очки стали меньше и аккуратнее. В его выборе внешнего вида не было

ничего напускного или слишком модного[216]. Пратчетт никогда не отличался изяществом в одежде; бесформенные толстые свитера в семидесятых и очки с плоскими тонированными линзами, модные в восьмидесятых, — у него отсутствовало или неизменно было ужасным чувство стиля. Когда он работал в Центральном управлении энергетики, его представление о «деловой одежде» определялось тоном галстука, а новый образ человека в черном стал вполне сознательным решением. Автор Терри Пратчетт уже сам по себе являлся фигурой, отделенной от обычного человека, делившего с ним имя и лицо. Пратчетт часто шутил, что ему достаточно снять шляпу, чтобы мгновенно обрести анонимность бородатого человека в очках.

На конвентах Плоского мира, после успеха первой из встреч любителей книг Пратчетта, проводившихся раз в два года, все знали, что мужчина в шляпе с бейджиком «Терри Пратчетт» является публичной фигурой, он охотно пожмет вам руку и согласится дать автограф или сфото-

[216] Примечания: 216

Во всяком случае, вы не должны так считать — в 1997 году читатели признали одежду Пратчетта худшей в мире писателей жанра НФ. (*Примеч. авт.*)

графироваться[217]; в то время как невысокий лысый человек, *похожий* на Терри Пратчетта, с другим именем на бейджике, предпочитает, чтобы его оставили в покое. На людях Пратчетт играл роль эксцентричного автора фэнтези, версию себя, которую с радостью предлагал поклонникам, но это был не настоящий Терри Пратчетт.

Нил Гейман в предисловии к «Опечаткам» описывает свой разговор с человеком, познакомившимся на конвенте с Пратчеттом, который произвел на него впечатление «веселого старого эльфа». Они попались в его ловушку. В частной жизни Пратчетт бывал куда более резким, и люди, хорошо его знавшие, часто говорили, что он «не переносит дураков». Его помощник Роб Уилкинс рассказывает, что они отчаянно ругались почти каждый день. «Мы постоянно ссорились, — сказал Уилкинс, когда отвечал на вопросы фанатов в 2017 году. — Каждый день я увольнялся, а Терри каждый день меня выгонял. Дверь едва не слетала с петель, так часто я уходил, с силой захлопывая ее за собой». Бриггс, Пирсон и Кидби также вспоминали о подобных стычках. «Он не переносил дураков, — написал Пирсон

---

[217] Примечания: 217
В особенности если вы предложите ему выпить. (*Примеч. авт.*)

в 2016 году в «Дневнике Терри Пратчетта» (The Terry Pratchett Diary), — в чем я не раз убеждался на собственной шкуре», а все редакторы Пратчетта частенько оказывались мишенью его злых острот. Один из современников Терри, знавший Пратчетта в восьмидесятых и девяностых, описывал его как «очень сложного человека», который «вел себя настолько по-разному в присутствии разных людей, что в зависимости от собеседника вы узнавали о нем поразительно противоречивые вещи». «Веселый старый эльф» и «мужчина в черном» существовали для того, чтобы отвлекать людей от невероятно скрытного человека.

Нет, никто не утверждает, что Пратчетт превращался в чудовище за закрытыми дверями, — его друзья помнят акты удивительной щедрости, а споры, которые он вел со своими редакторами или с Уилкинсом, Пирсоном и остальными, были всегда, по сути, творческими и никогда личными — результат того, что обе стороны больше всего хотели хорошо сделать свою работу. Он жил, следуя духу своих книг, где на первом месте стояли человеческие качества. Как сказала Матушка Ветровоск в своей замечательной речи, произнесенной в «*Carpe Jugulum*» 1998 года, он

отказывался думать о людях как о «вещах»[218].

Какие бы события ни происходили за закрытыми дверями, на публике Пратчетт неизменно оставался профессионалом и послом собственных работ. В 1995 году в дневном эфире шоу Pebble Mill он дал интервью Алану Титчмаршу. Пратчетт, одетый в оливковые и белые цвета, выглядел перед камерой совершенно расслабленным, поделился несколькими остроумными шутками и терпеливо общался с ведущим, который выглядел совершенно некомпетентным, особенно когда завел разговор про видеоигры и компакт-диски, а самый острый его вопрос звучал так: «Значит, вы немного похожи на Толкина?»

И все же даже на примере этого самого поверхностного интервью мы видим, что Пратчетт старался быть больше, чем «просто парень, который пишет смешные книги в жанре фэнтези». Он даже не вздрогнул, когда его попросили описать Плоский мир, однако в глазах у него промелькнуло неудовольствие. После публикации «Цвета волшебства» и до конца его жизни репортеры были склонны — несмотря на то, что рядом с ними сидел самый успешный автор бестселлеров

---

[218] Примечания: 218
Перевод Н. Берденникова, А.В. Жикаренцева.

Британии, — считать, что аудитории необходимо услышать его фундаментальную теорию устройства мира. Черепаха. Слоны. Плоский мир. Однако для Пратчетта книги являлись чем-то большим, чем просто «история с черепахой». И он почти всегда, отвечая на вопрос: «Что есть Плоский мир?», говорил, что просто поместил реальных людей в условия фэнтези, но его просили прояснить «историю с черепахой». В предисловии к «Искусству Плоского мира» (The Art of Discworld) Пола Кидби он признается, что иногда ему хочется забыть о черепахе[219]. В конце тысячелетия Терри уже считался «важной и влиятельной фигурой». В том же 1995 году к нему обратился Channel 4 с предложением экранизировать его лекцию о путешествии в их серии «Короткие истории» (Short Stories). В результате появилось «Приключение Терри Пратчетта в джунглях» (Terry Pratchett's Jungle Quest), и все увидели, как писатель направился в тропические леса Борнео, чтобы встретиться с орангутангами в среде их обитания и привлечь внимание к экологическим проблемам, которые им угрожали. Пратчетт проявил такой же практичный подход к докумен-

[219] Примечания: 219
Что стало бы большой проблемой для слонов. (*Примеч. авт.*)

тальным фильмам, как и в других своих проектах, сам создавал «историю» и сам писал сценарий. Популярность Библиотекаря Плоского мира привела к появлению неожиданной связи между автором и человекообразной обезьяной, и он радовался, что ему удалось привлечь внимание к виду, который, как он сказал в документальном фильме, остается в тени по сравнению со своими более популярными кузенами, шимпанзе и гориллами. Со временем ему предложили стать членом правления «Фонда орангутангов», а он позаботился о том, чтобы все любительские постановки по материалам Плоского мира делали взнос в этот фонд.

Получасовой документальный фильм получился великолепным. Пратчетт написал информативный и теплый сценарий, полный остроумных комментариев. Встреча бородатого автора лицом к лицу с Кусаси, огромным орангутангом с пухлыми щечными пазухами доминирующего самца, стала захватывающим телевизионным действом. Пратчетт присел на корточки, явно ошеломленный существом, которое, как он отмечал, могло с легкостью оторвать ему руку, но спокойно сидело перед ним и лакомилось фруктами, позволив себя снимать, а потом неспешно удалилось в

джунгли. В эту декаду «Приключение в джунглях» стало самым успешным опытом Пратчетта на телевидении. Сэр Алек Гиннесс вспоминал в своем дневнике: «Это лучшее, что я видел в ящике за целый год». Получив одобрение от самого Оби-Вана Кеноби, Терри Пратчетт добавил в свою копилку умение работать с документальными фильмами и воспользовался им в будущем.

В 1996 году мужской журнал GQ предложил Терри Пратчетту взять интервью у миллиардера и основателя Microsoft Билла Гейтса. Пратчетт во всей красе продемонстрировал свое мастерство журналиста, и результат получился завораживающий. Они обсуждали эволюцию технологии и потенциальное влияние интернета на весь мир, где любая информация может быть преподнесена как достоверная. Пратчетт привел пример отрицания Холокоста, представленного как результат исторического исследования. Ответ Гейтса был полон идеализма, он сказал, что интернет станет сам собой управлять и надежные источники будут соответствующим образом маркированы. Сейчас, оглядываясь назад на интервью, из эры проклятий по поводу «фейковых новостей» и распространения «популистской политики» через средства массовой информации, комментарии

Пратчетта выглядят особенно проницательными. Они показывают прекрасное понимание принципов распространения ложной информации и потенциального вреда, который она причинит, если ее не проверять.

В 1997 году Терри впервые появился в списке тысячи самых богатых людей The Sunday Times, где сообщалось, что его состояние превосходит 20 миллионов фунтов[220]. В феврале он практически удостоился причисления к лику святых среднего класса, когда в программе Radio 4 «Диски Необитаемого острова» (Desert Island Discs) вновь попытался спокойно объяснить, что его работа — это не просто гигантская черепаха, но ведущую Сью Лоули больше интересовали его детство и путь в литературу. Он составил эклектичный список песен и музыки для гипотетического путешествия по острову[221] — в него вошли роковый певец Мит Лоуф, Steeleye Span, группа, поющая в стиле кантри, комик Бернард Майлз, а также

[220] Примечания: 220

Частично подсчет был произведен после сделки по экранизации «Мора, ученика Смерти», а также учитывая будущие поступления после его выхода на экраны. Пратчетт тут же ответил, что у него нет и 10 миллионов фунтов, и отказался от дальнейших дискуссий. (*Примеч. авт.*)

[221] Примечания: 221

Концепция, которую он блестяще осмеял в «Последнем континенте», книге, над которой работал в то время. (*Примеч. авт.*)

произведения Моцарта, Вивальди и Берлиоза. Предметом роскоши, по его мнению, являлся Крайслер-билдинг в Нью-Йорке, а когда ему предложили выбрать книгу, которую он взял бы с собой, Пратчетт ответил, что поискал бы что-нибудь вроде «Съедобных растений Южных морей». А еще через несколько месяцев пришло окончательное доказательство того, что Пратчетт стал частью британской массовой культуры — кто-то выбрал Плоский мир как тему в Mastermind[222].

Популярность Пратчетта не ограничивалась Великобританией. Австралия и, особенно, Новая Зеландия довольно рано заинтересовались его творчеством. Первая поездка Пратчетта в Австралию состоялась в 1990 году и стала еще одним опытом, показавшим, как сильно изменилась его жизнь. В своей речи почетного гостя в 2004 году на «Ворлдконе» Пратчетт рассказал, как, сидя в бизнес-классе, смотрел вниз на тучи над Тихим океаном, потягивал бренди, чувствовал себя немного мошенником и не понимал, как он здесь оказался. Он приземлился, и его встретили так тепло и доброжелательно, что он был удив-

[222] Примечания: 222

В течение нескольких лет Пратчетту и Смайту говорили, что Плоский мир запрещен как тема игрового шоу. Снятие запрета стало еще одним доказательством вездесущности книг о Плоском мире. (*Примеч. авт.*)

лен и тронут, когда увидел небольшую толпу приветливых людей, окружавших его на каждом конвенте. Пратчетт сразу полюбил страну и ее граждан, возвращался туда ежегодно или даже чаще, нередко превращая рекламную поездку в семейные каникулы[223]. Он даже подумывал о том, чтобы купить второй дом в Тасмании, с шестью спальнями, садом в десять акров и настоящим лесом в сто акров всего за 130 тысяч фунтов, однако потом решил, что арендовать дом на каникулы менее хлопотно, чем содержать два дома на противоположных концах мира.

В 1998 году он отметил свою любовь к Австралии, отправив туда Ринсвинда. «Последний континент» показал злополучного волшебника в невероятно жаркой стране ИксИксИксИкс со множеством пауков и красной пылью, где обитали накачавшиеся пивом угонщики овец. Это символ Плоского мира для страны, находящейся «внизу и под», полной австралийского фольклора и шуток по поводу национального характера, написанных с огромной любовью.

---

[223] Примечания: 223

Впрочем, тут следует отметить, что каникулы Терри были просто периодом времени, когда он мог писать, не прерываясь на разбор писем поклонников и телефонные звонки, между холодным пивом и редким осмотром достопримечательностей. (*Примеч. авт.*)

Работы Пратчетта распространились не только в странах, где говорили по-английски. К концу жизни его романы издавались в переводах на тридцати семи языках. Игра слов делала работу довольно сложной. Переводчики тратили часы в поисках остроумного аналога игры слов, часто сверяясь с автором. Название «Мор», к примеру, перестает быть каламбуром, когда его переводят на французский, и книга будет просто иметь название «Смерть». В конце концов французские издатели придумали нечто менее оригинальное: «Мортимер» (Mortimer)[224]. Лучшими иностранными заголовками становились те, где возникали новые каламбуры, такие как эстонская версия «Творцов заклинаний», озаглавленная «Очаровательное равенство» (Charming Equality). В голландском переводе «Ведьм за границей» название звучит так: «Ведьмы в воздухе» (Witches Up In the Air), здесь используется известное голландское выражение *in de lucht*, означающее нечто нерешенное («я не знаю/вопрос завис в воздухе»), тогда как «Вещие сестрички» на немецком называются «Макбест» (Macbest).

---

[224] Примечания: 224

Названия многих книг предоставлены превосходным веб-сайтом Колина Смайта colinsmythe.co.uk под заголовком «Переводы и обратные переводы». (*Примеч. авт.*)

Во многих странах Европы Пратчетт продавался почти так же хорошо, как дома. Он был очень популярен в Чешской Республике, где появился первый клуб и бюллетень поклонников Плоского мира, не говорящих на английском языке. У Терри завязалась тесная дружба с чешским переводчиком Яном Кантуреком, который напряженно работал, чтобы сохранить юмор в его книгах. На Пратчетта усилия Кантурека произвели такое впечатление, что он разрешил ему делать собственные сноски — такой чести не удостоился ни один другой переводчик. Сербский поклонник Плоского мира, Деян Папич, создал собственное издательство Laguna, чтобы книги Пратчетта стали доступны жителям его страны, а со временем стал ведущим издателем на Балканах и открыл собственную сеть книжных магазинов, литературную империю, полностью основанную на успехе «Цвета волшебства».

Быть может, самым необычным отношением к работам Пратчетта могла похвастаться Германия: издательство Heyne позволило себе неслыханные вольности с текстом и иллюстрациями. Германия стала единственной европейской страной, где книги Терри Пратчетта были доступны с самого начала его карьеры. Удивительно, что в

девяностые годы, когда популярность Пратчетта стремительно росла, его немецкие издатели так небрежно относились к своему продукту. В первом издании «Мора, ученика Смерти» они использовали — причину так никому и не удалось установить — обложку Джоша Кирби для «Вещих сестричек». Потом Heyne попросило у Смайта свежую иллюстрацию для следующей книги. В просьбе им отказали, и тогда в течение некоторого времени немецкие издания выходили в одинаковых обложках. Heyne была присуща странная привычка игнорировать заказанные иллюстрации, сделанные специально для конкретного романа, а использовать тот рисунок Джоша Кирби, который смогли заполучить. «Люди ковра», выпущенные в 1971 году издательством Sauerländer с великолепными иллюстрациями, Heyne опубликовало с использованием рисунков Джоша Кирби, сделанных для научно-фантастического романа Джеймса Корли «Планета Бенедикта» (Benedict's Planet), где был изображен инопланетянин в длинном одеянии. Двухтомник, включавший «Цвет волшебства» и «Посох и шляпу», увидел свет с обложкой, предназначавшейся для «Ростков гнева» (The Sprouts of Wrath) Роберта Рэнкина, из чего следовало, что

в Плоском мире имеется английский полицейский и машина Morris Minor. Когда к издателям обратились с вопросами, они ответили, что на обложке есть мужчина в шляпе волшебника. Но самой непостижимой была обложка «Темной стороны солнца» с рисунком Кирби, который он сделал для серии «Путешествия Айеги» (Voyage of the Ayeguy), где на берегу изображен крест с распятым инопланетным существом. А последней каплей стали изданные в 1991 году «Пирамиды», где внутри, прямо посреди текста, оказалась реклама супа быстрого приготовления. Разъяренный Пратчетт отказался подписывать новые договоры с этим издательством.

В 1998 году, через несколько месяцев после празднования пятидесятилетия, имя Пратчетта появилось в списке награжденных орденом Британской империи в честь дня рождения за заслуги в литературе. Это стало для него сюрпризом, и сначала Пратчетт подумал, что кто-то решил его разыграть. Публично он не принял награждение всерьез, заявив, что никогда не говорил, будто имеет отношение к литературе. Но на самом деле он был доволен и, несмотря на неизменное недоверие к властям, не собирался отказываться от ордена, как сделал Роальд Даль.

Для Пратчетта награда означала легализацию его творчества, и не только для него самого, но и для всего поколения, которое он представлял. Он поделился новостью на alt.fan.pratchett, где выразил свое удовольствие и удивление:

> «Получу ли я когда-нибудь серьезную награду за детскую книгу? Нет – недостаточно достойно, не слишком значимо, избыточно популярно[225]. Премия Букера… Я на другой планете. И вдруг появляется орден Британской империи, прямо из официальной системы наград – никогда прежде я даже не представлял, что *такое* может иметь ко мне хоть какое-то отношение. Я нахожу это очень странным и необычно демократичным».

Летом Терри, который выглядел великолепно в светлом фраке, в сопровождении жены, дочери и матери отправился в Букингемский дворец, чтобы принять одну из высочайших наград страны из рук принца Уэльского. В тот день вместе с ним награды получили Джефф Херст из сборной Англии по футболу, ставшей чемпионом мира в

---

[225] Примечания: 225
Тут он целиком и полностью ошибался. (*Примеч. авт.*)

1966 году, Линфорд Кристи, олимпийский чемпион, телеведущий Брюс Форсайт и диджей-новатор Джон Пил — и Пратчетт пошутил, что кто-то сделал ставку на победу со счетом 2:1 низеньких, толстеньких и лысых мужчин. Действо во дворце заворожило Терри, начиная от скрытой двери в туалет, которую на всякий случай тихо показали гостям, и заканчивая военным духовым оркестром, исполнявшим мелодии из мюзикла «Отверженные» (Les Misérables), что немало позабавило Пратчетта, если учесть тему произведения — восстание угнетенных масс против богатства и власти.

В течение всего этого периода книги Пратчетта приобретали все большую популярность, и его устойчивый успех совсем не случайно был основан на мире, который двигался вперед как буквально (спасибо плывущей черепахе), так и тематически. Возможно, это прозвучит банально, но серия становилась не только более мрачной, но и серьезной. Причем довольно быстро. Всего два года разделяют «Роковую музыку», веселое путешествие по клише рок-н-ролла с каламбурами на темы Элвиса и Def Leppard, и «Ноги из глины», захватывающий полицейский детектив, связанный с трактатом о природе самоопреде-

ления. Следует отдать Пратчетту должное, хотя его книги постепенно меняли интонацию, они продолжали оставаться смешными. Он всегда защищал юмор в своих произведениях и утверждал, что «серьезное» и «смешное» не должны быть взаимоисключающими свойствами книги — противоположное «смешному» вовсе не «серьезное», противоположное «смешному» — «не смешное», а его работы никогда не имели к такому отношения[226].

К концу тысячелетия Пратчетт совершил последний победный круг почета со своими персонажами, которые оставались в серии в течение десятилетия. Антиподные приключения Ринсвинда 1998 года в «Последнем континенте» стали его финальным появлением в романах Пратчетта. Ринсвинд являлся превосходным спутником для фанатов Пратчетта, позволял им глубже проникнуть в мировосприятие автора, но после пятнадцати лет становилось все труднее понять, куда он может двинуться дальше. Волшебник-неудачник, сумевший спасти целый мир — дважды, — но главная его роль заключалась в том, что он стал проводником для читателя, а

---

[226] Примечания: 226
Ну ладно, за исключением «Людей ковра». (*Примеч. авт.*)

такого рода книги Пратчетту было уже неинтересно писать.

Позднее, в том же году вышел «Carpe Jugulum. Хватай за горло!», последний взрослый роман из Плоского мира, где речь идет о деяниях ведьм из Ланкра. Матушка Ветровоск и Нянюшка Ягг будут активно участвовать в серии про Тиффани Болен, но ни одна из них больше не станет центром повествования, а в книгах не будет их размышлений и описаний будущего. Пратчетт очень любил Матушку, но она обрела слишком огромное могущество, а несокрушимый персонаж редко бывает интересным. Пожалуй, «Carpe Jugulum. Хватай за горло!» явился главным испытанием для Матушки — старой ведьме предстояло противостоять семье вампиров, способных контролировать чужой разум; впрочем, настоящий враг Матушки находился у нее в голове — мучивший ее страх, — она боялась «стать плохой» и разучиться отличать добро от зла. «Carpe Jugulum. Хватай за горло!» — один из самых мрачных романов Пратчетта. В начале книги есть сцена, в которой Матушку призывают помочь женщине на большом сроке беременности, получившей удар копытом коровы. Когда появляется Смерть, чтобы потребовать ее душу, Матушка понимает, что

может спасти либо мать, либо ребенка. Из всех историй следует, что она спасет ребенка. Герой *всегда* спасает ребенка. В «Маскараде» есть аналогичная сцена, где Матушка играет со Смертью в карты за жизнь либо ребенка, либо женщины и, конечно, спасает ребенка. А в «Carpe Jugulum. Хватай за горло!» Матушка позволяет ребенку умереть. Более того, она не дает мужу расправиться с коровой, которая лягнула его жену и убила ребенка, объяснив, что им она еще пригодится. Практичный и логичный итог, полностью соответствующий характеру Матушки, но читателям это очевидным образом не нравится. Позднее старая ведьма делает важное заявление о природе греха и необходимости обращаться с людьми, как с «вещами». «Carpe Jugulum» — самая поучительная история из всех, написанных Пратчеттом.

Его последний роман столетия и последний в переходной фазе, которую можно с определенными допущениями назвать средним периодом Плоского мира, вышел, когда мир готовился к новому тысячелетию. «Пятый элефант», увидевший свет в ноябре 1999 года, по тону ближе к повзрослевшему Плоскому миру двадцать первого столетия, и хотя командор Ваймс снова появится в нескольких более поздних романах,

капитан Моркоу в последний раз выступит в роли главного персонажа. В следующих историях он сольется с общим фоном Городской стражи вместе с капралом Шноббсом и сержантом Колоном. Моркоу, последний среди «кинозвезд» Пратчетта, стал главным героем романа «Стража! Стража!» в 1989 году, хотя его быстро заменил и стал движущей силой следующих книг более циничный и потрепанный жизнью командор Ваймс. И все же Моркоу, как истинный наследник трона Анк-Морпорка, а также его отношения с вервольфом Ангвой являются важным элементом всех книг, связанных со Стражей. Это еще одна сюжетная линия, от которой Пратчетт отказался. Моркоу становится второстепенным персонажем в истории Ваймса, и мотив «истинного короля», красной нитью проходивший через «К оружию! К оружию!» и «Ноги из глины», был заброшен окончательно. Такие игры с судьбой никогда не подходили Плоскому миру — а это центральная тема всей серии, — но теперь Пратчетт стал выше даже ниспровержения мотивов. Вместо этого «Пятый элефант», имевший рабочее название, не содержавшее явной игры слов, «Ночи Убервальда», затрагивает тему религиозного фундаментализма и культуры гномов, параллельной

исламскому фундаментализму, хасидизму и коптскому христианству в аспекте, который еще через несколько лет покажется пророческим. Богатый и сложный текст предельно далек от Плоского мира, к примеру «Ведьм за границей» и «Безумной звезды».

Пратчетт знал, что Плоский мир — это фундамент его успеха, но отказывался позволить ему стать камнем на шее. В течение десятилетия он сумел превратить серию в нечто более интересное, не потеряв при этом своей аудитории… хотя для некоторых он так и останется странным писателем про ту самую черепаху. И все же тем, кто был готов смотреть, стало очевидно, что он провел в своей работе черту. В двухтысячных вышла «Правда», двадцать первый роман Плоского мира и первый после «Мелких богов», в котором действовали совершенно новые персонажи. Он давно хотел написать про первую газету Плоского мира, в которой использовал бы свои воспоминания о работе в журналистике. Он размышлял над этой концепцией в конце восьмидесятых и сначала собирался написать этот роман как продолжение «Эрика», однако отложил его ради более востребованных «Движущихся картинок». Однако Пратчетт не забросил этой идеи

и даже внес главного героя Вильяма де Словва в Discworld Companion за шесть лет до того, как книга вышла из печати. «Правда» — это труд любви, рожденный в беседах Пратчетта и его редактора в Gollancz, Джо Флетчер, тоже в прошлом журналиста. Де Словв, редактор и основатель «Анк-Морпоркской правды», оказывался в дюжинах ситуаций, взятых непосредственно из жизни Пратчетта — а иногда Флетчер; от разговора с потенциальным самоубийцей, стоящим на краю крыши, до бесконечного набора овощей странной формы, которые присылали для изучения.

Но «Правда» особенно интересна тем, чего там нет. Во многих отношениях это даже не фэнтези. Да, в ней имеется обычный набор гномов, троллей, вампиров и вервольфов, но на самом деле они лишь внешняя сторона. Прежде всего это история о газете, и действие вполне могло происходить в викторианском Лондоне. Анк-Морпорк из грязного средневекового города первых книг превратился в сложный, пусть и по-прежнему грязный, доиндустриальный город, чуть-чуть не добравшийся до современного мира. Пройдет время, и поклонники станут называть «Правду» началом не связанной между собой серии книг, которую часто называли «Индустриальная ре-

волюция».

Основной смысл книги таится в конце первой трети повествования, когда правитель города лорд Витинари приезжает взглянуть на новенький печатный станок. Витинари перечисляет волшебные бедствия, выпавшие на долю города в недавние годы: те самые, о которых шла речь в книгах прошедшей декады. Он потребовал выяснить, не стоит ли здание газеты на месте проведения древних обрядов и не может ли стать причиной угрозы со стороны чудовищ со щупальцами, способных поколебать представления о природе реальности. Однако получает ответ: «нет». В этой очень смешной сцене мы четко видим послание автора: «Я больше не пишу такие вещи». Нет, «Правда» не серьезнее, чем, к примеру, «Движущиеся картинки»; и тот и другой рассматривают средства массовой информации и разрывают их на шутки и клише, и оба по-своему весьма забавны. «Правда», однако, выглядит более приземленной. Характеры лучше прописаны, ставки ниже, а послание доставляется с меньшим пафосом. Эволюция между Плоским миром девяностых и нового тысячелетия заключена в более туманной серии отклонений, чем прямая линия, но «Правда» стоит ближе всего к поворотному

моменту.

Конец девяностых и начало двухтысячных также стали поворотной точкой. В 1998 году Пратчетт и Смайт прервали длительные отношения с Gollancz, издательством, печатавшим книги Терри в твердых обложках, начиная с «Творцов заклинаний» 1987 года, хотя компания продолжала выпускать сопутствующие товары: дневники, календари и викторины. Права на следующие три книги в твердых обложках ушли к входившему в состав Transworld издательству Doubleday, которое публиковало книги Пратчетта в мягких обложках, начиная с «Цвета волшебства». «Сделка обошлась в миллионы, но их было немного», — так сказал глава отдела книг для взрослых Патрик Дженсон-Смит, когда давал интервью London Evening Standard. Почти все романы Пратчетта, начиная с «Последнего континента», будет печатать Doubleday, чей отдел детской литературы хорошо себя показал, выпустив трилогию «Бромелиады» и серию про «Джонни».

Для смены издательства имелось сразу несколько причин, и Пратчетт утверждал, что деньги — далеко не главная. Именно книги в мягких обложках, изданные Transworld/Corgi, привели к

тому, что Пратчетт появился на карте мира. Corgi издал «Цвет волшебства» — первый камешек в лавине успеха. Книги в твердых обложках захватили заголовки газет, но мягкие обложки Corgi чаще всего встречались в метро, автобусе или поезде. Таким образом, имело смысл объединить под одной крышей издателей романов в мягких и твердых обложках. Кроме того, Transworld являлся всемирной компанией, и новая сделка покрывала территории по всему миру за пределами США (рынок, покорить который было совсем непросто).

В 1986 году, когда Пратчетт подписал первый контракт на издание книги, Ливия Голланц, дочь основателя издательства Виктора, по-прежнему стояла во главе отцовской компании, олицетворявшей очень многое из того, что Пратчетт любил в мире фэндома НФ. Они объединили его произведения с книгами, которые он боготворил с самого детства. Однако за годы многое изменилось, и большая часть команды ушла, в том числе Малькольм Эдвардс, с которым Пратчетт подписал первый контракт. С тех пор издательство дважды меняло владельцев, сначала это была американская компания Houghton Mifflin в 1989 году, потом британский Cassell в 1992-м.

Cassell, в свою очередь, совсем недавно купила материнская компания CBS, и он только вставал на ноги. Терри все еще сохранял тесные связи со своей командой, в особенности с редактором Джо Флетчер, но проблема заключалась в высшем руководстве.

Сказать, что Cassell плохо обходился с финансами Пратчетта, это ничего не сказать. Тиражи сокращались, точнее, часть книг Пратчетта распродавалась быстро, но дополнительные тиражи сильно запаздывали. И что еще хуже, компания как будто не замечала существования поклонников Пратчетта за океаном. Cassell отправлял минимальное количество экземпляров новой книги в магазины Австралии, чтобы обеспечить авторское право по законам страны, в которых говорилось, что британское издание должно быть опубликовано в течение тридцати дней после выхода книги в Великобритании или передано местному издателю. Небольшое число экземпляров быстро раскупали, а полный выпуск задерживался на несколько недель. Пратчетт дважды устраивал туры, когда давал автографы, и убеждался, что в магазинах недостаточно экземпляров, чтобы удовлетворить спрос. Он пришел в ярость. Пренебрежительное отношение Cassell

обошлось автору бестселлеров в сорок тысяч непроданных экземпляров в год.

«Команда испытала невероятное разочарование, — сказала Джо Флетчер. — Они потратили много сил, чтобы раскрутить автора, и теперь были по-настоящему подавлены».

Пратчетт и Флетчер были очень близки, они познакомились еще в 1980 году. Флетчер, сама писавшая фэнтези, являлась одним из членов «Воскресного клуба любителей Г.Ф. Лавкрафта», который Пратчетт упоминал в благодарностях к «Творцам заклинаний», и Терри обрадовался, что она стала заниматься его книгами в Gollancz. Когда он принял решение сменить издательство, он очень хотел, чтобы она знала, что его решение не имеет к ней ни малейшего отношения. Она вспоминает:

«Меня пригласили в кабинет финансового директора [в то утро, когда было сделано объявление] и вручили письмо, в котором говорилось: все, что мне предстоит услышать, не имеет ко мне ни малейшего отношения. В том числе мои «самые сладкие интонации и пылкие просьбы» ничего не изменят, поскольку зерна посажены еще до того, как я стала работать на компанию. Он сказал, что это не окажет никакого влияния

на книги, которые еще остались, и у него нет ни малейших сомнений, что мы будем работать вместе в будущем. Это деловое решение, которое стало неизбежным… он написал очень милое письмо, а я была сильно огорчена».

В конечном счете для Флетчер было очень важно, чтобы Gollancz позволил сохранить печатную продукцию, связанную с Плоским миром, — книги с викторинами, альбомы с иллюстрациями и многое другое, вместе с традиционными ежегодными дневниками Плоского мира. Transworld, со своей стороны, вел себя максимально уважительно и скромно. «Если бы это был другой издатель, мы бы чувствовали огромную эйфорию, — заявил в интервью для The Bookseller Дженсон-Смит, — но мы испытываем сентиментальные чувства по отношению к Victor Gollancz». Команда Пратчетта сделала заявление, описав расставание как «мирное», пусть и печальное.

Самое резкое и грустное изменение в мире Пратчетта произошло в октябре 2001 года, когда в возрасте 72 лет умер Джош Кирби. Новость стала для Пратчетта настоящим потрясением, ведь здоровье Кирби не вызывало опасений и он каждый день продолжал рисовать. Художник умер во сне от естественных причин в своем доме, в Диссе,

графство Норфолк, где жил один. Сосед нашел его два дня спустя, встревожившись, что он не берет трубку. Его последняя обложка была сделана в 2001 году для «Самого вещего звена» (The Wyrdest Link) Дэйва Лэнгфорда, сборника тестов на знание Плоского мира, в котором Библиотекарь выступает в роли проводившей викторины на BBC Энн Робинсон. Вот что сказал о Кирби Колин Смайт в следующем году на конвенте Плоского мира: «Его работы были уникальными, и никто не сможет заполнить пустоту, которая возникла после его ухода».

Однако печальная правда состояла в том, что кто-то все-таки *должен* был заполнить пустоту[227]. Пратчетт неизменно сохранял верность Кирби. Ранее Gollancz провел исследование, показавшее, что продажи могут увеличиться, если сделать обложку не столь очевидно фэнтезийной, но Пратчетт считал, что стиль Кирби являлся одним из инструментов его успеха, и отказался что-то менять, предоставив Gollancz искать новые способы позиционирования работ Кидби, что вызвало неудовольствие художника. И обложки

[227] Примечания: 227

Хотя было ощущение, что немецкое издательство Heyne собиралось вновь и вновь использовать обложку к «Вещим сестричкам». (*Примеч. авт.*)

остались прежними. Теперь перемены становились неизбежными. В то время решили не вступать в споры с Пратчеттом, но все понимали, что теперь иллюстрациями займется Пол Кидби, который являлся «предпочтительным художником Плоского мира» для Пратчетта в течение десятилетия. Многие полагали, что Кидби в любом случае мог стать таким художником. В свете смерти Кирби пришлось признать очевидную вещь: изменение тона книг означало, что работы Джоша, так хорошо подходившие романам Пратчетта восьмидесятых и начала девяностых годов, стали входить в противоречие с более содержательной тематикой и менее анархичной манерой изложения в поздних произведениях Пратчетта. Между тем стиль Кидби был натуралистичнее и серьезнее и одновременно мягче и более сказочным. Хотя Пратчетт сохранял верность старому другу, даже ему пришлось признать, что его книги теперь не вполне соответствуют обложкам. Однако обстоятельства, при которых пришлось передать эстафетную палочку другому художнику, не могли быть печальнее, и никто не хотел, чтобы все произошло именно так. Смерть Кирби стала еще одним водоразделом в творчестве Пратчетта, обозначившим конец целой

эры в карьере Пратчетта. Следующий взрослый роман Плоского мира увидел свет в 2002 году. «Ночная стража» вышла с обложкой Пола Кидби, отдавшего дань уважения «Ночному дозору» Рембрандта. Он спрятал на заднем плане (там, где Рембрандт нарисовал себя) красивый портрет Джоша Кирби.

Глава 16
Крысы, кошки, мел и сыр

На самом деле обложка «Ночной стражи» была не первой, которую сделал Пол Кидби. 18 октября 2001 года в свет вышел «Последний герой», который, как и «Эрик» десять лет назад, представлял собой новеллу с цветными иллюстрациями. Во многих отношениях «Последнего героя» можно считать шагом назад. Как и в «Эрике», Пратчетт использовал кругосветное путешествие, дав Кидби шанс подхватить мяч и сделать зачетную попытку. Хотя с точки зрения повествования ставки были высоки — речь шла о спасении мира, — но в целом история получилась самой легковесной из написанных Пратчеттом в последние несколько лет. Коэн-Варвар и его отряд немолодых бывших героев решили уничтожить дом богов, чтобы отомстить за то, что те позволили им постареть, но они не понимали, что по причинам, которые лучше всего назвать «заговор», их действия приведут к уничтожению всего Плоского мира. Так что Ринсвинд, Моркоу и тайно присоединившийся к ним Библиотекарь должны спасти положение,

пролетев к центру мира на космическом летательном аппарате, изобретенном гениальным эрудитом Леонардом Щеботанским. Они оказываются под Диском, проносятся мимо слонов и совершают аварийную посадку на крошечную луну Плоского мира, кишащую драконами. Такого рода истории Пратчетт уже больше не писал. Кроме того, роман стал финальным выходом Ринсвинда и Моркоу в качестве главных героев, которые, после того как были рассказаны их истории в «Последнем континенте» и «Пятом элефанте», здесь выступают как экшен-герои[228] без малейшего развития характеров[229]. Это история старой школы Плоского мира, высмеивающая приемы плохого фэнтези в той форме, от которой Пратчетт отказался еще в начале девяностых, и ее можно рассматривать (вместе с речью Витинари в «Правде») как высшую точку эры комического фэнтези. Это последнее «ура» целому стилю пись-

[228] Примечания: 228

В случае с Ринсвиндом с большой неохотой. (*Примеч. авт.*)

[229] Примечания: 229

Я бы хотел, чтобы у меня было больше места для разговора о книгах, потому что в «Последнем герое» происходит нечто весьма интересное, в особенности в связи с гневом и печалью Коэна, ведь он совершил все, что только возможно совершить, но так и не умер. Здесь также есть персонаж Злобный Страшный Гарри, бывший директор школы Гарри Уорд, и миссис Макгарри, героиня из племени варваров, прототипом которой стала бывшая учительница Джо Флетчер. (*Примеч. авт.*)

ма, заключительная полномасштабная пародия на фэнтези, перед тем как Пратчетт «начал делать вклад в литературу», который произвел такое сильное впечатление на королеву. Тот факт, что книга увидела свет одновременно с фильмами «Властелин колец», побившими все рекорды сборов, — делая данный сюжет максимально привлекательным для рынка, — стал либо очень хитрым ходом, либо большой удачей.

Кроме того, следует учесть, что «Последнего героя» выпустил Gollancz, владельца которого купило более крупное издательство, Orion Books. Новые хозяева переманили прежнего редактора Пратчетта, Малькольма Эдвардса из HarperCollins[230]. В том, что одна из ключевых фигур за сценой возвращалась к работе над таким масштабным проектом, имелась чудесная симметрия; старая команда снова собиралась вместе для последнего приключения. Идею придумали Пратчетт и Джо Флетчер, чтобы отдать дань красиво оформленным книгам фэнтези, которые они помнили с детства, а с Флетчер в Gollancz вопрос о том, чтобы передать проект Transworld, даже

[230] Примечания: 230

Позднее Смайт сказал, что если бы Эдвардс работал в Gollancz в 1998 году, он бы избежал провала в Австралии, и Пратчетт мог бы остаться с этой компанией. (*Примеч. авт.*)

не вставал.

Хотя проект получился дорогим, «Последний герой» с ошеломляющими рисунками Кидби завоевал огромный успех и уже в течение первых шести месяцев позволил издательству вернуть аванс, выплаченный автору. Получивший урок после «Эрика» Пратчетт позаботился о том, чтобы «Последний герой» дебютировал в мягкой обложке с полным набором иллюстраций — более того, для издания были использованы другие работы Кидби — Смерть, Ринсвинд и Диск. Если не считать аудиокниг, «Последний герой» выходил только с иллюстрациями Кидби.

В 2001 году Пратчетт вернулся к детской литературе после пяти лет работы исключительно на рынке для взрослых. В ноябре, всего через несколько месяцев после смерти Джоша Кирби, Doubleday выпустило «Изумительного Мориса и его ученых грызунов», первый роман Плоского мира, предназначенный для юных читателей. История о том, как хитрая говорящая кошка и банда грызунов обманным путем выманивали деньги у городов, имитируя нашествие крыс и используя «глупого на вид мальчишку», чтобы увести их прочь, в первый раз упоминалась в «Мрачном Жнеце» как пародия на «Гамельнского

крысолова» и с тех пор оставалась в голове у автора. Несмотря (или даже благодаря) потенциальной аудитории, «Морис» получился одной из самых мрачных историй Пратчетта. Главный отрицательный герой, король крыс, одно из немногих настоящих чудовищ Плоского мира, злобный дух, состоящий из разумов дюжин крыс, связанных между собой хвостами и движущихся как единое целое. Говорящие крысы в *буквальном смысле поедают мертвые тела друг друга,* и мы слышим эхо геноцида в разговорах об «истреблении паразитов», которые, если вы примете во внимание истинную природу грызунов, наводит на мысль о комиксах Арта Шпигельмана «Маус» (Maus), пересказ Холокоста, только с кошками и мышами.

Книги Пратчетта для юных читателей всегда рассматривали темы напрямую — в отличие от взрослой литературы; в «Морисе» нас просят обдумать, что значит ощущать и знать свои сильные и слабые стороны. Пратчетт использует в нескольких книгах одну фразу, когда персонаж начинает задумываться о собственной индивидуальности, — «тьма, что возникает за глазами». Морис и крысы, до определенного момента действовавшие в соответствии с обычными инстинктами,

теперь могут разделять миры внутри и снаружи собственных голов. Такое изменение происходит с другим персонажем, Мирией ле Гион, в «Воре времени», опубликованном полгодом ранее. Что значит быть по-настоящему живым и думающим — вот какая мысль преследовала Пратчетта.

«Изумительный Морис и его ученые грызуны» — мрачная книга с богатым содержанием. Кроме того, несмотря на уже непривычную разбивку на главы, это роман из Плоского мира. К счастью, книга остается невероятно смешной. Теперь, когда Пратчетт начал писать для юных читателей, ему больше не требовалось себя сдерживать. В «Морисе» появляются шутки с пуканьем, дурацкие каламбуры и блестящая идея, что крысы берут себе имена из фраз, которые им понравились на выброшенных упаковках еды, отсюда появились Персики, Гуляш и лучшее: Фасоль Опасно-для-Жизни. И то, что Пратчетт делает последнего персонажа интеллектуальным центром истории, показывает, как хорошо ему удается сбалансировать глубокие и смешные элементы истории. Рецензенты старались превзойти друг друга в похвалах романа. Уважаемый научно-фантастический журнал Locus назвал его «веселым, трогательным, страшным,

игриво вульгарным и безнравственно мудрым». Нил Гейман в Financial Times Weekend сказал, что «во всех отношениях это поразительное произведение», а Фрэнсис Спаффорд из The Guardian назвал книгу «этическим вызовом, превосходно оркестрованным и находящимся в философской оппозиции к обычным сюжетам фэнтези».

В следующем году произошло то, что Пратчетт считал практически невозможным, — «Изумительный Морис» получил «Медаль Карнеги». Хотя к ней прилагалось всего пять тысяч фунтов, мелочь для такого человека, как Пратчетт, «Карнеги» является одной из самых престижных в мире наград в детской литературе, и ее часто называют «Детским Букером». Решение о награждении принимает «Дипломированный институт библиотечно-информационных специалистов» — библиотекарей, — и для такого «библиотечного мальчика», как Терри, не могло существовать более высоких авторитетов. Тогда он сказал, что был ошеломлен — книгу номинировали издатели, не поставив его в известность, так как он сам не видел в этом ни малейшего смысла.

Теперь, оглядываясь назад, его скептицизм вызывает некоторые подозрения. В конце концов,

в 1993 году Гильдия писателей Великобритании назвала «Джонни и мертвецов» «Лучшей детской книгой Великобритании», а «Джонни и бомба» стала серебряным призером «Детской книжной премии Нестле» в 1997 году. И обе попали в окончательный список претендентов на премию «Карнеги». С тех пор, после получения ордена, акции Пратчетта в литературе заметно поднялись. Поклонница Плоского мира и обладатель Букеровской премии А.С. Байетт заявила, что сам по себе «Вор времени» заслуживает «Букера», и многие с ней согласились. В 2000 году группа академиков, в том числе старый друг Эд Джеймс, опубликовала «Терри Пратчетт: Виновен в литературе», сборник детального академического анализа его работ. Дни, когда от книг Пратчетта отмахивались, называя занудными, скучными и пустыми, в основном остались в прошлом.

Более того, «Изумительный Морис» очевидным образом являлся по-настоящему отличным романом, потенциальная возможность получения премии не могла ускользнуть от внимания автора, так что «ошеломленная» реакция Пратчетта вызывает некоторые подозрения. Однако — ожидал он награды или нет — было бы жестоко не дать Пратчетту насладиться моментом. Десятью

годами раньше жюри «Детской литературной премии» The Guardian размышляло, можно ли считать одну из его книг «хорошей литературой», теперь же жюри одной из самых престижных премий назвало его последний роман «выдающейся работой, безупречной с литературной точки зрения».

В день награждения, когда Пратчетт получил медаль, он шокировал аудиторию, сорвав золотую обертку, под которой оказалась большая шоколадная монета — и тут же откусил от нее кусок. Он попросил, чтобы фальшивый приз приготовили заранее[231] — настоящую медаль он ловко спрятал в момент получения, заменив ее на шоколадную. Свою речь Пратчетт начал уникальным образом.

Это была первая большая награда Пратчетта, и многие считали, что он получает ее не за один роман, а за все свои работы. В речи Пратчетт приветствовал премию как приз всему жанру фэнтези, на который принято смотреть свысока, а также самой детской литературе, дававшей

---

[231] Примечания: 231

Пратчетт почти за месяц узнал о том, что его наградили «Медалью Карнеги», и дал клятву, что будет хранить тайну. Однако он с огромным трудом сдерживался, так ему хотелось о ней поговорить. (*Примеч. авт.*)

разумный и реалистичный взгляд на человека, даже если персонажами являются говорящие крысы. Жюри «Карнеги» похвалило книгу за то, что она высветила «опасность замещения реальности фантазиями», тему, которую Пратчетт включил в свою речь, доказывая, что самое лучшее фэнтези — это больше, чем «чародеи, размахивающие волшебными палочками», а зло должно быть побеждено более эффективными способами, чем швыряние кольца в вулкан.

Некоторые критики отметили определенную строгость речи Пратчетта. The Scotsman писал, что автор «опасно парит над пропастью горечи из-за того, что его слишком долго игнорировали литературные круги», и обратил внимание на его выпады против Толкина и «Гарри Поттера» Дж. К. Роулинг. Те, кто лучше знал Пратчетта, понимали, что в его речи не было горечи и злости.

«Он слишком отличался от других и всегда любил сарказм, вот почему люди не всегда могли оценить его шутки, — сказала Джо Флетчер. — Он был *взволнован* из-за приза «Карнеги». Терри вовсе не веселый маленький гном, каким его любят изображать, но в нем нет горечи и злобы».

Тем не менее Пратчетт переживал, что литературное сообщество так долго игнорировало

его труды. Вне всякого сомнения, Пратчетт был доволен получением двух наград «Лучший автор НФ/фэнтези» и «Хуже всех одевающаяся персона в НФ» в 1997 году на присуждении премий SFX, но едва ли это можно считать проявлением уважения со стороны индустрии[232]. С «Карнеги» дело обстояло иначе. Приз был желаемым и уважаемым, и всего тремя годами ранее его последний получатель жаловался в собственной онлайновой новостной группе, что никогда не сможет его завоевать.

Рынок детской литературы заметно изменился с того момента, как в 1996 году вышла последняя детская книга Пратчетта «Джонни и бомба». В следующем году в книжных магазинах появился «Гарри Поттер и философский камень», и к началу нового тысячелетия франшиза Дж. К. Роулинг полностью изменила индустрию. Роулинг потребовалось всего несколько лет, чтобы свергнуть с престола Пратчетта как еще действующего автора лучших бестселлеров Великобритании. В первый же день выхода книги «Гарри Поттер

[232] Примечания: 232

В 2001 году The Bookseller наградил Пратчетта за «помощь в продаже книг», но он воспринял это так, будто его погладили по голове за поддержание индустрии на плаву, а вовсе не в качестве признания мастерства. (*Примеч. авт.*)

и кубок огня» было продано столько же экземпляров, сколько нового романа Пратчетта за целый год. К тому времени, когда вышли «Изумительный Морис и его ученые грызуны», книги Роулинг разлетались сотнями миллионов, а фильмы, снятые по ее романам, заметно подняли продажи романов. Как написал на своем сайте Колин Смайт, книги о Поттере до «неузнаваемости изменили рынок». Роулинг сумела добиться того, что не получилось у десятков самых разных книг о «нищих сиротах с необычными способностями и таинственной судьбой» — она сделала фэнтези *крутым.* Естественно, появились сотни подражателей, и ее успех увеличил продажи книг других хороших авторов фэнтези. Захватывающая трилогия Филипа Пулмана «Темные начала» (His Dark Materials) сама по себе стала заметным явлением, а третий том «Янтарный телескоп» (The Amber Spyglass) получил премию «Карнеги» за год до «Мориса». Серия Дэниела Хэндлера «33 несчастья» (A Series of Unfortunate Events) и романы Йона Колфера про Артемиса Фаула также раскупались сотнями тысяч экземпляров. Если в девяностых издатели мечтали найти «новый Плоский мир», то в начале двухтысячных *отчаянно* хотели «следующего Гарри

Поттера». Возвращение Пратчетта в детскую литературу, случайное или намеренное, означало, что абсолютный мастер поколения вновь пришел на рынок, готовый его принять. Медаль «Карнеги» стала тому доказательством, пусть даже и в форме огромной шоколадной монеты. Тем не менее, несмотря на награду, уже не вызывало сомнений, что Пратчетт больше не является лучшим. Книги о Поттере стали неконтролируемым явлением, которое заново определило понятие «литературного успеха». Терри лишился своего трона, а средства массовой информации постоянно сравнивали Пратчетта и Роулинг. В 1999 году его пригласили написать эссе для The Sunday Times о расцвете фэнтези в связи с выходом третьей книги Роулинг «Гарри Поттер и узник Азкабана». В нем Пратчетт говорит, что серия о Гарри Поттере следует старым добрым традициям английского фэнтези, Толкина, Льюиса, Э. Несбит, Дианы Уинн Джонс, Сьюзан Купер и Алана Гарнера. В заключение он назвал работу Роулинг «прекрасно приготовленной».

Пратчетт всегда внимательно наблюдал за новинками в индустрии, заметил феномен Роулинг еще до того, как он достиг гребня волны, и прочитал «Философский камень» из любопытства.

Неожиданный успех серии сделал неизбежным пересечение общих элементов двух миров (волшебники, ведьмы, магические школы, тролли, гоблины, метлы и любимые драконы) — зазвучали тревожные колокола, и Терри решил не читать остальные книги, чтобы предотвратить обвинения в плагиате в обоих направлениях. Инстинкты его не подвели. К 2001 году юные фанаты начали спрашивать, не вдохновлен ли Страшдество (Hogswatch) Плоского мира школой Хогвартс (Hogwarts) из книги Роулинг. И совсем не помогало то, что по чудесному совпадению Пол Кидби нарисовал волшебника Плоского мира Думминга Тупса очень похожим на Гарри Поттера. Для юных фанатов, познакомившихся с жанром благодаря книгам о Гарри Поттере и теперь расширявших свои познания в этой области, тот факт, что Пратчетт создал Страшдество в 1976 году, а Кидби рисовал Думминга с 1995-го, просто не имел для них значения. С чего бы? Конечно, над обвинениями посмеялись, недоразумения исправили, но сравнения не прекратились. Даже на BBC, где Эндрю Марр брал интервью у Пратчетта в утреннем шоу, он представил своего гостя как писателя, «следующего по стопам Дж. К. Роулинг и Филипа Пулмана».

К несчастью, речь на вручении премии «Карнеги», где прозвучали неправильно понятые слова о том, что фэнтези — это больше, чем «чародеи, размахивающие волшебными палочками», стала сигналом для средств массовой информации, обожавших сенсации, для развязывания войны чародеев. Теперь Роулинг постоянно присутствовала в прессе Пратчетта. Он больше не был «британским автором номер один во всех списках бестселлеров» и стал человеком, который «раньше находился на первых строчках этих списков». Его постоянно просили высказать мнение о книгах Роулинг, и он научился тщательно подбирать слова, неизменно отзывался о ее работах с уважением и всякий раз повторял, что читал только первую книгу о Поттере, но считает Роулинг и себя вполне компетентными авторами, которым повезло оказаться на плечах гигантов. Периодические попытки заставить его согласиться, что на Роулинг повлиял Плоский мир, он всегда умело отбрасывал. В конечном счете они оба работали в жанре фэнтези. Никто из них не придумывал школу волшебников, и оба черпали идеи из общих источников — столетиях литературы о магии, мифических существах и диковинных мирах. Лишь однажды Пратчетт

позволил вовлечь себя в подобное обсуждение на публике. В июле 2005 года в журнале Time появилась статья о Роулинг. Там она сказала, что не является поклонником фэнтези, сначала не понимала, что пишет, и считала свою работу ниспровержением прежних избитых сюжетных ходов. Time воспользовался ее словами для напыщенных дезориентирующих тирад — заявив, что до Роулинг фэнтези было «идеализированным, романтизированным, псевдофеодальным миром, где рыцари и дамы обожали английские народные танцы под музыку “Зеленые рукава”»[233].

Пратчетт написал письмо в The Sunday Times — этакий ответ на комментарии Роулинг, — обратив особое внимание на высокомерный и пренебрежительный тон статьи, спрашивая, какая необходимость заставила ее автора принижать одних писателей, чтобы повысить значимость другого. Пратчетт совершенно справедливо указал, что «ниспровержение», которое Time относил к словам Роулинг, всегда было в сердце лучшего фэнтези. Письмо главным образом фокусировалось на статье The Times, а не самой Роулинг, однако в нем имелся один несомненный выпад

[233] Примечания: 233
Английская народная песня, известная с XVI века. (*Примеч. пер.*)

в сторону автора «Гарри Поттера» — неужели, когда она писала книгу о волшебниках, драконах и гоблинах, Роулинг действительно не понимала, что пишет фэнтези?

Письмо сразу стало сенсацией, вызвав отклик по всему миру. На веб-сайте BBC заявили, что «Пратчетт атакует Роулинг»: именно такого заголовка Терри пытался избежать в течение последних пяти лет[234]. Реакция самых активных фанатов Роулинг напоминала растревоженное осиное гнездо.

«Меня просто тошнит. В день ее рождения написать такое![235] — восклицал один фанат на форуме Snitchseeker. — Я больше не стану покупать его книги. Никогда».

На Пратчетта обрушилась ненависть фанатов Роулинг, он даже получал смертельные угрозы, главным образом от юных американских фанатов Поттера, которые знать не знали, кто такой этот Пратчетт. На следующий день он написал на alt.fan.pratchett, где попытался уточнить свою

---

[234] Примечания: 234

Так как это была очевидная ложь, неизменно бдительный Колин Смайт заставил BBC изменить свою позицию, и в результате заголовок слегка смягчили: «Пратчетт нанес удар Роулинг». (*Примеч. авт.*)

[235] Примечания: 235

К несчастью, это правда — письмо было напечатано 31 июля, на сороковой день рождения Роулинг. (*Примеч. авт.*)

позицию и подчеркнул, что все его претензии относились к журналисту Time, а не к Роулинг или ее работе.

Роулинг же неизменно предпочитала держаться подальше от прессы, ее позицию разделял и Пратчетт, но журналисты постоянно поднимали эту тему. Пратчетт, увы, не имел возможности постоянно отказываться от интервью, если хотел продвигать свою работу. Он старался вести себя сдержанно и часто повторял: «мои адвокаты советуют мне ничего не комментировать» или «я должен соблюдать осторожность, отвечая на ваши вопросы» всякий раз, когда возникали подобные темы. Тем не менее не было никаких оснований считать, что Пратчетт плохо относился к Роулинг или завидовал ее успеху. Они встречались по меньшей мере один раз — во время церемонии награждения. Роулинг жаловалась, что она едва ли когда-нибудь получит серьезную литературную премию и, по словам писателя Чарльза Стросса, он слышал, как Пратчетт ответил: «Джо, я тоже: нам остается лишь плакать, засыпая на матрасах, набитых двадцатифунтовыми банкнотами».

Следующая детская книга Пратчетта вышла весной 2003 года. «Маленький свободный наро-

дец» рассказывал историю девятилетней девочки со странным именем Тиффани Болен. Как и «Изумительный Морис и его ученые грызуны», книга стала ниспровержением избитого сюжетного хода — маленькая девочка должна совершить путешествие в сказочную страну и вернуть младшего брата, украденного королевой фей. Это комбинация элементов, взятых из столетий волшебных сказок и классической литературы, прежде всего из «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла, но также из «Удивительного волшебника из страны Оз», «Питера Пэна», «Нарнии» и классического фильма 1980 года «Лабиринт». В детстве Пратчетт ненавидел книги про Алису. Их тон казался ему самодовольным и снисходительным, странным и раздражающим. А еще ему не нравилось, что все держится на пассивной героине. Его юная ведьма Тиффани Болен стала настоящим антидотом жеманной и чопорной Алисе. Она была младшей дочерью фермера, ее приучили много работать, она прекрасно умела делать сыр. Благодаря таким тонким деталям детские персонажи Пратчетта становились живыми и приземленными. Именно практичность Тиффани делает ее особенной. Как и Эск из «Творцов заклинаний», с которой она разделяет литера-

турную ДНК, Тиффани не принимает чепухи, хотя она практичнее и далеко не мечтательница. Пратчетт написал пять книг про Тиффани, позволив ей меняться и постепенно взрослеть. Кроме того, ему не нравилось, что персонажи в детских книгах всегда словно застывали во времени. Тиффани девять лет в «Маленьком свободном народце», а в конце «Пастушьей короны» ей уже семнадцать, и она уже превратилась в молодую женщину. Вот вам приятное напоминание о том, как растет писатель Пратчетт. Когда ему пошел четвертый десяток, он пытался описывать узнаваемых молодых женщин, но когда ему перевалило за пятьдесят, сумел создать реальную девочку-подростка. После публикации «Маленького свободного народца» он даже стал почетным членом Организации девочек-гидов — за то, что сумел описать «настоящую девочку».

Сначала Пратчетт планировал сделать Тиффани одноразовым персонажем, но она пополнила компанию его самых любимых героев. Он говорил, что с Тиффани, как и с Сэмом Ваймсом, он мог доверять персонажу, понимающему, что нужно делать, — ему оставалось лишь сочинить сценарий, он инстинктивно знал, как поведет себя Тиффани. Получалось, что история рассказы-

вала сама себя. Позднее Пратчетт даже придумал персонификацию для этого процесса: Нарративия, богиня литературного творчества. В более поздних интервью он часто благодарил «миледи Нарративию» за творческие озарения, когда ему приходилось решать, в каком направлении будет двигаться сюжет[236].

Если «Творцы заклинаний» стали стоп-кадром жизни Пратчетта в семидесятые и восьмидесятые в уютном коттедже Гайес, родина Тиффани, Меловые холмы, являлась отражением сельской местности Уилтшира, где Терри и Лин жили с середины девяностых годов. Терри вырос в меловых землях Чилтерн-Хилс и ощущал глубокую связь с новым домом в Брод-Чалке, рядом с Солсбери. Ему достаточно было выглянуть в окно, чтобы увидеть родину Тиффани — фермы, стада овец, древние стоящие камни (Брод-Чалк находится всего в нескольких милях от Стоунхенджа), старые пастушеские хижины, древние рисунки на склонах холмов, зайцев и окаменелости. Здесь находится древнее сердце сельской Англии, и

[236] Примечания: 236

Хорошим примером является «Вор времени», в котором Пратчетт пытается придумать личность для пятого всадника Апокалипсиса, которым он сделал обычного молочника Рональда Соака. Он заявил, что Соак — это прочитанный наоборот Хаос — отличное апокалипсическое имя. (*Примеч. авт.*)

при посещении этих мест возникает ощущение, что ты идешь мимо деревушек Плоского мира. Земля Терри лежит в основе историй о Тиффани, в точности как сама Тиффани чувствовала землю в *собственных* костях.

В книгах видно, как Пратчетт потворствует своей любви к фольклору и часто делает ссылки на факты и обрывки историй, собранных им за годы исследований. В «Маленьком свободном народце» Тиффани рассказывает о госпоже Клацли, пожилой женщине, которую выгнали из дома и оставили умирать на улице, когда пришла зима, потому что местные жители считали ее ведьмой. Эта история пришла из интервью, которое Пратчетт взял у современной ведьмы для Midweek Free Press в 1973 году. Там же выражается сомнение в верности слухов о голых ведьмах, пляшущих по ночам — в английском-то климате! — о чем несколько раз говорится в романах Плоского мира. Ссылка на стариков, называющих лисиц «Рейнардом», первый раз появилась в Bath Chronicle как подслушанный разговор, а потом Пратчетт почти слово в слово пересказал его в «Пастушьей короне», в то время как суеверия, связанные с зайцами, которые можно найти в «Платье цвета полуночи», взяты из книжного

обзора, написанного Пратчеттом в 1974 году (см. главу 4). Во многих отношениях в книгах о Тиффани для Терри очень много личного, и возникает ощущение, что его успокаивало описание Меловых холмов, ведь он видел ландшафты Плоского мира совсем рядом со своим домом.

«Изумительный Морис и его ученые грызуны» стали предвестником самой великолепной формы Пратчетта во всей его карьере. В ноябре 2002 года вышла «Ночная стража», которую многие (в том числе Нил Гейман) считают лучшим романом всей серии Плоского мира. В этой истории Сэма Ваймса автор изымает из его собственного времени и отправляет назад, в темную и мрачную эру, когда Анк-Морпорк был погрязшим в коррупции полицейским государством, а воздух там пропитал запах приближающейся революции. Сэм уже однажды пережил подобные времена, и теперь должен сделать это снова, приняв личность собственного наставника, обреченного сержанта Киля, чтобы стать проводником для молодого Ваймса во время предстоящей революции, которая, как он знал, закончится кровавой бойней. Это самая захватывающая книга Пратчетта, и его обычно тлеющий гнев, являвшийся движущей силой всех романов о Ваймсе, здесь

взрывается кипящей яростью.

Однако у Пратчетта хватило времени для шуток — в конце концов, это Плоский мир! — и самых разных искусных отсылок, от фильмов о путешествиях во времени до «Отверженных» Гюго, но никогда прежде юмор не оказывался на втором плане так, как в «Ночной страже». Порой «Ночная стража» превращается в захватывающий триллер, и — редчайший случай для Пратчетта — читателю приходится смаргивать слезы[237]. Реакция на «Ночную стражу» была мгновенной и исключительно положительной, образовав огромный водораздел между Пратчеттом и его современниками.

Слава Пратчетта наконец преодолела Атлантику, и Америка начала проникаться его творчеством. В The Washington Post появился большой обзор, который начинался с того, что Пратчетта назвали «возможно, ведущим автором юмористических романов и мастером современного фэнтези». Короткую хвалебную статью опубликовала и The New York Times: эту крепость оказалось особенно трудно взять, о чем свидетельствуют слова: «The New York Times! ДА!», написанные на

---

[237] Примечания: 237
Или даже рыдать. Хм-м-м. (*Примеч. авт.*)

переданной по факсу копии обозрения, сделанной американским пресс-атташе Пратчетта и находящейся в архивах Колина Смайта.

В следующем году вышла «Пехотная баллада», продолжение позднего периода Плоского мира, более мрачного и серьезного, с историей о гендерных стереотипах и бессмысленности войны. Пратчетт уже брался за эти темы, но сейчас написал о них как автор, находящийся на пике своего таланта рассказчика. История молодой девушки, которая переодевается в юношу, чтобы вступить в армию и освободить брата от участия в безнадежной войне, вновь стала одной из самых лучших и гневных. Действие «Пехотной баллады» происходит в прежде не описанном месте Плоского мира, и роман совсем не похож на остальные книги серии. На самом деле, Пратчетт всерьез рассматривал вариант выбрать в качестве места действия Европу восемнадцатого века времен войны на Пиренейском полуострове, но обнаружил, что без особых усилий сможет придерживаться тона и настроения Плоского мира, хотя временами оказывался на грани. Подготовка к работе над книгой потребовала серьезных исследований, так как редактор высказал опасения насчет того, сможет ли женщина выдавать себя

за мужчину во время войны. Пратчетт погрузился в изучение свидетельств современников, ему пришлось провести немало времени в ряде необычных книжных магазинов, где он узнал, что более тысячи американок тайно воевали в Гражданской войне, а в Европе переодетые женщины могли дослужиться до высоких чинов в различных армиях, особенно при Наполеоне. В конце концов решение поместить историю в Плоский мир обрело смысл, и не только коммерческий (Пратчетт утверждал, что его книги продавались примерно одинаково, вне зависимости от того, где происходило действие, на спине А'Туина или нет). Франшиза распространилась почти по всему миру. Кроме того, Плоский мир позволял Пратчетту вносить в сюжет элементы сверхъестественного, отчего он становился разнообразнее и богаче.

«Ночная стража» и «Пехотная баллада» стали самыми суровыми из всей серии. Обе истории полны ярости, направленной на тех, кто занимает высокое положение, ведь они плохо обращались с людьми, которых им следовало защищать. В обеих книгах обычные солдаты превращаются в пушечное мясо, а высокопоставленные военные — будь то обезумевшие от жажды власти прави-

тели или мелкие бюрократы — готовы с радостью платить чужими жизнями за достижения своих целей. И те и другие настолько реально отражают наш мир (Бойня при Петерлоо[238] в «Ночной страже», ужасы колониальных войн в «Пехотной балладе»), что их нельзя считать в полной мере сатирой. «История с черепахой» никогда не была менее существенной.

Впрочем, нельзя сказать, что Пратчетт совсем отказался от юмора. В «Держи марку!» 2004 года история приговоренного к смерти мошенника Мойста фон Липвига, которого лорд Витинари заставил восстанавливать обветшалую почту Анк-Морпорка, имеется поверхностный, но блестяще написанный сюжет, работающий как швейцарские часы, хотя местами на поверхность выходит холодный гнев. В основе продолжения под названием «Делай деньги!», вышедшего в 2007 году, где Мойсту пришлось стать управляющим крупнейшего городского банка, лежит столь же легкий сюжет, который мчится вперед, полный тщательно спланированных пророческих атак на финансовую индустрию. К тому моменту,

[238] Примечания: 238

Столкновение гражданских лиц и оратора Гента с полицией и гусарами после митинга, на котором были выдвинуты требования предоставления всеобщего избирательного права. (*Примеч. пер.*)

когда книга вышла в 2008 году в мягкой обложке, международный банковский кризис был уже в полном разгаре, и читатели поняли, как великолепно разбирался в деньгах Пратчетт[239].

В 2005 году Doubleday опубликовало «Шмяк!», тридцать четвертый роман серии Плоский мир, который определил тон множества книг, последовавших за ним. «Шмяк!» — это захватывающее детективное расследование убийства, рассказывающее о бессмысленности войны на политическом уровне, как и «Пехотная баллада» — прямо с фронта. Кроме того, здесь продолжается линия религиозного фундаментализма, впервые появившаяся в «Пятом элефанте», опубликованном шестью годами раньше, а теперь, благодаря последствиям 11 сентября, так называемой «Войны против терроризма», обретшей предельную значимость. Сэма Ваймса, как всегда, переполняет религиозная ярость, но здесь достаточно традиционной искры Плоского мира (и немало Фреда Колона и «Шнобби» Шноббса), чтобы история получилась не такой жесткой.

«Шмяк!» явился знаменательной вехой в путешествии Пратчетта. После десятилетий пе-

---

[239] Примечания: 239
Извините. (*Примеч. авт.*)

ремещения между издателями, игр с разными обложками, участия в «Ворлдконах» и огромного разочарования от общения с Голливудом, «Шмяк!» стал первым романом Пратчетта, попавшим в список бестселлеров The New York Times. К этому моменту он шел так долго, что редактор Терри, Дженнифер Брель, расплакалась, когда позвонила ему по телефону, чтобы об этом сообщить. Пратчетт публично говорил, что его не волнуют неудачи на американском рынке, но те, кто его хорошо знал, понимали, что Терри не может смириться с таким положением вещей. Ведь это огромная территория, родина многих героев его любимого жанра, и далеко не последними среди них были Марк Твен и Гарри Гаррисон. Англия в сердце Плоского мира не отпугнула австралийцев, чехов или сербов, но привратники американской литературы старательно смотрели мимо — The New York Times, совершившая англофобное потрошение «Благих знамений», лишь один из примеров. Хотя большинство книг Пратчетта в том или ином виде выходило в Соединенных Штатах, неизменно оставалось впечатление, что издатели не знали, как их продавать. Несмотря на то что у Пратчетта часто имелся агент или редактор в США,

продвигавшие его работы, всегда находились те, кто занимал более высокое положение и просто *не понимал* Пратчетта. В ранние годы Плоского мира книги выходили с ужасающими жанровыми обложками, сделанными художниками, которые оформляли книги Раймонда Э. Фейста или Роберта Джордана, совершенно лишенные юмора. Романы печатались случайным образом, без всякого порядка, из чего следовало, что маркетинговый план отсутствовал, в то время как во всем мире он был синхронизирован.

Продажа романов Плоского мира в Америке иногда вызывала недоумение — скажем, в пресс-релизах о «Дамах и господах» говорилось о танцорах морриса как о «футбольной команде». Распространение книг в США было таким отвратительным, что книги, подписанные Пратчеттом на конвентах, часто оказывались импортированными британскими изданиями. Бессистемное расписание изданий приводило к тому, что у него не было шансов выиграть самые престижные награды НФ. Пратчетт стал первым почетным гостем «Ворлдкона», так и не получившим столь желаемой «Премии Хьюго».

К 2000 году в издательском гиганте HarperCollins, который выпускал книги Терри в США с 1994

года, сменилась команда, и его редакторы и агенты наконец сумели убедить компанию, что автор, продающий каждый год по всему миру миллионы книг, стоит того, чтобы его поддержать. Ситуация постепенно начала улучшаться. Пратчетт всегда являлся культовым автором в США, но стал постепенно развиваться, как уже вышедший на рынок со стильной новой обложкой, к тому же к прежним добавлялись новые книги, выпуск которых был синхронизирован с Великобританией. В 2004 году Пратчетт являлся почетным гостем «Ворлдкона», к 2005 году попал в список бестселлеров The New York Times, а к 2009-му Америка уже сама принимала конвенты Плоского мира.

Теперь его уже больше нельзя было называть культовым автором, хотя частью его нараставшего успеха являлся отказ вести себя соответствующим образом. Его отношения с фанатами оставались как у жанрового писателя, и на конвентах и вечеринках по поводу годовщин Плоского мира он предпочитал проводить время, беседуя с поклонниками, — Пратчетт настаивал, чтобы их непременно приглашали на такие события, — а не с прессой или представителями книжного бизнеса. Никто не мог отрицать, что он

достиг статуса, превосходившего звание «просто популярного автора». Как сказала Джо Флетчер, «он стал витриной магазина, писателем, чьи книги лежат у входа. Так Стивен Кинг перестал быть автором книг ужасов, превратившись в “Стивена Кинга”. И Терри Пратчетт больше не был просто автором фэнтези, он стал “Терри Пратчеттом”». Его книги были не только удивительно успешными, их положительно принимали критики (хотя всегда находились те, кому они не нравились). К тому же сильно помогало то, что он начал писать на более высоком уровне, чем прежде. Немногие могли прочитать сложную и трогательную книгу «Ночная стража» или захватывающие приключенческие истории о Тиффани Болен, вроде «Шляпы, полной неба», и не признать их увлекательными и впечатляющими.

В 2006 году встал на место последний, давно ожидаемый кусок головоломки Плоского мира — на Рождество по Sky TV показали мини-сериал по «Санта-Хрякусу» с участием телезвезд и большим бюджетом. Фильм, созданный манчестерской компанией The Mob, снимали при активном участии Пратчетта (очевидцы рассказывали, что он «ходил кругами» возле сценария), и он получился верным духу оригинала, приятным

и роскошным. «Санта-Хрякус Терри Пратчетта» (Terry Pratchett's Hogfather) стал огромным успехом канала, и было решено сделать еще один мини-сериал, адаптацию «Цвета волшебства». Пратчетт уже давно выкупил права у Catalyst, компании, ответственной за неудавшуюся экранизацию романа десять лет назад. Ярый фанат Плоского мира, Дэвид Джейсон играл Ринсвинда — и ему пришлось побороться за эту роль[240] (несмотря на то что он играл Альберта — при куда более удачном распределении ролей — в «Санта-Хрякусе»), а съемки были назначены на следующий год.

Между тем Пратчетт собирал почетные докторские степени, как школьник футбольные наклейки, и даже получил приглашение в Белый дом. Ко всему прочему, его наградили знаком «Голубого Питера» в честь новой экранизации на BBC «Джонни и бомбы», о чем он мечтал с самого детства. Мальчишка из Форти-Грин, неотесанный пресс-атташе, любитель живого пива, занудный автор фэнтези с армией Кевинов в куртках с капюшонами, теперь имел право совершенно законно считать себя подлинным национальным

---

[240] Примечания: 240
Конечно, он был не тем братом Троттер. (*Примеч. авт.*)

сокровищем.

Глава 17
Препятствия

Во вторник, 11 декабря 2007 года, Терри Пратчетт сделал заявление на сайте Сандры Кидби PJSMPrints.co.uk — обычно его использовали для рекламы произведений искусства, связанных с Плоским миром, и сувениров — под заголовком: «Препятствие на пути прогресса»:

> «Мне поставили диагноз очень редкой формы раннего Альцгеймера… Мы решили отнестись к этому философски и с некоторой долей оптимизма… Откровенно говоря, я бы предпочел, чтобы никто не переживал по данному поводу, поскольку рассчитываю, что у меня осталось время еще на несколько книг, и все же…:o)».

Заявление было сделано для того, чтобы успокоить поклонников и сообщить, что две новые книги, «Народ, или Когда-то мы были дельфинами» и «Незримые академики», уже почти готовые к печати, выйдут вовремя, и все остальные обязательства будут выполнены. И еще в

нем содержалась просьба о том, чтобы любые предложения о помощи исходили только от тех, кто на самом деле понимает, о чем идет речь.

Реакция последовала мгновенно — как и следовало ожидать. Тем не менее оцененное по достоинству сочувствие и поддержка поклонников заполнили почту Терри — в первые несколько дней по электронной почте ему пришло целых 150 тысяч писем. Его заявление появилось в средствах массовой информации по всему миру, стало «главной новостью часа» в телевизионных официальных сообщениях и появилось на первых страницах газет. Банально было сказать, что его жизнь уже никогда не будет прежней, когда речь идет о прогрессирующей и неизлечимой болезни мозга; однако для Пратчетта она стала больше, чем только вопросом собственного здоровья. Альцгеймер будет определять его профессиональную жизнь и наследие так, как он не мог предвидеть.

Эксперты согласились, что данный вариант болезни Альцгеймера у Пратчетта — задняя корковая атрофия (ЗКА) — начала развиваться за десять лет до того, как ему поставили диагноз. Позднее Терри и его личный помощник Роб Уилкинс отследят первые симптомы до 2005

года, когда Пратчетту начало казаться, что буква «E»[241] исчезла с его клавиатуры, и, несмотря на все попытки, он не мог ее найти. Уилкинс также отметил, что в 2005 году появились едва заметные ошибки в правописании и при работе на клавиатуре. Для опытного мастера печати слепым методом и журналиста это были тревожные сигналы, но Пратчетт приближался к шестидесятилетию и посчитал их признаками надвигавшейся старости.

По правде говоря, его здоровье начало ухудшаться в течение последних нескольких лет, и это — как сказали бы многие — в сочетании с «естественным течением времени» маскировало и отвлекало его от медленного наступления ЗКА. В 2004 году после рецидивирующих приступов стенокардии Пратчетту провели чрескожное коронарное вмешательство для того, чтобы снизить ненормально высокое давление. Это сравнительно легкая операция, при которой в просвет артерии вводят стент для ее расширения. Во время операции возникли осложнения: Пратчетт плохо отреагировал на введение рентгенконтрастного вещества в кровеносную систему, что

[241] Примечания: 241

Возможно, речь шла об «S», буква менялась в разных версиях. (*Примеч. авт.*)

привело к артериальному кровотечению. Он помнил, что у него возникли галлюцинации — ему казалось, будто рядом стоит человек, продающий бутерброды, что удивило проводившего операцию хирурга — его пациент вдруг начал что-то кричать про ланч. В то время эта история даже попала в газеты[242], хотя и в сильно искаженном виде. Пратчетт стал принимать гипотензивные препараты после неудачного эксперимента с бета-блокаторами, и его проблемы с сердцем исчезли.

К 2006 году Терри, не говоря уже о Лин и Робе, стало очевидно: *что-то* пошло не так. Он постоянно терял ключи от машины и другие мелкие предметы, не мог вставить в замок ремень безопасности, ему не удавалось завязать галстук или надеть вывернутую наизнанку куртку. У Терри начался период, который он назовет «дни станции Клэпем», когда все требовало его внимания по разным поводам, и он чувствовал, что не справляется с текущими делами, которых становилось слишком много. В том же году отец Терри, Дэвид Пратчетт, умер от рака поджелудочной железы после года тяжелой борьбы с болезнью.

---

[242] Примечания: 242
Но не та часть, где шла речь о сэндвичах. (*Примеч. авт.*)

Возвращаясь домой после последнего визита к отцу, Терри поцарапал бок своего Jaguar о стену. Он посчитал, что это случилось из-за пережитого горя, в его глазах стояли слезы, но когда произошла еще одна мелкая авария во время парковки, Пратчетт отдал ключи от машины, понимая, что теперь ему опасно сидеть за рулем.

После того как выяснилось, что с глазами у Терри все в порядке, его терапевт поставил диагноз «ишемические изменения» — медицинский термин, означающий естественный процесс старения клеток человеческого мозга. Диагноз принес некоторое облегчение, однако довольно скоро случился еще один день на «станции Клэпем», заставивший Терри подумать, что с ним происходит нечто более серьезное, и он вернулся к врачу. На этот раз его исследовали на «краткую шкалу оценки психического статуса» (КШОПС), которая является базовым тестом для болезни Альцгеймера, но результаты не объясняли проблемы с памятью и координацией, и доктора решили, что можно отбросить этот диагноз. Пратчетта отправили на МРТ-сканирование и ультразвуковое исследование. Сканирование показало наличие «серых пятен» в мозгу — места скопления мертвых клеток.

Доктор посчитал, что во всем виноват тромбоз артерии, питающей мозг, двухлетней давности. Диагноз выглядел весьма правдоподобно, поскольку по времени совпадал с микроинсультом: тогда Терри лечился от приступов стенокардии и высокого давления, и началом проблем с орфографией и координацией движений. Ему прописали препараты для снижения уровня холестерина и рекомендовали соблюдать диету, а также сказали, что его мозг с высокой вероятностью восстановится, и продолжавшие функционировать клетки мозга возьмут на себя работу, которой занимались умершие. Встревоженный, но удовлетворенный диагнозом, казалось, объяснявшим все симптомы, Терри вернулся к работе.

Он не собирался замедлять темпы, и 2007 год выдался очень напряженным. Впрочем, как и большинство других лет. Успех «Шмяка!» в Америке дал зеленый свет — после стольких лет ожидания! — на завоевание нового рынка, началась рекламная кампания по продвижению романа «Делай деньги!», ставшая одной из самых сложных. Терри отправился в рекламные туры по России и США, а в Америке получил престижное приглашение посетить Белый дом, где несколько авторов удостоились встречи с Первой леди,

Лорой Буш, за завтраком, затем состоялся ланч в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне. Во время этих событий, а потом и в Нью-Йорке, Пратчетт весело рассказывал о своем микроинсульте, хотя тогда на его откровения не обратили особого внимания. Терри дал интервью об этом Daily Mail — складывалось впечатление, что он хотел привлечь внимание к проблемам, с которыми не хотел иметь дело. Пратчетт весело обсуждал симптомы, и его талант шутить экспромтом и пускать в ход заранее заготовленные остроты в интервью все еще оставался с ним.

Однако симптомы не исчезали, и, несмотря на то что говорили специалисты, ситуация только ухудшалась. Во время тура по Италии жена британского посла заметила, что у Терри неправильно застегнуты пуговицы на рубашке. Когда Пратчетт вернулся домой, чтобы продолжить работу над книгой, он обнаружил, что стал совсем плохо печатать, и ему пришлось диктовать секретарю. Этого оказалось достаточно, чтобы терапевт Терри решил проконсультироваться с другими специалистами. Они обратились в больницу Адденбрукс в Кембридже. Доктора изучили его сканы, провели новые тесты, и на этот раз поставили диагноз ЗКА. Так, в возрасте 59 лет, Терри

узнал, что у него ранняя болезнь Альцгеймера.

ЗКА — очень редкая форма болезни Альцгеймера и обычно проявляется у пациентов моложе 65 лет. Болезнь вызывает появление протеинов в мозгу, которые создают преграду между нервными («мозговыми») клетками, отрезая их друг от друга. Со временем изолированная клетка умирает, вызывая нарушение ряда функций, в том числе памяти, зрения, слуха, ориентации в пространстве и речи. Обычно заболевание начинается с гиппокампа, крошечного участка в височной доле, имеющего форму морского конька и являющегося частью центра памяти мозга. Вот почему у большинства заболевших прежде всего страдает память. Существуют разные гипотезы причин, вызывающих болезнь Альцгеймера, но в настоящий момент медицинская наука не пришла к единому мнению. Некоторые доктора считают, что они носят генетический характер, другие связывают их с общим состоянием здоровья и рисками старения или объясняют происходящее простым невезением. Болезнь носит прогрессирующий характер — со временем состояние пациента только ухудшается. Сама по себе болезнь Альцгеймера редко бывает фатальной, но в конечном счете большинство больных

умирает от осложнений, например острого тромбоза головного мозга, проблем с дыханием, а также ослаблением иммунитета к различным инфекциям. Пациент с болезнью Альцгеймера в поздней стадии требует круглосуточного ухода. Есть несколько способов, замедляющих болезнь, но кардинального лечения до сих пор не существует. Альцгеймер — это отсроченный смертный приговор. Больной постепенно теряет собственную личность и память. Процесс может занять много лет или пройти очень быстро. Средняя продолжительность жизни с таким диагнозом составляет около семи лет.

ЗКА, разновидность болезни Альцгеймера, — диагноз, поставленный Терри, — немного отличается от более распространенной формы. ЗКА поражает не гиппокамп, а заднюю часть мозга, участок, который контролирует восприятие пространства и обработку информации, предоставляемой глазами. К примеру, наши глаза могут подсказать нам, что клавиатура находится на письменном столе перед нами, но именно задняя часть мозга сообщает, что это такое, и позволяет пальцам находить нужные клавиши. Один из стандартных тестов для ЗКА состоит в том, чтобы скопировать проведенную линию: глаз видит

картинку, но когда мозг пытается переработать информацию так, чтобы иметь возможность ее воссоздать, возникают проблемы. ЗКА также называют самым предпочтительным вариантом Альцгеймера — хотя такое отношение сильно раздражало Пратчетта, — поскольку оставляет многие функции мозга без изменения. Заболевшие сохраняют память, способны поддерживать разговор и креативно мыслить. Достаточно часто посторонние люди, не знающие о болезни, даже не подозревают о ее наличии. Пратчетт часто повторял, что в начальной стадии, если бы ему не рассказали, что у него обнаружена одна из форм болезни Альцгеймера, он бы большую часть времени ничего бы не замечал.

Что ты делаешь, когда узнаешь, что у тебя такое заболевание? Как борешься с мыслями о том, что получил медленный, но неотвратимый смертный приговор? Что происходит *дальше?* Терри отчаянно хотел услышать — с самой первой секунды, как только ему сообщили о диагнозе, — что для него существует «золотая середина», и кто-то ему расскажет, какие шаги следует предпринять, покажет, что нужно делать. Ему требовалось направление и ответы. К несчастью, никакой определенности не было, что приводило

его в бешенство. Для больных с таким диагнозом, как у него, палату на ночь закрывали, и ему приходилось возвращаться домой.

Позднее, когда Терри пригласили провести престижную лекцию памяти Ричарда Димблби, он описал тот день, когда ему стало известно о страшном диагнозе. Обычно, когда люди узнают плохие новости, они испытывают замешательство, появляется звон в ушах или темная тишина, блокирующая слова врача, в то время как мозг пытается осмыслить размеры бедствия. Однако реакция Терри Пратчетта была иной. На миг ему показалось, что доктор охвачен сияющим красным пламенем, как и другой врач, мимо которого он прошел, когда покидал здание. Внутри Пратчетта набирала силу белая ослепительная ярость, и с каждым мгновением она становилась все более жаркой. Только спокойные медицинские советы некоторых знающих поклонников и практичная надежная поддержка семьи помогли ему пережить следующие несколько дней. Лин, со своей стороны, почувствовала облегчение — она подозревала, что у ее мужа опухоль мозга. Терри сказал, что предпочел бы опухоль, ведь такие вещи хотя бы излечимы.

Проблема состояла в том, что «золотой середи-

ны» *не существовало.* Например, больному раком можно сказать, что ему предстоит ухабистый путь, но врачи хотя бы знают, каким он будет. Терри оказался подвешенным в пустоте. В его регионе было только два специалиста по болезни Альцгеймера. Один из них не имел опыта лечения ЗКА, другой брал пациентов только в возрасте 65 лет и старше. Поскольку лишь специалисту по данной болезни по закону разрешалось осуществлять лечение и выписывать лекарства, никто из врачей, живших поблизости, не мог заниматься Пратчеттом и выдавать ему рецепты. Более того, выяснилось, что Национальная служба здравоохранения (НСЗ) вообще не в состоянии обеспечить его хоть *каким-нибудь* лечением. Препарат «Донепезил», который продавался под торговым названием «Арисепт», как показали исследования, замедлял развитие болезни, но его начали производить совсем недавно, а потому стоил он очень дорого. Хотя сейчас правила изменились, в 2007 году НСЗ не обеспечивала «Арисептом» тех, кто страдал от начальной или легкой формы болезни. Впрочем, пациент мог самостоятельно и вполне легально приобрести препарат, если знал, как обойти систему, а поскольку Терри обладал хорошими связями и имел

достаточно денег, он сумел получить лекарство сравнительно быстро. Для Пратчетта, наделенного обостренным чувством справедливости, тот факт, что лекарство, которое существенно улучшало качество жизни, оставалось недоступным для десятков тысяч пациентов, был невыносим. Шипящая, кипящая ярость могла вот-вот вырваться наружу.

Терри требовалось куда-то ее направить, он хотел чувствовать, что движется вперед, знать, что контролирует свою болезнь. В первые дни после объявления диагноза Пратчетт принял три важных решения. Как только Роб, личный секретарь Терри, узнал новость, он спросил, кому они о ней расскажут. «Всем» — так ответил Пратчетт. Конечно, в курс дела следовало ввести его издателей, а также людей, с которыми он поддерживал деловые отношения. Какие-то события требовалось отменить или отложить. Так что в любом случае известие о болезни Пратчетта станет общим достоянием. Решение состояло в том, чтобы вести себя демократично с информацией и контролировать ее — 11 декабря Терри, на веб-сайте PJSM Prints, сообщил всему миру о своем диагнозе. Таким стало его первое решение. Второе решение принесло свои плоды,

когда следующей весной Пратчетт объявил, что жертвует миллион долларов на исследование болезни Альцгеймера[243]. Терри выбрал именно такой способ борьбы. Он испытал настоящее потрясение, когда узнал, сколько правительство тратит на людей с таким диагнозом — в 2008 году в Великобритании эта сумма составляла 11 фунтов стерлингов на каждого пациента с этим диагнозом. На исследование онкологических заболеваний тратилось 289 фунтов на человека. Еще до того, как Пратчетт сделал пожертвование, он посетил Даунинг-стрит, чтобы поговорить с премьер-министром лейбористом Гордоном Брауном, который, как позднее рассказал Терри, лично налил ему чашку чая. Чтобы никому не оказывать предпочтения, в том же году Пратчетт встретился с Дэвидом Кэмероном и выступил на конференции консервативной партии в Манчестере по поводу болезни Альцгеймера.

Третье важное решение состояло в том, чтобы всеми силами привлекать внимание к болезни Альцгеймера. Пратчетт собирался сделать эту

---

[243] Примечания: 243

Пратчетту нравилось красивое круглое число «один миллион долларов». К несчастью, пресса Великобритании предпочитала озвучивать все в фунтах стерлингов, и потому сумма получилась не столь впечатляющей — «немногим меньше чем 500 000 фунтов стерлингов». (*Примеч. авт.*)

тему приемлемой в разговорах, лишить ее негатива. Он сравнивал свою работу с тем, как семья Димблби помогла уничтожить заговор молчания вокруг рака, объявив, что Ричард Димблби умер от этой болезни в шестидесятые годы. Теперь Терри постоянно повторял мантру: «Чтобы убить демона, необходимо произнести его имя». Он взял на себя роль неофициального представителя болезни Альцгеймера, появлялся в ток-шоу и программах, посвященных текущим событиям, тратил энергию, обычно предназначенную для продвижения книг, на беседы о своей болезни. Он разрешил документальной студии BBC фиксировать на пленке течение его болезни, встречи со специалистами и беседы с другими пациентами. Пратчетт хотел использовать свой авторитет, популярность и уважение к «национальному достоянию» для борьбы с болезнью Альцгеймера.

2008 год был полон важных вех и годовщин. В апреле Терри исполнилось шестьдесят лет, и Рианна Пратчетт договорилась с фолк-рок-группой Steeleye Span, которую с самого детства обожал ее отец, дать в честь юбилея[244] кон-

[244] Примечания: 244

Группа собиралась записать альбом, основанный на книге о Тиффани Болен «Господин Зима». Несомненно, это один из трех лучших альбомов, посвященных темам Плоского мира. (*Примеч. авт.*)

церт на открытом воздухе рядом с домом Терри и Лин в Уилтшире. Весной канал Sky показал экранизацию первых двух романов Плоского мира под названием «Цвет волшебства Терри Пратчетта» (Terry Pratchett's The Colour of Magic), имевшую еще более значительный успех, чем «Санта-Хрякус» в 2006 году. Уже упоминавшийся выше Дэвид Джейсон, который чувствовал себя комфортно в лагере «национального достояния», играл Ринсвинда, а талантливому актеру Шону Эстину, недавно сыгравшему Сэма Гэмджи во «Властелине колец» Питера Джексона, досталась партия Двацветка, Тим Карри же блестяще справился с ролью Траймона. Осенью Терри и Лин праздновали сороковую годовщину свадьбы, а также двадцать пять лет со дня выхода «Цвета волшебства» и всей серии Плоского мира. Последнее событие было отмечено специальной вечеринкой в Королевском обществе, приуроченной к выходу новой книги Пратчетта «Народ, или Когда-то мы были дельфинами».

Конечно, нет ничего особенного в числах шестьдесят, сорок или двадцать пять. Если перефразировать «Благие знамения», продолжайте считать, и со временем и вы до них доберетесь. Но стоит рассмотреть их одновременно, как

сразу становится ясно, что 2008 год имел особое значение в жизни Пратчетта[245], ознаменовав конец еще одной эры. К несчастью, 2008 год нельзя назвать годом праздников. Болезнь Терри прогрессировала и стала главной темой во всех его интервью, в каждой статье и обзоре, которые имели отношение к нему и его творчеству. Терри позволил себе стать «мистером Альцгеймером», частично из-за того, что люди, по его мнению, слишком мало знали об этой болезни, частично ему казалось, что так он не бездействует и наносит по ней превентивный удар. И все же для него это было утомительно, как заметил журналист Фрэнсис Харди, писавший в Daily Mail, «когда я заговорил о болезни, спросив: “Как ваши дела?”, он устало вздохнул. Он говорил исключительно о деменции и затронул ее различные проявления и последствия с сентября предыдущего года, пока не исчерпал себя». Несколько месяцев спустя Дебора Орр после посещения рабочего кабинета Пратчетта в часовне, на территории его дома в Уилтшире, написала в The Independent, что раз-

[245] Примечания: 245

На самом деле, если их сложить, получится 125. Для тех, кто верит в нумерологию, эти числа имеют значение и несут послание от высших сил, 125 считается символом оптимизма и указанием на то, что следует преодолеть трудности. Сами делайте выводы. Как бы там ни было, я бы не стал на этом задерживаться, но каждому свое. (*Примеч. авт.*)

говоров об Альцгеймере более чем достаточно. «На самом деле мне очень жаль, что диагноз прогрессирующей болезни мозга больше влияет на общественное мнение, чем объем проделанной Пратчеттом содержательной работы». Орр постаралась поговорить с Пратчеттом о его последней книге, но теперь, после того как он в течение нескольких месяцев обсуждал только свою болезнь, Терри уже не мог с собой справиться. «Мне пришлось прямо попросить Пратчетта, чтобы он перестал говорить о своем состоянии с точки зрения медицины, — сказала она. — Однако он не обратил ни малейшего внимания на мои слова».

Вероятно, именно многочисленные публикации о болезни Пратчетта повлияли на несколько напряженное настроение конвента, посвященного Плоскому миру, — события, которого он всегда ждал с нетерпением. Поклонники, привыкшие приветствовать почетного гостя, опасались, что он там больше не появится, или они увидят лишь внешнюю оболочку прежнего писателя. Терри, шутник до мозга костей, превосходно воспользовался опасениями аудитории. Когда он выступал со сцены конвента, впервые в том году, Пратчетт поднял градус напряжения, сделав вид, что забыл собственное имя перед тем, как прочитать речь

по шпаргалке, показательно вынутой из кармана. Мастерская получилась уловка.

Однако отчет о конвенте в документальном фильме, который состоял из двух частей, «Терри Пратчетт: Жизнь с Альцгеймером» (Terry Pratchett: Living With Alzheimer), вышедшем в следующем году, показал, что все не так хорошо. Терри выдал традиционную «сказку на ночь», сделав краткий обзор новой книги «Народ, или Когда-то мы были дельфинами». Чтение часто становится проблемой для людей, страдающих ЗКА, и складывалось впечатление, что Пратчетт терял нить, когда жаловался на «тени», упавшие на страницу и мешавшие ему видеть слова. Это стало болезненным напоминанием, что, несмотря на все попытки автора храбриться[246], ЗКА все еще таится где-то в глубине. Фанатам на конвенте впервые объявили, что теперь Терри будет ставить на книгах только имя и не станет писать посвящения.

Весь год Пратчетт энергично занимался своей болезнью, изо всех сил стараясь прогнать мысли о том, что она сделала из него инвалида, повторяя

---

[246] Примечания: 246

Впрочем, Пратчетт ненавидел, когда его называли «храбрым», и мог вести себя агрессивно, когда кто-то произносил это слово. (*Примеч. авт.*).

едва ли не в каждом интервью, что если кто-то *не знает*, что у него Альцгеймер, никто и не *поймет*, что он болен. По большей части он был прав. Однажды врача из Лондона, который провел целый день с Терри, попросили высказать свое мнение о течении болезни, и он ответил, что Пратчетту поставили ошибочный диагноз, у него нет никаких признаков деменции. Терри еще не утратил своего остроумия, и, хотя иногда возникали неловкие ситуации из-за его вспыльчивости, раньше с ним также случались похожие вещи, в особенности если появлялись проблемы с новой книгой. Когда он только начал посещать врачей, чтобы узнать свой диагноз, его жена и секретарь предупреждали докторов, что часть симптомов есть следствие того, что он «писатель», а еще точнее: «Терри Пратчетт».

В действительности, меры, предпринятые после определения диагноза, принесли некоторое улучшение, и настроение Терри по большей части оставалось позитивным. Он регулярно проходил тесты, чтобы отслеживать динамику болезни, и в 2008 году показывал результат двадцать девять из тридцати по всем. К 2010 году он потерял всего три пункта — их стало двадцать шесть. Конечно, главным источником помощи

являлся «Арисепт», но Терри также пытался использовать и другие, менее очевидные средства. Лин слышала, что куркума может помочь замедлить болезнь, и ежедневно делала ему настойку, отчего усы у Терри приобретали желтоватый оттенок. А еще она постоянно кормила его витаминами в таблетках. На другой чаше весов находился «Безумный шлем»[247] — жутковатый прибор, будто вышедший из научной фантастики, состоявший из черных кубиков и проводов, сделанный доктором Гордоном Дугалом, терапевтом из Южной Африки, который жил на севере Англии. Шлем направлял вспышки инфракрасного излучения в мозг, что, в теории, должно было стимулировать рост клеток. После того как Бернард Пирсон сделал слепок необычной куполообразной головы Пратчетта, чтобы писателю было удобнее, его использовали дважды в день. «Безумный шлем» подробно описан в документальном фильме «Терри Пратчетт: Жизнь с Альцгеймером». Доктор Дугал выглядел довольным своим изобретением, которое он, по его словам, успешно использовал на приемном

[247] Примечания: 247

Так Пратчетт называл это устройство. Остается только жалеть, что доктор не принял его для будущего маркетингового использования. (*Примеч. авт.*)

отце, вернув ему вкус к жизни и, если верить матери доктора Дугала, «восстановил либидо».

Дугал не только произвел благоприятное впечатление как человек, который изобрел шлем, восстановивший сексуальную жизнь своих пожилых родителей, — Терри и Роб сразу позитивно отреагировали на новый прибор. Два любителя техники, подружившиеся благодаря своим модифицированным по индивидуальным заказам ZX Spectrum, не знали, будет ли какая-то польза от прибора, но инстинктивно чувствовали, что его действие стоит опробовать. Пратчетт всегда охотно обращался к новым методам лечения и препаратам, если за ними стояли научные обоснования, и даже согласился на извлечение металлических пломб из зубов, что, по словам эксперта, должно было замедлить продвижение болезни.

В 2011 году в интервью сайту Madison.com, посвященному новостям города Висконсин, в США, где должен был проходить конвент Плоского мира, Пратчетт признался, что из-за некоторых лекарств его моча стала синей, что смутило посетителей, которые мочились рядом с ним в туалете

английской пивной[248]. Эффект изменения цвета указывает, что Терри принимал «метиленовый синий», лекарство от Альцгеймера, которое испытывали в США, где его в какой-то момент стали называть «чудо-лекарством»; оно действительно превращало мочу пациента в коктейль экзотического цвета.

В начале 2008 года Терри наконец попал к специалисту, профессору Рою Джонсу, одному из основателей «Исследовательского института по уходу за пожилыми людьми» (ИИУПЛ), находившемуся в хорошо известном Терри городе Бате. Он посещал центр ИИУПЛ дважды в год по мере того, как его болезнь прогрессировала. Профессор Джонс и его команда всякий раз проводили серию практических и ментальных исследований, в том числе словесные игры, проверку памяти и задания, связанные с рисованием. Тесты показали — как и следовало ожидать, — что коэффициент умственного развития у Терри выше среднего. Он не смог удержаться от саморекламы во время словесных игр, и когда его попросили назвать

[248] Примечания: 248

Пратчетт воспользовался этой возможностью, чтобы сделать вид, будто он инопланетянин, — повернувшись к стоявшему рядом человеку, он сказал: «Я получаю огромное удовольствие от визита на вашу планету». Позднее этот побочный эффект появился в «Бесконечной земле» как результат приема лекарства от тошноты. (*Примеч. авт.*)

как можно большие животных на букву «Н» или предметов, которые можно купить в магазине, он приступал к перечислению так быстро и с такими смешными подробностями, что работавший с ним психолог перестал отслеживать его ответы. Доктора предположили: хотя ЗКА, вне всякого сомнения, оказывал влияние на его мыслительные процессы и активность мозга, один фактор, отмеченный в его первоначальном диагнозе, остается верным — его мозг, скорее всего, «переписывает» себя, и другие нервные клетки забирают функции тех, которые уничтожила болезнь. К сожалению, все, кто имел отношение к тому, что происходило с Терри, понимали, что радоваться было особо нечему. Да, он сможет функционировать еще некоторое время, но клетки мозга постепенно закончатся. Это стало очевидно, когда Терри попросили перейти к практической части теста, где от него требовалось скопировать некоторые линии — пересекающиеся пятиугольники, завитую спиральную пружину и простой пространственный рисунок дома в перспективе. Его попытки выглядели не лучшим образом рядом с оригиналами, у пятиугольников не хватало нескольких сторон, у пружины — петель, а у маленького домика полностью отсутствовала перспектива,

словно его нарисовал мелком четырехлетний ребенок. Еще обиднее становилось из-за того, что дом на рисунке напоминал замок зубной феи из «Санта-Хрякуса».

Пратчетт был хорошим художником, что превращало тесты в особенно мучительные испытания. Иллюстрации, которые он сделал к «Людям ковра» в 1971 году, показывали его собственный характер, глубину и перспективу, а в тех рисунках, что Терри раскрашивал сам, он прекрасно использовал цвет и наделял их тонкими деталями и изысканностью. Пратчетт сделал несколько научно-фантастических рисунков для обложки «Темной стороны солнца», а также некоторое количество остроумных карикатур в Bucks Free Press, Bath Chronicle и Psychic Researcher и продемонстрировал в них самые разные умения и техники. В то время как ЗКА милосердно позволила Пратчетту продолжать писать — он стал автором или соавтором одиннадцати романов после того, как ему поставили этот диагноз, — то, что он утратил свой дар художника из-за болезни, разрывало сердце. А в том, что в 2009 году Doubleday, впервые с 1971 года, выпустило новое издание «Людей ковра» с оригинальными иллюстрациями Пратчетта, была горькая ирония.

Глава 18
История рыцаря

В серии «Стража» идет речь о постоянном карьерном росте Сэма Ваймса. Он начал в романе «Стража! Стража!» 1989 года как алкоголик и не справлявшийся со своими обязанностями капитан Ночной стражи. К 1998 году, в «Пятом элефанте» уже обладает титулом «его превосходительство», «его светлость», «коммандер сэр Сэмюель Ваймс, герцог Анкский». К этому добавляется титул «Старосты классной доски», одноразовая шутка, которая через три книги станет важной. Пратчетт всегда говорил, что Ваймс самый близкий ему персонаж. Его жизненная дорога напоминает путь самого Пратчетта — в детстве бедный как церковная мышь, затем неравный брак, в котором осуществились его самые дерзкие мечты, а со временем его ждал почет, о каком он и подумать не мог. У вселенной, как знает читатель Плоского мира, особое чувство юмора в подобных вещах, и, наблюдая за тем, как Пратчетт перегружает титулами своего персонажа, она решает, что пришла пора и жизни

повторить искусство. Так, в декабре 2008 года, когда Терри все еще гордился получением степени приглашенного профессора в колледже Тринити, в Дублине, пришел пресс-релиз из Букингемского дворца, где говорилось, что Терри Пратчетту предстоит получить рыцарский титул и он включен в Новогодний список наград королевы.

Пратчетт испытал настоящее потрясение, когда впервые узнал эту новость. Его орден Британской империи в свое время также стал для него огромной неожиданностью, и он считал, что поднялся настолько высоко, насколько возможно. И все же не прошло и десяти лет, как он в утренней комнате королевы преклонил колено перед ее величеством, которая надела ему на шею знак рыцарского звания. The Independent писала: «В момент личного несчастья мистер Пратчетт продемонстрировал истинное мужество. Рыцарство для этого скромного человека показало, какой должна быть наша система наград — и сейчас лучшее, что мы можем сделать, не ставить ее под сомнение».

Несмотря на то что газеты сосредоточили внимание на его недавних «проблемах», официально Пратчетту была оказана такая честь за вклад в литературу. Ведущий Radio 4, которому хвати-

ло смелости предположить, что Пратчетт был возведен в рыцарское звание по любой другой причине, кроме написания книг, получил резкий выговор во время интервью с автором. Это выглядит несколько нечестно. Мы не можем знать наверняка, появился бы в 2009 году «сэр Терри», если бы не его активная деятельность по привлечению общественного внимания к деменции, но можно предположить, что его личные обстоятельства все же сыграли свою роль. В конце концов, кроме имени в специальном списке королевы, рыцарством обычно награждают на Даунинг-стрит, где Пратчетт побывал несколькими месяцами ранее и, должно быть, произвел на премьер-министра огромное впечатление. Не следует забывать, что он сам приготовил Терри чашку чая.

Профессор сэр Терренс Дэвид Джон Пратчетт из Брод-Чалка, Уилтшир, рыцарь ОБИ и Староста классной доски[249] не стал тратить время на подготовку исполнения новой роли. Он решил, что как рыцарю ему потребуется меч, в таком случае он должен быть сделан по его вкусу. Пратчетт

[249] Примечания: 249

Колледж Тринити действительно предоставил ему личную щетку для стирания с доски во время его лекций, с бронзовой табличкой, прикрепленной к рукояти. (*Примеч. авт.*)

обратился к местному кузнецу, Джейку Кину с просьбой выковать ему клинок. Они собрали железную руду на поле в соседней деревне Тисбери, взяли немного глины из фундамента дома Роба Уилкинса, нашли солому и козьи фекалии на земле Терри и Лин в Брод-Чалке. Потом запекли все ингредиенты, чтобы построить примитивную шахтную печь, в которой расплавили железную руду. Терри, хотевший создать нечто особенное, также добавил материал из Сихотэ-Алиньского метеорита, упавшего на территории Советского Союза в 1947 году, за год до его рождения, и у них получилось настоящее метеоритное железо. Затем вместе с опытным кузнецом, Гектором Коулом они создали уникальное оружие частично из железа, найденного рядом с домом, который Терри так любил, частично из того, что упало из космоса. В следующем году один фанат сказал сэру Терри, что ему положен герб. К сожалению, Геральдическая палата, занимающаяся подобными вещами, не позволила ему добавить двух бегемотов по бокам, как на том, что он придумал для Анк-Морпорка. На официальном гербе сэра Терренса Пратчетта (и так далее) изображен с использованием архаичной геральдики: «серебряный крест на черном фоне», с плюмажем,

изображавшим «сидящую на черно-серебряном шлеме золотую сову с расправленными крыльями, на которых расположены две закрытые красные книги». Девиз: «*Noli Timere Messorem*», правильный перевод которого со стилизованной латыни соответствует девизу Мора из романов Плоского мира: «Не бойся жнеца». Сова, сидящая на египетском кресте (анке), — это, конечно же, кукушечья иглоногая сова (морпорк).

Посреди вихря освещения в прессе, суматохи вокруг рыцарства и работы по продвижению информации о болезни Альцгеймера было легко забыть — что и случилось с большей частью прессы — о том факте, что осенью 2008 года вышла одна из лучших книг Пратчетта. «Народ, или Когда-то мы были дельфинами», история, якобы предназначенная для подростковой аудитории, стала первым романом не из Плоского мира, написанным Пратчеттом после «Джонни и бомбы» одиннадцать лет назад. Идея появилась у него еще в 2003 году, когда он читал об извержении Кракатау в 1883 году, что привело к гигантскому цунами, пронесшемуся по Тихому океану, — в результате погибло 36 тысяч человек. К сожалению, время он выбрал крайне неудачно. В декабре 2004 года цунами, возникшее из-за мощной сейсми-

ческой активности в Индийском океане, унесло жизни 230 тысяч человек из тринадцати стран. Пратчетту стало очевидно, что придуманный им сюжет совершенно неуместен, и он отложил реализацию идеи на несколько лет.

Ирония состоит в том, что «Народ, или Когда-то мы были дельфинами» вовсе не о природном катаклизме, она рассказывает о гневе в адрес богов. Мау, юноша из обычного островного племени, которое называло себя Народом, возвращается домой после ритуала вступления во взрослую жизнь и узнает, что гигантская волна уничтожила его деревню и убила всех, кого он знал. Вместе с ним на острове оказалась Дафна — дочь незначительного члена британской королевской семьи, которую Мау считает «девушкой-призраком» из-за белой кожи и белой одежды, — она чудом уцелела после кораблекрушения во время цунами. Пара заключила союз, по мере того как с других островов стали появляться беженцы и начали формировать новое общество. Пратчетт наделил Мау десятилетиями собственного гнева на то, что вера, традиции и бессмысленные древние ценности диктуют миру, как он должен быть устроен. Мау так и не завершил ритуал взросления, а потому считает, что у него нет души,

однако говорит непосредственно с богом мертвых и духами предков, которые снова и снова кричат: «да не будет», когда возникает угроза очередных смертей. «Народ, или Когда-то мы были дельфинами» оказался очень мощной историей, и, хотя в романе не обошлось без восхитительного юмора, это самая серьезная из книг Пратчетта. Сцены, в которых Мау возвращается и находит утонувшие тела всего племени, а потом усердно хоронит их в море, при этом он охвачен каким-то трансом и словно наблюдает за собой со стороны, когда отправляет труп ребенка в темные воды, волнуют и запоминаются, что совсем не похоже на обычный канон Пратчетта.

Автору есть из-за чего испытывать гнев. Пока Пратчетт писал «Народ, или Когда-то мы были дельфинами», умер его отец, страдавший от боли почти год — у него был рак поджелудочной железы. Терри сделал для него все, что мог, но конец жизни Дэвида Пратчетта получился очень тяжелым. Мать Терри, Эйлин, как часто бывает, последовала за Дэвидом в течение следующих двух лет — она умерла от инсульта. Хотя большая часть работы над «Народом» была завершена к тому моменту, когда Терри поставили диагноз ЗКА, предыдущий год прошел в хождениях по

специалистам, и проблемы здоровья оставались первостепенными. В какой-то момент, вскоре после того, как Терри узнал о своей болезни, он решил, что это будет последняя написанная им книга. Он расчистил свое расписание, чтобы ее закончить; впрочем, слухи о его скорой кончине оказались сильно преувеличены, в том числе и им самим.

Пратчетт сказал, что «Народ, или Когда-то мы были дельфинами» написан под влиянием гнева и разочарования того периода, и эти чувства пролились на бумагу, как чернила. Он говорил, что должен был написать такую книгу, она сама тащила его за собой, заставляя бежать, чтобы не отстать. Получилась замечательная и красивая сказка, полная ярости и тьмы, но также удивительно нежного отношения к двум юным людям, находящимся в центре сюжета и полюбившим друг друга, тихо и скромно. Любовная история вела к горько-сладкой концовке, зеркально отражавшей «Темные начала» Филипа Пулмана в неминуемости разлуки влюбленных.

Возможно, или даже наверняка, это была лучшая работа Пратчетта, получившая хвалебную прессу после выхода. «Народ, или Когда-то мы были дельфинами» принес Пратчетту британскую

премию «Писатель года», а также «Премию Майкла Л. Принца», которую назначает Ассоциация библиотек США; книжную премию Boston Globe-Horn 2009 года за непревзойденное мастерство в написании книг для подростков и, наконец, премию Los Angeles Times за литературу для подростков, впрочем, на этот раз фонд Карнеги его проигнорировал. В следующем году Гильдия писателей наградила Пратчетта за прижизненные достижения и выдающийся вклад в детскую литературу. Как и эпическое произведение Пулмана, по мотивам «Народа» в Лондонском национальном театре во время празднования Рождества прошел впечатляющий спектакль.

Показанное в «Народе» отношение к религии прослеживается через все творчество Пратчетта, прежде всего в «Угонщиках», «Мелких богах», «Изумительном Морисе и его ученых грызунах» и в несколько меньшей степени в «Санта-Хрякусе» и «Пехотной балладе». Оно также выходит на передний план в третьем томе «Науки Плоского мира» (Science of Discworld), «Часах Дарвина» (Darwin's Watch), написанных вместе с учеными Джеком Коэном и Иэном Стюартом, где речь идет о креационизме как угрозе любой эпохе, желающей называть себя эпохой Просвещения.

Пратчетт не скрывал, что отрицает догматы и правила господствующих религий. Он считал себя гуманистом: это широкий термин, обозначающий людей, принимающих сострадание и сопереживание, характерные для истинно верующих — прежде всего, прощение и терпимость, постулаты христианства, — но делающих это на фоне научного рационализма и базового человеческого достоинства, а не на основе религии или веры в сверхъестественное. Гуманизм — это атеизм, одетый для церкви по воскресеньям. Пратчетт примкнул к Британской гуманистической ассоциации, начиная с девяностых годов, и периодически участвовал в кампаниях против христианской доктрины, оказывающей влияние на британские законы, в том числе в общественных дискуссиях о праве на смерть, которая дошла до палаты лордов. С этим общественным движением Пратчетт со временем будет связан все сильнее.

С годами его атеизм стал мягче. Эд Джеймс, автор произведения «Терри Пратчетт: Виновен в литературе», вспоминает, как они с Терри отрицали Бога во всех формах, но отмечает, что только он сохранил прежнюю агрессивность. Постепенно взгляд Пратчетта на религию обрел

созерцательность, а ЗКА заставила отойти от крайних взглядов бригады Ричарда Докинза. В интервью The Times 2009 года Пратчетт говорил о моменте полнейшего спокойствия, который возник вскоре после того, как он узнал о своем диагнозе и вдруг обнаружил, что начал насвистывать, работая в саду.

Когда его персонаж Смерть говорит в книгах Плоского мира, его слова не звучат в буквальном смысле, а появляются в сознании слушателя. И в момент спокойствия в голове Терри возник голос отца, попросившего его не тревожиться и добавившего, что все происходит так, как должно. Пратчетт сказал журналисту из The Times, что не считает, будто на него снизошло религиозное откровение, но он почувствовал, что начал понимать тех, кто оказался в таком же положении. Его рассказ занял крошечное место в большом очерке, но средства массовой информации тут же за него ухватились — их всегда интересовали заголовки-приманки. «Терри Пратчетт говорит, что нашел Бога», — кричали газеты на следующий день.

Пратчетт был совершенно уверен, что ничего подобного с ним не случилось, и лишь отшучивался, что с трудом может найти свои ключи.

Вскоре он отправил небольшую заметку в Mail On Sunday, которую озаглавил «Божественное мгновение»[250]: он рассказал о своем отношении к религии, связав собственное прошлое с резкой трактовкой догматов в «Народе», что, как он утверждал, подпитывалось еще с раннего возраста осознанием того, что «Божий акт», уничтоживший целую семью, и «чудо», спасшее одного человека, исходили из одного источника. Пратчетт был уверен: голос, который он «слышал» в тот день, не принадлежал Богу или его отцу в буквальном смысле — то была духовная часть человеческого мозга, способная мыслить абстрактно и испытывать восторг от музыки или другого произведения искусства. Он заявил, что потенциал для откровения рождается внутри человека. Этот постулат хорошо знаком всякому, кто читал книги Пратчетта, где люди создают себе богов, а не наоборот, и «тьма за глазами» отличает человека от животного. Его подробная статья могла бы разъяснить ситуацию, если бы сайт Mail не выпустил ее под заголовком: «“Я постоянно создаю богов, а теперь думаю, что Бог существует”», — заявил автор фэнтезийных ро-

---

[250] Примечания: 250
Перевод И. Нечаевой.

манов Терри Пратчетт. Если общепринятый Бог христианских догматов действительно существует, то сэр Терри Пратчетт изо всех сил старается сыграть на его нервах».

Вопрос о смерти был неизменно связан с разговорами о болезни Альцгеймера, как в буквальном смысле, так и в форме «живой смерти», ждавшей своего часа, пока болезнь набирала силу. Терри знал, как и все страдавшие от деменции люди, что прогресс заболевания неизбежен и рано или поздно его мозг лишится необходимых связей. Хотя его сердце будет продолжать биться, пройдет некоторое время, и наступит момент, когда он перестанет быть Терри Пратчеттом, больше не будет писать, шутить, язвить. По мере усиления симптомов ЗКА он может потерять зрение или утратить способность понимать то, что видит. Для Терри эта мысль была невыносима. Он лишится своей привычной жизни, и если у него будет выбор — а он твердо решил получить на него право, — Пратчетт хотел мирно закончить свои дни на земле до того, как болезнь зайдет слишком далеко. Он также знал, что с точки зрения закона сам не сможет принять такое решение. Все в большей степени любой разговор о деменции переходил к обсуждению проблем

эвтаназии или помощи в самоубийстве, или, как предпочитал говорить Терри, «помощи в смерти», и насколько этично, морально и законно дать человеку право принять соответствующее решение, когда придет время.

Терри стал страстным участником кампании за право умереть. Он считал вершиной жестокости заставлять человека продолжать влачить жалкое существование, когда жизнь для него становится невыносимой, и полнейшим безумием наказывать тех, кто помогает людям, которых они любят, положить конец их страданиям на земле. Помощь в смерти быстро стала неминуемой частью любого интервью Терри Пратчетта, так же как болезнь Альцгеймера и «история с черепахой». Первый аспект занимал все больше места в 2009 году, когда сэр Терри присоединился к кампании Британской гуманистической ассоциации (теперь Гуманисты СК) перед обсуждением проблемы в палате лордов, чтобы пролить свет на права людей, отправившихся за границу, чтобы легально умереть.

Этот вопрос возник благодаря истории Дебби Перди, страдавшей от прогрессировавшего рассеянного склероза, которая боялась, что ее мужа привлекут к уголовной ответственности, если он

поможет ей добраться до страны, где эвтаназия разрешена. В конце первой декады 2000-х годов возникло еще несколько громких дел, вызвавших споры вокруг помощи в смерти. Самым знаменитым стал случай Тони Никлинсона, британца, у которого развился синдром изоляции после того, как он перенес инсульт. Никлинсон хотел, чтобы ему помогли умереть, но Высший суд не пошел ему навстречу, и он умер от голода, отказавшись принимать пищу в 2012 году. Пратчетт хранил фотографию Никлинсона в своем кабинете как напоминание о том, что следует продолжать борьбу. В августе 2009 года Терри написал статью для Mail On Sunday, озаглавленную «Отправьте меня на небо, когда придет конец»[251]. Пратчетт рассказывал о своей работе журналистом, об ужасах смерти, которые ему довелось наблюдать, и пожилой медсестре, которую встретил в шестидесятых годах: она говорила о том, как «указать путь» или «отправить на небеса», когда боль пациента становится невыносимой. Эта концепция принесет плоды в его следующем романе, истории Тиффани Болен «Платье цвета полуночи». В статье Терри впервые упомянул

[251] Примечания: 251
Перевод И. Нечаевой.

собственную смерть, он знал, что даже при самых благоприятных условиях она произойдет в конце ближайшего десятилетия. Он сказал, что хотел бы иметь возможность умереть у себя дома, сидя в удобном кресле, в саду, с бокалом виски в руках, под музыку композитора шестнадцатого века Томаса Таллиса, записанную на его айпод: хорал *Spem In Alium.*

В начале 2010 года Пратчетт стал первым романистом, приглашенным на престижную «Лекцию Ричарда Димблби», которую транслировали по BBC 1 на аудиторию в пять миллионов. Впервые подобные лекции начали читать в 1972 году в память тележурналиста Ричарда Димблби, ставшего ведущим новостного канала BBC. Каждый год семья Димблби выбирала влиятельного общественного деятеля, чтобы он прочитал сорокапятиминутную лекцию на выбранную им тему. В прошлом почетными гостями были герцог Эдинбургский, принц Уэльский, бывший архиепископ Кентерберийский, Роуэн Уильямс и знаменитый изобретатель Джеймс Дайсон. От Пратчетта ожидали, что он будет говорить о деменции. Вместо этого он написал трогательную и одновременно гневную речь с просьбой проявить сострадание к тем, кто нуждается в

помощи в смерти.

Терри был горд и благодарен, ведь приглашение давало ему возможность подробно изложить со столь известной и уважаемой трибуны свои мысли о том, что его так сильно волновало. Конечно, возникала проблема. В прошлом Пратчетт любил публичные выступления, он произнес немало речей как почетный гость на конвентах по всему миру, наполняя свои выступления остроумными шутками и уверенно разбираясь как с крикунами, так и доброжелательными выступлениями с мест. Однако его ЗКА создавала дополнительные трудности. В свои лучшие дни Терри мог произнести всю речь без запинки, но его состояние было непредсказуемым, и существовала вероятность того, что он не сможет сосредоточиться на лежавшем перед ним тексте.

За несколько недель до лекции в Королевской коллегии врачей, которую должны были записать на видео перед приглашенной аудиторией, Терри попросил Тони Робинсона, который озвучивал все обрезанные аудиоверсии романов про Плоский мир, помочь, если у Пратчетта возникнут проблемы при произнесении речи. Робинсон сам являлся активным участником по сбору средств на изучение болезни Альцгеймера и считал,

что до этого не дойдет. Он пришел перед самым началом речи, и смертельно бледный продюсер тут же сообщил ему — так написал Робинсон в своей автобиографии «Без хитроумного плана» (No Cunning Plan), — что у Пратчетта выдался трудный день и Робинсону придется прочитать всю речь целиком.

Это была обескураживающая перспектива, но за два десятилетия Робинсон записал более сорока романов Пратчетта и был хорошо знаком с ритмом его письма; к тому же, будучи профессиональным актером кино и театра, он привык выступать перед аудиторией. Лекция под названием «Пожать руку Смерти»[252] прошла безупречно. Терри сумел произнести вступительные слова, после чего Робинсон — представленный Дэвидом Димблби как «дублер Пратчетта» — вышел на сцену. Терри выглядел не так хорошо, как в то время, когда снимался в документальном фильме «Жизнь с Альцгеймером», но казался здоровым. Он изменил свой прежний облик «городского ковбоя в черном» на образ одетого в потертый вельвет эксцентричного профессора с кустистыми бровями, похожего на Чарльза Дарвина или

[252] Примечания: 252
Перевод И. Нечаевой.

Джона Ди. В его речи возникло несколько неловких пауз, но постепенно он расслабился, ему даже удалось пару раз вызвать смех у аудитории, прежде чем он передал слово Тони Робинсону.

«Пожать руку Смерти» — потрясающая проза, и остается только сожалеть, что Терри сам не смог ее прочитать, но профессиональный актер Тони Робинсон сумел придать ей больше пафоса и энергии, чем получилось бы у самого автора даже в его лучшие дни. В своей речи Терри говорит, что если бы в мире была справедливость, его отец умер бы, наслаждаясь воспоминаниями о солнце на лице во время военной службы в Карачи. Такую смерть Пратчетт дал персонажу в «Платье цвета полуночи», когда грубый и больной барон Меловых холмов умирает мирно, а его лицо озаряет солнечный свет детства[253].

В лекции говорилось о сострадании к смертельно больным и их родственникам и необходимости создать арбитражное учреждение, наделенное законными полномочиями, чтобы оно могло в каждом конкретном случае вынести правильное решение. Пратчетт продолжал, цитируя стати-

---

[253] Примечания: 253

Однако это происходило в Плоском мире, а потому тут же появился Смерть со словами: «КАЖЕТСЯ, МОМЕНТ ПОДХОДЯЩИЙ?» (*Примеч. авт.*)

стику опросов общественного мнения, а также слова Майкла Паркинсона, журналиста и телеведущего, после чего заговорил о социальной истории Викторианской эпохи, природе Бога и собственном опыте молодого репортера в Bucks Free Press, когда он впервые столкнулся со смертью. Удивительно, но это очень остроумная часть речи. Сэр Терри Пратчетт мог надеть другой пиджак, но леопард никогда не сможет полностью, как сказал бы лорд Витинари из Плоского мира, «сменить штаны».

«Лекция Димблби» возымела нужный эффект. Общественность прекрасно ее приняла, и в результате начались долгие дебаты о возможности помощи в смерти. Кроме того, возникло мнение, не совсем обоснованное, что состояние Терри Пратчетта сильно ухудшилось и он ведет отчаянную борьбу за жизнь. Лекция принесла немалую пользу в исключительно важной области жизни, нуждавшейся в освещении, однако заставила многих забыть, что Пратчетт все еще оставался творческой силой.

Он шутил, что его репутация «мистера Альцгеймера» может превратиться в нечто более мрачное после «Лекции Димблби» и самого известного публичного заявления, которое он сделал отно-

сительно помощи в смерти. Он оказался прав. Терри быстро стал источником цитат для средств массовой информации, когда возникал вопрос об эвтаназии, при каждом новом повороте темы, смене власти или, неизбежно, новой смерти. Позднее, в том же году, BBC спросила у Пратчетта, не хочет ли он участвовать в съемках продолжения «Жизни с Альцгеймером», получившей широкое признание и приз Британской академии кинематографического и телевизионного искусства. Выпускающий редактор, Шарлотта Мур, предложила сделать темой следующего фильма поиски возможностей для эвтаназии в Европе.

В результате в июне 2011 года вышел фильм «Терри Пратчетт: Выбирая смерть» (Terry Pratchett: Choosing To Die). Фильм был создан той же командой, что работала над «Жизнью с Альцгеймером», которая на этом не остановилась и выпустила еще два документальных фильма: «Терри Пратчетт: Перед лицом уничтожения» (Terry Pratchett: Facing Extinction), речь в нем шла о возвращении в тропический лес Борнео, состоянии резервации орангутангов через двадцать пять лет после «Путешествия в джунгли», а также посмертную документальную драму «Терри Пратчетт: Снова в черном» (Terry

Pratchett: Back in Black). Фильм «Выбирая смерть» был куда серьезнее, чем все остальные. На самом деле его можно считать самой спорной телевизионной работой в истории BBC, после ее выхода последовали протесты числом в семь тысяч человек, в том числе взрыв возмущения со стороны христианских и выступавших против абортов организаций, видных представителей англиканской церкви и совместное письмо с протестами, подписанное четырьмя членами палаты лордов. В палате общин было выдвинуто внеочередное предложение, осуждавшее фильм и призывавшее BBC сохранять беспристрастность в подобных вопросах, — за это предложение проголосовало пятнадцать членов парламента. У тех, кого фильм оскорбил, были громкие голоса и могущественные союзники. Однако их возражения потонули в реве одобрения. «Выбирая смерть» подвергся разбору множества критиков и получил немало высоких оценок. Он принес создателям еще одну премию Британской академии кинематографического и телевизионного искусства.

Как бы там ни было, «Выбирая смерть» — невероятно провокационный и мощный образец кинематографического искусства. Пратчетт рассматривает идеи и возможности, доступные

людям, желающим умереть, и, среди прочего, в фильме есть интервью с основателем Dignitas[254], некоммерческой организации, расположенной в пригороде Цюриха, в Швейцарии, в которой людям позволено умереть вполне легально, в тщательно контролируемых условиях. Пратчетт в сопровождении Роба Уилкинса взял интервью у нескольких людей со смертельными или прогрессирующими и неизлечимыми заболеваниями. Некоторые из них твердо решили избавиться от болезни либо ради самих себя, либо ради семьи; другие просто хотели закончить свою жизнь, но у них не было столько денег, чтобы совершить путешествие в другую страну, где эвтаназия, пусть и находящаяся под строжайшим контролем, разрешена законом. Двое мужчин, Эндрю Коган и Питер Смидли, очень непохожие друг на друга, с различными обстоятельствами, приехали в Швейцарию, чтобы обратиться за помощью в Dignitas.

Несмотря на обвинения в прямо противоположном, в документальном фильме старались сохранить сбалансированный взгляд на чрезвычайно сложную моральную проблему. Пратчетт

---

[254] Примечания: 254
Достоинство (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

выступил в роли страстного адвоката за право серьезно больных людей закончить свои страдания на собственных условиях, но ему пришлось постоянно сталкиваться с убедительными аргументами противников этой идеи. Одна женщина, жена человека с болезнью двигательного нерва, казалось, с трудом сдерживала ярость, так она сочувствовала Лин, когда Терри сказал ей, что намерен подумать о самоубийстве, вопреки ее мнению. Неожиданный баланс фильму придал Роб Уилкинс, который выглядел все более смущенным по мере того, как снимался фильм, несмотря на настойчивое убеждение Терри, что эвтаназия — совершенно верное решение. В какой-то момент они вдвоем беседовали с Эндрю Колганом, страдавшим рассеянным склерозом 42-летним фанатом научной фантастики, который приехал в Цюрих, чтобы умереть. Его смерть была запланирована на следующий день. Колган сидел с Пратчеттом и Уилкинсом накануне назначенного срока и, полностью сохраняя ясность мысли, что являлось необходимым требованием по швейцарским законам, рассказывал, как он влюбился в этот город. Уилкинс практически умолял Колгана перенести дату смерти на более поздний срок, чтобы они могли вместе погулять

по Цюриху и побывать на Большом адронном коллайдере в ЦЕРНе. Однако Колган заявил, что должен привести свой план в исполнение, пока ему еще хватает здоровья совершить последнее путешествие, — ведь ему может больше не представиться такого шанса и придется испытать все ужасные аспекты своей болезни.

Через два дня Пратчетт, Уилкинс и оператор с камерой находились рядом с Питером Смидли, тихим бизнесменом семидесяти с лишним лет, страдавшим от болезни двигательного нерва, который спокойно и с огромным достоинством выпил препарат, сначала погрузивший его в сон, а потом остановивший дыхание и биение сердца. Считается, что это первый случай, когда эвтаназию засняли на камеру. Смотреть на это было очень тяжело и одновременно трогательно — поразительная и важная часть фильма. Как и следовало ожидать, именно этот эпизод вызвал самое большое недовольство и одновременно множество хвалебных отзывов и комментариев. Одни называли его смелым и значимым, другие обвинили авторов в создании снобистского фильма с настоящим убийством, эксплуатирующего смерть пожилого человека. За выходом в эфир «Выбирая смерть» последовали дебаты в

прямом эфире в Newsnight, попавшие на первые страницы нескольких газет, кроме того, фильм обсуждали в парламенте. Если цель Пратчетта состояла в том, чтобы вызвать всеобщий интерес к проблемам эвтаназии, то он ее добился.

Возможно, такое пристальное изучение смерти частично вдохновило Терри на то, чтобы максимально использовать ту часть жизни, что ему осталась. Несмотря на энергию, которую он тратил на социальные проблемы, он все еще оставался писателем, и темп его работы едва ли снизился с того момента, как у него обнаружили ПКА. Вслед за публикацией «Народа» в 2008 году Пратчетт в течение следующих трех лет закончил три романа: «Незримые академики», «Платье цвета полуночи» и «Дело табак». Последний роман — длиннее, чем все остальные, и единственный, ради которого Пратчетту пришлось передвинуть сроки, — выглядел немного вялым, хотя в нем имелось несколько превосходных эпизодов. Первые два были вполне достойны занять свои места рядом с другими книгами серии. Да, Пратчетт уже не мог читать вслух, как прежде, но с воображением у него по-прежнему все было в полном порядке.

Также существенной проблемой оставалась его

способность печатать. Творческие инстинкты Пратчетта, от природы высокий коэффициент умственного развития и разнообразное лечение позволяли ему продолжать работу, но воздействие болезни не удавалось полностью компенсировать, и печатать, даже с помощью программы проверки орфографии, становилось все труднее. Он мог диктовать Уилкинсу, но каким бы преданным ни был его секретарь, он не мог находиться рядом всякий раз, когда у Пратчетта возникало желание писать. Решение — к радости обоих — нашлось в развитой технологии. Первым делом Пратчетт обратился к приложению под названием «Дракон», стандартной программе для диктовки. Пратчетту и Уилкинсу, заставившим свои компьютеры говорить еще в 1981 году, сразу понравилась мысль о том, что теперь они сами могли беседовать с компьютером. «Дракон» прекрасно подходил для составления протоколов заседаний или черновиков электронной почты, а также являлся важнейшим помощником для слабовидящих людей. Однако у него возникали проблемы с творческим письмом, и прежде всего — какая ирония, если вспомнить его название, — в работе над фэнтези. К счастью, подоспела помощь. Пратчетт как-то пожаловался

онлайн, что «Дракон» недостаточно хорош, после чего с ним в контакт вошла команда, создавшая приложение «Тема разговора», которое напоминало «Дракона», но обладало более сложным искусственным интеллектом, способным к обучению. Пратчетт сумел «обучить» программу, читая ей вслух роман Артура Кларка, а также скормив компьютеру весь каталог своих романов. В результате получилась действующая система, а это означало, что Пратчетт мог входить в свой кабинет и сразу начинать работать. В интервью он даже заявил, что, если бы к нему вернулась прежняя координация, он бы предпочел наговаривать свои романы. На самом деле во время интервью у него появилась серьезная проблема — привычка вставлять слова «запятая» и «точка» в свою речь, что вызывало недоумение у журналистов, думавших, будто он так шутит.

Теперь краем глаза Пратчетт постоянно видел метафорически тикающие часы и, несмотря на продолжавшееся наступление ЗКА, был полон решимости сохранить яростный темп работы. Врачи не знали, сколько еще времени он сможет продолжать, и когда Уилкинс задал этот вопрос в «Жизни с Альцгеймером», Пратчетт остановил его, заявив, что предпочитает оставаться

в неведении. Несмотря на заботы, связанные с продвижением книг, и все более серьезные требования, которые предъявляла болезнь, каждый год, пока он был жив, выходило не менее одной новой книги Терри Пратчетта.

Этот темп Терри поддерживал с 1986 года и не собирался отступать. Он твердо решил оставить на бумаге как можно больше своих идей. В 2011 году Пратчетт сказал Элисон Флад, журналистке из The Guardian, что работает над тремя проектами сразу: романом для подростков, действие которого происходит в альтернативном викторианском Лондоне, намеченным к выходу в 2012 году, симпатичным и занимательным «Финтом», второй книгой — давно ожидаемой автобиографией с рабочим названием «Жизнь в сносках» (A Life in Footnotes).

Третий проект оказался самым неожиданным. Разбирая старые архивы, Колин Смайт наткнулся на работу, сделанную Пратчеттом в середине восьмидесятых для будущей научно-фантастической серии о многочисленных Землях и технологии, позволявшей перемещаться с одной на другую. Пратчетт прочитал старые заметки по рассказу и был приятно удивлен — прежние идеи показались ему интригующими. Вскоре на

званом обеде, который устраивал издатель, он познакомился с фантастом Стивеном Бакстером и объяснил ему концепцию, лежавшую в основе книги «Бесконечная земля». Бакстеру идея сразу понравилась, и они провели весь вечер, склонив друг к другу головы и обсуждая сюжет — и полностью игнорируя хозяйку. Оба были взволнованы, продолжали обмениваться идеями по телефону и в конце концов решили поработать над серией вместе. Пратчетт во второй раз за свою карьеру написал в соавторстве целый роман. Такое сотрудничество являлось редкостью для Бакстера — он предъявлял очень высокие требования, — его недавняя и единственная совместная работа была сделана с покойным Артуром Кларком.

Они вместе набросали план пятитомной серии, в которой рассматривалось влияние новых продвинутых технологий на человеческое общество, концепция бесконечных, «длинных» планет и жизненных форм, которые могут развиваться под их влиянием. Это была классическая научно-фантастическая идея «Что, если?..», задававшая вопросы про эволюцию, использование и свободное распространение ресурсов и технологий, с крепкой человеческой историей в центре. Из этой пары получилась превосходная команда;

способность к творчеству и импровизации Пратчетта объединилась с методичным интеллектом Бакстера. Бакстер хорошо разбирался в квантовой физике, а Пратчетт являлся экспертом по человеческим инстинктам. Вероятно, искра принадлежала Пратчетту, но серия «Бесконечная Земля», как и «Благие знамения», стала плодом совместной работы, когда оба автора читали куски, написанные коллегой, и обсуждали и меняли их до тех пор, пока не получилось счастливое единение двух разумов. К примеру, первая сцена первой книги, в которой солдат времен Первой мировой войны попадает на параллельную Землю, написана Бакстером, но читается как чистый Пратчетт.

«Бесконечная Земля» вышла в 2012 году и получила положительные отклики, а продолжение, «Бесконечная война», увидело свет в 2013 году. К концу того же года Пратчетт и Бакстер написали полные черновики еще трех книг: «Бесконечный Марс», «Бесконечная утопия» и «Бесконечный космос», и серия продвинулась на шестьдесят лет вперед с момента начала миграции человечества. Оба автора вносили равный вклад в серию, однако болезнь Пратчетта прогрессировала, и, хотя он старался изо всех сил, Бакстеру

приходилось заниматься основной технической работой для подготовки книг к публикации. Кроме того, Пратчетт не бросал и остальные проекты — ему следовало торопиться, ведь с каждым днем становилось все очевиднее, что времени у него остается совсем мало.

Глава 19
Долго и счастливо

В ноябре 2013 года Doubleday опубликовало «Поддай пару!», восьмой роман Пратчетта, написанный после того, как шесть лет назад у него обнаружили ЗКА. В такое просто невозможно поверить, но это сороковой роман в серии «Плоского мира». Он стал последней книгой, увидевшей свет при жизни автора. «Поддай пару!» отделяет тридцать девять романов и тридцать лет от «Цвета волшебства», хотя это и не последняя книга в серии — выйдет еще один роман для подростков — роман отмечает четкую эволюцию серии про Плоский мир. После «Правды», вышедшей в 2000 году, Пратчетт осторожно направлял свое создание в сторону индустриальной революции, которая достигла финальной стадии в этом романе, когда Анк-Морпорк вступил в железнодорожную эру. Изобретение парового двигателя приводит Плоский мир в современную эру. Несмотря на магию, гоблинов, троллей и гномов, читатель видит почти неузнаваемый по сравнению с исходным традиционно фэнтезийным

миром ландшафт. Такое могло произойти только сознательно. Пратчетт создал свое величайшее творение для взрослых.

Вне работы над книгами ему становилось все труднее не обращать внимания на болезнь. Он продолжал утверждать, что всякий, кто не знает его истории, не сможет отличить симптомы ЗКА от естественных причуд немолодого человека, однако это становилось все труднее принять. Его речь по-прежнему оставалась вразумительной и интересной, когда он беседовал с журналистами, но некоторые из них начали замечать, что ответы, все так же сдобренные анекдотами, фактами и шутками, не всегда соответствовали заданному вопросу. Терри все еще умел дать журналистам интересную информацию, но, если присмотреться внимательнее, его реакции начинали казаться автоматическими, следовавшими по заранее определенной колее. Еще в 2011 году репортер The Times, Джинни Дугари, заметила ухудшение, которое произошло за три месяца после ее последнего визита. «Идеи плавно перетекали в истории, не связанные с предметом разговора, — писала она, — и в его ответах появилась отсутствовавшая прежде определенная беспорядочность. Кроме того, он казался каким-то расторможенным, по-

стоянно пинал мою ногу, сам того не замечая, и оставлял открытой дверь туалета, когда шумно мочился».

И хотя все это действительно можно было отнести к поведению рассеянного немолодого человека, изменения, произошедшие всего за несколько месяцев, показывали, что ЗКА быстро наступает. У Терри возникли и другие проблемы со здоровьем. В 2012 году у него возникли осложнения после пароксизма фибрилляции предсердий во время рекламного тура в Нью-Йорке. Роб Уилкинс сделал Терри в такси искусственное дыхание, пока его везли в больницу. Приступ вызвало лекарство от высокого давления, подскочившего из-за напряженного расписания рекламного тура. Ему посоветовали притормозить, снизить ритм жизни, однако в ответ он, как всегда, принялся ворчать.

В начале 2014 года все, кто хорошо знал Пратчетта, не могли не заметить признаков упадка. Речь стала немного нечеткой, он искал слова, возникали долгие неловкие паузы. Координация движений настолько ухудшилась, что он перестал пользоваться столовыми приборами и ел руками. Теперь сэндвичи и напитки приходилось ему подавать, так как глаза не могли найти нуж-

ные предметы на столе. Журналистов просили не обижаться, если он не пожимал им руки — часто он просто не видел протянутые к нему открытые ладони и не мог их пожать. Тем не менее эти проблемы не оказывали существенного влияния на взаимодействие Терри с миром.

Его воображение и чувство сюжета не пострадали, а память, пусть в ней и возникали пробелы, когда речь шла о названиях и именах, работала превосходно в тех случаях, когда это было важно. Пратчетт мыслил и функционировал, все еще мог сочинять. Спрос на его новые книги стал зверем, которого он с радостью кормил, хотя теперь работал медленнее и мог выпустить лишь один роман в год — что само по себе являлось впечатляющим результатом, — Пратчетт, Уилкинс и Колин Смайт занимались серией антологий, чтобы заполнить пробелы.

Первым появилось «Мерцание экрана», сборник коротких рассказов, от «Предприятия Аида» 1962 года до «Сэра Джошуа Сервитута: Биографическая справка» 2010 года. Последний рассказ являлся частью серии, заказанной Национальной портретной галереей под названием «Воображаемые жизни», в которой знаменитые писатели придумывали истории жизни фигур елизаветин-

ской эпохи, чьи имена утрачены, но портреты сохранились.

В 2010 году Bucks Free Press опубликовал онлайн-серию рассказов из «Детского цикла» — часть набрали заново, часть отсканировали с оригинальных страниц. К сожалению, никто из Bucks Free Press не позаботился о законной стороне вопроса, адвокаты Пратчетта сумели заставить газету изъять рассказы, так как права на них принадлежали автору. Смайт проделал профессиональную работу и собрал старые детские рассказы Пратчетта в трех томах, «Драконы в Старом замке и другие истории», «Ведьма на пылесосе» и «Фальшивая борода Деда Мороза». Автором иллюстраций ко всем трем книгам стал Марк Бич, чей стиль напоминал рисунки Пратчетта к оригинальным «Людям ковра». Пратчетт не удержался от искушения и слегка подредактировал рассказы, написанные почти половину столетия назад, добавив «лимонный шербет» в виде примечаний и косметических изменений к тексту. Он снова взялся за редактуру «Людей ковра» спустя пятьдесят лет после появления идеи.

2014 год также печально отличался от всех предыдущих, начиная с 1985-го — не вышло ни

одного нового романа из Плоского мира. Поклонникам пришлось удовлетвориться «Бесконечным Марсом», третьим томом трилогии «Бесконечная Земля» Пратчетта и Бакстера и «Драконами в Старом замке и другими историями», которые, к удивлению автора и его агента, продавались очень хорошо. Также была опубликована вторая антология, «Опечатки», — собрание статей, эссе и выступлений Пратчетта. Его автобиография была еще не закончена, а Терри и Роб уже понимали, что книга, которую они писали как соавторы, станет для Пратчетта последней. «Опечатки» сыграли свою роль: в них вошли многочисленные анекдоты и истории Пратчетта, отслеживавшие его жизнь от самого детства до момента постановки диагноза ЗКА, а также после этого события, последняя относилась к 2011 году. Нил Гейман написал трогательное предисловие, где говорилось о смеси гнева и сострадания, столь характерной для Пратчетта, того аспекта его личности, который, как считал Гейман, часто не замечали. Это потрясающая дань любви и уважения, и The Guardian воспроизвела предисловие, рекламируя книгу. Однако от внимания поклонников Пратчетта не ускользнуло, что оно было слишком сильно похоже на некролог.

К лету 2014 года болезнь Терри зашла так далеко, что он утратил девяносто процентов зрения. Это существенно ограничило его подвижность и даже с использованием программы распознавания голоса сильно осложнило его жизнь. Однако Терри твердо решил продолжать. Он хотел закончить не только мемуары, но еще один роман из Плоского мира. Процесс создания сюжета из многочисленных нитей, которые постоянно висели перед ним, оказался невероятно сложным, и он сражался с ними сквозь туман набиравшего силу ЗКА. Книга должна была стать последней с описанием приключений Тиффани Болен, в ней снова появлялись злые эльфы, выступившие против ведьм Ланкра в столь любимом фанатами романе «Дамы и господа» 1992 года. История начинается со смерти Матушки Ветровоск, одного из самых любимых персонажей Плоского мира. Как старый барон из «Платья цвета полуночи», Матушка получает хорошую смерть — она знала о ее приближении благодаря своим магическим способностям (прецедент, установленный еще в давней «Безумной звезде»), и приветствует Смерть, как старого друга. Предельно очевидная символика.

В тот год Пратчетт впервые за двадцать лет не

смог лично присутствовать на конвенте Плоского мира. Его представляли обычные подозреваемые в принадлежности к «Команде Плоского мира» — Роб Уилкинс, принесший с собой одну из черных шляп Терри вместо отсутствующего друга, Стивен Бриггс, Бернард Пирсон и Колин Смайт. Настроение конвента оставалось приподнятым, хотя все поклонники понимали, что состояние Терри ухудшается и, возможно, его время почти на исходе. Гостей конвента немного обнадежила запись, сделанная Уилкинсом, он задавал Терри вопросы поклонников, а тот на них отвечал. Казалось, он пребывал в хорошем настроении, хотя постарался сделать интервью максимально коротким, чтобы поскорее вернуться к работе. Уилкинс объявил, что следующий роман Плоского мира будет называться «Пастушья корона». Участники конвента получили лимитированное издание книги с небольшим отрывком, названным Терри «Гид по жизни Терри Пратчетта» (Terry Pratchett's Guide To Life). Это трогательная инструкция для поклонников, где говорится, что им следует жить правильно, и подчеркивались темы достойного поведения и борьбы с несправедливостью, наполнявшие его книги. Настроение в зале было приподнятым, главной эмоцией было счастье.

Тем не менее немногие заметили, что если предисловие Геймана походило на некролог, то отрывок, написанный Пратчеттом, скорее напоминал прощальную речь.

И хотя положение выглядело чрезвычайно серьезно, в 2014 году было и много позитивного. В июле Стивен Бакстер посетил Терри в Брод-Чалке, и они вдвоем работали над «Бесконечным космосом», последней книгой трилогии «Бесконечная Земля», добавив выдающийся отрывок с гигантскими, размером с небоскреб деревьями, которые придумал Терри, а также фотографировались на фоне Солсберийского собора. Бакстеру предстояла последняя вычитка.

Еще в 2012 году Пратчетт основал компанию Narrativia, пригласив Роба, Рианну и Рода Брауна, продюсера недавних адаптаций романов Плоского мира для телевидения, стать вместе с ним членами исполнительного совета. В задачу компании входило размещение и развитие мультимедийных прав и продажа всех будущих проектов, связанных с именем Пратчетта. Первым делом они намеревались выпустить полный набор сериалов, основанных на романах о Страже городов Плоского мира, с Терри в качестве исполнительного продюсера и Рианной в команде

сценаристов.

К 2014 году были добавлены еще два проекта. Первым стала экранизация «Маленького свободного народца», сценарий для которой написала Рианна. Она преподнесла распечатанный и перевязанный красной лентой черновик Терри в качестве подарка на День отца. А вторым — наконец-то оживший призрак «Благих знамений». BBC Studios уже купила права на книгу, и теперь ей предстояло работать вместе с Narrativia и Blank Corporation Нила Геймана. Предполагалось, что Пратчетт и Гейман сыграют в фильме эпизодические роли, но в остальном продюсеры получат полную свободу.

Однако в 2014 году все изменилось. Терри всегда старался защитить свою «старушку», даже отказался участвовать в первой экранизации, когда сценарий ушел слишком далеко от оригинала. Но сейчас время стало для него критичным, состояние постоянно ухудшалось, и он начал беспокоиться, что экранизация не будет соответствовать культовой классике, написанной им вместе с Гейманом. Осенью 2014 года Терри отправил своему соавтору письмо по электронной почте, спрашивая, согласится ли тот сам написать сценарий для «Благих знамений». Гейман, пони-

мая, что речь идет о последнем желании друга, едва ли мог отказаться. Одновременно пришла весть о приятной неожиданности: стартовала работа над версией романа, адаптацией и режиссурой которой занимался Дирк Маггс, продюсер последних книг «Автостопом по Галактике» Дугласа Адамса, а также недавних произведений Геймана «Задверье» и «Звездная пыль». Премьера состоялась на Рождество на Radio 4. Гейман и Пратчетт снялись в первом эпизоде, где сыграли офицеров дорожной полиции, наблюдавших, как Кроули, его озвучивал Питер Серафинович, превысил скорость на своем антикварном Bentley. Запись была сделана в осенний день, на заднем сиденье машины Роба Уилкинса, на подъездной дорожке к дому Терри в Брод-Чалке. Терри не мог сам читать сценарий и просто повторял текст, который ему произносили. В записи его голос звучал болезненно и напряженно, однако стал необходимой и привлекательной деталью. Для Нила Геймана встреча с Пратчеттом была последней.

Терри и Роб продолжали работу над автобиографией, снимали интервью, Роб их распечатывал и редактировал позднее. Часть записей появилась в документальном фильме «Терри Пратчетт: Сно-

ва в черном», вышедшем на экраны в 2017 году. Его кадры разрывали сердце: хрупкий Терри, неспособный закончить предложение, пытающийся поймать слова, которые находились безумно близко, делал разочарованные жесты, словно размахивал волшебной палочкой. В том документальном фильме Роб признается, что они, вероятно, покинули проект «на полгода позже, чем следовало». И все же записи сохранились. Для Терри было очень важно сделать как можно больше, пока у него еще оставалось время.

Несмотря на слабеющее зрение, ухудшение мобильности и другие проблемы со здоровьем, при приближении зимы он сохранял продуктивность и хорошее настроение. Мемуары продвигались вперед. Над телевизионным сериалом «Стража» (The Watch) шла первоначальная работа, заканчивалась редактура «Пастушьей короны», оставалось лишь добавить немного «лимонного шербета». Кроме того, у Пратчетта имелось несколько незавершенных замыслов в разных стадиях, в том числе история из Плоского мира с рабочим названием «Сумеречные каньоны» (Twilight Canyons) об отряде пенсионеров, которые разрушили планы темного лорда, а также детектив с гоблинами, продолжением «Дела

табак». На подходе, помимо прочего, также находились продолжения романов для подростков «Изумительный Морис и его ученые грызуны» и «Финт». Даже в своем тяжелом состоянии Терри продолжал всерьез думать о новой книге.

Терри и Роб провели утро пятого декабря, холодного и туманного зимнего дня в работе над автобиографией, и Роб радовался тому, что им удалось сделать. Оба много смеялись, как всегда, когда работали вместе. В конце концов Роб Уилкинс стал не просто личным секретарем или бизнес-менеджером (так называлась его должность в последние годы жизни Терри). На самом деле он превратился в близкого друга и партнера, даже в большей степени, чем Стэн Лорел для Оливера Харди. Они были лучшими друзьями и сообщниками. Позднее в тот же день они сделали несколько деловых звонков, потом Терри присел, чтобы поболтать по телефону с дочерью, разговор шел о его новом романе. А вечером, после того как они еще немного посидели над автобиографией, Терри повернулся к своему помощнику и другу и произнес: «Терри Пратчетт мертв». Роб принялся спорить, но его босс был непреклонен. «Нет, — повторил он, — Терри Пратчетт мертв». Это был последний день писателя Терри Пратчетта. Че-

рез несколько дней, восьмого декабря, врачи Терри пришли к единому мнению, что его ЗКА перешла в полноценную болезнь Альцгеймера. Следующие несколько месяцев он провел, теряя сознание и снова приходя в себя. В начале 2015 года его зрение, способность двигаться и память практически отказали, и он постоянно нуждался в помощи.

Утро двенадцатого марта 2015 года выдалось холодным и ясным — в это время года Терри всегда перечитывал «Властелина колец» — сэр Терри Пратчетт умер. Не в Швейцарии, не в больнице и не в результате собственного решения, а от осложнений болезни, в доме, который он любил, в окружении семьи. Его кошка Понго лежала на постели рядом. Позднее, в тот же день, Роб воспользовался аккаунтом Терри @TerryAndRob («Дешево написанные книги»), чтобы поделиться его последним коротким рассказом. «НАКОНЕЦ, СЭР ТЕРРИ, МЫ ПРОГУЛЯЕМСЯ ВМЕСТЕ», таким было предложение. И второе: «Терри взял Смерть за руку, последовал за ним к двери, и они вышли в черную пустыню, где царила бесконечная ночь». И последнее сообщение в Twitter было совсем простым: «КОНЕЦ».

Эпилог
Сигареты

В романе Терри 2004 года «Держи марку!» описана одна из традиций операторов больших семафорных клик-башен, самых передовых устройств связи в Плоском мире. Когда работник хлопушки умирает, коллеги верят, что его душа путешествует среди семафорных сигналов, а имя «отсылается» через систему к башне, ближайшей к его дому. Если у него нет дома или если имя следует запомнить, добавляется код «ГНУ», который означает, что сигнал необходимо передать дальше, он не должен быть записан, а в конце линии развернут и отослан обратно[255]. Так душа работающего на семафоре продолжает путешествовать по системе, ведь человек остается живым, пока звучит его имя. Это типичный Пратчетт — точный, меланхоличный и в должной степени занудный. Вскоре после его смерти фанат Плоского мира, участвовавший в

---

[255] Примечания: 255

Типичная деталь для Пратчетта, ГНУ, в реальном мире также является названием операционной системы с открытым исходным кодом, что совсем не то же самое, что UNIX. (*Примеч. авт.*)

дискуссиях на веб-сайте Reddit, создал некий код HTML, названный XClacksOverhead. Его можно было скопировать в основной код любого веб-сайта, и, хотя обычные посетители сайта ничего не поймут, он будет сам добавлять слова «ГНУ Терри Пратчетт» в ткань страницы. Идея быстро прижилась, и очень скоро тысячи кодировщиков и любителей по всему миру, в том числе сайты с высокой посещаемостью, такие как The Guardian, начали вшивать имя Терри Пратчетта в сеть. Его имя, как и его работы, продолжали курсировать по миру.

Похороны профессора сэра Терренса Дэвида Джона Пратчетта, кавалера ордена Британской империи, состоялись в Солсбери 25 марта 2015 года. На частной церемонии председательствовал Кеннет Гринвэй (большой фанат Плоского мира). Терри кремировали в ивовом гробу, почти идентичном тому, в котором похоронили Матушку Ветровоск в «Пастушьей короне». Писавший в гуманистическом блоге writerscafe.org, Гринвэй поделился сказанными о нем словами Рианны Пратчетт: «Огромная благодарность за вашу напряженную работу и поддержку. Мы все высоко оценили то, как вы собрали людей вместе. Я считаю, что служба прошла замечательно, и если бы

хоронили кого-то другого и на ней присутствовал папа, он бы хотел, чтобы для него все прошло именно так!»

Гражданская панихида прошла 14 апреля 2016 года в Лондоне, в Барбикан-центре. Роб Уилкинс выступил в роли распорядителя, Рианна прочитала некролог, который написала для The Observer годом ранее. Нил Гейман зачитал предисловие к «Опечаткам», речи произнесли многие друзья и коллеги Терри. Роб официально принял несколько человек в «Орден рабочей пчелы» — группу, занимавшуюся защитой профессионального наследия Терри Пратчетта. В конце вечера участники посмотрели видеозапись Эрика Айдла и вместе спели «Всегда смотри на жизнь с хорошей стороны».

Выход последнего романа Терри «Пастушья корона», опубликованного в августе 2015 года, отпраздновали в Лондоне полуночным чтением Роба Уилкинса. Как и ожидалось, книга имела огромный успех, хотя Роб и признавался в послесловии, что она получилась не настолько полной, как того хотел автор. Позднее Нил Гейман подтвердил, что побочная сюжетная линия, в которой душа Матушки Ветровоск должна вселиться в ее кошку, Ты, так и не завершена, хотя ее

отголоски можно найти в романе. Терри не смог придать книге заключительный блеск, и роман не получил заслуженного «лимонного шербета». В наши дни некоторые фанаты отказываются читать «Пастушью корону» — они говорят, что у них еще остается один роман из Плоского мира, чтобы насладиться им позднее. Роб и Рианна сошлись на том, что Терри бы это совсем не понравилось.

Стоит отметить, что Терри выдерживал правило «один новый роман каждый год» вплоть до 2016-го, когда был опубликован «Бесконечный космос», последняя книга трилогии, написанной им в соавторстве со Стивеном Бакстером. В следующем году увидели свет два сборника ранних детских рассказов Терри «Ведьма на пылесосе» (The Witch's Vacuum Cleaner) и «Фальшивая борода Деда Мороза» (Father Christmas's Fake Beard)[256]. Таким образом, тридцать один год подряд ежегодно выходила хотя бы одна новая книга Терри Пратчетта.

Всего Пратчетт написал пятьдесят два романа,

---

[256] Примечания: 256

В момент написания этой книги последний сборник ранних коротких рассказов Терри «Пещерный человек, путешествующий во времени» (The Time-Travelling Caveman), должен выйти в 2020 году. Вероятно, он станет последним томом неизданной прозы, хотя биография Пратчетта, которую пишет Уилкинс, будет содержать отрывки мемуаров Пратчетта, записанные в конце его жизни. (*Примеч. авт.*)

действие сорока одного из них происходит в Плоском мире, и еще шесть романов в соавторстве. А также пять сборников коротких рассказов, четыре тома «Науки Плоского мира» (вместе с Джеком Коэном и Иеном Стюартом), «Фольклор Плоского мира» (в сотрудничестве со специалистом по фольклору Жаклин Симпсон), дневники, «карты» и «Путеводители Плоского мира», «Опечатки», документальные фильмы, неопубликованные сценарии и черновики.

Несмотря на смерть, спрос на работы Терри не ослабевал. Gollancz продолжал публиковать ежегодные альманахи, пока этим не стал заниматься «Эмпориум Плоского мира» Бернарда и Изабель Пирсон, служба почтовых заказов товаров, созданных на основе произведений Пратчетта, а также специализированный магазин в Уинкантоне, Сомерсет. Город был *официально* признан близнецом Анк-Морпорка. «Эмпориум» напечатал два «Атласа» (обновленные карты Стивена Бриггса), собственные марки, специальные издания книг, дюжины печатей, закладок, мозаик, моделей, карточек и многое другое. Все это оставалось прибыльным бизнесом, как и PJSMPrints.co.uk Сандры Кидби, теперь торговавшей на discworld.com. Бриггс, Пирсон, Кидби

продолжали делать карьеру в Плоском мире, что наверняка понравилось бы Пратчетту.

В 2019 году «Благие знамения», телевизионный сериал совместного производства компаний Narrativia, BBC Studios, Blank Corporation и Amazon вышел на международные экраны. В сериале снялись такие звезды, как Дэвид Теннант, Майкл Шин и Миранда Ричардсон, при деятельном участии Нила Геймана, самого практичного исполнительного продюсера. Сериал пользовался большим успехом повсюду. Ну, почти. Группа фундаменталистов-христиан начала кампанию в США по запрету сериала на Netflix, петицию подписало двадцать тысяч человек. Netflix с радостью согласился на условия петиции, так как: А) продолжение «Благих знамений» не планировалось и Б) сериал произвел и показывал не Netflix, а Amazon Prime. Сам «Амазон» был заинтересован в создании продолжения, хотя Гейман не хотел двигаться дальше без благословения своего соавтора.

К съемкам адаптации Narrativia историй Вайма из «Стражи» Плоского мира приступили в 2019 году, хотя Рианна уже не участвовала в проекте, и сюжет несколько отклонился от версии Терри. Это один из нескольких продуктов Пратчетта,

находившихся в разработке, помимо мультипликационного фильма по «Изумительному Морису и его ученым грызунам», а также адаптации «Маленького свободного народца» со сценарием Рианны Пратчетт. Рианна сказала, что в роли Тиффани она видит Мейси Уильямс, а Матушки Ветровоск — Мэгги Смит.

В 2017 году, в соответствии с вполне определенными инструкциями, жесткий диск, содержащий единственные копии незаконченных работ Терри Пратчетта, был расплющен паровым катком, которым управлял Роб Уилкинс.

Думайте о том, как уходите.

#ГНУ ТерриПратчетт

Библиография

Работы Терри Пратчетта

Курсивом выделены произведения, официально изданные на русском.

«Деловые конкуренты» (Business Rivals), Technical Cygnet, Журнал средней технической школы Уикома (декабрь 1962 г.).

«Предприятие Аида» (The Hades Business), Science Fantasy, под редакцией Джона Карнелла, том 20, № 60 (август 1963 г.).

«Письмо» (Letter), Vector (21 сентября 1963 г.).

«Картина» (The Picture), Technical Cygnet (1965).

«Разгадка» (Solution), Technical Cygnet (1965).

«Посмотрите на маленького дракона?» (Look at the little Dragon), Technical Cygnet (1965).

«Ночной обитатель» (Night Dweller), New Worlds, редактор Майкл Муркок, том 49, № 156 (ноябрь 1965 г.).

«Детский цикл» (Children's Circle), Bucks Free Press, Хай-Уиком (разные выпуски, 1965–1973 гг.).

«Маркус» (Marcus), Midweek Free Press (разные

выпуски, 1968–1973 гг.).

«Люди ковра» (The Carpet People), Colin Smythe Ltd, Gerrards Cross (1971).

«Волхв и я, или Как у волхвов ничего не вышло» (The King and I, or How the Bottom Dropped Out of the Wise Man Business), Western Daily Press (24 декабря 1971 г.).

«Зал волшебника» (Warlock Hall), Psychic Researcher, редактор Питер Бандер (разные выпуски, 1974 г.)

Bath and West Evening Chronicle (разные выпуски, 1974–1976 гг.).

«Скептицизм» (Skepticism), «Скрытое мнение» (Undercurrents), «Журнал радикальной науки и альтернативной технологии» (октябрь 1975).

«Темная сторона солнца» (The Dark Side of the Sun), Colin Smythe Ltd, Gerrards Cross (1976).

«Страта» (Strata), Colin Smythe Ltd, Gerrards Cross (1981).

«Цвет волшебства» (The Colour of Magic), Colin Smythe Ltd, Gerrards Cross (1983).

«Безумная звезда» (The Light Fantastic), Colin Smythe Ltd, Gerrards Cross (1986).

«Творцы заклинаний» (Equal Rites), Colin Smythe Ltd, Gerrards Cross/Victor Gollancz, Лондон (1987).

«Мор, ученик Смерти» (Mort), Colin Smythe Ltd, Gerrards Cross/Victor Gollancz, Лондон (1987).

«Посох и шляпа» (Sourcery), Colin Smythe Ltd, Gerrards Cross/Victor Gollancz, Лондон (1988).

«Вещие сестрички» (Wyrd Sisters), Victor Gollancz, Лондон (1988).

«Пирамиды» (Pyramids), Victor Gollancz, Лондон (1989).

«Угонщики» (Truckers), Doubleday, Лондон (1989).

«Кот без дураков» (The Unadulterated Cat), Victor Gollancz, Лондон (1989).

«Стража! Стража!» (Guards! Guards!), Victor Gollancz, Лондон (1989).

«Землекопы» (Diggers), Doubleday, Лондон (1990).

«Фальсификация истории» (History in the Faking), London Evening Standard (2 февраля 1990 г.).

«ФаустЭрик» (FaustEric), Victor Gollancz, Лондон (1990).

«Крылья» (Wings), Doubleday, Лондон (1990).

«Движущиеся картинки» (Moving Pictures), Victor Gollancz, Лондон (1990).

«Мрачный Жнец» (Reaper Man), Victor Gollancz, Лондон (1991).

«Ведьмы за границей» (Witches Abroad), Victor Gollancz, Лондон (1991).

«Я и моя семья» (Me and My Family), The Daily Telegraph You and Your Family (4 декабря 1992 г.).

«Мелкие боги» (Small Gods), Victor Gollancz, Лондон (1992).

«Люди ковра», исправленное издание (The Carpet People), Doubleday, Лондон (1992).

«Только ты можешь спасти человечество» (Only You Can Save Mankind), Victor Gollancz, Лондон (1992).

«Дамы и господа» (Lords and Ladies), Victor Gollancz, Лондон (1992).

«Ускользающий Плоский мир» (Slipped Discworld), London Evening Standard (29 января 1993 г.).

«Джонни и мертвецы» (Johnny and the Dead), Doubleday, Лондон (1993).

«К оружию! К оружию!» (Men At Arms), Victor Gollancz, Лондон (1993).

«Улицы Анк-Морпорка» (The Streets of Ankh Morpork) (со Стивеном Бриггсом, иллюстрации Стивена Плеера), Corgi, Лондон (1993).

«Сны и дверные проемы: Поворотные точки в юности знаменитых людей» (Dreams and Doorways: Turning Points In The Early Lives of

Famous People), редактор Моника Портер, Pan Macmillan Children's Books, Лондон (1993).

«Кевины» (Kevins), The Author (1993).

«Роковая музыка» (Soul Music), Victor Gollancz, Лондон (1994).

«Интересные времена» (Interesting Times), Victor Gollancz, Лондон (1994).

«Путеводитель по Плоскому миру» (The Discworld Companion), со Стивеном Бриггсом, Victor Gollancz, Лондон (1994).

«Карта Плоского мира» (The Discworld Mappe) (со Стивеном Бриггсом, иллюстрации Стивена Плеера), Corgi, Лондон, (1995).

«Маскарад» (Maskerade), Victor Gollancz, Лондон (1995).

«Раундхед-Вуд, Фоти-Грин» (Roundhead Wood), «Воспоминания знаменитостей о детских играх и детстве в поддержку средней школы Эланджени и начальной школы Честнат-Лейн» (Playground Memories, Childhood Memories Chosen by the Famous in Support of Elangeni Middle School and Chestnut Lane Lower School), Эмиршем, редактор Ник Гоммаж (1996).

«Джонни и бомба» (Johnny and the Bomb), Doubleday, Лондон (1996).

«Ноги из глины» (Feet of Clay), Victor Gollancz,

Лондон (1996).

«Санта-Хрякус» (Hogfather), Victor Gollancz, Лондон (1996).

«Патриот» (Jingo), Victor Gollancz, Лондон (1997).

«Дневник Незримого университета 1998» (Unseen University Diary 1998), со Стивеном Бриггсом, Victor Gollancz, Лондон (1997).

«Последний континент» (The Last Continent), Doubleday, Лондон (1998).

«Туристический путеводитель по Ланкру» (A Tourist Guide To Lancre), со Стивеном Бриггсом, иллюстрации Пола Кидби, Corgi, Лондон (1998).

«Carpe Jugulum. Хватай за горло!» (Carpe Jugulum), Doubleday, Лондон (1998).

«Никаких проблем» (No Worries), журнал SFX (июнь 1998 г.).

«Наука Плоского мира» (The Science Of Discworld), с Джеком Коэном и Йеном Стюартом, Ebury, Лондон (1999).

«Пятый элефант» (The Fifth Elephant), Doubleday, Лондон (1999).

«Обитель Смерти» (Death's Domain), с Полом Кидби, Corgi, Лондон (1999).

«Я читаю лишь предсмертные записки» (I Only Read The Brodie Notes), Later (1999).

«Брюэровский мальчик» (Brewers Boy), предисловие к «Брюэровскому фразеологическому словарю», Millennium Edition (1999).

«Космическая одиссея 2001 года»: ожидание и реальность» (2001: The Vision and the Reality), The Sunday Times, Лондон (24 декабря 2000 г.).

«Правда» (The Truth), Doubleday, Лондон (2000).

«Вор времени» (Thief of Time), Doubleday, Лондон (2001).

«Последний герой» (The Last Hero), Victor Gollancz, Лондон (2001).

«Изумительный Морис и его ученые грызуны» (The Amazing Maurice and His Educated Rodents), Doubleday, Лондон (2001).

«Ночная стража» (Night Watch), Doubleday, Лондон (2002).

«Маленький свободный народец» (The Wee Free Men), Doubleday, Лондон (2003).

«Пехотная баллада» (Monstrous Regiment), Doubleday, Лондон (2003).

«О Бабушке Пратчетт» (On Granny Pratchett), «Вставная челюсть и курящая русалка»: знаменитости вспоминают странную и прекрасную правду о себе и своих бабушках и дедушках», Age Concern (2004).

«Искусство Плоского мира» (The Art of Discworld),

с Полом Кидби, Victor Gollancz, Лондон (2004).

«Выбор писателя» (Writer's Choice), Waterstones' Books, № 12 (2004).

«Шляпа, полная неба» (A Hatful of Sky), Doubleday, Лондон (2004).

«Держи марку!» (Going Postal), Doubleday, Лондон (2004).

«Шмяк!» (Thud!), Doubleday, Лондон (2005).

«Господин Зима» (Wintersmith), Doubleday, Лондон (2006).

«Как стать профессиональным боксером» (How To Be A Professional Boxer), предисловие к «Ежегоднику писателей и художников» (2006).

«Делай деньги!» (Making Money), Doubleday, Лондон (2007).

«Препятствие»
(An Embuggerance), PJSMPrints.co.uk (декабрь 2007 г.).

«Народ, или Когда-то мы были дельфинами» (Nation), Doubleday, Лондон (2008).

«Незримые академики» (Unseen Academicals), Doubleday, Лондон (2009).

«Платье цвета полуночи» (I Shall Wear Midnight), Doubleday, Лондон (2010).

«Дело табак» (Snuff), Doubleday, Лондон (2011).

«Бесконечная Земля» (The Long Earth), со Стивеном Бакстером, Doubleday, Лондон (2012).

«Финт» (Dodger), Doubleday, Лондон (2012).

«Мерцание экрана» (A Blink of the Screen), Doubleday, Лондон (2012).

«Бесконечная война» (The Long War), со Стивеном Бакстером, Doubleday, Лондон (2013).

«Поддай пару!» (Raising Steam), Doubleday, Лондон (2013)

«Бесконечный Марс» (The Long Mars), со Стивеном Бакстером, Doubleday, Лондон (2014).

«Драконы в Старом замке и другие истории» (Dragons at Crumbling Castle and Other Stories), с комментариями Сюзанны Бридсон, Doubleday, Лондон (2014).

«Опечатки» (A Slip of the Keyboard), Doubleday, Лондон (2014).

«Маленький совет для жизни» (Little Advice for Life), The MMXIV Green Folio, Терри Пратчетт и Роб Уилкинс (2014).

«Лекция в память Ричарда Димблби: Пожать руку Смерти» (Shaking Hands With Death), Corgi, Лондон (2015).

«Пастушья корона» (The Shepherd's Crown), Corgi, Лондон (2015).

«Бесконечная утопия» (The Long Utopia), со

Стивеном Бакстером, Doubleday, Лондон (2015).

«Бесконечный космос» (The Long Cosmos), со Стивеном Бакстером, Doubleday, Лондон (2016).

«Дневник Терри Пратчетта (и всякая всячина)» (The Terry Pratchett Diary), Victor Gollancz, Лондон (2016).

«Ведьма на пылесосе» (The Witch's Vacuum Cleaner and Other Stories), с комментариями Сюзанны Бридсон, Doubleday, Лондон (2017).

«Фальшивая борода Деда Мороза и другие рассказы» (Father Christmas's Fake Beard and Other Stories), Doubleday, Лондон (2017).

«Мор, ученик Смерти» (Mort), с введением Нила Геймана, Corgi (2019).

«Благие знамения» (Good Omens), с Нилом Гейманом, иллюстрированное издание, Victor Gollancz, Лондон (2019).

Книги других авторов

Кэйбелл Крейг. (2012), «Терри Пратчетт: Дух фэнтези», John Blake Publishing. 2012.

Кэмпбелл, Хэйли. (2017), «Искусство Нила Геймана», Ilex Press. 2017.

Карпентер, Хамфри. «Дж. Р.Р. Толкин: биография», HarperCollins. 1977.

Голдман, Джоан. «Избранный в шесть», Hodder

and Stoughton. 1963.

Хансен, Роб. «Тогда: фэндом научной фантастики в Великобритании 1930–1980», Ansible Editions. 2019.

Хант, Питер, Ленц, Миллисент. «Альтернативные миры в фэнтези», Continuum. 2004.

Джеймс, Эд, и др. «Терри Пратчетт: виновен в литературе». (Второе издание), Old Earth Books. 2004.

Кирби, Джош. «В саду неземных удовольствий», Paper Tiger. 1991.

Кирби, Джош. «Джош Кирби, портфолио Плоского мира», Paper Tiger. 2001.

Кирби, Джош. Лэнгфорд, Дэвид. (1999) «Космический рог изобилия», Paper Tiger. 1999.

Лэнгфорд, Дэвид. «Дырявый дом». Big Engine. 2001.

Макилвейн, Кэтрин. «Толкин: создатель Средиземья». The Bodleian Library. 2018.

Робинсон, Тони. «Никаких хитрых планов: моя история», «Sidgwick and Jackson, 2016.

Толкин,
Дж. Р. Р. «Властелин колец», HarperCollins. 1991.

Вестерн, Питер. «Со звездами в глазах: мои приключения на британском фэндоме», NESFA Press. 2004.

Уайман, Мэтт. «Хороший и точный телевизионный путеводитель по «Благим знамениям», Headline. 2019.

Радио

«На веревках». Интервью с Джоном Хамфрисом. BBC Radio 4 (6 июня 2014).

«Санта-Хрякус». BBC World Service (1996).

«В прямом эфире, домашний подкаст». Live At The House Podcast (13 апреля 2013).

«С тускнеющей памятью, Терри Пратчетт вновь навещает «Людей ковра», «Учитывая все». NPR (США) (11 марта 2013).

«Благие знамения» (режиссер Дирк Мэггс). BBC Radio 4 (Декабрь 2014 г.).

«Диски Необитаемого острова». BBC Radio 4 (9 февраля 1997).

Телевидение

«Угонщики» (Truckers), Cosgrove Hall Films, Thames TelevisionCosgrove Hall Films (1992).

«Джонни и мертвецы» (Johnny and the Dead), LWT, ITV (1995).

Пьеса «Цвет волшебства» (The Colour of Magic — screenplay), Роб Хейленд, Catalyst Television (1995).

«Короткие истории: путешествие в джунгли Терри Пратчетта» (Short Stories: Terry Pratchett's Jungle Quest), Channel 4 (1996).

Newsnight Late Review, BBC 2 (18 сентября 1997 г.).

«Плоский мир Терри Пратчетта» (Terry Pratchett's Discworld), TV-ROM, Channel 4 (1997).

«Вещие сестрички» (Wyrd Sisters), Cosgrove Hall Films, Channel 4 (1997).

«Роковая музыка» (Soul Music), Cosgrove Hall Films, Channel 4 (1997).

Интервью Джима Янга у сэра Терри Пратчетта на «Миниконе» в Блумингтоне, Миннесота, США, YouTube (26 марта 2005 г.).

«Синий Питер» (Blue Peter), BBC 1 (7 сентября 2006 г.).

«Санта-Хрякус Терри Пратчетта» (Terry Pratchett's Hogfather), The Mob Film Company, Sky (2006).

«Джонни и бомба» (Johnny and the Bomb), Childsplay, BBC 1 (2006).

«Цвет волшебства Терри Пратчетта» (Terry Pratchett's The Colour of Magic), The Mob Film Company, Sky (2006).

«Терри Пратчетт: Жизнь с Альцгеймером, Часть 1 и 2» (Terry Pratchett: Living With Alzheimer's Part

1 & 2) (Режиссер Чарли Рассел) — BBC 1, BBC 2 (2009).

«Держи марку!» (Going Postal), The Mob, Sky (2010).

«Лекция Ричарда Димблби: Терри Пратчетт пожимает руку Смерти» (Terry Pratchett: Shaking Hands With Death), BBC 2 (2010).

«Терри Пратчетт: Выбирая смерть» (Terry Pratchett: Choosing To Die) (режиссер Чарли Рассел), BBC 2 (2011).

«Терри Пратчетт: на грани исчезновения» (Terry Pratchett: Facing Extinction) (Режиссер Чарли Рассел), BBC 2 (2013).

«Терри Пратчетт: снова в черном» (Terry Pratchett: Back In Black) (Режиссер Чарли Рассел), BBC 2 (2017).

«Благие знамения» (Good Omens), Narrativia, BBC Studios, Amazon Studios, Blank Corporation (2019).

Онлайн-ресурсы

Новостная группа Alt.Fan.Pratchett,

Ansible.co.uk, редактор Дэвид Лэнгфорд.

Архив Британской библиотеки, sounds.bl.uk «Терри Пратчетт и Нил Гейман — беседы. Чья фантазия?» (Записано 14 июня 1988 г.).

Blog.patrickrothfuss.com/2011/07/встреча-с-тер-

ри-пратчеттом/Delta4.co.uk
Colinsmythe.co.uk
College-of-arms.gov.uk
Discworld.com
Discworldemporium.com
Discworldmonthly.co.uk
Efanzines.com/PW/Stars/
Энциклопедия научной фантастики, sf-encyclopedia.com 1979–2018 (редакторы Джон Клют, Дэвид Лэнгфорд, Питер Николлс [почетный профессор в отставке] и Грэхем Слейт).
Fancyclopedia.org/repetercon
Fialwol.org.uk/fanastuff (редактор Роб Хансон) Lspace.org
Madison.com «Интервью Терри Пратчетта» (2011).
Mandascott.co.uk/terry-pratchett-a-highly-abbreviated-memoir/
Оксфордский словарь Национальных биографий. oxforddnb.com
«Слова Руда», интервью 1996 г. с Полом Рудом на первом мировом конвенте Плоского мира, geocitiesarchive. org/mxd/rainforest/3691//issues/7_roodwords.html#
Theguardian.com Терри Пратчетт о религии: «Я предпочел бы быть воскрешенной обезьяной, чем

падшим ангелом». «Свободные комментарии»: видео (19 декабря 2009 г.).
Ukwhoswho.com
Web.archive.org
Wiki.lspace.org

Статьи, обзоры и программы конвентов

«Программа конвента Яркон» (апрель 8—11, 1966 г.).

«В поисках джокеров», «Оксфорд таймс» (май 1976 г.).

«Обратный мир птиц высокого полета» (Widdershins World of a High Flyer'), «Оксфорд таймс» (май 1976 г.).

«Цвет волшебства Терри Пратчетта», Колин Смайт, «Паблишерз уикли» (26 августа 1983 г.).

«Цвет волшебства Терри Пратчетта», «Киркус» (15 августа 1983 г.).

«Цвет волшебства Терри Пратчетта», Луиза Джеймс, «Бритиш бук ньюс» (март 1984 г.).

«Цвет Пратчетта», Нил Гейман, «Спейс вояджер», с. 41 (июнь/июль 1985 г.).

«Цвет волшебства», «Компьютерные и видеоигры», выпуск № 10, стр. 60 (1986).

«Цвет волшебства», «Крэш», выпуск № 2, с. 52 (1987).

«Каталог Андромеда шоп», № 116 (Январь/февраль 1987 г.).

«Путешествия за грань», Венди Грэхем, «Эдвенчерер: журнал отличных научно-фантастических и фэнтезийных игр» (июнь/июль 1987 г.).

«Волшебная книга необычных чудовищ». ДБ «Сомерсет Стэндард» (30 января 1987 г.).

«Галактический набор для выживания», Джон Клют, «Обзервер» (26 апреля 1987 г.).

«Терри Пратчетт», Пол Кинкейд, «Интерзона» (сентябрь/октябрь 1988 г.).

«Приключения в Плоском мире», Кевин Паттик, «ДМ: Индепендент фэнтези».

«Журнал ролевых игр». Том 1, № 11, стр. 52–68 (11 июля 1989 г.).

«Хит и миф, опасная затея двух писателей из Оксфорда». «Оксфорд мейл» (4 июля 1989 г.).

«Обучение экспертов, урок А». «Чилдренс бук ньюс» (ноябрь 1989 г.).

«Стражи, единороги, зулы», Джон Клют. «Интерзона», выпуск 33 (январь/февраль 1990 г.).

«В девяностые с «Голланцем» и Corgi, маркетинговый план, коллекция Колина Смайта, «Сенат хаус лайбрери», Лондонский университет (1990 г.).

«Открывая Плоский мир», Ник Кэрнс, «Мэгэ-

зин» (февраль, 1990 г.).

«О, хорошо», Джон Клют, «Интерзона» (июль 1990 г.).

«Полтергейст против сказок о пони», Кристина Хардимент, «Индепендент» (17 ноября 1990 г.).

«Смерть отправляется в отпуск», Том Уилки, «Индепендент» (27 июня 1991 г.).

«Шлок терапия», Джонатан Коу, «Гардиан» (25 июля 1991 г.).

«Привыкание к клавиатуре», Пол Голдинг, The Sunday Times (17 ноября 1991 г.).

«Интервью с Терри Пратчеттом и Нилом Гейманом», Мартин Тюдор, «Геймсман», с. 20–22 (февраль 1992 г.).

«Известный писатель рассказывает о ярком фэнтезийном мире», Стив Уоррен, Bucks Free Press, с. 6 (26 июня 1992 г.).

«Терри, создатель номов», Том Хибберт, «Ваш журнал» («Мейол он санди»), с. 34–36 (16 февраля 1992 г.).

«Вид с элефанта: Мартин Роу встречает Терри Пратчетта, автор юмористического фэнтези чувствует себя комфортно с эльфами и волшебниками», Мартин Вроу, «Индепендент» (15 августа 1992 г.).

«Детская премия «Гардиан» (25 марта 1993 г.)

Мартин Тейлор, «Вектор» выпуск № 174 (август/сентябрь 1993 г.).

«Интервью Терри Пратчетта». «Скул мэгэзин» (Австралия) (1994).

«Волшебный хаос», Руперт Гудвин, «Таймс» (5 марта 1994 г.).

«Дейв Гринслейд — Терри Пратчетт из Плоского мира», Стюарт Макони, «Кью мэгэзин» (5 мая 1994 г.).

«Диккенс Плоского мира», Стюарт Джеффрис, «Гардиан» (18 ноября 1994 г.).

«Файл Пратчетта», Робин Эггар, «Санди миррор мэгэзин» (22 января 1995 г.).

«Терри Пратчетт», М. Дж. Симпсон, «Бук коллектор» № 34 (май 1995 г.).

«Рассказывающий истории», Марк Эдвардс, The Sunday Times (19 марта 1995 г.).

«Еще одно попадание в цель для Терри в Плоском мире», «Скотленд он санди» (28 мая 1995 г.).

«Букерс? Not for the loiks of oi'», Джайлс Смит. «Индепендент» (12 июня 1995 г.).

«Джеки направляет «сторонников плоской земли», Мэтью Эдгар, Ланкашир. «Ивнинг пост» (16 ноября 1995 г.).

«Интервью SFX. Лицом к лицу со звездами. Терри Пратчетт». SFX, с. 46 (декабрь 1995 г.).

«Спасибо за фэнтези», Энди Беккет, «Индепендент он санди» (2 июня 1996 г.).

«Пороть чепуху перед Диккенсом», Сюзанна Херберт, «Дейли телеграф» (10 июня 1995 г.).

«Все мужчины Моры», «Старберст» (июль 1996 г.).

«Я не совсем уверен, что означает слово «ботан»: Терри Пратчетт беседует с Биллом Гейтсом». «GQ» (июль 1996 г.).

«Странно, но замечательно», Марк Эдвардс. The Sunday Times (7 июля 1996 г.).

«Жизнь в день Терри Пратчетта», Кэролайн Скотт, «Санди таймс мэгэзин» (4 августа 1996 г.).

«Трагедия на трассе», Шина Уолш и Джеймс Мортлок, «Бери Сент Эдмундс Меркьюри» (сентябрь 1996 г.).

«Планы не успех». «Честер кроникл», с. 10 (10 ноября 1996 г.).

«Полеты фантазии стоимостью в миллионы». «Санди бизнес», с. 24 (8 сентября 1996 г.), «Клэркрафт ивент программ» (1997).

«Что за дела?», Уильям Лодж, «Ноттингем ивнинг пост», с. 28 (30 января 1997 г.).

«Трансуорлд» уводит Пратчетта от «Виктора Голланца». «Букселлер» (25 апреля 1997 г.).

«Специальное издание журнала Плоского ми-

ра», SFX (май 1997 г.).

«Бедствия любят компанию/Янус Старк», Джим Вирт, NME (24 января 1998 г.).

«Богатое воображение старейшины Плоского мира», Борис Джонсон. «Дейли телеграф», с. 34 (11 мая 1998 г.).

«Брошенные жанры», Роберт Маккрам, «Обзервер», (15 ноября 1998 г.).

«Деньги имеют значение: Как тратит вторая половина», Натали Грэхем, «Гуд таймс», с. 27 (февраль/март 1999 г.).

«Книжные интервью: Терри Пратчетт», «Обзервер» (24 октября 1999 г.).

«Почему Плоский мир нуждается в компьютерах», Хамиш Макинтош, «Гардиан» (27 января 2000 г.).

«Разговор с Терри Пратчеттом — Часть I», Стивен Х. Сильвер, (SFSite) (апрель 2000 г.).

«Разговор с Терри Пратчеттом — Часть II», Стивен Х. Сильвер, (SFSite) (апрель 2000 г.).

«Магические слова Терри», Джеймс Делингпол, «Дейли телеграф» (7 ноября 2000 г.).

«Городская жизнь (Что происходит в Манчестере)», с. 55 (2 мая 2001 г.).

«Разговор с Терри Пратчеттом», Клер Э. Уайт, «Интернет райтинг джорнал», writerswrite.co.uk

(2001 г.).

«Интервью Терри Пратчетта», Гэвин Дж. Грант, Indiebound.org (2001).

«В разговоре: Терри Пратчетт и Джеральд Сеймур», Дэвид Фримен, «Гардиан» (8 ноября 2001 г.).

«Нил Гейман: поразительный чародей». «Программная книга Боскона 39» (февраль 2002 г.).

«Большой магазин». Программа для сценической постановки «Угонщиков» Боба Итона (март 2002 г.).

«Гамельнский крысолов» приносит запоздалую литературную премию», Джон Изард, «Гардиан» (13 июля 2002 г.).

«Терри Пратчетт», Линда Ричардс, «Дженюари мэгэзин» (2002 г.).

«Интервью: создатель Плоского мира Терри Пратчетт», Джон Гарднер, «Нью Зиланд геральд» (25 октября 2002 г.).

«Мой первый босс — Терри Пратчетт», «Гардиан», Карен Хейнсворт (23 ноября 2002 г.).

«Ночная стража Терри Пратчетта», Майкл Дирда, «Вашингтон пост» (24 ноября 2002 г.).

«Жизнь на планете Пратчетт», Салли Уил, «Гардиан» (8 ноября 2002 г.).

«Ночная стража Терри Пратчетта». Тереза Литтлетон, «Нью-Йорк таймс» (15 декабря 2002).

«У него есть мир на диске», Триша Л. Себастиан, SequentialTart.com, (март 2003 г.).

«Посылки из Плоского мира», Джо Назарро, «Фэнтезийные миры», с. 74 (февраль 2004 г.).

«Эдинбургский фестиваль: нет, в самом деле, это было замечательно», The Sunday Times (15 августа 2004 г.).

«Истории о чудесах и порно», «Нореском 4: программа Уорлдкона» (сентябрь 2004 г.).

«Терри Пратчетт — мастер созерцательной сатиры», Дрю Биттнер. «НФ ревю» (24 сентября 2004 г.).

«Странное могущество короля Плоского мира», Стюарт Вейвелл, The Sunday Times (17 октября 2004 г.).

«Воспитание детей: единственная потребность не означает одиночество», The Sunday Times (7 августа 2005 г.).

«Секреты моего успеха — Терри Пратчетт», Крис Холл, «Дейли мейл» (7 августа 2005 г.).

«Терри Пратчетт: к черту «Букер», это пользуется успехом», Джайлс Хаттерсли, The Sunday Times (17 декабря 2006 г.).

«Интервью Терри Пратчетта», SFX (12 октября 2006 г.).

«Джеймс Джексон встречает Терри Пратчетта

на постановке «Санта-Хрякуса», Джеймс Джексон. «Таймс» (9 декабря 2006 г.).

«Терри Пратчетт: «У меня был инсульт — и я этого даже не заметил», Мойра Петти, «Дейли мейл» (5 ноября 2007 г.).

«Терри Пратчетт о происхождении Плоского мира, ордене Британской империи и обо всем, что произошло между этими событиями», Джим Янг, Scifi.com (январь 2008 г.).

«Юмор есть даже в самых мрачных местах», Стюарт Джеффрис, «Гардиан» (18 марта 2008 г.).

«Терри Пратчетт, властелин Плоского мира, сражается за сохранение своей власти», Брайан Эпплярд, The Sunday Times (8 июня 2008 г.).

«Терри Пратчетт намекает, что, возможно, он нашел Бога», Роб Дэвис, «Телеграф» (8 июня 2008 г.).

«Терри Пратчетт», TheGuardian.com (12 июня 2008 г.).

«Лучшая научно-фантастическая книга всех времен? Знаменитые люди выбирают любимое произведение», «Таймс» (12 июня 2008 г.).

«Я постоянно создаю богов — теперь я думаю, что один из них может существовать», — говорит автор фэнтезийных романов Терри Пратчетт», «Мейл онлайн» (21 июня 2008 г.).

«ИНТЕРВЬЮ Терри Пратчетта», SFX (9 июля 2008 г.).

«Я испытываю омерзение. НСЗ может доставить «Виагру», но не лекарство для борьбы с Альцгеймером», «Мировые новости» (17 августа 2008 г.).

«Я понемногу ускользаю… и мне остается только за этим наблюдать», «Мейл он санди» (7 октября 2008 г.).

«Терри Пратчетт: «Если бы я знал, какое влияние оказывает прогрессирующее заболевание мозга на рекламную кампанию, то постарался бы заболеть раньше», Дебора Орр, «Индепендент» (29 ноября 2008 г.).

«Терри Пратчетт, автор Плоского мира, о своей болезни Альцгеймера и лучших работах», Эндрю Биллен, «Таймс» (30 января 2009 г.).

«Один год спустя: Терри Пратчетт — год, который я никогда не забуду», Джози Энсор, The Sunday Times (25 сентября 2009 г.).

«Укажите мне дорогу в рай, когда наступит последняя глава», «Мейл он санди» (2 августа 2009 г.).

«Интервью сэра Терри Пратчетта о «Незримых академиках», Джон Престон. «Телеграф» (28 сентября 2009 г.).

«Книжный клуб Гардиан: «Незримые ака-

демики» Терри Пратчетта», Сэм Джординсон, «Гардиан» (14 декабря 2009 г.).

«Терри Пратчетт — Я навсегда останусь парнем, который пишет смешные книги», Анна Джайлс, Bookwitch.wordpress.com (2010).

«Сэр Терри Пратчетт хочет получить контроль над тем, как закончится его история», Дамиан Уайтворт (6 февраля 2010 г.).

«Секреты моего успеха: Терри Пратчетт», Крис Холл, «Дейли мейл» (22 мая 2010 г.).

«Терри Пратчетт: — «Я открыт для радости. Но я стал более циничным», Аида Эдемариам, «Гардиан» (1 сентября 2010 г.).

«Терри Пратчетт в путешествии, пишущий и ругающийся на компьютер», Дейв Брэдли, SFX (14 сентября 2010 г.).

«Лучший ученик», из «Празднования шестидесятилетия: Школа Холтспур 1951–2011» (2011).

«Я охочусь на убийцу — но прежде мне нужно прибрать за кошкой», The Sunday Times (6 марта 2011 г.).

«Терри Пратчетт пишет письмо школе Холтспур в день ее шестидесятилетия», Лоуренс Данхилл, Bucks Free Press (4 мая 2011 г.).

«Теперь я больше внимания обращаю на природу», «Таймс» (21 мая 2011 г.).

«Смерть постучал, и мы его впустили», The Sunday Times (12 июня 2011 г.).

«Неделя после смерти Терри Пратчетта», «Независимый» (18 июня 2011 г.).

«Встречайте суперфанатов», Лео Бенедиктус, «Гардиан» (24 июня 2011 г.).

«Автор Плоского мира, Терри Пратчетт, готовится к настоящему сражению», Ричард Иден, «Телеграф» (2 октября 2011 г.).

«Сэр Терри Пратчетт: Альцгеймер и я», Джинни Дугари, «Таймс» (8 октября 2011 г.).

«Жизнь — написание книг: Терри Пратчетт», Элисон Флад, «Гардиан» (14 октября 2011 г.).

«Терри Пратчетт — Дело табак!», Лиза Кэмпбелл, «Букселлер» (9 ноября 2011 г.).

«Интервью Терри Пратчетта», «Писатели онлайн», Writers-online.co.uk (23 апреля 2012 г.).

«Интервью Терри Пратчетта и Стивена Бакстера», Иэн Берриман, SFX (24 июля 2012 г.).

«Интервью с сэром Терри Пратчеттом», Нил Гейман, «Боинг Боинг» (10 октября 2012 г.).

«Авторы Всемирного вечера книги выбирают отрывки из своих работ», Элисон Флад, «Гардиан» (17 февраля 2012 г.).

«Терри Пратчетт: я думал, что к настоящему моменту мой Альцгеймер станет хуже», Элизабет

Грайс, «Телеграф» (10 сентября 2012 г.).

«Интервью: Терри Пратчетт, писатель», Питер Росс, «Скотланд он санди» (23 сентября 2012 г.).

«Книга, которая изменила мою жизнь, Рушди, Пратчетт и другие», «Таймс» (29 сентября 2012 г.).

«Терри Пратчетт — желание продолжать борьбу заставляет меня двигаться дальше», Арифа Акбар, «Индепендент» (11 октября 2012 г.).

«Папа справляется с Альцгеймером, борется с ним не покладая рук», Ник Дюрден, The Sunday Times (14 октября 2012 г.).

«Терри Пратчетт о своем медицинском диагнозе, последнем романе и многом другом», Таша Робинсон. «АВ клаб» (16 ноября 2012 г.).

«Терри Пратчетт — фэнтези не имеет возраста», Стивен Мосс, «Гардиан» (22 апреля 2013 г.).

«Сэр Терри Пратчетт в беседе: Виртуальный WCF (программный фреймворк) 2013», «Оранжерея писателя» (11 ноября 2013 г.).

«О моей первой работе», «Хаффингтон пост» (12 декабря 2013 г.).

«Терри Пратчетт: я начал писать новую книгу, когда мне было 17 лет», «Гардиан» (10 июля 2014 г.).

«Терри Пратчетт: какой он есть», «Нью-йорк таймс» (17 августа 2014 г.).

«Терри Пратчетт списал Краули с Нила Геймана, и другие любопытные факты, связанные с работой над «Благими знамениями», Пузатая ракета, Tor.com (22 декабря 2014 г.).

«Благие знамения: как Терри Пратчетт и Нил Гейман написали книгу», «Би-би-си мэгэзин» (22 декабря 2014 г.).

«Вспоминая магию сэра Терри Пратчетта», Гэвин Хайнс, «Вайс» (13 марта 2015 г.).

«Друзья и коллеги воздают должное сэру Терри Пратчетту», bookbrunch.co.uk (13 марта 2015 г.).

«Терри Пратчетт», Чарльз Стросс, antipope.org (13 марта 2015 г.).

«Это как если у меня был хоббит нормального роста в качестве отца», Морин Паттон, «Телеграф» (14 марта 2015 г.).

«Открыт вдохновляющий стимул школьника Терри Пратчетта», Патрик Сойер, «Телеграф» (15 марта 2015 г.).

«Вспоминая сэра Терри Пратчетта», Брайан Горналл, «Общество радиологической защиты», sap-uk.org (19 марта 2015 г.).

«Нил Гейман вспоминает Терри Пратчетта», Мэриэнн Йин, «ГаллейКэт» (20 марта 2015 г.).

«Так я хочу помнить Терри»: Нил Гейман вспоминает о Пратчетте», Элисон Флад, «Гардиан» (23

марта 2015 г.).

«Письмо: Терри Пратчетт на конвентах Плоского мира», Элизабет Олвей, «Гардиан» (5 апреля 2015 г.).

«Учитель, вдохновивший Терри Пратчетта», Патрик Сойер, «Телеграф» (8 июня 2015 г.).

«Интервью Терри Пратчетта: писатель, пишущий фэнтези, смотрит в реальность», Том Чиверс, «Телеграф» (27 августа 2015 г.).

«Нил Гейман: конец, который так и не написал мой друг Терри Пратчетт», Алекс О'Коннелл, «Таймс» (29 августа 2015 г.).

«Сэр Терри Пратчетт в воспоминаниях своей дочери, Рианны Пратчетт», «Обзервер» (17 декабря 2015 г.).

Рианна Пратчетт. «Сайт совета округа Бакингемшир» (2017).

«Десять вещей, которые вы, вероятно, не знали о сэре Терри Пратчетте», Меган Белл, BarnesandNoble.com (28 апреля 2017 г.).

«Что я узнал: Нил Гейман», Фиона Уилсон, «Таймс» (2 сентября 2017 г.).

«Терри Пратчетт: Его мир: официальная выставка, поместье Терри Пратчетта, Дунманефестин» (2018).

«Моя семья и другие муми-тролли: Рианна

Пратчетт о любви ее отца к Туве Янссон», Рианна Пратчетт, «Гардиан» (12 марта 2018 г.).

«До того, как появился Плоский мир: школьные тетради Терри Пратчетта дают удивительную возможность заглянуть в его мир подростка — в том числе и на его так хорошо знакомые каракули». Кейлай Бейкер. «Мейл онлайн» (30 апреля 2018 г.).

«История, стоящая за игрой Oblivion, над которой работал Терри Пратчетт», Киан Махер, «Еврогеймер» (31 января 2019 г.).

Видеоигры

«Цвет волшебства» (The Colour of Magic), Delta4 Production, Piranha UK Великобритания (1986).

«Плоский мир» (Discworld). A TWG/Perfect 10 Production, выпущен Psygnosis Games (1995).

«Плоский мир II: Пропал, предположительно?..» (Discworld II: Missing, presumed …?), A TWG/Perfect 10 Production, выпущен Psygnosis Games (1996).

«Плоский мир: Нуар» (Discworld Noir), A Perfect/TWG Production, выпущен GT Interactive Software (UK) Ltd (1999).

«Восхождение расхитительницы гробниц» (Rise of the Tomb Raider), Рианна Пратчетт (автор сценария), Crystal Dynamics (2016).

Конвенты Плоского мира

СК: 1996, 1998, 2002, 2004, 2006, 2008, 2010, 2012, 2014 годы

США: 2009 год

Австралия: 2012 год

Вкладка

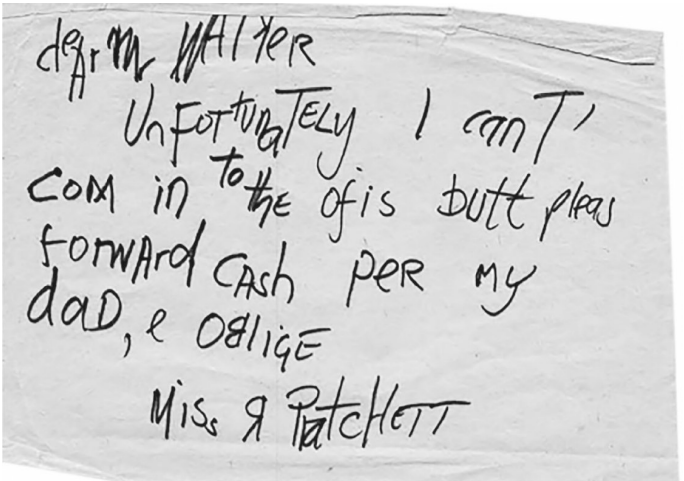
Средняя техническая школа Уикома, 1961 год, фотограф неизвестен. Терри в нижнем ряду, посередине (корчит рожицу). (*Айвэн Спэрроу*)

Терри и Лин в день свадьбы в 1968 году, фотография была напечатана в «Бакс фри пресс». Один из последних раз, когда Терри видели без бороды.

(*Фотограф неизвестен*)

Комната заместителей редактора в «Бат ивнинг кроникл», приблизительно 1975 год. Джеральд Уолкер справа. Терри (его нет на фотографии) обычно сидел за столом слева. Высокий журналист в галстуке-бабочке, стоящий на заднем плане — бывший королевский корреспондент «Би-Би-Си», представитель «Хэррродс», Майкл Коул. (*Предоставлено Джеральдом Уолкером, фотограф неизвестен*)

Команда «Бат» и «Вест ивнинг кроникл», снимок взят из газеты, вышедшей в 1977 году в честь столетнего юбилея.



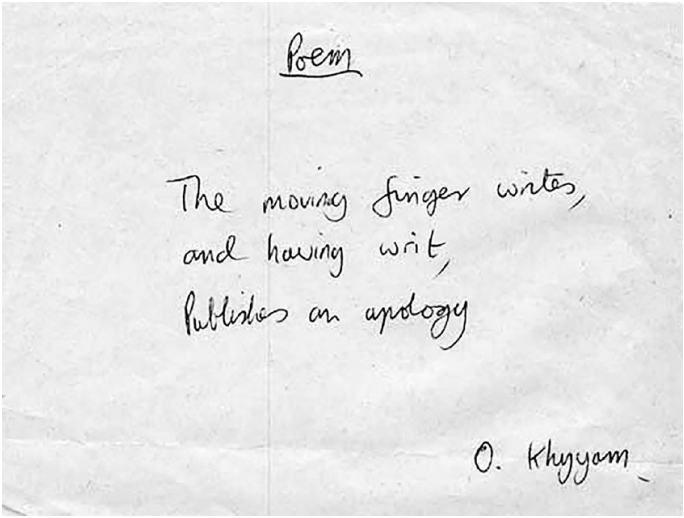
Дорогой мистер Уолкер

К сожалению, я не могу прийти в офис, но, пожалуйста, пришлите наличные моему отцу,

Буду весьма обязана

мисс Р. Пратчетт

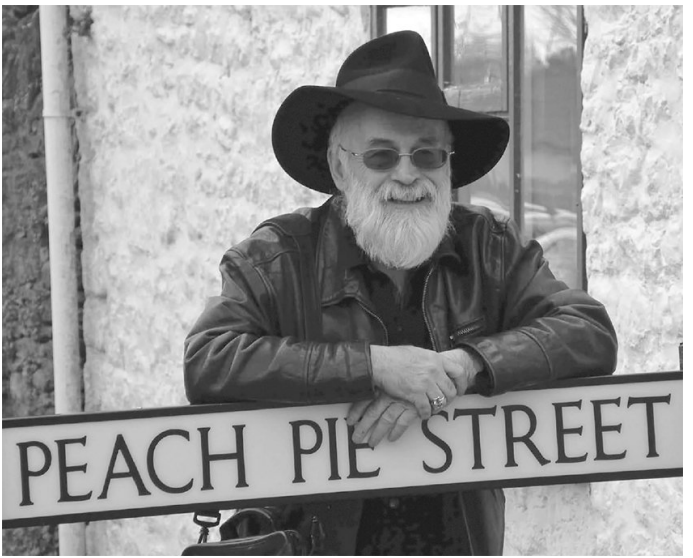
Записка Джеральду Уолкеру от юной Рианны Пратчетт, отказавшейся от мороженного, где-то в конце семидесятых. (*Джеральд Уолкер*)



Записка от Терри Джеральду Уолкеру в «Вестерн дейли пресс» с цитатой из поэта одиннадцатого века Омара Хайяма, где-то в конце семидесятых. (*Джеральд Уолкер*)

Терри на первом конвенте Плоского мира в 1996 году, вместе с Гильдией фанатов и поклонников и Элизабет Олвей, одетой в костюм Маграт Чесногк. (*Элизабет Олвей*)

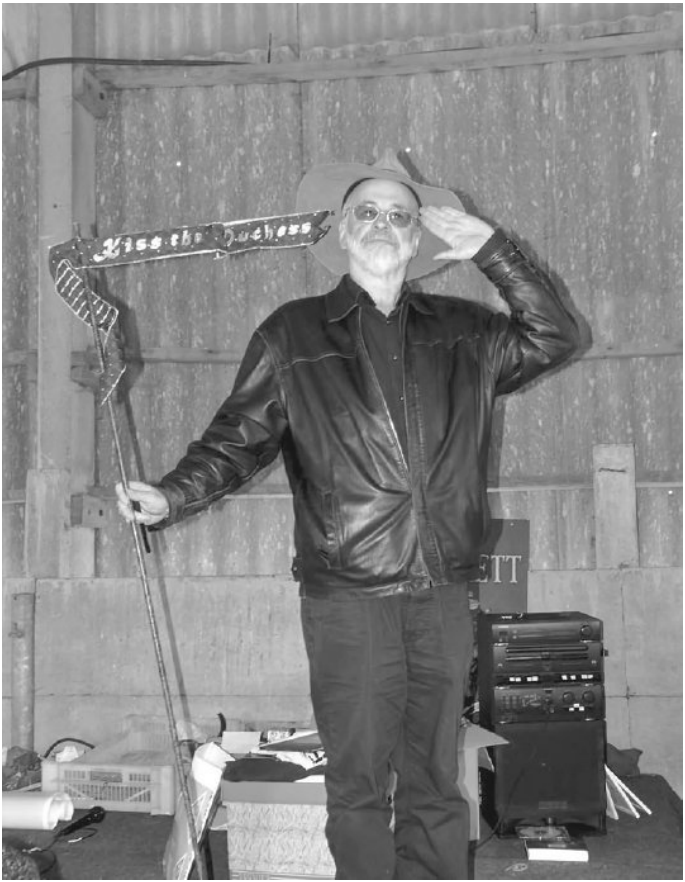
Джош Кирби, работающий над обложкой «Последнего континента», приблизительно 1997 год. (*Фонд Джоша Кирби*)



Терри участвует в присвоении названия улице в Винкантоне, городе в Сомерсете, близнеца вымышленного Анк-Морпорка, расположение оригинальной улицы Персикового пирога. Апрель 2002 года. (*Ежемесячник Плоского мира*)

Терри с поклонницей в костюме Тиффани Бо-

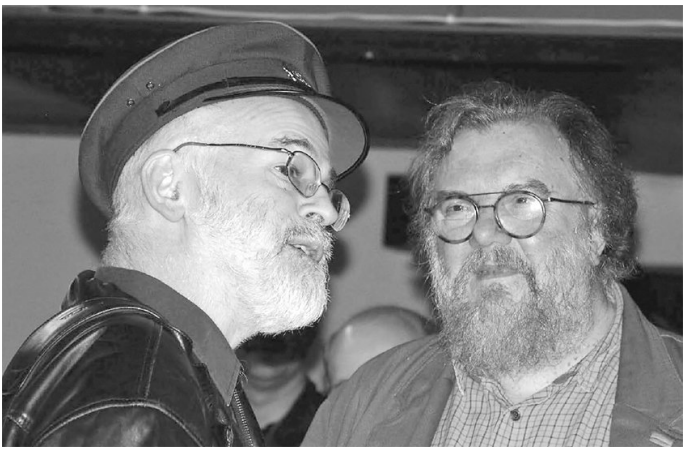
лен на «Клэркрафт ивент», Вулпит, Саффолк. (*Йен Олдройд*)



2005 год, «Клэркрафт ивент», Вулпит, со сде-

ланным фанатом реквизитом для «Пехотной баллады».

(*Йен Олдройд*)



Терри с Бернардом Пирсоном на рождественской вечеринке страшдества, декабрь 2004 год, в Винкантоне, Сомерсет. (*Йен Олдройд*)

Терри на праздновании двадцать первой годовщины Плоского мира, которое проходило в Королевском обществе искусств, в Лондоне, в сентябре 2004 года. Он сфотографирован с моделью Октаво, книгой заклинаний, появлявшейся в первых двух романах Плоского мира. Ее создал Бернард Пирсон, позднее она будет находиться в кабинете Терри. (*Йен Олдройд*)

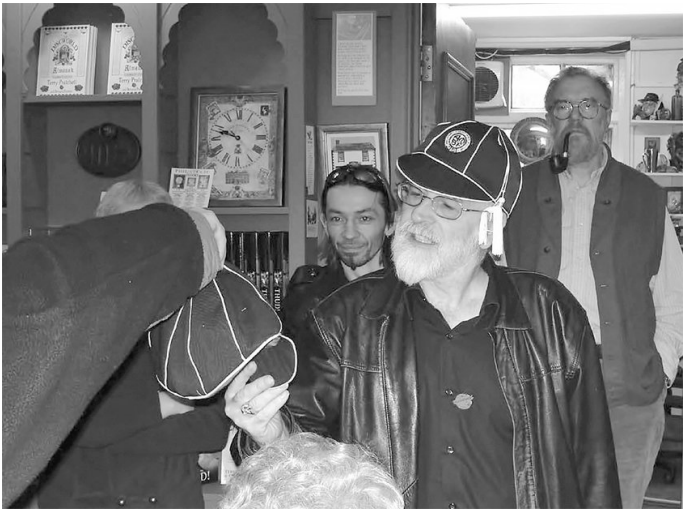
На «Сладком ФА кубке», футбольном матче, организованном для рекламы «Невидимых академиков», Винкантон, Сомерсет, 2005 год. (*Ежемесячник Плоского мира*)

A
Terry Pratchett

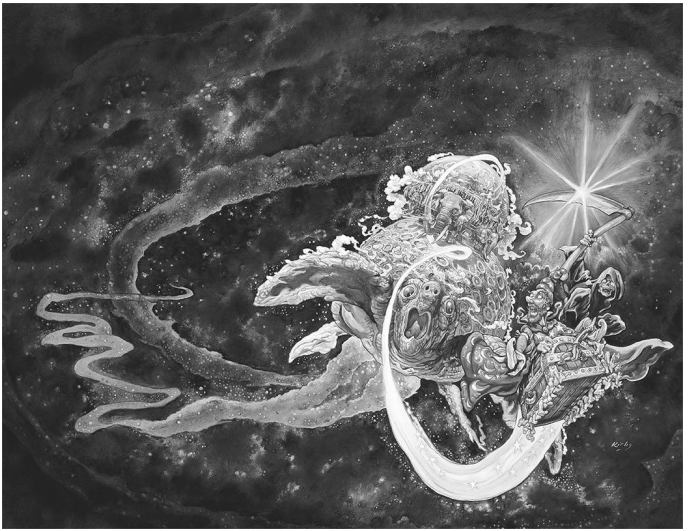
Терри на Уорлдконе 2005 года, проходившем в Глазго. (*Шимон Сокол, «Викимедиа коммонс»*)

Терри с поклонницей Плоского мира Давиной на встрече в Винкантоне, Сомерсет. (*Ежемесячник Плоского мира*)

Терри с фанатами на встрече в Винкантоне, Сомерсет, апрель 2005 год. (*Ежемесячник Плоского мира*)

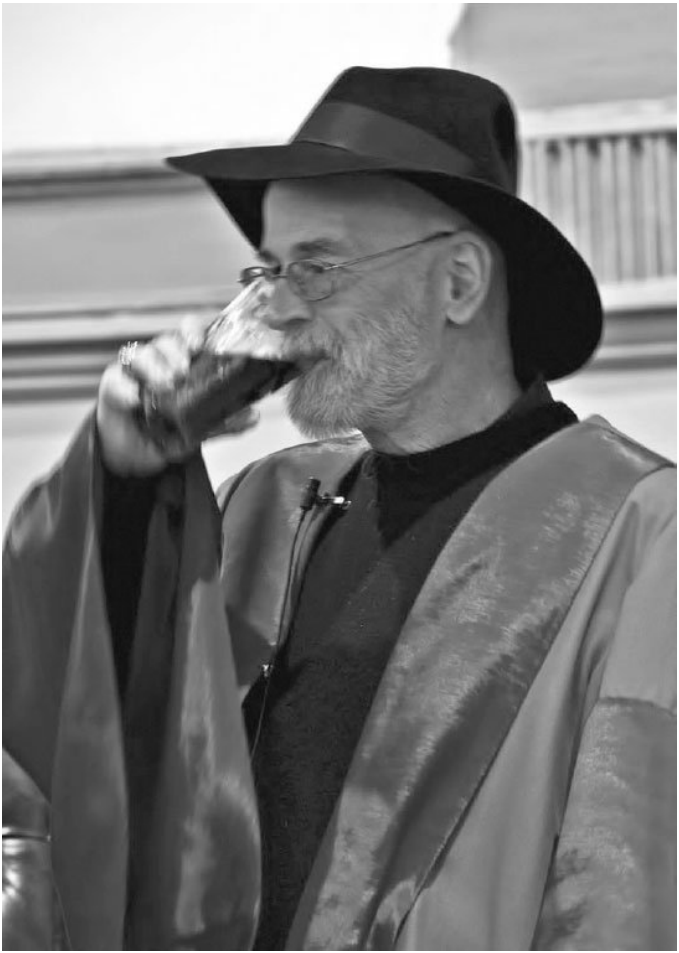


Терри на Эмпорииуме Плоского мира с Бернардом Пирсоном, на которого он смотрит. Апрель 2006 год. (*Ежемесячник Плоского мира*)



Картина, созданная Джошем Кирби для видеоигры о Плоском мире. (*Собственность Джоша Кирби*)

На сцене, на конвенте Плоского мира в 2008 году, в Бирмингеме, вскоре после того, как у Терри диагностировали болезнь Альцгеймера. (*Йен Олдройд*)



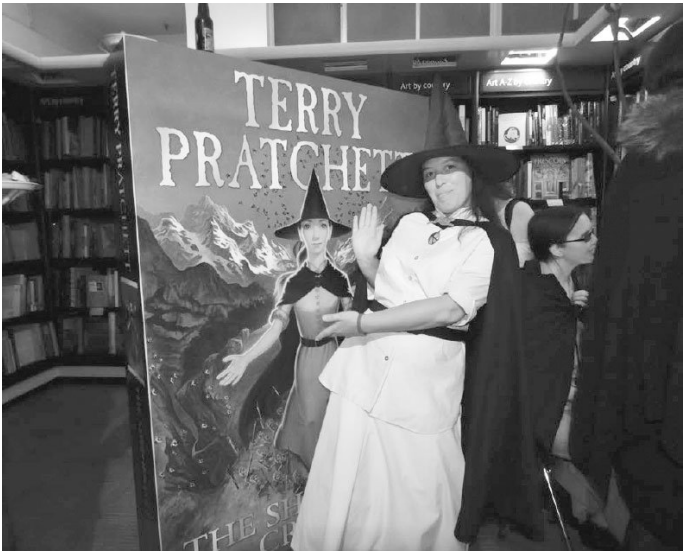
Терри наслаждается «Гинессом» после получения почетной степени в Тринити-колледже в Дублине. (2008 год) (*Патрик Тейнер, «Викимедиа коммонс»*)

На конвенте Плоского мира в 2010 году, во время праздничного обеда в Бирмингеме. (*Йен Олдройд*)

Терри с поклонницей на конвенте Плоского мира в 2010 году. (*Йен Олдройд*)

Команда Терри на торжественном обеде, на Конвенте Плоского мира в 2010 году. Слева направо: Терри, профессор Йен Стюарт (соавтор «Науки Плоского мира»), Стивен Бакстер (соавтор «Бесконечной Земли»), Колин Смайт, профессор Джек Коэн (другой соавтор «Науки Плоского мира»). (*Йен Олдройд*)

Терри произносит речь после спектакля Maškaráda čili — «Призрака оперы», адаптация «Маскарада», Прага, март 2011 года. (*«Викимедиа коммонс»*)



Полуночная презентация «Короны пастуха» в «Уотерстоун» на Пиккадилли, Лондон, представляющая «Ежемесячник Плоского мира» и Рейчел Энтони-Роуландс в костюме Тиффани Болен. Август 2015 года. (*«Ежемесячник Плоского мира»*)

Chelonian Mobile
Diacworld Knight
Barons' Charter

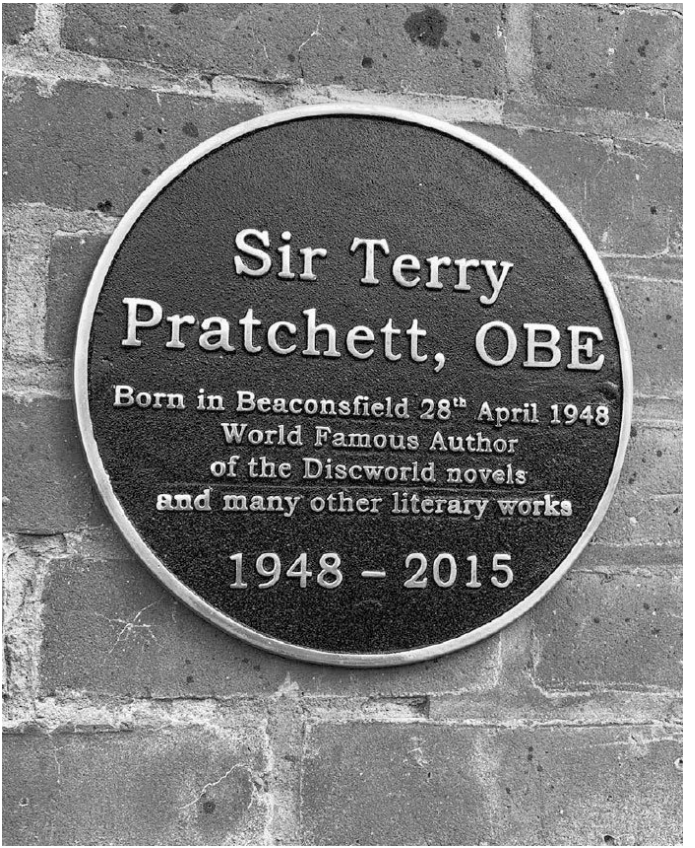
Рыцарь, изображающий Терри, созданный Полом Кидби как часть проекта Хартия Барона, выставленный в Солсбери, Англия, как часть празднования 800-летия Великой хартии вольности. (*Ричард Авери, «Викимедиа коммонс»*)

Рианна Пратчетт, обсуждает вместе с коллегами ее работу над «Восстанием Расхитительницы гробниц» на конференции разработчиков игр, март 2016 года. (*Официальная КРИ*)

Роб Уилкинс и Пол Кидби отвечают на вопросы на Историческом фестивале долины Чок, июнь 2016 год. (*«Ежемесячник Плоского мира»*)

Роб Уилкинс с Рейчел и Джейсоном Ринсвиндом Энтони-Роуландс из «Ежемесячника Плоского мира» на Историческом фестивале долины Чок. (*awdphotography.co.uk*)

«Ежемесячник Плоского мира», Джейсон Ринсвинд Энтони-Роуландс со Стивеном Бриггсом на конвенте Плоского мира в 2016 года в Бирмингеме. (*Лен Брук*)



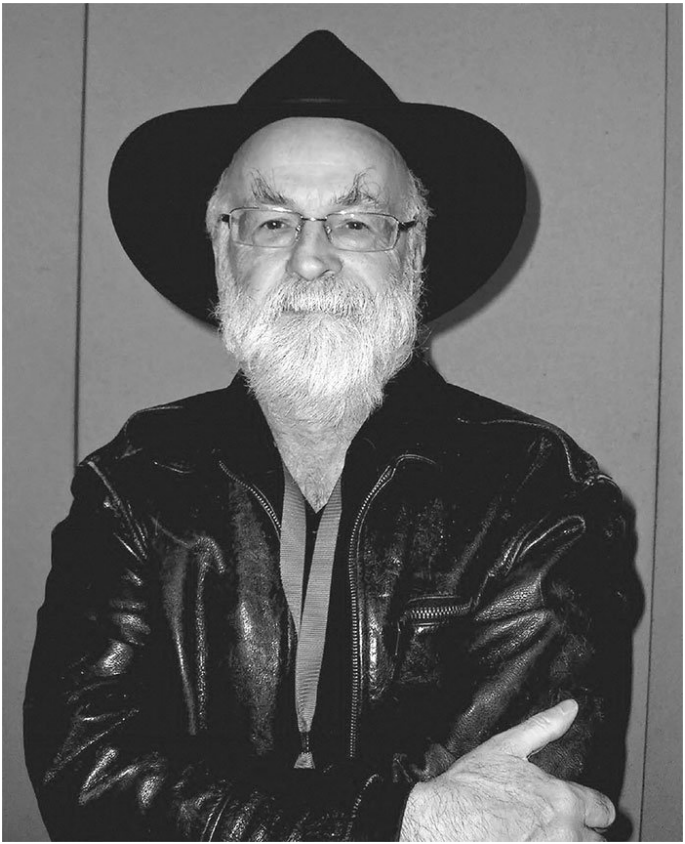
Мемориальная доска, установленная на стене библиотеки Беконсфилда, где в юности Терри

работал по субботам. (*фотография сделана автором*)

Библиотекарь в костюме, сделанном Лиззи Малхолл, на представлении «Стража! Стража!», производство «Монстрос продакшнс», постановка Эми Дэвис. (*Фотография Крейга Харпера, предоставленная Ником Данном*)

Нил Гейман и актерский состав телевизионного сериала «Благие знамения» (Миранда Ричардсон, Майкл Шин, Дэвид Теннант, Джон Хэмм и режиссер Дуглас Маккиннон) обсуждают шоу на Комикконе в Нью-Йорке, октябрь 2018 год. (*Рододендрон, «Викимедиа коммонс»*)

Актерский состав и команда телевизионного сериала «Благие знамения» на премьере в Лондоне, 2019 год. (*«Ежемесячник Плоского мира»*)



Терри Пратчетт на второй день Комиккона 2012 года, 12 октября 2012 года, в Конференц-центре

имени Джейкоба Джейвитса, на Манхэттене. (*Луиджи Нови, «Викимедиа коммонс»*)